

Филипп Бобков

Последние двадцать лет

***Записки
начальника политической
контрразведки***

Москва
«Русское слово»
2006

ББК 67.401.212

Б 72

*Издание
осуществлено при участии
Русского биографического института*

Бобков Ф.Д.

Б 72   Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. — М: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. — 320 с: ил.

ISBN 5-94853-649-1

Книгу можно назвать сенсационной. Ф.Д. Бобков — известный чекист; работал с Ю.В. Андроповым, был начальником 5-го Управления КГБ СССР и первым заместителем председателя КГБ СССР, он генерал армии в отставке. Будучи одним из высших должностных лиц, защищавших советский государственный строй, Ф.Д. Бобков в своей книге дает ключ к исторической загадке XX века, которая заключена в великой и трагической судьбе СССР и России.

ББК 67.401.212

ISBN 5-94853-649-1

© ООО «ТИД «Русское слово - РС», 2006
Все права защищены

Главный секрет Филиппа Бобкова

Вместо предисловия

Несколько лет назад Филипп Денисович и я приехали в наш родной город Макеевку (в Донбассе). Бобков в этом шахтерско-металлургическом городе вырос, а я здесь увидел свет. Поэтому наше путешествие в чем-то перекликалось с настроением известного фильма «Зеркало для героя», поставленного по моей одноименной повести, где герои перемещаются в прошлое.

На короткое время мы действительно погрузились в прошлое. Возле старого четырехэтажного дома, напротив окна квартиры на первом этаже, где жил с родительской семьей юный Филипп, я сфотографировал своего спутника. За этим окном была комната, сейчас там жили незнакомые люди, а той довоенной Макеевки, некогда горевшей огнями сталинской индустриализации, не было.

Но на отпечатанной фотокарточке за плечом глядящего на меня Бобкова я вдруг увидел существо, которое назвал «духом прошлого времени». Рядом с белой занавеской, с краю темного широкого трехстворчатого окна, в котором отражались тополь и яркая фотовспышка, сидел черный кот. Его глаза чуть светились.

Какое отношение имеет этот кот к содержанию книги?

Самое прямое.

Именно в Макеевке Бобков получил три из четырех главных житейских уроков.

Первый — модернизация всего общества и, в частности, экономики.

Второй — угроза ареста отца в 1937 году.

Третий — товарищество и интернационализм школы, в которой он учился.

Четвертым уроком была война, на которую пошел Бобков семнадцатилетним (!) добровольцем.

Изнаненный, потерявший во время войны всю семью, в 1945 году Бобков был направлен на учебу в школу военной контрразведки (СМЕРШ). Начав карьеру с низшей должности младшего оперуполномоченного, он завершил ее в звании генерала армии и должности первого заместителя председателя КГБ СССР.

Бобков был солдатом «холодной войны», а война — дело жестокое. Никого из солдат нельзя назвать ангелом. Но и судить о них надо по законам того времени.

Бобков был одним из ближайших сотрудников Ю.В. Андропова и сторонником реформирования Советского Союза, как мы говорим сегодня, «по китайскому пути», то есть постепенным реформированием.

Этот путь оказался невозможен, но его историческая основа не исчезла и активно влияет на современную жизнь.

Поэтому основной вопрос этой книги — попытка разгадать главную историческую загадку XX века, заключенную в великой и трагической судьбе СССР и России. Бобков разгадывает ее, анализируя взаимоотношения ЦК КПСС и КГБ.

Не поняв, что произошло с ними тогда, мы снова проиграем.

Вспоминаю слова Черчилля о конце Российской империи, когда она, будучи в шаге от победы, «пала, пожираемая червями».

Раскол в имперской верхушке, раскол советских кланов и раскол в нынешней элите подсказывает, что заметки Бобкова надо читать более серьезно, чем просто мемуары.

В январе 1991 года он добровольно ушел в отставку, поняв, что «андроповский вариант» не состоялся, и не находя себе места ни в рядах либеральных демократов, ни в рядах коммунистических ортодоксов.

Вот такие мысли приходят, когда я смотрю на его фотографию на фоне темного широкого окна и вспоминаю поездку в родную Атлантиду в Донбассе.

Святослав Рыбас

От автора

В 1996 году после четырехлетней непростой работы (это был мой первый в жизни литературный опыт) вышла в свет книга «КГБ и власть». Завершил ее главой «Взгляд в будущее». Повторять сказанное в ней не стану, но думы о будущем государства Российского после распада великой державы меня, как многих, не покидали и не покидают. Они выражаются в поисках ответов на два основных вопроса: причины гибели Советского государства и пути становления новой России.

Этим вопросам я посвятил несколько публикаций в периодической печати, была задумана и книга на эти темы. Может быть, она и получится, если жизнь отведет для этого время. Но до завершения такой работы решаюсь на издание сборника своих публикаций, не претендующих на научный анализ, а являющихся сугубо личными суждениями автора.

Одна из глав этого сборника — последняя глава книги «КГБ и власть» — с непринципиальной корректировкой. Мне показалось, что сказанное десять лет назад не покрылось плесенью и сегодня.

Хочу обратить внимание читателя и на очерк, посвященный глобальному капитализму. Его автором являюсь не только я. Он продукт авторского коллектива, опубликовавшего в 2003 году книгу «Современный глобальный капитализм». Состав коллектива: Ф.Д. Бобков, Евгений Федорович Иванов, Александр Львович Свечников и Сергей Петрович Чаплинский.

Мне кажется, понимание современной жизни без определения того, в какой формации развития живет человечество, невозможно. Каждая из формаций — стадия развития человеческого общества. Оно (развитие) не замирает. Высший уровень капитализма — империализм. Но это начало XX века. В конце прошлого века, особенно после ухода с европейской сцены социалистической системы, глобализм как постимпериалистическая стадия развития человеческого общества раскрылся воочию. Мир живет в условиях новой (или очередной) стадии развития капитализма.

Но это не значит, что социализм ушел со сцены. Ее покинули лишь первопроходцы на пути строительства первого в мире социалистического государства, создатели социалистического общества.

У первопроходцев всегда были и будут последователи.

Сразу скажу, что сборник есть сборник. Его публикации не связаны единой фабулой. Плохо это или сносно, оценит читатель.

Автор благодарит Владимира Георгиевича Лунева, Людмилу Николаевну Люстровую, Святослава Юрьевича Рыбаса, Владимира Сергеевича Глаголева за помощь в подготовке и издании книги.

Ф.Д. Бобков

Площадь Дзержинского и Старая площадь

Автор. Прежде всего представляюсь: Бобков Филипп Денисович. Родился 1 декабря 1925 года на Украине, в Кировоградской области. Детство и школьные годы прошли в Донбассе. В 1941-м Донбасс оккупировали немцы, и я оказался в Кузбассе. Там работал на заводе, затем в комсомоле. В 42-м году ушел добровольцем на фронт. Воевал в сибирских добровольческих частях. 18 лет исполнилось в госпитале, после второго ранения. Закончил войну в 1945 году. Два ранения и несколько боевых наград (орден Славы, две медали «За отвагу»).

После окончания войны направлен на работу в органы госбезопасности. В июне 1945 года прибыл в Ленинград, в школу контрразведки СМЕРШ. После ее окончания работа в Ленинграде, а затем — Москва. В 1991 году с должности первого заместителя председателя КГБ СССР Указом Президента СССР переведен в группу военных советников-инспекторов Генштаба Министерства обороны.

Волею судьбы и моих начальников жизнь прошла в органах контрразведки, на различных ее направлениях. С 1961 года 7 лет был заместителем начальника 2-го Главного Управления КГБ СССР. После создания 5-го Управления, по предложению Юрия Владимировича Андропова, назначен сначала первым заместителем начальника этого управления, а в 1969 году — начальником. Расстался с управлением в 1983 году в связи с назначением заместителем председателя КГБ СССР.

Естественно, что служба на этих направлениях позволяла чувствовать как внутреннюю жизнь страны, так и давление, которое оказывалось на нее извне.

Так случилось, что проблема «холодной войны» (тема эта станет главным предметом нашей беседы) постоянно сопровождала меня. Строго говоря, я участвовал в двух войнах — Великой Отечественной и в «холодной». Анализируя период «холодной вой-

ны», следует исходить из того, что «холодная война» не была только войной спецслужб, ее изначально вели государства. Причины и корни уходят в противостояние двух систем — капиталистической и социалистической. По сути своей «холодная война», которая велась против СССР, являлась войной с коммунизмом, а затем уже с государственным строем. Но это взгляд вчерашний. Ныне видны подлинные цели «холодной войны». Они состояли и состоят в том, что борьба с коммунизмом, с советским строем позволяла скрывать главное — разрушить СССР как великую державу. По сути, продолжалась борьба против Российской империи. Запад (Антанта) не добился ее гибели в 1917 году. Тогда большевикам удалось восстановить Российское государство почти в прежних границах. Восстановить раздробленное после февраля 1917 года.

Если говорить о содержании «холодной войны», то со стороны Советского Союза, стран социалистического содружества война носила все-таки в большей мере оборонительный характер. Хотя иной раз и звучали призывы известных лидеров «закопать капитализм», но все-таки не они определяли практические меры в противодействии Западу. Задача советской стороны состояла в сохранении социализма на той площадке, с которой можно было стартовать в желаемое будущее. Это и определяло то, что «холодная война» носила наступательный характер, если брать Запад, и оборонительный, пусть активной обороны, со стороны СССР. Никто не может упрекнуть Советский Союз и его спецслужбы в стремлении изменить строй, например, Великобритании. Почему говорю об Англии? Потому, что призыв к «холодной войне» впервые прозвучал из уст Уинстона Черчилля, он раньше других бросил клич в Фултоне. Именно там он откровенно сказал о том, что ему не по пути с бывшими союзниками, о невозможности сосуществовать со странами социалистической ориентации.

И еще одно обстоятельство, связанное с туманным Альбионом. Первый серьезный документ (во всяком случае, известный нам), который формулировал цели «холодной войны», причем нескрывая откровенно: ликвидация или модернизация, — как кто произносил, — того режима, который существовал в Советском Союзе, то есть изменение государственного строя в нашей стране. Документ получен в свое время советской разведкой, его

кодовое название «Лиоте». Разработан спецслужбами в 50-х годах. Не стану излагать содержание этого плана. Оно, собственно, таится в самом наименовании. Лиоте — командующий французскими войсками во время войны в Алжире в давние годы. Генерал натерпелся от палящего солнца Алжира и приказал вдоль дорог высадить деревья, чтобы иметь хоть какую-то прохладу или тень. На удивленные замечания, к чему это генералу, так как деревья дадут тень лет через 50, Лиоте заметил, что через 50 лет придут другие и в лесной прохладе будут вспоминать о нем. Иначе говоря, план «Лиоте» предусматривал далекую перспективу — подорвать строй, рожденный коммунистической идеологией. Строй, с которым Черчилль не устал бороться, начиная с Октября 1917 года. В отличие от англичан, мы подобных планов применительно к Великобритании не разрабатывали. Естественно, что такого рода планы не могли не вызывать ответной реакции.

Стоит вспомнить поведение союзников сразу в послевоенный период, когда действовало подполье на Западной Украине, в Прибалтике. Не будем говорить о характере подполья, — но это происходило на территории Советского Союза. В подполье засылалась агентура, направлялись инструкторы, передавалось оружие, снаряжение, деньги. Делалось это английской и американской спецслужбами. Известно об этом не по слухам. Мы не единожды выводили агентуру по проложенным названными разведками каналам на Запад. Советские агенты вступали в контакт с теми, кто оказывал помощь подполью. Картину хорошо знали. Участие западных спецслужб в разрушении советской власти на территориях, входящих в состав Советского Союза, носило откровенно подрывной характер. Длилось это добрый десяток лет после окончания войны, чуть ли не до середины 50-х годов.

К этому же времени относится заявление Джона Фостера Даллеса, тогдашнего руководителя американской разведки. Оно сводилось к тому, что спецслужбы США потратили слишком много средств на создание оружия и агентурного аппарата, направленного на борьбу с коммунистическим режимом. А вы знаете, что в то время, — и об этом сейчас достаточно много опубликовано материалов, — вынашивались намерения откровенного военного вмешательства. До того как Советский Союз испытал атомную бомбу, расчет был на атомное оружие. Основательно просчитывалось, сколько бомб и на какие города бросать, какие

цели поражать. Понятно, что, зная эти планы, имея данные о подобных замыслах, нельзя было не готовить ответные меры. Но это военная сторона дела, вернемся к заявлению Даллеса. Высказавшись о непомерных затратах на военные приготовления, он указал, что мало средств вливалось в сферу идеологии. И отсюда, по существу, родился термин «психологическая война», позже названная «холодной».

Начали создаваться специальные структуры в НАТО, в его координационных центрах, подразделения по организации психологической войны, широкая сеть целенаправленных радиостанций. Был создан Комитет радио «Свобода». Деятельность его шла по двум направлениям: с одной стороны, радиопрограммы, с другой — по существу, агентурная работа по проникновению в социалистические страны. Нелишне отметить, что в программе комитета значилось, что задачей его *являлось* не только пропагандировать, но — добиваться конструктивных изменений в стране. Это был один из серьезных центров идеологической диверсии. Именно диверсии, а не пропаганды. Так осуществлялся переход к массовой «холодной войне».

По ее виткам можно видеть, как все развивалось. Серьезные усилия предпринимались не только по линии разведок, но и по линии государственных структур. Вспоминаются в этой связи первые такие нажимы общеидеологического, что ли, политического плана сразу после смерти Сталина, когда начали пробовать, насколько устойчива советская власть. На память приходит выступление Эйзенхауэра (лето 1953 года), где довольно подробно и нескрываясь говорилось о необходимости изменения строя в Советском Союзе. Кстати говоря, это выступление в то время печаталось в советских газетах. Пожалуй, впервые идеологический противник получил широкую трибуну. Однако продолжим тему.

В те годы возродился и вновь возник ряд антисоветских центров. Получили новое дыхание НТС, националистические центры различных оттенков. К середине 60-х годов «холодная война» достигла серьезного накала и велась со стороны Запада достаточно откровенно в двух плоскостях. Это легальный путь — радио, рассылка подрывной литературы, обработка людей за границей, склонение их к невозвращению в СССР. И нелегальная работа. И когда говорили, что американские центры, различные институты занимались проблемами «холодной войны» не в целях подрыва

ва государственного строя, то этим прикрывалось второе направление этой «войны», которое осуществлялось нелегальными средствами. Засылались в страну эмиссары, устанавливались контакты с людьми, готовыми выступить против строя, их поддерживали морально и материально. И это действительно велась война, потому что шел активный поиск союзников на территории страны, в нашем обществе создавались и поддерживались ячейки, которые можно было бы включить в подрывную работу. В НТС они именовались «очагами сопротивления».

Можно привести немало документов, раскрывающих эту деятельность, ее цели и задачи, но думаю, что их вполне достаточно обнародовано. В откровенности инструкциям подобного рода, в частности, американской разведки не откажешь. Поэтому когда говорят, что со стороны Запада была только моральная поддержка, — это далеко не так. Шла борьба, шла война самая настоящая, и органы КГБ в ней участвовали в негласной сфере.

Собеседник. Напрашивается вопрос. А мы, со своей стороны, какую-то аналогичную деятельность развертывали?

Автор. В оборонительном плане — да. Но действий подстрекательского характера не осуществляли. В Ольстер агентуру не засылали. Подстрекательских законов не принимали. А вот в 1959 году в США был принят закон о поработанных нациях, он, кстати говоря, не отменен до сих пор. Не знаю, кто сейчас поработен. Но и сегодня, как известно, поощряется расчленение на национальные зоны уже Российской Федерации, поджигается Северный Кавказ. В целом еще раз хочу подчеркнуть, что проводилась организованная линия, рассчитанная на то, чтобы подорвать строй, сломить великую державу. А поправка Джексона-Вэника? Она тоже не отменена, хотя проблемы еврейской эмиграции давно не существует. И нет государства, которое ей якобы препятствовало.

Значит, это — долгоиграющая вещь. А сколько было обещаний того, что, мол, вы сделаете, а мы это отменим, сделали — не отменяют. Поэтому все шло достаточно целенаправленно на то, чтобы найти силу, найти здесь поддержку, которая могла бы вызывать дестабилизацию в стране и обществе.

Возьмите и такой момент. Где-то уже в 60-е годы мы столкнулись с новыми явлениями в нашем обществе. Вполне закономерными. После смерти Сталина общая атмосфера позволяла актив-

нее проявлять себя оппозиционным силам. К сожалению, не только оппозиционным. Создались некие условия, когда можно было рассчитывать на то, что поддержка их могла в перспективе способствовать разрушению советского строя, если не государства. В частности, одна из таких программ разработана на Западе. Именовалась она «Программа демократического движения в СССР» и не служила консолидации общества.

Это была попытка создать базу для сплочения сил, способных выступать против строя изнутри. Тех, кто проявил себя, поддерживали весьма серьезно. И когда сейчас говорят, что не было никаких подрывных целей, то это далеко не так. Мне и сегодня видится в этом вмешательство во внутренние дела бывшего СССР.

Это в начале 70-х годов. Демплатформа 80-х годов родилась потом. Были еще «Тактические основы демократического движения». Там тоже речь шла о создании полуподпольного объединения, которое бы выступало против существующего строя. Аналогичная вещь и в союзных республиках, когда подогревались националистические проявления. Дело не ограничивалось призывами. Речь шла о сплочении сил, которые боролись со строем, шла организационная работа.

В этой связи, отвечая на обвинения, в том числе и органов безопасности, что боролись с диссидентами, нельзя не заметить — понятие «диссиденты» довольно сложное. С кем боролись органы безопасности? С подпольем, с теми, кто нарушал закон, создавал структуры для борьбы с существующим строем. Диссидентами как таковыми, то есть инакомыслящими, практически не занимались. Они становились объектами изучения органов госбезопасности только тогда, когда соприкасались с нелегальной деятельностью. Усилия органов безопасности были направлены на предотвращение нелегальной деятельности, и не на что иное.

В данном случае хочется указать не на то, как и с кем боролись, а на то, что Западом это поощрялось, как тот внутренний резерв, который способен подрывать основы строя, существовавшего в Советском Союзе. Поощрялось достаточно активно, целенаправленно, о чем свидетельствуют и документы, и практика. По многим каналам подстрекалось недоверие различных слоев населения к режиму, к советскому строю.

В одном из документов государственного департамента США, например, рекомендовалось соответствующим службам устанав-

ливать связи и влиять на тех, кто причастен к формированию общественного мнения, выделялась среда творческой интеллигенции, студенчества. Позднее она расширялась.

Немало усилий предпринималось в целях создания конфликтных ситуаций на межнациональной основе, к разжиганию националистических настроений. И конечно, церковь. Ее стремились брать в союзники, поскольку церковь, как известно, пережила сложные периоды в советское время. Я говорю «церковь» в широком смысле, это не только церковь ортодоксальная, но это и различные сектантские объединения. Им отводилась иная роль, главным образом потому, что их руководящие центры находились за пределами СССР. По понятным причинам это облегчало сохранение таких конфессий в состоянии по меньшей мере недоверия к советскому строю. Среди них серьезную поддержку имела секта свидетелей Иеговы, нелегально действовавшая на территории СССР и внушавшая верующим недоверие и даже вражду к советскому строю. Показательно, что когда в середине 60-х годов встал вопрос о легализации этой секты, о ее регистрации, то, несмотря на согласие ее пастырей, Бруклинский центр выступил категорически против. Так поощрялось подполье, цели которого объяснять еще раз смысла нет.

Но продолжу ответ на ваш вопрос. Как мы отвечали. Традиционно принято ссылаться на деятельность коммунистических партий. Уверен, что на той стадии, которая именуется «послевоенным временем», никаких действий со стороны КПСС и Советского государства, направленных на свержение строя в том или ином государстве с помощью коммунистических сил, не предпринималось. И задач таких не ставилось. Возникали ситуации, когда действительно прокоммунистические силы оказывались у власти, но они вовсе не «кормились» из Советского Союза и не подталкивались к захвату власти. Та же Куба. Когда Фидель Кастро пришел к власти, он не был коммунистом. Да и другие не были. То есть советская сторона не может себя упрекнуть в том, что в сфере коммунистического движения велась работа, направленная на захват власти и тем более на создание такого подполья, которое бы обеспечивалось техникой, оружием и всем прочим, чтобы свергать строй в том или ином государстве.

На нас же шла сила, организованная именно в целях свержения строя. А по существу, против России, величие которой воплотилось в Советском Союзе. Об этом уже шла речь.

Но хочу совершенно определенно сказать, что Советский Союз не вел подрывную работу ни в одном государстве, будь то Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, даже ФРГ, не беря другие страны, направленную на свержение государственного строя.

Собеседник. Хотя это была наша официальная идеология.

Автор. Наша официальная идеология — победа коммунизма во всем мире. Но победа коммунизма вовсе не предусматривала создание нелегальных структур, их вооружение, оснащения иного рода. Да, вели разведывательную работу. Но ни перед одним агентом не ставилась задача свержения или подрыва строя. Разведывательная информация — другое дело. Если брать агентуру, которая разоблачалась нами, на нашей территории, наших, так сказать, будущих партнеров, то перед ней ставились задачи именно подрыва строя, создания ячеек, групп сопротивления, как это именовал НТС.

Поэтому «холодная война» потому и война, и, как всякая война, велась на поражение противника. Это проходит через все теперь уже достаточно известные документы. Господин Бжезинский обнародовали приз, который завоевали США в «холодной войне».

Поэтому повторяю, причем совершенно определенно, без желания искать какие-то оправдания, что участие, которое было со стороны Советского Союза в «холодной войне», носило исключительно оборонительный характер. И если прибегали к наступательным акциям, то только в целях обороны или для того, чтобы знать о готовящихся угрозах. Для этого внедрялись в спецслужбы, в националистические и иные центры. Внедрялись в НТС, в разведывательные органы, в подразделения «психологической войны», существовавшие в НАТО. Выясняли деятельность политического сектора посольства Соединенных Штатов в СССР. Его сотрудники чаще других появлялись в той среде, которая рекрутировала противников социалистического строя. Мы это видели и, естественно, на это отвечали.

Собеседник. Филипп Денисович, вот такой интересный вопрос. Вы солдат, вы полвека в строю. Понятно, что, как настоящий солдат, вы не обсуждали приказы, вы их выполняли. Но сейчас мы оглядываемся назад, и я хотел бы знать ваше мнение с высоты вашего жизненного и профессионального опыта, как вы сами-то считаете, насколько жизнеспособным, насколько способным к развитиям был тот советский строй, в котором мы прожили, и, в частности, в сравнении с тем строем, с которым шло это противоборство?

Автор. Тут вы выходите к тому вопросу, который я оставлял на потом.

Сейчас об органах госбезопасности. Считаю, то, что делалось по линии органов безопасности, — говорю прежде всего о сфере, которая была мне ближе, — не было ошибочным. Даже переоценивая все прошлое. Наверное, что-то делалось не так чисто практически, но по целям, по смыслу работы не подвергаю сомнениям то, что делали. Это нельзя рассматривать как оправдание репрессий, все прочее. Не об этом речь. Говорю о действиях по защите конституционного строя.

В чем серьезно проигрывали? В отсутствии единого центра, штаба ведения «холодной войны», единого аналитического центра, способного объективно оценивать информацию и вырабатывать рекомендации. К сожалению, существовала и недооценка реальных опасностей. Это касается прежде всего высших эшелонов власти. Это вело к разрозненности действий, к отсутствию единства и понимания целей ведения войны.

Собеседник. Ведомственного единства?

Автор. Скорее общеведомственного единства. Много делалось враспырь. Был Центральный Комитет партии, который казался заглавным в нашем понимании. Но, к сожалению, и в самом Центральном Комитете был отдел Международный, был отдел Административный, были и другие отделы, но не было единства даже между ними. Могло не быть единства в методах и действиях, в понимании конкретной ситуации, но самое печальное, не было единства в идеологии. Такое положение вытекало из того, видимо, что была святая вера в нашу непобедимость.

Это прямое следствие догматизма.

Собеседник. Значит, даже чисто бюрократически эта система была очень несовершенна, ее КПД был существенно ниже, чем у людей, которым вам пришлось противостоять.

Автор. Безусловно, после Сталина в стране не стало, по существу, центра, который бы управлял. Это не значит, что должен быть диктатор, нет. Но хорошо, если бы информация, стекавшаяся по всем каналам, серьезно анализировалось и на базе анализа вырабатывалась политика и линия. А у нас анализ делал тот, кто первый прибегал к Генеральному секретарю. Поэтому многие делали одну и ту же работу, но каждый по-своему.

Идеологически топтались на месте. Хорошо, раскритиковали Сталина, раскритиковали систему, а взамен-то ничего не дали. Позволю некоторую вольность. Посмотрите, какие у нас были открытия в идеологическом плане после Сталина. Во время Никиты Сергеевича идеологией занимался Петр Нилович Демишев, да?

Собеседник. Да, Демичев. Хотя, по-моему, он и позже был, Суслов вообще занимался всю жизнь.

Автор. Какой был теоретический вывод? Теория развитого социализма (почему развитого, а не развитого, никто объяснить не мог). Затем — «экономика должна быть экономной». Следующее: «труд — дело трудное». Это краеугольные камни. На последнем этапе «теория нового мышления» (почему-то опять не мышления). Вот и весь идеологический арсенал.

Был Андропов, который поставил вопрос: «В каком обществе мы живем?» Может быть, если бы ответили на этот вопрос, могли бы что-то изменить и зажить по-другому. Но на него не ответили. Из марксистской философии надо было делать практические выводы. Развивать теорию применительно ко времени.

Возьмите те же Соединенные Штаты. И там действует координационный центр. Он вырабатывает единую линию и соответствующие рекомендации.

Но возьмите Международный отдел ЦК КПСС. Он ведь тоже в этой сфере работал. А что, он сотрудничал всерьез с КГБ или с ГРУ? Нет, такого не было даже с внешнеполитическими ведомствами.

Это был очень серьезный изъян. Также и внутри страны. Как начальник 5-го Управления чувствовал это, может быть, острее, чем кто-либо, потому что видел: подход на местах к проблемам, в решении которых участвовало 5-е Управление (в Москве, в Киеве, в Ташкенте), — совершенно разный. Найти общую линию не всегда удавалось. По линии безопасности — да. Но поскольку вся безопасность шла под контролем партийных органов, то трудностей хватало в избытке. Местные руководители опасались раскрывать положение в регионах. Легче было утверждать, что в стране все в порядке, никаких проблем нет. И это, конечно, серьезно сказывалось в том числе и на работе органов безопасности. Так утрачивалась объективность в оценке положения. Это одна сторона дела.

Вторая, которая очень созвучна с первой, это то, что за все время после войны никто всерьез не занялся проблемой, как дальше жить и существовать государству с точки зрения прежде всего его экономической основы. Когда говорят о тяжелых периодах нашей истории (хочу, чтобы меня правильно поняли, не хочу оправдывать никаких репрессий, это оставляю за скобками, это другая тема), то нельзя не смотреть, в каких условиях развивался Советский Союз. Приход к власти большевиков, Гражданская война. Кстати, не большевики ее начинали.

Приведу один документ.

В июле 1919 года на сделанный в английском парламенте запрос военный министр Черчилль дал следующее разъяснение: «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина... Я отвечаю парламенту с полной откровенностью. Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом постыдном договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего.

...Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду.

...Таким образом, Восточный фронт нами был восстановлен не на Висле, а там, где германцы искали продовольствие. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия принудить восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по-нашему наущению» (Times. 1919. 30 июля).

Что надо было для того, чтобы выстоять в Гражданской войне? Хочу говорить об экономике. Конечно, надо было распоряжаться экономикой, распоряжаться, принуждая ее, даже силой. Иначе — не выжить. Ну, хорошо, пережили Гражданскую войну. Начали что-то творить. Но ведь передышки, по существу, не имели. Много можно говорить, что НЭП прекратили рано. Да, наверное, рано, а куда было деваться, ведь надо было создать какую-то мощь, которая могла бы противостоять военной угрозе. И, конечно, тут наступали, по Маяковскому, «на горло собственной песне», лишь бы только создать оборонные мощности. Создали. Война. У нас просто не было времени думать над тем, как еще можно развиваться. Потому что, если бы растягивали хоть какую-то передышку, обязательно оказывались бы под ударом. Худо-бедно выдержали. Сейчас можно говорить, что плохо воевали, но все-таки победили. Послевоенный период. Разоренное государство. Или идти, грубо говоря, в кабалу, или попытаться самим встать на ноги. Попытаться. И в общем-то не так уж плохо встали. Далее наступал период, когда необходимо было развиваться на вновь созданной экономической основе. Тем более получили многолетнюю передышку.

О Сталине не принято говорить в положительном ключе, но хочу сказать, что «Экономические проблемы социализма в СССР» зря не читают сегодня. В этой работе Сталин писал об объективных экономических законах социализма, то есть о том, что не все у нас гладко в эко-

номике. А вместо того чтобы дальше задуматься над этим, в ходе критики культа Сталина, совершенно справедливой, выплеснули и ребенка.

Во времена Никиты Сергеевича Хрущева все было вроде очень хорошо. Но посмотрите. Остатки какие-то, мелкие остатки частнособственнического дела — ликвидированы. Даже колхозам предпочитали совхозы, то есть государственное хозяйство. Разве это было разумно? Нет. Хотя прогрессивное мышление Хрущева, утверждение законности в стране, его авторитет позволяли таких вещей не делать. А отбросили страну очень далеко. Хотя имели возможность спокойно подумать, куда и как двигаться дальше.

Затем были реформы Косыгина. Пусть половинчатые, но тем не менее заботились о будущем, думали над тем, что же делать. К сожалению, это не поощрялось. Думается, что беда, с которой пришли к концу 1970-х годов, состояла в том, что как «завели этот мотор» один раз, то решили, что он вечен. А вечных двигателей, как известно, не бывает.

Какие мощности накопил только ВПК, в том числе мозговые! Их бы в сферу народного хозяйства. И думаю, что строй выжил бы. Он стал бы иным, была бы допущена и частная собственность, но социализм сохранен.

Если строго говорить, возвращаясь к марксизму и к Ленину, то изначально в марксизме, и в ленинизме тем более, речь шла о ликвидации частной собственности на производство средств производства. А в ходе всех извращений дело распространилось вплоть до личной собственности. Ликвидировали промысловую кооперацию, ликвидировали все. Зачем забрали скот у частника, приусадебные участки у колхозника? Мы бы по-другому жили. Но к сожалению, это все теперь воспоминание.

Но просчет в экономической структуре прежде всего сказался на гибели государства.

Собеседник. Может быть, и стимула-то у нас не было для какой-то серьезной перестройки экономики.

Автор. Стимул сразу бы появился, если бы была изменена политика в экономике. Почему не было стимула? Потому что всех посадили на зарплату. Человек перестал быть заинтересован в труде. Ведь какая сила была — младшие научные сотрудники. А если бы этот потенциал раскручивать и поощрять, то, наверное, они бы по-другому себя вели. А ведь расшатывать строй младший научный сотрудник старался очень, потому что он нищим был.

Не задумывались над будущим. Все исходило из того, что то, что дано, будет существовать вечно.

Собеседник. Получается, что вы все-таки разделяете такую достаточно широко распространенную точку зрения, что серьезные реформы надо было начинать не в середине 80-х, а лет на 20—30 раньше.

Автор. Безусловно. Если бы Хрущев, придя на первую роль, не повел бы себя как законодатель во всех областях. И если бы он не отверг того, что было накоплено при Сталине, имею в виду экономическую сферу, подумал бы, как разумно этим распорядиться, то многое могло быть по-другому. А он начал мстить Сталину. Вновь решил строить агрогорода, разрушал основы организации сельского хозяйства.

И не было терпимости к другому мнению. Булганин готовил вопрос к Пленуму, связанный с экономической программой, научно-техническим прогрессом. Его так и не рассмотрели. Такая же судьба постигла Косыгина с его взглядами на перестройку. Если хотя бы с приходом Брежнева начали серьезно думать над тем, как развиваться дальше, и не только думать, но и практически что-то делать, то можно было сделать многое совершенно по-другому.

Мне пришлось долгие годы работать с Андроповым. С неизменным уважением отношусь к этому человеку. Почему Андропов поставил вопрос: «В каком обществе мы живем? Что мы должны делать дальше?» Думаю, что, если бы он задержался в этой жизни, может быть определились, хотя бы наметили то, куда двигаться, на какой основе развиваться.

Приход к руководству Михаила Сергеевича Горбачева совпал с тяжелым периодом. Но уверен, если бы он больше уделил внимания проблемам внутренней жизни страны, может быть, тоже что-то могло получиться. Но он ушел в сферу внешней политики очень активно, а внутренняя жизнь текла, как хотела. Так называемая перестройка абсолютно ничего не дала стране, — кроме разрухи. Потому что перестраивали в основном аппарат, не достигая глубин.

Собеседник. Очень интересна мысль, которая у вас прозвучала. Вы сами сказали, что история не знает сослагательного наклонения. Но если бы Юрий Владимирович Андропов не умер так быстро. А можно предположить по-другому: а если бы он пришел немножко пораньше. Вы не исключаете возможность, что Юрий Владимирович сделал бы какую-то первоначальную

тяжелую работу, сдвинул что-то, и тогда, может быть, Горбачеву было бы легче в этой колее, и меньше бы ошибок было, меньше просчетов.

Автор. Я в этом не сомневаюсь. Вообще считаю, что если бы Андропов пришел на роль Генерального секретаря хотя бы в те годы, когда Брежневу исполнилось 70 лет, то есть в середине 1970-х, то многое развивалось бы по-иному.

Во-первых, он постоянно заботился и думал о будущем государства. Просто знаю из многолетнего общения с ним. Он переживал экономические трудности и искал выход из них. Все время к этому возвращался. Он бы, безусловно, повел линию на то, чтобы перестраивать. У него еще было бы время. К тому же авторитет Андропова был более весом, нежели авторитет Горбачева. Ему, конечно, было бы легче вести к тому, что называлось не перестройкой, а усовершенствованием социализма.

Во-вторых, Андропов, безусловно, объединил бы силы, в том числе и партийного и государственного аппарата и тем самым сплотил всех на укрепление государства и его экономики. Таким путем предотвратил разрушение. Прекратилось бы поощрение разрозненности ведомств и государственных структур, а это, как уже говорилось, существовало.

К примеру, я больше занимался внутренней сферой, но сказать, что мы были едины, я бы не сказал. Кто-то хотел этим заниматься, кто-то не хотел, кому-то это было интересно, кому-то — нет. Кому-то даже в КГБ СССР казалось, что работа, которую вело 5-е Управление, была грязной работой. Правда, в обществе нас понимали. Понимали в разных сферах, в том числе и в так называемом диссидентском движении. Мы не были изолированы от этого общения, понимали самую жизнь.

Но трудности, конечно, были очень большие, потому что правду не все хотели слушать. Лучше говоривших ее превращать в пожарных. Такой конкретный пример. Были беспорядки в Алма-Ате. Первое что? Раз беспорядки, значит, есть руководящий ими штаб. А КГБ его работу проглядел. Но уже был опыт, позволявший не искать штабов, а посмотреть, что делалось в ЦК КПСС, как ЦК себя вел в этой ситуации. Ну как? Зачем было Колбина везти на должность первого секретаря в Казахстан, когда там был Назарбаев рядом с Кунаевым. Но привезли... КГБ и дела не было. Была чисто внутрипартийная, внутрисоветская интрига, ее надо

было этими средствами и решать. Не доводить до того, чтобы толпа вышла на улицу и стала громить...

Собеседник. Там Кунаев вроде не последнюю роль сыграл?

Автор. Нет, Кунаев там очень аккуратно себя повел. Там были рядом с Кунаевым люди... Ошибка была здесь сделана, в Москве.

Вся беда состояла в том, что отсутствовало то, о чем я говорю: отсутствовал такой аналитический центр, который мог бы выработать линию и иметь влияние на то, чтобы это осуществлялось.

А у нас, к сожалению, на Украине все хорошо, в Грузии еще лучше, в другом месте вообще плохо быть не может.

Собеседник. Вы подняли очень интересную проблему, потому что можно это было делать военным, можно было это делать вот так и делать это в аппаратном, бюрократическом смысле. А можно было как в странах, с разведками которых вам пришлось бороться. Там же другой механизм. Когда элита, — она может быть и партийная, и разведывательного сообщества, и военная, и экономическая. Она может жить на одном, скажем, побережье, как в Соединенных Штатах — на восточном или западном. Но они все связаны, неформально, и все взаимодействуют, и все понимают друг друга.

Автор. Собственно говоря, веду речь о том же. Не хочу сказать, что это были антиподы, с которыми нельзя было существовать, мириться. Это было не только в союзных республиках, так же и в российских областях.

Возьмите даже такие вещи, — всю эту жизнь, как она складывалась. Партийный аппарат в массе своей, — не беру массу партии, а партийное руководящее ядро, — все-таки за «забор» ушел далеко. Жизнь на местах видели такой, как хотели видеть. Это, конечно, тоже имело значение. Это находило выражение в массовых беспорядках. Но из них уроков не делали.

По существу, они прекратились с приходом Андропова в Комитет госбезопасности. За время, когда Андропов был в комитете, было, по-моему, всего 5—6 случаев. А до прихода Андропова (до 1967 года) — каждый год и не в одном месте. И начались они еще в благодное время, при Хрущеве, то есть с 1956 года.

Собеседник. То есть не один Новочеркасск.

Автор. Новочеркасск вообще выпадает из этого, потому что там произошла чистая глупость. А начиная с 56-го года, с Тбили-

си, это было почти каждый год. При Андропове это практически прекратилось. И не потому, что он кого-то подавил.

Кстати говоря, вот такая деталь может быть интересна. Все говорят о жупеле в руках Андропова, каким было 5-е Управление, что там травили диссидентов. Назову примерные цифры. За 10 лет пребывания Хрущева на посту Первого секретаря, во времена «оттепели», в условиях, когда говорилось, что нет в стране политических преступников и политических преступлений, было осуждено по статье 58-10 УК РСФСР свыше 10 тысяч человек. За период Андропова практически по статьям, считавшимся политическими, — около 800 человек. За все 20 лет. Это не говорит о том, что изменилась система. Просто изменился подход, не оценка, а подход к самому знанию положения в стране. Не хочу, чтобы это выглядело как похвальба, но 5-е Управление, которое создавал Андропов, как раз и предотвратило от широких репрессий, которые, безусловно, были бы в стране, если бы не знали всей ситуации. Мы видели значительно раньше, чем это выливалось на улицу, что может произойти. И это удавалось локализовать.

Собеседник. Переходя от 5-го Управления, да и даже от Комитета госбезопасности к более широкой картине, у меня такое ощущение, что вы вольно или невольно все-таки подводите к мысли, что мы в «холодной войне» проиграли интеллектуально.

Автор. Как ни горько признаться, но проиграли. Этого не скрываю.

Должен сказать, что больше всего проиграли на последнем этапе, на самом последнем этапе, — когда вели политику одну, а в стране происходили события иные.

Если так, грубо говоря, где-то году в 89-м я почувствовал свою бесполезность, потому что была совсем другая линия даже в ЦК КПСС.

Собеседник. А вот об этом периоде, 1985—1991 годах, вы не могли бы более подробно сказать, высказать свое отношение вообще со своей колокольни.

Автор. Будем говорить о тех, кто в эти годы руководил. Приход Михаила Сергеевича на роль главы партии у меня, кроме вздоха облегчения, ничего не вызвал. Приветствовал это и активно. Знаком с ним не был. Не скрою, меня насторожила одна вещь, не то чтобы насторожила, но зафиксировалась, что когда он во-

шел в роль Генерального секретаря, то фактически снял из всех документов, из всех своих выступлений имя Андропова. Имя Андропова было произнесено им единственный раз, на похоронах. А уже в следующей его речи на пленуме ЦК Андропов не присутствовал. И так до конца. Это не могло не насторожить. Но тем не менее мы это пережили.

Первые его шаги тоже не вызывали никаких вопросов. Но потом они начали возникать, когда увидели, что в его окружение попали люди, которые там не должны были быть. Дело не в том, что нельзя было перестраивать, надо было перестраивать. Дело в том, что надо было ориентироваться на тех людей, которые действительно заботятся о государстве и не делают карьеру на том, что они перестройку ведут. А пришли к руководству немало чистых карьеристов.

Вопросы стали возникать и тогда, когда некоторые люди, которые охотно шли на перестройку, потом были отодвинуты на второй план. В их число попали не только те, кто действительно не желал перестройки, но и люди, которые в первые годы работы Горбачева его активно поддерживали. Тот же Лигачев, тот же Рыжков. Они находились в его ближайшем окружении и не были против перестройки. На первом этапе они вынесли на себе всю тяжесть перелома. Потом, к сожалению, их отодвинули. Конечно, были и те, кого следовало отодвинуть. Но ему не удалось создать коллектива, который объединил бы и старый потенциал, могущий работать, и тех, кто неизбежно должен был прийти как новый. Пошла большая кадровая чехарда. И новые приходили и быстро уходили, и старые.

На каком-то этапе появилась двойная линия. Одно произошло в каком-то узком кругу, где вырабатывалась политика, а другое внедрялось в практику. Собирались какие-то совещания в ЦК, определялась линия. А когда читали об этом в газетах, то видели совсем иное. И вот эта игра в зависимости от аудитории, вызывала отторжение от политики, проводимой Генеральным секретарем... В общем, понятно, что если вчера сидел и слушал, а завтра читаю не то, что слушал, то это сразу вызывало вопросы.

Сошлюсь на известный пример. Горбачев возвратился из ГДР. Что было в кулуарах, не знаю. Но на Пленуме (сам слушал его выступление) он определенно высказался в поддержку ГДР: «ГДР в обиду не дадим». Осуществлялось же *совсем* не то. Нико-

го там не поддерживали, и даже те попытки, которые были, чтобы кого-то не дать в обиду, в расчет не принимались. Вызывало это вопросы? Вызывало.

Собеседник. Здесь очень важно время. Он возвращается из ГДР в середине октября. В конце января приезжает в Москву Мюров, и после встречи с ним Горбачев понимает, что ГДР поддерживать бессмысленно по одной простой причине — ГДР разваливается. Мы уже ничего сделать не можем. Поэтому я считаю, что здесь действительно прошел очень стремительный процесс эволюции, исторической эволюции, но это была не неделя и даже не месяц.

Автор. Хорошо, настала такая пора. Она требует чего? Требуется того, чтобы корректив был понятен. Но мы лишены всякой возможности видеть, почему так изменяется. С другой стороны, даже возвращаясь к ГДР, ведь надо же было защитить тех, кто жил и работал в этой республике. Почему должно быть подавление и репрессии тех, кто был в ГДР?

Собеседник. Для меня не ясен вопрос вот в каком плане. Есть ведь свидетельства, что были даны гарантии в отношении Штази и в отношении партийных органов, но Горбачеву как президенту СССР. Когда не стало ни Горбачева, ни СССР...

Автор. Не знаю.

Я был в Южной Корее в 1995 году. Там издали мою книгу и в связи с этим пригласили. На встречах ставили вопрос об отношении к объединению Северной и Южной Кореи. Конечно, надо объединяться. Но думать, на каких условиях. Если объединяться, чтобы поглотить Северную Корею, как произошло в ГДР, — потому что там объединились и сразу нашли тех, кого отправить в тюрьму, — если исходить из этого, тогда стоит посмотреть. Не думаю, что южнокорейцы хотят посидеть в тюрьме, так же как и корейцы северные.

То, что это неизбежный процесс, нельзя отвергать, но оказаться в таком положении, как Хоннекер и другие, — это, конечно, вина Горбачева безусловная. Это должно было быть оговорено серьезно, не просто где-то, мол, Коль сказал...

Это создавало, конечно, определенное отношение к нашим лидерам. Кстати, Маркус Вольф недавно выпустил книгу и об этом очень хорошо пишет. Я с ним согласен.

Была двойственность. Двойственность никогда не украшает политику. Возьмите такую ситуацию. Едет Михаил Сергеевич

в Донбасс и, встречаясь с шахтерами, кличет их бить по штабам: «Я вас поддерживаю». Шахтеры начинают бить. А кто должен успокаивать шахтеров?

Мы с этим не раз сталкивались. В том же Азербайджане. События в Сумгаите — результат именно такой политики. Ошибки были прежде всего в Центре, потому что необдуманно привечали одних, отвергали других, а это выливалось потом в массовые беспорядки на улицах.

Но возвратимся к объединению Германии.

В общем-то, объединение ГДР и ФРГ вещь закономерная. Другое дело, на каких условиях объединяться. Здесь произошло не объединение, а чистое поглощение. Абсолютное поглощение ГДР. Вслед за поглощением началась расправа с органами безопасности прежде всего. С армией. Почему надо было подвергать аресту сотрудников безопасности, армии? Только потому, что произошло не объединение, а поглощение.

И, честно говоря, беспокоят сегодня иные мысли. Не станет ли вопрос о возвращении Германии Восточной Пруссии, как это будет происходить, и как скажется на расстановке сил в Европе, и как к этому кто будет относиться. А этот вопрос встанет неизбежно, может, не завтра, не послезавтра, но в обозримое время.

Собеседник. Возвращаясь к истории, Филипп Денисович. Есть и другая точка зрения, и в отношении не только ГДР, а всех бывших социалистических стран. Что революции в этих странах, и «бархатные», и не совсем «бархатные», инспирировались нашими ведомствами. В этой связи называют и партийные органы, и силовые, и армию, и чаще всего называют КГБ. С вашей точки зрения, что-то рациональное в этой идее есть? Или вы считаете, что это все от лукавого?

Автор. Нет, я думаю, что тут, в общем-то, можно что-то совместить и в пользу того, и в пользу другого, но революционный процесс шел в этих странах, конечно, под влиянием Советского Союза, его победы в войне. Но что это навязывалось — домysel от лукавого.

Собеседник. Я, наверное, не так сформулировал свой вопрос. Я имел в виду революции 89-го года. Крушение социализма. Есть такая точка зрения, что это в какой-то степени шли подачи из Москвы, причем по линии ведомств. Через военные ведомства, через Комитет госбезопасности. Не совсем крушение социализма, а попытки заменить руководство, изменить расстановку сил.

Автор. Я не могу подтвердить, что была такая программа. Но то, что лидеры большинства соцстран стали «неуютны» для Михаила Сергеевича Горбачева — безусловно. Сколь активно лично Горбачев принимал участие в их замене, не знаю.

Конкретно могу сказать лишь о Болгарии. Живкова смещали, конечно, с помощью Москвы. Не хочу говорить, какой Живков, было у него много своих бед, и своих изъянов, и своего культа. Мне, кстати, удалось ему это сказать лично года три назад. Но его активность в экономических реформах, в желании перестроить экономику, найти сочетание общественного и частного, замечать не хотели. Думаю, что опасались, как бы он не опередил темпы перестройки. Но упрекали Живкова в отходе от социализма. Он не был человеком податливым. Его уход, изгнание, конечно, инспирировано из Москвы. В этом принимали участие не столько органы, сколько дипломаты. Живков это очень переживал. В своей книге он подробно все описал.

Процесс, который пошел в социалистических странах с приходом Горбачева на пост Генерального секретаря, объяснялся еще и неоткровением смысла перестройки. Суть ее была скрыта, правда, не только от соцстран. Люди, конечно, быстро поняли, что к чему. Неоткровенность сразу раскусили. Двуличие породило и углубляло настороженность друг к другу.

Достаточно вспомнить поездки Александра Николаевича Яковлева по Прибалтике. Его указания руководству партии в Литве, в Латвии совершенно не соответствовали тому, что говорилось в Москве. Потом повторилось в Грузии и в Молдавии. Двойственность позиции была совершенно очевидна.

Не отношу себя к противникам перестройки, был в числе тех, кто старался вложить свой труд в совершенствование социалистического строя. Перестройка ведь началась с лозунга «Больше социализма». Но практика перестройки настораживала, ибо явно намечался отказ от социализма. Слова о неизменности социалистическому выбору стали отдавать лицемерием. Перестройка буксовала, программы ее никто не знал.

Парадокс состоит в том, что при всей косности советского политического класса не было того, чтобы консервативные силы могли подавить прогресс. В этом абсолютно убежден. Ликвидировать консерватизм, к примеру, в оборонной промышленности для Генерального секретаря было проще простого. Но когда у не-

го имели место очевидные колебания, конечно, у многих возникали вопросы.

Можно привести пример из другой области. Возьмите сельское хозяйство. Ведь хорошо начали по сельскому хозяйству, очень хорошо. Раскрепостили, выдали какие-то гарантии, короче, шла перестройка. Вдруг затеяли ломку структуры. Понастроили в городах, в столицах огромные шикарные здания. Из всех совхозов и колхозов лучших специалистов посадили в кабинеты, лишили возможности работать на земле. И все пошло в конечном счете прахом.

Что было при Андропове? Допустим, Андропов хотел проводить реформы. Он брал определенные области, определенные регионы и пытался прокатать в них свои идеи, прежде чем распространять на все. При Горбачеве даже в области сельского хозяйства получилось по-другому. Он нетерпелив был. И поэтому — зачем экспериментировать? Давайте сразу перестраивать. Был человек, который пытался что-то сделать в сельском хозяйстве, — секретарь ЦК КПСС Никонов, но его быстро убрали.

То, что надо было перейти через тяжелое время, это безусловно, и что оно досталось именно Горбачеву, это тоже ясно. Но подготовки для такого воя у него не хватило. Да и амбиции подвели. И получилось то, что получилось.

Собеседник. У меня два конкретных вопроса. Первый личного плана, вы сказали, что избрание Михаила Сергеевича вы восприняли с чувством облегчения. И в то же время вы сказали, что уже в 89-м году вы готовы были уйти в отставку, чувствуя свою бесполезность. Вы помните, когда — между 85-м и 89-м — все-таки у вас возникло такое ощущение? Когда и в связи с чем?

Автор. Реально это 89-й год, когда я не то чтобы встал в какую-то оппозицию, но увидел некую бесполезность своего труда. Конкретно связываю вот с чем. Причем опять оговариваюсь, что не воспринимайте это как сталинистскую линию. Дело не в этом. Но, например, не понял, и не только не понял, но и не получил объяснений второму витку развенчания культа личности. Это уже пережили, пусть не все доделали, но отвлекать людей на борьбу с ведьмами, оттого что у тебя, грубо говоря, под носом неблагополучно... А отвлекли фактически весь пропагандистский аппарат, внутри страны во всяком случае, от решения проблем насущных.

Это сделано не неосознанно, сделано сознательно, потому что не получалось в экономике и надо было куда-то отвлечь людей. Это не только мой взгляд. Знал тех, кто этот виток разрабатывал, их аргументацию. Не могло это не вызвать настороженности, зачем повторять путь, который уже, казалось бы, прошли.

Тогда возникло и усиливалось недоверие. Я присутствовал практически на всех больших совещаниях идеологических работников. Это было, как правило, с утра и до глубокой ночи. Виделась уже тогда двойственность позиции Горбачева. Одна речь сегодня, поддержка одних, на следующий день — поддержка иных. На пленумах Горбачеву говорили об этом, требовали объяснений. Он уходил от них, угрожал отставкой, но искренним не был. Да и не мог быть, так как замысел перестройки был скрыт от партии.

Мне пришлось быть во многих так называемых «горячих точках»: Алма-Ата, Баку, Карабах, Ереван, Тбилиси, видеть происходившее на месте. Возьмите Тбилиси... Там особенно поражали оценки, которые давались на основании абсолютно придуманных фактов. Поясню свою мысль. Когда произошла трагедия в Тбилиси, погибло 16 человек. Она была спровоцирована абсолютно не теми людьми, которых затем обвиняли. Ее организовали те, кто потом пришли к власти в независимой Грузии, плюс те силы, которые хотели столкнуть Патиашвили с Центром.

Они родили версию о том, что гибель людей — от того, что солдаты били их саперными лопатками. И это все... Шеварднадзе прилетел туда, кстати говоря, с большим опозданием. И он начал эту линию проводить — лопатки, от лопаток погибли. Хотя от лопаток не погиб ни один человек, и даже раненых лопатками не было. Погибли все от удушья, от давки в толпе. Когда Шеварднадзе выступил с этими лопатками, я ему сказал, что он находится в большом заблуждении. А он: «Как заблуждение? Вот говорят люди». Я ему: «Хорошо, тогда покажем кинофильм, который снят на площади во время этой давки». — «Какой кинофильм? А кто вам дал право снимать?» Я ответил, что это — наша обязанность документировать такого рода события, иначе мне сейчас и разговаривать было бы не о чем. Привел его в комнату, где поставили аппаратуру, и показали все, что было на площади. Там никаких жертв от лопаток не было.

Но тем не менее версию лопаток поддержали, она дошла до Съезда народных депутатов СССР. И остался один генерал Роди-

онов, который смело доказывал, что это не так. Когда комиссия Собчака закончила свою работу, я позвонил ему и сказал, что хотел бы свидетельствовать комиссии. Собчак ответил: «Нет, мы завершили работу. У нас полная ясность». Ему нужны были лопатки для компрометации армии. И не только ему.

Показали фильм Съезду. И что?

С двуличием столкнулись и в Армении.

Для меня, и не только для меня, были непонятны вопросы, связанные с Арменией и Азербайджаном, когда лидерам или представителям Армении говорилось одно, а азербайджанцам — другое. Рознь углублялась. В этом случае я склонен не столько даже Горбачева если не обвинять, то упрекать, сколько, конечно, это все на совести Александра Николаевича Яковлева.

Кстати, повтор развенчания культа тоже связан с его именем. Он его разжигал. Идти на это ни в коем случае нельзя было, если заботиться о единстве партии, единстве общественного мнения. Не потому, что надо было что-то приглаживать, а потому, что надо было на новых идеях работать.

Собеседник. Речь идет о двух лицах, которые играли очень значительную роль в нашей политике, причем в самый драматический период — в 89—91-м годах. У меня ощущение, что, конечно, вы выражаете не только свою личную точку зрения. И поэтому хочется хотя бы зафиксировать эту позицию.

Автор. Если говорить конкретно о Яковлеве, то скажу так. У нас были нормальные отношения, когда он занимал пост первого заместителя заведующего Отделом пропаганды, еще до отъезда в Канаду. Руководителя не было, и он фактически им являлся. Мы делали некоторые вещи вместе, причем достаточно деликатные для того времени (с точки зрения пропаганды). И хотя не все в аппарате хотели это воспринимать, но мы делали. У нас было полное понимание на сей счет. Когда он после Канады пришел в ЦК, казалось, тоже все нормально.

Проблема возникла, когда начался повтор критики культа личности. Я насторожился, чувствовал, что выходим не на ту дорожку. Мы разовьем страсти, которые не нужны обществу, которое должно быть консолидировано на проведение перестройки. Нельзя подменять перестройку поиском ведьм. На этой почве мы с ним если не расстались, то насторожились друг к другу. Были разговоры — довольно неприятные. Первый — по поводу книги

«Дети Арбата». Я к нему пришел и сказал, что эту книгу читал, книга выдуманная, хотя концепция очевидна. Опасна тем, что претендует на историческую правду. Яковлев во многом согласился. Тем не менее дал команду быстро ее печатать. Вы помните, сколько миллионов тиража вышло этой книги. Были и другие случаи, которые усиливали недоверие друг к другу, продолжавшееся все последующее время. Он вызвал недоверие к себе именно тем, что некоторые его постулаты противоречили тому, что происходило в жизни. Опять — двойная игра.

Не хочу говорить о том, что было опубликовано, о его связях с американской разведкой и прочее. Я говорю о том, как он выглядит в моих глазах. Его неискренность. И даже то, что он сейчас пишет и делает, подтверждает эту его сторону. Антикоммунисты — люди разные, как и коммунисты. Убеждения убеждениям — рознь. Ренегаты остаются ренегатами.

Затем его поездки по стране. Если ты имеешь взгляд, выскажи его, не вводи в заблуждение других, тем более ты занимаешь такое положение, люди готовы тебя слушать, ты скажи, убеди. В общем, на этом образовался глубокий конфликт у него с теми, кто хотел видеть в перестройке «совершенствование социализма», а не развал государства.

Что касается Шеварднадзе, коль скоро я его тоже называл, все проще. Ему вообще нечего было делать в Министерстве иностранных дел. Но он нужен был как проводник политики Горбачева. К чему она привела, говорить не стоит... Служил верно, но стране ли...

МИД он вывел из-под контроля ЦК КПСС. Нередко отступал даже от утвержденных директив.

В общем, резкое изменение произошло, когда Михаил Сергеевич стал президентом, когда он совместил посты. Он стремился к независимости от партии, от Политбюро. И получил ее, став президентом СССР. Советская власть была заменена президентской.

Будем говорить откровенно, вопрос состоял в том, что в узком кругу вырабатывались идеи, и не хотелось, чтоб их знали. Опять таки — сокрытие не только замысла, но практики перестройки.

Собеседник. Тогда у меня последний вопрос. Наша политика в Персидском заливе, когда был кризис и потом война против Ирака? Или же здесь, наоборот, не возникало таких неприятных эмоций, неожиданностей?

Автор. Когда произошли афганские события, я был достаточно отдален от этого.

У меня было абсолютно свое объяснение, почему это произошло. К сожалению, почему-то этот аргумент нигде потом не фигурировал. А может быть, у меня в памяти все это засело, и я подвержен просто влиянию памяти. В чем суть? У нас был с Ираном договор 1921 года, по которому определено, что если в Иран входят какие-то иностранные войска, то мы идем на помощь. И наоборот, если мы идем в Иран, то идут навстречу те, кто этого не хочет. По этому договору советские войска вошли в Иран во время Отечественной войны. Договор не денонсирован. И когда американский флот вошел в Персидский залив, возникла угроза ввода войск в Иран — это же было все рядом. Для себя объяснял, что наш шаг в сторону Афганистана вызван тем, чтобы предупредить ввод американских войск в Иран. Если бы такое случилось, то война вспыхнула бы сразу. И для того чтобы не произошло столкновения на иранской земле, мы пошли в Афганистан, чтобы дать некую отмашку американцам. Эта тема почему-то не присутствовала как мотив ввода войск в Афганистан. Я говорил и с Фалиным, когда тот готовил материалы к Съезду народных депутатов, и с Дзасоховым, докладывавшим Съезду об афганских делах. Толком такой точки зрения никто не опроверг. Пробовал с Громыко разговаривать, когда он уже был Председателем Президиума Верховного Совета, но тот молча уходил от этого. Крючков не хотел на эту тему говорить. Ввод войск в Афганистан себя оправдывал прежде всего именно этим. Я остаюсь на этой точке зрения.

А уже потом, когда конфликт разразился в Персидском заливе, проявлена, на мой взгляд, абсолютная непоследовательность. Не знаю, к чему придем в Косово, но ситуация аналогичная. Считаю, что позиция, которую заняли, — правильная. Может быть, для нас будут сложности, поскольку можем порвать с НАТО, но честнее. Честнее потому, что последовательны. А в случае с Персидским заливом, на мой взгляд, были абсолютно непоследовательны. Я не хочу говорить о том, какой в Ираке режим, но хочу говорить о последовательности чисто дипломатической. Конечно, нельзя не видеть сегодня, как Соединенные Штаты на Балканах демонстрируют рост своего влияния на мировую систему.

Проблемы Соединенных Штатов сейчас не в России. Они будут с Германией. Это моя точка зрения. Окончательно утвердятся новые участники НАТО в Европе, и, мне кажется, следующим станет вопрос перемещения американских войск в эти страны. Потому что Германии они явно в тягость. Впереди — Великая Германия. В Германии немало сил, которые не могут отказаться от политики реванша.

Не случайно недавно Квасневский, когда его напрямую спросили: «Будут ли в Польше размещаться войска НАТО?» — только ответил, что речи быть не может о размещении ядерного оружия.

Примечание. Этому непубликовавшемуся материалу несколько лет. В основе обработанное интервью 1998 года.

Кадровый переворот

Заметки об одном поколении

(Хрущев, Брежнев и Шелепин)

Во время похорон В.Е. Семичастного в речи на траурном митинге Отари Давидович Гоциридзе, в прошлом комсомольский работник, а затем генерал органов госбезопасности, весьма образованный специалист, неплохо проявивший себя после ухода из КГБ на работе в Госплане СССР, говорил о том, что Семичастный принадлежал к поколению, которому побоялись доверить управление государством. Тема эта заслуживает освещения. Не приходилось видеть публикаций или иных выступлений такого рода.

Не претендуя на глубину, попробую изложить свое видение этой проблемы. Она действительно имела место в нашей недавней истории.

После смерти И.В. Сталина, Никита Сергеевич Хрущев объявил о необходимости омоложения руководящих кадров партии и государственного аппарата. Люди старше пятидесяти лет, по его словам, уже «ехали с ярмарки». Следовало ускорить процесс их отъезда, а на ярмарку зазывать молодых подготовленных людей.

Возражений такая линия не вызывала, если бы ее осуществление не носило аврального характера. Постепенная смена поколений, безусловно, была бы полезной. Хрущев, правда, недолго настаивал на осуществлении объявленной кадровой политики и по мере утверждения во власти стал забывать дорогу с ярмарки.

Но тогда, в конце 50-х — начале 60-х годов, приток молодых сил в руководство государством стал заметен.

Среди пришедших выделились А.Н. Шелепин, П.М. Машеров, К.Т. Мазуров, В.В. Щербицкий, Н.А. Егорычев, Н.Р. Миронов, А.И. Аджубей, многие другие.

Естественно, что в первую очередь это были выходцы из комсомола. Они составляли основной кадровый резерв партии, что закономерно. В целом выбор Хрущева находил поддержку, хотя не избежал нареканий, мол, не только в комсомоле есть талантливые люди. Чаще всего это слышалось из партийных коридоров, что тоже естественно. Карьера для любого чиновника — не последнее дело.

К концу 50-х годов Н.С. Хрущев, по существу, решил кадровую проблему. Он перетасовал хозяйственных и государственных руководителей, путем реорганизаций министерств, образования совнархозов, изменения территориального деления в районном и областном звене. Затем была разрушена партийная структура. Образовались промышленные и сельские обкомы, горкомы и райкомы партии.

Но это потом.

Приток молодых сил оживил работу на многих направлениях. Жизнь активизировалась. Страна переживала период «оттепели», рожденной XX съездом КПСС. Новые кадры, не связанные с прошлым, прежде всего с репрессиями 30-х годов, смело шли на решение важных проблем, стоявших перед государством, возглавили процесс демократизации общественной жизни.

Именно в эти годы выдвинулись те, что нарекли себя в последующем «шестидесятниками». На эту тему написано немало и всякого. Смысл моего выступления не в этом.

Среди выходцев из комсомола ярко выделился Александр Николаевич Шелепин, возглавивший отдел партийных органов, а затем и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР. Спустя два с лишним года он был избран секретарем ЦК КПСС, а став председателем Комитета партийно-государственного контроля, получил и пост заместителя Председателя Совета Министров СССР. Он сосредоточил немалую власть в одних руках, учитывая и то, что КГБ при Совете Министров возглавил его ближайший соратник по комсомолу В.Е. Семичастный, а отдел административных органов ЦК КПСС — Миронов, с которым у Шелепина сложились добрые отношения в период работы в КГБ. Миронов пришел в органы госбезопасности в 1951 году с партийной работы (он был вторым секретарем Херсонского обкома КПСС) и, проработав несколько лет на должности заместителя начальника военной контрразведки, возглавил ленинградское управление КГБ.

Министром охраны общественного порядка (МВД) стал Вадим Степанович Тикунов, в прошлом первый секретарь Владимирского обкома ВЛКСМ.

На XXII съезде КПСС серьезные изменения произошли и в составе ЦК КПСС. Он омолодился так же, как и партийные органы на местах.

Немало руководящих кадров появилось в Москве и областях Российской Федерации из выходцев с Украины. Это движение началось вскоре после прихода Хрущева к власти.

Новые люди активно включились в работу, проводя в жизнь внутреннюю и внешнюю политику, определенную съездом и осуществляемую Н.С. Хрущевым.

Казалось, впереди неомраченное кризисами будущее. Но...

На волне демократизации все заметнее стал вырастать культ личности Хрущева. Он все более концентрировал власть в своих руках, поощрял славословие в свой адрес, стал безапелляционен в суждениях и действиях. Все чаще единолично решал важнейшие государственные дела. Вокруг него сложился круг приспешников, среди которых выделялся зять — Алексей Иванович Аджубей, нередко подменявший собой руководство МИД СССР.

Особую тревогу вызывали бесконечные реорганизации, не позволявшие вести дела, отвлекавшие кадры от повседневной работы.

Вместе с тем появились тенденции вождизма. Подхалимы сняли фильм «Наш Никита Сергеевич», провозгласили «великое десятилетие» правления Хрущева. Все это вызывало определенную настороженность, порождало сомнения в искренности лидера, объявлявшего одно, а на деле получалось совсем иное.

Стало заметно и другое: взаимоотношения в руководящем звене. Молодые люди, призванные Хрущевым к руководству, решительно повели дело к исправлению ошибок прошлого, к демократическим преобразованиям, начали поиск путей экономических решений, направленных на укрепление народного хозяйства, улучшение благосостояния людей. Они активно поддерживали Алексея Николаевича Косыгина, его активность в проведении экономической реформы.

Однако начинания эти не находили поддержки Хрущева. Он продолжал линию бесконечных реорганизаций, пагубно влиявших на экономическое положение в стране.

Нагляднее всего это проявилось в разрушении структуры Госплана СССР. Планирующий и контролирующий центр заменили отраслевыми структурами, стоявшими далеко от общегосударственных интересов. Развитие отрасли во многом стало определяться пробивной способностью ее руководителя. Пагубным оказалось и отсечение от Госплана проблем снабжения, контроля за ценами, стратегического планирования. Эти функции были переданы Гос-

снабу, Госкомцен, различным государственным комитетам, комиссиям.

Обнаружив, что такое положение разрушает роль государства в управлении экономикой, по инициативе Хрущева были созданы опять-таки отраслевые отделы в Совете Министров. Они дублировали деятельность министерств и ведомств, поощряли центробежные устремления в руководстве народным хозяйством.

В довершение всего по той же схеме сложилась и структура аппарата ЦК КПСС. Отделы по отраслям промышленности, сельского хозяйства завершили превращение центрального органа партии из политического в хозяйственный. ЦК КПСС подменил Совет Министров, Президиум Верховного Совета СССР, ибо ни одно решение никто не мог принять без санкции соответствующего отдела ЦК КПСС.

Естественно, что в такой ситуации политическим работникам партии предпочитались хозяйственники.

Фактически в то время был нарушен основной ленинский принцип управления советским государством: не допустить смешения партийных и государственных функций, не превратить партию в государственный аппарат. Партия должна решать задачу политического обеспечения проводимой государством внутренней и внешней политики, обеспечивать идеологическое воспитание общества. Партийное руководство осуществлялось через кадры, направляемые в государственные и хозяйственные органы.

Кстати, еще на заре советской власти Ленин вел непримиримую борьбу с троцкистами, навязывавшими партии роль государственного аппарата.

Упоминаю об этом потому, что Хрущев всегда ссыался на то, что свою политику он осуществляет строго по заветам В.И. Ленина.

Сращивание партийного аппарата с государственным при Хрущеве стало первым шагом к разрушению структуры государственного управления.

Все это серьезно сказалось и на будущем партии, и на будущем страны.

Произошли серьезные изменения и в подборе кадров. Не стану говорить о расстановке кадров по принципу дружеских и родственных связей. Самым серьезным изъяном оказалось то, что с политической сцены стал устраняться профессиональный партийный работник, человек, призванный политически обеспечивать ре-

шение задач, поставленных перед обществом, разъяснять политику партии, заботиться о жизни людей, их благосостоянии.

Руководителями партийных комитетов в районах и городах все больше становились специалисты народного хозяйства. В этом не было бы ничего плохого, если бы они сочетали в себе специальную и политическую подготовку. Появилось пренебрежение политической работой в массах, партийная работа строилась вокруг решения хозяйственных дел, собрания коммунистов превращались в производственные совещания. Характерно, что идеологическую работу во многих, если не в большинстве, райкомов и горкомов партии, да и во многих обкомах, возглавили женщины. Ничего плохого в этом бы не было, если бы в этом не проявлялось отношение к политической работе в массах, так важной для партии. «Идеология — не мужское дело».

Забегая вперед, скажем, что в критические дни 90-х годов, когда на митинги вышли политические демагоги с нападка на советскую власть, людей, способных противостоять им в открытом митинговом бою перед массой людей, практически не оказалось. Они выпали из партийного авангарда.

Мне вспоминаются беседы с Ю.В. Андроповым, когда он работал еще председателем КГБ СССР. Он крайне переживал утрату роли секретаря райкома партии как политического руководителя. «Секретарь райкома, — говорил он, — не должен учить тому, как доить коров, ремонтировать комбайн или варить сталь. Для этого есть хозяйственные руководители. Но добиваться того, чтобы люди лучше делали свое дело, понимали, ради чего они призваны это делать, знать, что есть человек, который защитит их от произвола, поможет в беде. А это — секретарь райкома. Его поведение — зеркало партии».

Таких-то руководителей становилось все меньше. Это вело к отрыву от масс, от народа. Порождало недоверие населения к партийным органам и к партии в целом. Да и сама внутрипартийная жизнь теряла свою привлекательность, окостеневала. Критический взгляд на происходящее в стране, в партии выхода не находил, что порождало апатию партийных масс. Участие в партийной работе приобрело формальный характер.

Естественно, что создавалась атмосфера не в пользу Хрущева. Авторитет, созданный на критике культа личности Сталина, падал. Нововведения Хрущева вызывали непонимание, а затем и сопро-

тивление. Многие начинания не встречали той поддержки, которая являлась характерной для первых лет пребывания Хрущева на посту лидера партии.

Первое серьезное столкновение произошло при принятии решения о создании вместо единых руководящих органов партии двух независимых: промышленных и сельских. По существу, КПСС переставала быть единой. Против этого выступил в то время кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Председатель Совета Министров Украины В.В. Щербицкий. Поддержки он не получил, хотя недовольных такой реорганизацией партии, а затем и советских органов было хоть отбавляй. Щербицкий поплатился постом председателя правительства и, получив в награду инфаркт, переехал в родной Днепропетровск. Но след его выступления сохранился. О нем в партии знали, и поступок Владимира Васильевича высоко ценили.

Тем временем подошел октябрь 1964 года. Н.С. Хрущев был освобожден от занимаемой должности. Л.И. Брежнев получил на Пленуме ЦК КПСС полную поддержку. Его поддержала партия. Назначение на пост Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, имевшего непререкаемый авторитет во всех слоях населения, еще более укрепило позиции вновь избранного руководителя партии.

Среди тех, кто поддержал Брежнева, одну из главных ролей играл Александр Николаевич Шелепин. Вокруг него, как бывшего комсомольского лидера, естественно, сложилась группа молодых руководителей, поднявшихся на волне прихода Брежнева к власти и, надо сказать, активно его поддерживавших.

Однако не все шло гладко. Молодые люди, не скрывая своей радости, всюду (кстати и некстати) восхваляли Шелепина, что вызывало настороженность старшего поколения. Шелепин, к сожалению, недооценивал такой ситуации, а может быть, ему и нравилось слыть «железным Шуриком».

Вокруг Брежнева сложилась группа главным образом из числа работавших с ним в Днепропетровске и Молдавии (Черненко, Щелоков, Тихонов, Кириленко, Цуканов, Грушевой, Епишев, Цвигун, Цинев и другие), занявших важные посты в партийном и государственном аппарате.

Они конфликтовали с выходцами из комсомола, боялись их роста и систематически доводили до Брежнева информацию о яко-

бы вынашиваемых «комсомольцами» намерениях отстранить его от власти. Немало кивков делалось и в сторону Косыгина. Ложь обладает силой, а злонамеренная тем более. Так и случилось то, что случилось.

Недоверие Брежнева росло прямо пропорционально развитию его физического недуга.

Первым был удален с высоких постов Шелепин. Он был избран председателем ВЦСПС, а затем был назначен заместителем председателя Государственного комитета СССР по профтехобразованию, откуда и ушел на пенсию. Такая участь постигла и многих его сподвижников по комсомолу (Месяцев, Павлов, Семичастный, Тикунов, Мазуров, в частности).

Произошел новый кадровый переворот, приведший к постарению кадров и ставший, безусловно, одной из основных причин застоя.

На поверхности осталось несколько фигур, не определявших политику государства. К тому же они были одиноки. Урок Шелепина остался у многих в памяти. И здесь нельзя забыть Миронова. Он сыграл важную роль и в дни подготовки октябрьского 1964 года Пленума ЦК КПСС, и на самом Пленуме как заведующий отделом административных органов ЦК. Думаю, что не случись трагедии в Югославии, когда на второй день после Пленума погибла в Белграде советская военная делегация, в составе которой он находился, многое могло бы сложиться по-иному. Николай Романович Миронов сумел бы стать человеком, который не допустил бы раскола между молодыми и стариками. А в партии он, безусловно, занял бы видное положение.

Возвращаясь к словам, сказанным О.Д. Гоциридзе, нельзя не согласиться с ним. Смена поколений в руководящем звене являлась жизненной потребностью. Приход молодых людей того поколения, которое воспитывалось в условиях войны, в период восстановления разрушенного войной народного хозяйства, имевшего опыт и закалку, мог предотвратить многое. Прежде всего они не боялись открыто признавать появившиеся изъяны в жизни общества, искали пути выхода из ситуаций, грозивших перерасти в конфликты населения с властью. Они видели вставшие перед обществом проблемы и не стремились уходить от них, не в пример старшему поколению. Шелепину пришлось разбираться с причинами массовых беспорядков в Муроме и Александрове, видеть Новочер-

касс. Он немало занимался тем, как предотвратить коррупцию в государственном аппарате, хищения народного достояния. По его предложению расширялась сфера применения инициативных порывов молодежи, проявлялась забота о занятости молодых людей полезным делом, организацией досуга. Он поддерживал восстановление памятников культуры, развитие на их базе туризма. Шелепину мы обязаны возрождением Суздаля и появлением «Золотого кольца». Это не главное в его деятельности, но примером активности, наверное, служит.

Яркой личностью проявил себя П.М. Машеров на посту первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Он добился расцвета Белоруссии во всех отношениях. Думаю, что партизанская республика выиграла еще и потому, что основное ядро руководителей в республиканском и областном звене составляли люди, прошедшие горнило войны. Такого не было ни в одной республике и даже в областях РСФСР.

Это были те люди, которым сама судьба предназначила ведущую роль в дальнейшем укреплении государства. Именно они могли подготовить смену себе, передать ей свой государственный и политический опыт, предотвратить приход во власть людей слабых или совсем не подготовленных для управления партией и государством.

Сегодня другое время. Утраченного не вернешь. Но из всего прошедшего следует извлекать уроки.

К управлению государством приходит новое поколение. Лучшие его представители, на мой взгляд, отличаются от тех, кто вошел во власть в 90-е годы тем, что знают жизнь страны в новых условиях, прошли школу «новой, постсоциалистической жизни». Это — важный опыт, так как приобретен в труде, а не в безудержной говорильне. Важно и то, что новые руководители обращаются к прошлому, к его наследию.

Это радует стариков, не потерявших чувства ответственности за судьбу государства. Как бы кто ни оценивал год, прошедший после выборов на пост Президента РФ В.В. Путина, нельзя не видеть положительного сдвига в сторону практических дел по укреплению государства. Выражается это в мерах по созданию (да, созданию!) вертикали власти, повышению роли федеральных служб, по борьбе с коррупцией.

Очень похвальна инициатива в создании учебников истории Российского государства. Хорошо бы избежать прошлых ошибок,

когда история писалась под сей момент, искажались оценки исторических событий. Трудно переоценить решение президента в отношении выпускников педагогических вузов. Возврат молодых учителей-мужчин в школы — давно ожидаемое событие. Судя по всему, здесь кроется и первый шаг, выражающий заботу о молодых специалистах, оканчивающих высшие учебные заведения. Стоит напомнить, что жизнь требовала такого решения еще в советское время. В этих конкретных неброских решениях не таится ли то, что именуется преемственностью поколений? Ведь нельзя не видеть в них ответственности за прошлое (вдохнуть жизнь в оправдавшую себя систему образования) и за будущее (об интеллектуальном потенциале страны).

Важно и то, что забота о сохранении территориальной целостности России проявляется во всех действиях руководителей, представляющих новую власть. Не все из этих действий популярны, например война в Чечне. Но не уступать же тем, кто разрушает Россию, тем, кто вооружает и снабжает наемное войско так называемых боевиков. Последний пример — Косово. Уступили, получили Македонию.

Размышляя над этим, хочется утвердить себя в мысли, что преемственность поколений все-таки сохраняется как объективный процесс. Поднятая последним десятилетием пена осядет, и новое поколение руководителей, взяв нужное из прошлого и опираясь на прошлое, поведет дело к подлинному возрождению России.

*Опубликовано в журнале
«Российский кто есть кто»
№5 за 2001 г.*

Роковые иллюзии

— *Филипп Денисович, вы не однажды выступали по проблемам «холодной войны»', в том числе и на страницах нашего журнала. Хотелось бы возвратиться к этой теме, имея в виду обстановку вокруг России, складывающуюся в нынешних условиях.*

— История возникновения «холодной войны» достаточно хорошо известна. Инициировал ее Запад кличем, брошенным Уинстоном Черчиллем в Фултоне. Он принадлежал к тем, кто не мог смириться с ростом авторитета Советского Союза после победы над фашистской Германией. И дело не только в том, что коммунисты стояли у власти. Россия и до Октября 1917 года вызывала не лучшие чувства на Западе своей самобытностью и величием, своей раскрывающейся потенциальной мощью. «Борьба с коммунизмом» в послеоктябрьские годы во многом играла роль лозунга, скрывавшего подлинные цели. А они состояли и состоят в разрушении великого государства, способного противостоять гегемонистским соблазнам любой державы мира.

Отсюда и характер «холодной войны». Она изначально определилась как агрессия против своего бывшего союзника по антигитлеровской коалиции.

Тому есть немало свидетельств. Они опубликованы в периодической печати, о них написаны книги, на них ссылались многие политики и общественные деятели, вырабатывая платформы и программы своей деятельности.

Агрессивность «холодной войны» выражалась в том, что она не была лишь идеологической конфронтацией. Пропаганда всеми средствами (печать, радио, телевидение) решала серьезные задачи разложения советского общества. Достаточно вспомнить деятельность Комитета радио «Свобода», программа которого не скрывала того, что целью этого пропагандистского центра является не пропаганда антикоммунизма, а достижение конструктивных изменений в стране, то есть в СССР.

«Холодная война» не исключала и превращения ее в «горячую». Наряду с пропагандистской агрессией строились планы и вооруженного нападения, не исключая атомного удара. Поражает циничность расчетов, содержавшихся в подобных планах.

Вот что говорилось, в частности, в одном из них: «...Первый удар по 20 городам... сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них 8 на Москву и 7 на Ленинград... Сбросить 200 бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб на 100 городов... Сбросить 300 атомных бомб...»

Предполагалось разрушить 85% промышленности СССР. Скрупулезно подсчитано, сколько миллионов людей погибнет после первого удара, второго, третьего...

Однако после того, как в Советском Союзе была создана атомная бомба, страсти военного характера поутихли. Свидетельство тому — заявление тогдашнего директора ЦРУ Даллеса. В конце 50-х годов он сетовал, что много потрачено средств на создание оружия, но скупилась на расходы, связанные с подрывом СССР изнутри.

Так, основными средствами «холодной войны», не ослабляя давления на СССР открытой пропагандой, при решении задачи подрыва существующего в Советском Союзе государственного строя стали нелегальные проникновения в страну, поиск сил, способных стать на путь сотрудничества с западными спецслужбами, антисоветскими эмигрантскими центрами и иными к тому времени специально созданными формированиями.

Рассказ о том, как это осуществлялось и кто оказался в числе пособников, — тема отдельного интервью. Сейчас же надо сказать о том, что к противодействию такого рода проникновения в страну ни власть, ни общество оказались не готовы.

— *Как же так?*

— Тому много причин. Причин, приведших к распаду Советского Союза. Чем больше анализируешь события прошлого, начиная с Октября, тем яснее вырисовывается как величие возникшей в результате революции социалистической державы, так и трагизм ее существования. Подумать только: Гражданская война, спровоцированная не внутренними силами (Белое движение возникло потом); интервенция, целью которой было прежде всего разорвать Российскую империю и поделить ее, как делят добычу гиены; экономическая и политическая блокада; разжигание вооруженных конфликтов на границах СССР; наконец, война с фашистской Германией, ее союзниками и милитаристской Японией.

Можно ли было в таких условиях осуществить то, что провозглашала революция, построить социализм в таком виде, как его ви-

дели основоположники марксизма и продолжатели их дела? Гордиться следует даже тем, что сохранили государство в его исторически сложившихся границах, подготовили страну к тяжелейшей войне. Победили. Восстановили разрушенное войной хозяйство и утвердили страну великой державой мира.

И советские люди гордились своими достижениями.

Но гордости оказалось недостаточно для поступательного движения, для обеспечения продуманного развития экономики, укрепления общественных начал и государственного обустройства. Гордость позволила уверовать в свое могущество, в свою непобедимость. Критически оценить происходящее в стране, увидеть опасности, идущие извне, желающих не оказалось. Потому и запоздал столь важный вопрос, заданный Ю.В. Андроповым: «В каком обществе мы живем?»

А жили в обществе, пользовавшемся накоплениями прошлого, заслугами тех, кто победил в Октябре 17-го и в мае 45-го, тех, кто трудом своим залечил раны войны, кровью и потом вывел страну в мировые лидеры.

Их-то и предали сознательные или несознательные разрушители Советского государства. Предали те, кому они верили и вручили свою судьбу. В их числе и тот, кто, предавая страну социализма, до последних дней, держась за власть, трендыкал о своей верности социалистическому выбору. Именно он и его окружение воспользовались утвердившейся в народе и обществе уверенностью в отсутствии угроз великому государству. Пелена гордыни плотными шторами закрыла глаза той партии, которая обязана была первой бить тревогу и действовать.

Мне вспоминается ноябрь 1990 года. Создана Компартия РСФСР, уже сам по себе это был шаг к развалу сложившейся структуры власти. Новые лидеры собрали первых секретарей горкомов и райкомов новой партии поучить их жизни. Выступали перед ними многие. Довелось и мне. Осмелился и здесь (в других аудиториях, менее значимых, уже говорил) сказать о партии примерно так: «Важно понять, что перед лицом грядущего раскола, так как партия обнажила свою неоднородность, надо сплотить наши ряды. Партия оказалась рыхлой». Что тут было! Трибуна качалась подо мной. «Как рыхлой? Мы победу в Великой Отечественной одержали! Мы... мы...» Это из зала. Только одну фразу бросил в зал: «Про Отечественную не говорите. В ее окопах мне вручили партийный билет».

Но осмелел: «Партийные организации должны сплачивать людей, чтобы не допустить распада нашего государства. Процесс может наступить завтра и оказаться необратимым». Зал затих, задумался. Но не над тем, что грозит государству, а как поступить с докладчиком.

И теперь уместно вспомнить Ленина. Не для того, чтобы следовать традиции подтверждать все цитатами вождей. Нет. Ленина вряд ли стоит забывать даже рождающимся ныне социал-демократам.

Вскоре после революции в партии большевиков возникла, как он ее определил, «детская болезнь «левизны» в коммунизме». Одной из причин ее появления стала гордость за Октябрьскую победу. «Мы победили. И все нипочем». Впереди только лавры. Ленин, развенчивая гордыню, призывал опуститься на грешную землю, не впадать в зазнайство и шапкозакидательство. Впереди — не гладкая дорога, а многие овраги и буераки. Может статься и так, что центр коммунистического движения переместится в Индию или Китай. Да, Россия в авангарде такого движения, но ничто не вечно. Заболев гордыней, переживем ли передачу эстафетной палочки.

Эти предупреждения приходят в голову, когда оглядываюсь на послевоенную жизнь советского общества. Мы слишком долго праздновали победу и привыкли жить за ее счет.

Лидеры упивались или наслаждались властью, отбрасывая всю информацию об угрозах извне, о процессах в стране, могущих посеять недоверие к властям, нарушить стабильность в государстве.

Не только руководители государства были поражены вирусом непобедимости. Болезнь поразила общество.

Можно простить заблуждавшихся, можно даже простить и тех, кто, повседневно повторяя Ленина, призывая следовать его заветам, все дальше уходили в любование собой.

Но нельзя простить тех, кто стал сознательно на путь разрушения государства, призывая к возврату, к Ленину, клеймя отступников от его учения.

— Кого конкретно вы имеете в виду?

— Вы понимаете, что речь идет о Михаиле Сергеевиче Горбачеве и его ближайших соратниках. Не могу утверждать, были ли они агентами, но то, что их действия в конечном счете совпали с планами западных спецслужб и политиков, очевидно. Горбачев вообще поражал своей двойственностью.

Вспоминаются сегодня его встречи с руководителями средств массовой информации. Он любил проводить их. Как правило, они начинались где-то в 10 утра и заканчивались поздно вечером. Говорили много и обо всем. Больше всех, конечно, Михаил Сергеевич. И характерно, что спустя день в отчетах о таких встречах все выглядело наоборот. Если Горбачев одобрял, к примеру, коллективизацию, делая реверанс в сторону писателей, защищавших колхозы, то в отчетных публикациях излагалась совсем другая трактовка.

Да разве только на встречах?

В период, когда стал очевидным рост сепаратизма в стране, Горбачев решил изобразить из себя борца за сохранение единого государства. Были изданы грозные указы о борьбе с сепаратистскими настроениями, «решительно» осуждающими действия руководителей республик Советской Прибалтики, явно ставших на путь выхода из состава СССР, требующих мер подавления от органов правопорядка.

Расскажу о подготовке одного из мероприятий, относящихся к разряду «решительных мер». Речь шла о недопущении ликвидации советской власти в Латвии. Это был конец 1990 года. Латвию любил и люблю. Еще в годы войны осенью 1944 года пришлось пройти всю ее с востока на запад. Даже в боевых походах, любуясь ее прекрасными ландшафтами, ощущал доброту жителей Латгалии и Видземы. В Курляндии встретил День Победы. Никогда не уйдет из памяти переход через Лубанские болота. Что это такое, можно судить по фильму «А зори здесь тихие...». Но главное — люди Латвии, их отзывчивость и приветливость, сохранение достоинства и честное отношение к дружбе, верность данному слову.

Пишу, а перед глазами проявляется облик Бориса Карловича Пуго, скромного до шепетильности, спокойного во всех ситуациях, всегда (и на посту секретаря ЦК ВЛКСМ, и председателя КГБ республики, и первого секретаря ЦК Компартии Латвии, и в ЦК КПСС, и в МВД СССР) поражавшего своей культурой, умением вести себя в обществе, то есть тем, что принято ныне именовать интеллигентностью. Он участвовал во встрече у Горбачева, где решалось, быть или не быть упомянутой акции.

Встреча состоялась по нашему с Крючковым настоянию. Мы считали, что Горбачев должен знать суть акции, осуществляемой по его указанию, видеть ее возможные последствия и как президент дать на нее правовое согласие. Не скрою, что к тому времени

президент уже успел зарекомендовать себя «не ведающим о том, что происходит в стране», если общественность хотела иметь достоверную информацию. Для него «как снег на голову» обрушились события в Тбилиси в апреле 1989 года, он «не знал» о том, что вот-вот вспыхнет карабахский конфликт, да и в других случаях уклонялся от того, чтобы принять на себя хотя бы малую часть ответственности за происходящее в стране.

А посему, когда он сказал В.А. Крючкову, доложившему ему о готовности к проведению акции: «Действуйте», мы попросили его принять нас для подробного доклада.

И доложили. Получили одобрение. Особенно настойчив был Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Он сказал даже, что хорошо бы эту акцию начать с Грузии, где у власти был Гамсахурдия.

Но здесь вышла заминка. Мы попросили не только устного разрешения. Горбачев и Шеварднадзе высказали удивление. До сих пор звучат слова Шеварднадзе: «Зачем? Это акция спецслужб. Она не должна санкционироваться государством. В каком положении окажется МИД?» Горбачев: «Но я же даю свое согласие». «Мало, Михаил Сергеевич, ибо эта акция не спецслужб, а государственной власти. Она наводит порядок в стране, а спецслужбы и армия выполняют ее волю».

По предложению Горбачева окончательное решение отложили на неделю, затем еще на неделю... Стало ясно, что президент смел тогда, когда есть на кого свалить вину. Не знаю, что происходило в августе 1991 года, но когда случились события, названные тут, мне вспомнилось то совещание в Кремле.

— Но мы несколько отклонились от темы. Вы вели речь о том, что зараженные вирусом непобедимости (а еще добавим и непогрешимости) руководители страны недооценивали угрозы Советскому государству.

— Да. Но во времена Горбачева была уже иная картина. Разрушение созданного поколениями уже шло. Распад государства начался. Обруч, сплотивавший общество, каким являлась партия, уподоблялся старой резинке на поношенном белье. В этих условиях Горбачев рвал эту резинку и одновременно бил и по тем силам, которые искали выход из создавшегося положения.

На всякую информацию о действиях Запада, подталкивавшего разрушительный процесс, о губительных для страны внутренних сложностях у Горбачева был один ответ: «Комитет госбезопаснос-

ти драматизирует обстановку». А драматизировал ее не только комитет. Об этом били тревогу многие честные люди, понявшие надвигающуюся беду.

При чем же, вы спросите, гордыня? А при том, что, придя к власти, Горбачеву удалось найти поддержку своей политики у тех, кто верил в вечную непобедимость государства. Перестройка, замысел которой стал очевиден через пять лет, явилась великим обманом. Плоды победы остались в воспоминаниях доживающих свой век ветеранов. Но горечь не только в этом.

Печально, но надо признать, что в обмане участвовали и люди, беспредельно верившие по традиции, воспитанной партией, своим вождям и лидерам. Опомнились потом, но поздно. К числу их отношу и себя. Как и другим, мне приходилось утверждать необходимость и полезность перестройки, голосовать за неизвестные мне реформы, порожденные новым мышлением (не мышлением).

Мы (я) готовы каяться за свое. Но готовы ли каяться те, кто сознательно разрушил единое государство, воспользовавшись промахами создававших и укреплявших государство предшественников? Вряд ли.

— Вы так сказали о гордости, что ловишь себя на чувстве опасности гордиться Россией.

— Не надо. Гордость — необходимое качество патриота. Россией нельзя не гордиться, в нее надо верить (не мои слова, Федора Ивановича Тютчева). Но гордость требует не любования Россией, а заботы о ее судьбе, ее укреплении, постоянного труда на ее благо. Не падать в гордыню, видеть и предотвращать опасности, грозящие Родине.

— Они есть и сегодня?

— Безусловно, есть. Россия продолжает оставаться объектом экспансии. Теперь стало достаточно очевидным, что не характер государственного строя тому вина. Россия как неколебимый феномен земной цивилизации вызывает нетерпимость к ее прежде всего духовному величию. Ей не прощают даже того, что сделала она для существования нынешних процветающих государств не только Европы.

Не станем углубляться в историю. Достаточно напомнить о роли России, предотвратившей татаро-монгольское нашествие на Европу; спасение человечества от фашистского порабощения. А разве не Россия поддержала нарождавшиеся Соединенные Штаты Северной Америки?

Но факт остается фактом. «Холодная война» не стала завершенной после гибели Советского государства. И инициатором ее, как и в советское время, является не Россия. Известно, кому не нравится сохранение ее государственной целостности. Кому хочется разломать ее, раздробить. Желания подобного рода не скрывают. Имею в виду такие публикации, как книги Бжезинского.

— Вы говорили о том, что руководители советского государства не хотели видеть опасность, таившуюся в «холодной войне». А считается ли с такой опасностью руководство России?

— С удовлетворением отвечу: «Да». Меня радует, что, в отличие от последнего десятилетия, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в числе первоочередных задач видит сохранение территориальной целостности России. Его действия в этом направлении нельзя не поддерживать.

Тяжелая война (да, война) в Чечне. Хотелось бы избежать ее или хотя бы побыстрее закончить. Но ее ведут против нас не чеченцы, а наемники. Мы воюем с наемным вооруженным формированием. Воюем, защищая территориальную целостность России. Нанимающих и содержащих наемников не называют. Наверное, по дипломатическим соображениям. Но они есть, и они известны.

Думаю, что итоги визита президента в Японию также говорят о его заботе по сохранению территорий Российского государства. Видение угроз, направленных против России, определило, на мой взгляд, и суть предложений, высказанных В.В. Путиным на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. В частности, поддержке самой ООН как инструмента сохранения мира, как силы, способной противостоять агрессии. В этом проявляется не агрессивность России, выраженное желание не идти по дороге конфронтации, желание жить в мире. Чем-то это напоминает призывы М.М. Литвинова, наркома иностранных дел СССР, в Лиге Наций о необходимости объединить усилия против нараставшей фашистской угрозы. Их созвучие понятно.

Мы предлагаем мир и сотрудничество. И не потому, что мы слабы. К войне Россия никогда не звала.

— Почему же, на ваш взгляд, столь нетерпимы к инициативам президента некоторые политические группировки в нашей стране, неумная критика, подчас нескрывая злобная, некоторых средств массовой информации?

— Можно на сей счет говорить долго, а потому нудно. Лучше сошлюсь на то, что сказал английский писатель А. Тrollop еще в 1857 году. В романе «Барчестерские башни» он писал: «...Что может быть приятнее жизни фельетониста или лидера оппозиции? Метать грома в людей, стоящих у власти, указывать на недостатки всех новшеств, отыскивать дыры в каждом сюртуке, негодовать, язвить, вышучивать, морализировать, презирать! Губить прохладной похвалой или сокрушать неприкрытой ложью! Что может быть легче, когда критик ни за что не отвечает?»

Чем не сегодняшний день?

*Опубликовано в журнале
«Российский кто есть кто»
№ 5 за 2000 г.*

Почему проиграли «холодную войну»

Беседа с Александром Бондаренко

Совсем еще недавно говорилось, что «коммунизм — это светлое будущее человечества», а сегодня утверждается, что социалистический путь развития — тупиковый. Причем если первый тезис выглядел чисто гипотетически, то второй вроде бы подтверждается крушением СССР и всей восточно-европейской коммунистической системы. Вывод отсюда может быть только один: России, как и всем прочим странам, определена своя роль в системе глобального мира, построенного в интересах определенного количества «семейств», ну а лозунг социалистического государства «Все для блага человека» должен быть позабыт напрочь.

Кажется, все предельно ясно, и многие, очень многие наши соотечественники в это уже поверили. Поверили, забыв о том, что, именно следуя путем социалистического развития, Россия в невиданно короткие сроки вышла в число мировых лидеров, сокрушила военную мощь гитлеровской Германии, создала суперсовременную экономику, лучшие в мире системы обучения, здравоохранения и социального обеспечения... Казалось бы, процесс поступательного развития должен был продолжаться и к концу XX столетия СССР мог стать абсолютным мировым лидером. Однако в какое-то время в нашем государственном механизме что-то словно бы сломалось, началась «пробуксовка», и процесс социалистического развития завершился позорной предательской перестройкой. В результате в памяти многих советские времена остались в образе пустых прилавков и огромных очередей, то есть именно того бытового момента, к которому никому возвращаться не хочется... Выводы отсюда очевидны.

Однако мыслящего нашего соотечественника давно уже не удовлетворяют лежащие на поверхности выводы и элементарные решения, слишком уж все это похоже на заданность. Так что вопрос, почему же в действительности погиб СССР, по-настоящему интересует многих. Поэтому мы и обратились к давнему другу «Красной звезды» Филиппу Денисовичу БОБКОВУ, который в советские времена фактически создавал и возглавлял 5-е, «идеологическое», Управление КГБ СССР.

Ф. Бобков. Действительно, тема эта еще очень долго будет своевременной. Можно говорить о людях — виновниках этого распада, можно — о неправильности политики, о том, кто и как ее делал... Но лучше посмотреть, что происходило на всем протяжении жизни Советского государства.

А. Бондаренко. То есть начинать с Октябрьской революции? Сейчас установилась точка зрения, что для России это была самая большая трагедия XX века — вот даже праздник отменили...

Ф. Бобков. Когда говорят, что, придя к власти, большевики сразу начали губить Россию, это достаточно спорно. Утверждают, что они развалили Россию территориально, но надо вспомнить, что она распалась после февраля 1917 года. Тогда образовались независимые Украина, Белоруссия, Грузия и все прочие... После Октября начали собирать исконную Россию, и она была собрана, за исключением Прибалтики, Финляндии и Польши, в рамках бывшего имперского государства. Можно спорить, какие были лозунги: право на отделение, право выхода, но это другой вопрос.

А. Бондаренко. Но почему? Некоторые сейчас даже именуют СССР «тюрьмой народов». Разве наши республики имели реальное право на самоопределение?

Ф. Бобков. Вспомните Финляндию, вспомните Польшу.

А. Бондаренко. В те времена — да... А в последующем?

Ф. Бобков. Думаю, в последующие годы это могло быть тоже — мы просто не знаем фактов, когда бы они отделялись. Если бы у нас был пример того, что мы кому-то запретили, тогда другой вопрос. Но, поверьте, я не думаю, чтобы какое-либо государство стремилось показать миру, что от него можно чего-то оторвать.

А. Бондаренко. Буквально сразу после Октября началась «русская смута» — Гражданская война, ставшая одной из самых больших национальных трагедий...

Ф. Бобков. Она, если внимательно посмотреть, возникла не потому, что большевики ее затеяли, а потому, что с первых же дней после Октябрьской революции в России начали сколачиваться силы, которые выступили против большевиков. Сколачивали эти силы иностранные посольства, прежде всего англичане.

А. Бондаренко. Да, они на протяжении многих веков «участвовали» в нашей политике — вплоть до проплаты царевубийства 1801 года...

Ф. Бобков. Вот именно. Так что в том, что поднялось Белое движение, сыграли немалую роль именно западные государства. Это совершенно четко известно и ясно. Но согласитесь, большевики не могли бы выиграть Гражданскую войну, если бы их в этой войне не поддерживал народ, и вообще, если бы не было такой поддержки, то вряд ли большевики остались бы у власти. Против белых и интервентов воевала большая часть народа.

А. Бондаренко. И в это же время, как известно, большевики развернули в стране «красный террор»...

Ф. Бобков. О «красном терроре» я сейчас бы не говорил. Во-первых, он не был скрываем. Во-вторых, рядом с «красным» был «белый террор». Более того, «красный террор» был все-таки ответом на «белый». Так что сейчас трудно сказать, сколько всего народу погибло и кто там виновник. Но я думаю, что Деникин расстрелял не меньше, чем Тухачевский; когда мы говорим, что в Крыму расстреляли белых офицеров, не надо забывать, что в период власти Врангеля там же было расстреляно не меньше сторонников красных. А Колчак в Сибири?.. Это был террор при взятии территорий, это была революция. Вспомним Англию в период Кромвеля, вспомним Великую французскую революцию. Разве не то же самое? Я никого не хочу оправдывать и не скажу, что я безразлично к этому отношусь, но так было суждено самой революционной логикой.

А. Бондаренко. Да, власти предержавшие порой не понимают, что терпение народа не безгранично и бунт, «бессмысленный и беспощадный», становится объективной реальностью... Хорошо, тогда мы уходим от «крайностей революции» и обращаемся к тому, что называлось процессом социалистического строительства...

Ф. Бобков. Правильно, это наиболее важный вопрос. Процесс строительства государства у нас по-разному освещается, но мы должны четко видеть, что хотела делать власть, пришедшая после Октября. Ее курс выражается в ленинских положениях. Что говорил Ленин после Октября? Он говорил, что мы обрели самую демократическую, передовую власть — советскую власть. Она должна опираться на серьезную экономику. Такой серьезной экономикой может быть государственный капитализм. Если мы подведем под советскую власть государственный капитализм Германии, то это будет две трети социализма. Это

ленинское положение совершенно забыто. А Ленин об этом четко говорил во многих своих выступлениях и в основу именно это закладывал.

А. Бондаренко. Филипп Денисович, давайте обратимся к цитатам...

Ф. Бобков. Хорошо, вспомним одну из известнейших работ Ленина «Очередные задачи советской власти». Вы, конечно, ее изучали?

А. Бондаренко. Ну, конечно... конспектировал.

Ф. Бобков. Понятно. Так о чем там Владимир Ильич писал? Что самая главная сейчас задача — учиться торговать! Это что, разве не рыночная экономика? Ленин исходил из того, что рыночная экономика существует и при социализме. И потому мы ошибаемся, говоря, что НЭП была вынужденной — никакой она не была вынужденной, эта политика!

А. Бондаренко. Позвольте, большевики победили под лозунгами «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам»... Почему же государственный капитализм нужен был?

Ф. Бобков. Потому что экономику надо было развивать прежде всего за счет развития тяжелой промышленности. Без машиностроения экономика не поднимется, и частник тяжелую промышленность не поднимет, потому что при капитализме он будет делать то, что даст прибыль через год-два. А вкладывать деньги в то, что тебе даст результаты через десять лет, никто не хочет.

А. Бондаренко. Да, опыт нашей приватизации — лучшее тому доказательство: такие уникальные предприятия угробили! Но пока «труба» качает, это никого не волнует...

Ф. Бобков. Так что вы понимаете, почему Ленин ориентировался именно на государственный капитализм? Кстати, благодаря тому, что государство взяло в руки тяжелую промышленность, Рузвельт вывел из кризиса Соединенные Штаты. После Второй мировой войны в Великобритании национализировали угольную промышленность... Видите, это не только ленинское — и другие к подобной практике прибегали.

А. Бондаренко. Ну а почему тогда, по вашему мнению, страна ушла с этого пути?

Ф. Бобков. Думаю, это произошло из-за военной угрозы. Она очень сильно стала звучать уже в последний год жизни Ленина,

а после его смерти особенно... Явно было видно, что готовится военный марш на Советское государство. Надо было решать вопрос: или мы будем защищаться, или мы будем уходить — терять свою самостоятельность.

А. Бондаренко. То есть было необходимо интенсифицировать развитие страны...

Ф. Бобков. Да, и тут надо было решать: или мы прекращаем развивать социалистическое государство и идем со своим сырьем на поклон к Западу, или мы всесторонне укрепляем и развиваем это государство... Так возник вопрос о возможности построения социализма в одной стране. Это в известной мере был отказ от того положения, которое существовало у Ленина, — о мировой революции... Именно здесь началась наша внутренняя политическая борьба: Сталина стали обвинять в том, что он, отказываясь от мировой революции, уходит от марксизма. А на нее уже нельзя было рассчитывать, особенно после ноября 1923 года, когда был полный провал революции в Германии. Ясно было, что мировая революция не скоро состоится и поэтому нам надо было либо жертвовать для нее Россией, либо закреплять то, чего мы добились в октябре 1917 года: строить социалистическое государство в одной стране.

А. Бондаренко. Так и строили бы рыночным, государственно-капиталистическим путем...

Ф. Бобков. Нет, это было трудно, потому что мы были в полной изоляции. У нас не было ни экономической, ни финансовой — никакой и ниоткуда поддержки. Мы опирались только на то, что есть у нас. Отсюда пошла жестокая экономическая политика: мы провели тяжелейшую коллективизацию, индустриализацию...

А. Бондаренко. И все это за счет огромных жертв в стране.

Ф. Бобков. Да, и сейчас это все можно осуждать, но это одна сторона дела. Другая сторона — нам нужно было выжать все внутренние средства, чтобы создать тяжелую промышленность. И мы фактически за восемь лет создали все то, что имели в 1940 году. И в войне мы победили именно потому, что создали государство: было чем побеждать. Конечно, на пути создания этого государства были жертвы, излишние жертвы, но кто его знает, как можно было действовать иначе и что бы в ином случае получилось. Ведь наш путь — это путь первопроходцев.

А. Бондаренко. Возвращаюсь к ранее сказанному вами о политической борьбе в нашем обществе. Сталин говорил, что по мере укрепления социализма эта борьба будет нарастать. Так ли это получилось в действительности?

Ф. Бобков. Не думаю, что этот тезис точно был сформулирован... Но в связи с вот этой ситуацией — куда идти на том этапе — это было так. Но я не сказал бы о том, что она продолжалась на протяжении всего существования Советского государства... Вообще есть некоторые вещи, по которым надо возвращаться к точности формулировок. Мы сейчас, например, широко используем выражение «кадры решают все». А ведь Сталин говорил: «Кадры, овладевшие техникой, решают все».

А. Бондаренко. Действительно, это совсем другие кадры...

Ф. Бобков. И в СССР по-настоящему заботились о подготовке этих кадров! За годы существования советской власти мы имели достаточно высокий процент людей с высшим образованием; страна училась — училась на протяжении всего времени... Хотя нам всегда было тяжело — и не только потому, что первопроходцам, какими мы в полном смысле слова были, легко не бывает. Мог быть и другой путь, но мы другого пути не нашли, выбрали этот.

А. Бондаренко. Но почему в самые трудные времена система работала гораздо лучше, нежели в последующие, гораздо более спокойные годы?

Ф. Бобков. Действительно, после победы мы могли развиваться в условиях мира — после того, когда мы получили атомную бомбу, мировой мир был виден на многие годы. Тут как раз можно было снять напряжение в экономике, определить новые ориентиры развития социалистического государства. Политэкономы пришли к выводу о необходимости учитывать действия объективных законов экономического развития при социализме, снять с экономики пресс государственного давления. Среди этих законов стоит выделить закон стоимости при социализме. Это рыночный закон? Безусловно! К сожалению, в последующие годы этот вывод развития не получил, потому что от этого закона мы, начиная уже с 1953 года, стали уходить все дальше.

А. Бондаренко. Смена власти в нашей стране почти всегда приводит к перемене курса по всем направлениям...

Ф. Бобков. Да, к сожалению. Хрущев немало сделал для восстановления прав, реабилитации невинно репрессированных,

но в экономическом плане много было таких вещей, которые нас уводили от того, чтобы развивать экономику в строгом соответствии с объективными экономическими законами. Например, были ликвидированы всякая личная, частная собственность, промышленная кооперация, приусадебные участки, и это привело к тому, что вся масса людей стала жить на иждивении государства... Нужно было поднять урожай — и началось освоение целины. В результате мы бросили Центральную Россию, а фактически всех профессионалов увезли в Казахстан... Я вообще вам так скажу: при Хрущеве, по существу, шло ослабление власти Советов.

А. Бондаренко. Есть версия, «Красная звезда» об этом писала, что Сталин якобы пытался возродить Российскую империю. Но Хрущев...

Ф. Бобков. Трудно сказать, что именно хотел Сталин, но советскую власть он не ликвидировал. А вот после его смерти советскую власть постепенно заменили партийной, потом — президентской. Известно, что на XVII съезде партии в ЦК были ликвидированы функциональные отделы. Они возродились только в военное время, потому что аппарат ЦК стал аппаратом ГКО. Но когда кончилась война, примерно через год вновь началась ликвидация функциональных отделов. Партия превращалась в политический орган — управление агитацией и пропагандой, парторгработой, иностранными делами, а вся власть уходила в Советы.

А. Бондаренко. И так продолжалось до пришествия на власть Хрущева?

Ф. Бобков. Да. После смерти Сталина сразу же были воссозданы функциональные отделы, а партия стала властной структурой. Причем власть ЦК отличалась тем, что была безответственной. Без этой власти ничего нельзя было решить, но когда решали не так, то отвечал Совет, а не партийная власть. Таким образом, произошла подмена советской власти партийной властью и Советы все время отодвигались все дальше и дальше от управления государством, особенно на местах.

А. Бондаренко. Однако ведь и сама партия, как известно, в это время существенно изменялась?

Ф. Бобков. Я сказал бы, что, кроме ликвидации советской власти, шла и ликвидация партии — фактическое раздвоение партии на сельскую и рабочую. Это создавало несколько другую

партию... И вообще мы говорили: партия рабочего класса. Между тем за это время у нас в самом рабочем классе произошли большие изменения. Инженер нередко работал как квалифицированный рабочий, получал как инженер, и в партию его не принимали, потому что он номинально не рабочий... То есть человеку, который создавал какие-то сложнейшие машины, в партию прийти было труднее, чем слесарю-сантехнику. И что, это шло на пользу партии? Почему у нас младшие научные сотрудники в большинстве своем оказались в некоторой оппозиции? Потому что имели вот такие определенные ограничения не только в заработной плате, но и вообще.

А. Бондаренко. Причем сами партийные собрания, насколько помнится, постепенно превращались в производственные совещания...

Ф. Бобков. И это верно. Мы стали работать на частностях, ушли от теории марксизма, так что основной путь развития нашего государства потерял свою методологическую основу.

А. Бондаренко. Если бы мы с вами писали соответствующую статью для учебника истории, то можно было бы обозначить жирным шрифтом: «Причина № 1» — постепенная деградация правящей партии. Впрочем, вопрос на ту же тему: когда у нас в стране появилась «партийная элита»?

Ф. Бобков. Думаю, это произошло уже вскоре после смерти Сталина... Стала возрождаться система подарков, преимущество в обеспечении... Потом появилась небрежность в отношении к трудящимся, к их заявлениям — все это неизбежно отдаляло руководство от народа... В последние годы секретари обкомов, ответственные работники в основном отдыхали за границей, правда, по приглашению компартий. Стал появляться новый образ жизни, шло расслоение общества... Хотя и Хрущев в свое время пытался что-то выправить, и Брежнев в первые свои годы был очень активен. Ему было очень трудно, многие вещи надо было поправлять, а как только он начинал поправлять, все кричали, что это возврат к сталинизму.

А. Бондаренко. Он прислушивался к этой критике?

Ф. Бобков. Прислушивался. Когда же Брежнев фактически вышел из строя, то его окружение, боясь его ухода и цепляясь за власть, и повело страну к развалу, отойдя от многих принципов социализма.

А. Бондаренко. В общем, роль личности оказывалась главенствующей... Тут в очередной раз приходит мысль, что Юрий Владимирович Андропов мог спасти СССР, что бы сейчас ни пытались говорить о тщетности таких попыток и каких-то тайных помыслах председателя КГБ...

Ф. Бобков. Андропов был не только убежденным коммунистом, но и очень трезвым реалистом, прагматиком. Вот говорят, что он — автор перестройки. Это ерунда! Когда Юрий Владимирович стал Генеральным секретарем, то в своей первой и, к сожалению, единственной работе он сразу вернулся к Марксу. Сразу! Он сказал, что надо посмотреть на то, в каком обществе мы живем, и по Марксу определить, что нам теперь следует делать.

А. Бондаренко. У вас с Андроповым были личные разговоры на эту тему?

Ф. Бобков. Он мне говорил, что мы должны разобраться в том, какой у нас социализм. Что, наверное, в социализме у нас можно и нужно что-то корректировать, поправлять, модернизировать, развивать, но ведь другого социализма в мире нет, и никто не знает, каким он должен быть в идеале... А потому нам надо разобраться, что у нас есть, и идти дальше. Именно так поступает первопроходец. Перестраивать социализм Андропов не собирался.

А. Бондаренко. А Горбачев собирался?

Ф. Бобков. Думаю, даже он вам на этот вопрос не ответит... Все тогда понимали, что нужно было что-то улучшать, совершенствовать. Однако «прорабы перестройки» не продолжили пути первопроходцев строительства социалистического государства. Сознательно или же по иным причинам под лозунгами «возврат к Ленину», «социализм с человеческим лицом» начался откровенный возврат к капитализму. Прямую дорогу к нему открыла «Беловежская пуша», которая отвечала также стремлениям Запада, стремившегося путем «горячих» и «холодных войн» изменить конституционный строй в СССР. Возможно, именно поэтому лица, подписавшие в Беловежье антиконституционный акт, сначала доложили об этом президенту США, а уж затем — СССР. Первый из президентов искренне поздравил разрушителей, а второй преспокойно ушел в отставку. Поначалу мы все исходили из того, что работаем на улучшение социализма, когда увидели, что эта перестройка ведет к капитализму, вот тут начался раскол нашей Ком-

мунистической партии, которая, к сожалению, в то время страшно рыхлая была...

А. Бондаренко. Тогда, может быть, сформулируем «Причину № 2» — о том, что социалистическая система может быть эффективна только в каких-то экстремальных обстоятельствах существования государства?

Ф. Бобков. А вы не спешите с выводами? По моему убеждению, разговор о том, что социализм ликвидирован, не имеет под собой основы, и социалистический строй рано или поздно все равно будет развиваться. Только, видимо, не у нас...

А. Бондаренко. Где же тогда?

Ф. Бобков. Вы разве не знаете, что то, что сейчас делает Китай, это и есть социалистический путь? Причем основанный на ленинских, марксистских принципах. Китайцы от марксизма не отказались, почитайте Дэн Сяопина. Кстати, они очень внимательно изучают наш опыт, очень аккуратно относятся к нашему социалистическому прошлому, совершенно не подвергая его никакой критике, но повторять наши ошибки не хотят. И не повторяют, будьте уверены!

А. Бондаренко. Да, это не мы, которые с петровских времен бездумно примеряют западные обноски и тем счастливы... Но ведь про китайский социализм мы даже при советской власти как-то не очень говорили...

Ф. Бобков. В 1921 году, когда левые коммунисты шумели, что мы вот-вот совершим мировую революцию, Ленин сказал, что нам надо взвесить очень многое, и прежде всего — не зазнаваться. Мол, мы считаем, что уже никогда не будем в каком-то арьергарде, но не исключено, что центр тяжести коммунистического движения переместится в Индию или в Китай, и мы должны быть готовы это пережить. Не пережили! Как только центр стал перемещаться, мы сразу насмерть порвали все отношения с Китаем — в 1956 году. Так что Китай сейчас идет социалистическим курсом с учетом того, что было у нас. В основе его успешного развития — ленинское положение: народная власть и государственный капитализм.

А. Бондаренко. Сейчас много говорится о том, что в крушении СССР большую роль сыграли различные западные спецслужбы...

Ф. Бобков. Конечно, они очень много сделали, чтобы развалить Советский Союз. Но эту работу вели не только спецслужбы,

это была продуманная политика всего Запада. Это была правительственная политика государств, а спецслужбы были исполнителями... Вся беда в том, что у нас в государстве и в партии не было придано серьезного значения «холодной войне».

А. Бондаренко. Разве?! По-моему, только об этом наши международники и писали. Достаточно вспомнить «классику жанра» — книгу «Ненависть» Виталия Коротича...

Ф. Бобков. Действительно, о том, что «холодная война» идет, говорилось все время. Еще писали, что у них негров вешают... Но серьезной контрпропаганды, серьезного противодействия практически не было. Кстати, названная вами книга была исключением, в ней очень убедительно рассказывалось, как американцы нас ненавидят. Но по существу, мы находились в слабой обороне. Хотя наши спецслужбы довольно активно боролись против идеологической экспансии, но дело в том, что должна была быть государственная политика. Она прежде всего должна была выражаться не в том, что нам надо их критиковать, мы должны были видеть и знать, что используют западные спецслужбы в борьбе против нас.

А. Бондаренко. Естественный вопрос: а что они использовали?

Ф. Бобков. В частности, и спецслужбы, и западные государства очень серьезно использовали межнациональные отношения. У нас в это время уже было достаточно промахов. Мы их видели и беду эту в будущем ощущали. Было ясно, что, если мы не сможем своевременно реагировать на начинавшиеся межнациональные распри, мы очень многое потеряем. Мы все охотно пили за дружбу народов, клялись в этой дружбе, но, как только разъезжались по своим квартирам, эта дружба оставалась в застолье. Между тем на радиостанции «Свобода» были 22 национальные редакции, работавшие на СССР на национальных языках Советского Союза. И они вели пропаганду именно в этом ключе...

А. Бондаренко. Но разве высшее партийное руководство не реагировало на информацию КГБ?

Ф. Бобков. Помню такой случай. Мы как-то по Эстонии посмотрели всю ситуацию, и было ясно, что здесь надо очень серьезно поработать по национальной проблеме — прежде всего с Центральным Комитетом эстонской Компартии. Андропов подписал записку в ЦК КПСС, чтобы на Политбюро это дело послушали. Записку очень долго перекладывали с места на место

и в конце концов вынесли решение отправить ее на бюро ЦК Эстонии, пусть они ее там проработают... Дело кончилось тем, что сняли с поста председателя КГБ Эстонии и дальше пошли жить, как и жили.

А. Бондаренко. Вы сказали про промахи в организации межнациональных отношений. Что вы имеете в виду?

Ф. Бобков. Очень серьезную негативную роль сыграло решение 1957 года о том, что русские люди, которые живут в союзных республиках, не обязательно должны изучать в школах местный язык, и это сразу вызвало отрицательное отношение к нам на местах. А если его не стали изучать русские, тогда не стали изучать и живущие там нерусские — вы же школьников знаете, всегда постараются жизнь себе облегчить. Это сразу родило вопрос: что такое, идет русификация и все прочее?

А. Бондаренко. Кстати, сегодня это играет негативную роль в Прибалтике — русские люди, давно там живущие, не знают местного языка... Впрочем, вернемся к «холодной войне».

Ф. Бобков. А что здесь еще можно добавить? В ЦК к ней относились с ледяным спокойствием, все ограничивалось разговорами, наши предложения поддержки не находили... Это и привело к тому, что мы проиграли «холодную войну». Так что не считайте, что это только проигрыш спецслужб. Если в Великой Отечественной войне воевали не только армия, спецслужбы, но и все государство, то от «холодной войны» государство просто самоустранилось.

А. Бондаренко. А почему, Филипп Денисович, как вы это понимаете?

Ф. Бобков. Причин тому много, о них мы в той или иной степени говорили, но вот еще одна — тут был элемент зазнайства: мол, мы Великую Отечественную войну выиграли, кто ж нас теперь-то победит? Помню, в 1989 году я выступал на одном представительном партийном мероприятии и сказал, что мы должны укреплять партию, потому что она оказалась рыхлой. Это такую реакцию вызвало! Один товарищ мне заявил: «Как это она рыхлая, когда мы в Отечественную войну!..» Я сказал, что сам партбилет получал в окопе, так что мне про войну говорить не надо, а вот про нынешнюю партию я могу говорить определенно...

А. Бондаренко. Вы мне как-то сказали: «Мы слишком долго праздновали победу...»

Ф. Бобков. Конечно! Мы очень уж увлеклись воспоминаниями о своих былых заслугах. Хотя и без воспоминаний тоже нельзя, но всего должно быть в меру. Ведь прошлое, настоящее и будущее связаны неразрывно... Вот у меня недавно был корреспондент из Венгрии, он спросил, как я оцениваю венгерский мятеж. Отвечаю: «Мне это очень легко оценить. Если Венгрия сейчас живет лучше, чем при народной власти, значит, те мятежники были правы. Если хуже...» Через два месяца он мне позвонил и сказал, что эту мою фразу главный редактор вынес на первую полосу — на самый верх, потому что живем мы хуже...

А. Бондаренко. Да, сегодняшний день порой дает объективное понимание событий полувековой давности...

Ф. Бобков. А вот вам обратный пример: в Латвии сейчас много кричат о «советской оккупации», сменившей немецкую оккупацию. Вы знаете, как мы в 1944-м в Ригу входили? Это было 13 октября. Так вот, в период боев за Ригу ни одного дома не было повреждено! Помню, вышли мы на набережную Даугавы, перед нами открылись Домский собор, разные здания старинные, и там, на башнях, сидели пулеметчики, вели по нам огонь. Ну, вытащили мы свою полковую артиллерию, но только-только выставили пушки, как прибежал взмыленный ординарец, привез приказ, запрещающий стрелять по старой Риге. Вот так мы и освобождали город.

А. Бондаренко. В одном из рижских музеев я видел фотографии горящей башни собора Святого Петра — это когда немцы входили...

Ф. Бобков. Ну и кого тогда оккупантами называть? Недаром же дня через три-четыре, когда в Ригу входили основные наши войска, то они шли по цветам. Народу на улицах было полно, цветы бросали... Это же никто не организовывал — люди сами выходили!

А. Бондаренко. Вообще, насколько я знаю, в Прибалтике люди в подавляющем своем большинстве к России хорошо относились. Националистические настроения подогревались там достаточно искусственно.

Ф. Бобков. Вы правы. Я в Латвии недолго побыл в годы войны. Мы знали, что там есть бандиты, но с народом у нас был полный контакт, никаких эксцессов. Кстати, бандитизм в Прибалтике закончился быстрее, чем на Украине, хотя англичане и амери-

канцы его очень активно поддерживали. Последний катер с оружием для бандитов приходил из Англии, по-моему, в 1954 году. Это были быстроходные катера — наши за ними гоняться не могли. Но поскольку мы в то время уже многое знали и в бандах этих у нас были сильные позиции, то мы и принимали это оружие...

А. Бондаренко. Так что весь «национальный патриотизм» вскармливался, как говорилось, «оттуда»?

Ф. Бобков. Конечно, и в Прибалтике, и на Западной Украине, и в других регионах. Все это было совсем не в интересах народа. Ведь как мы подняли ту же Прибалтику, превратили ее в свою собственную «заграницу» — ухоженную, состоятельную? Наши люди туда с удовольствием отдыхать ездили. А ведь Литва, например, раньше совершенно нищая была! Да и сейчас опять такой же становится...

А. Бондаренко. Как реально относился советский народ к советской власти? Это вопрос к вам как к руководителю 5-го Управления, изучавшему вопрос по долгу службы.

Ф. Бобков. Тут сейчас стали говорить, ссылаясь на Андропова: он якобы сказал, что у нас было 8 миллионов недовольных советской властью. Я от него никогда такого не слышал!

А. Бондаренко. И он, главное, от вас этого тоже не слышал!

Ф. Бобков. Нет, я далек от таких цифр. По-моему, народ к советской власти относился хорошо. Хотя по мере усиления партийного влияния, перехода власти к партии отношение к власти менялось не в лучшую сторону, потому что она все больше удалялась от запросов людей. Это вызывало, конечно, многие беды, особенно в национальных республиках, о чем мы уже говорили. И хотя любовь к власти у нас в последние годы не укреплялась, но в целом люди относились к ней нормально. У нас вообще в последние годы — не в самые последние — никаких антисоветских проявлений в стране, по существу, не было. Кроме каких-то крупных городов, где действовали так называемые диссиденты, которыми себя сегодня называют многие...

Вообще диссидентов, которых поддерживал Запад, было немного. Строго говоря, это были не инакомыслящие, а люди, которые становились на путь борьбы с конституционным строем. Это было, повторю, главным образом в крупных городах — в Москве и Ленинграде. В Киеве, Львове, Харькове — там больше был национальный оттенок. В Белоруссии этого вообще не было; в Гру-

зии никого не было, кроме Гамсахурдиа... А по большому счету я скажу так: конечно, недовольные у нас были, но это не были люди, которые пытались бороться с властью. И мало кто у нас в стране желал, чтобы эта власть когда-нибудь рухнула...

А. Бондаренко. Опыт моего общения свидетельствует, что даже и среди тех, кто по-настоящему идейно боролся против советской системы, не все довольны, скажем так, конечным результатом своего труда...

Ф. Бобков. Да, разрушение — это вещь такая... И как не без горечи сказал один из известных диссидентов, «целились в коммунизм, а попали в Россию».

Вот таковы мои мысли на тему, почему погиб Советский Союз... Повторю в очередной раз: мы были первопроходцами и поэтому обречены на ошибки.

*Опубликовано
в газете «Красная звезда»
от 25 ноября 2005 г.*

Почему проиграли «холодную войну»

Дополнение

После создания 5-го Управления была установлена связь с соответствующими службами дружественных государств, ибо они особенно остро ощущали, что контрразведывательная работа необходима и для борьбы со шпионажем, и для защиты конституционного строя. Разведки стран Запада занимались не одним лишь шпионажем, они планомерно работали над разрушением строя в социалистических странах, прекрасно зная его слабые места.

Сотрудники 5-го Управления почувствовали это, возможно, даже раньше других в КГБ, так как мы реально видели и знали не только эти слабые места, но и те потенциальные силы, которые способны пойти на сотрудничество с противниками.

К тому времени становилось заметно, как в социалистическом лагере назревает раскол. У Советского Союза продолжались напряженные отношения с Китайской Народной Республикой, у нас не было, по существу, отношений с КНДР, ушла в полную изоляцию Албания, отчетливо конфронтационную позицию занял Чаушеску в Румынии, и все эти годы не проходил горький осадок от разрыва с Югославией.

Каждый из нас по-своему переживал ситуацию, и, хотя говорилось об этом лишь в узком кругу, все понимали, раскол усиливается, и то, что произошло в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии, не прошло бесследно для их народов.

Было совершенно очевидно: методы строительства социалистического общества, в которые мы свято и искренне верили, требуют новых подходов и глубокой теоретической проработки. Этими проблемами уже занимались специальные научные учреждения, но вся беда была в том, что руководство партии и государства на подобные научные изыскания практически не опиралось. Наука оставалась невостребованной, так же как и информация КГБ о ситуации в странах Восточной Европы.

Мне не раз довелось бывать в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше и ГДР, бывал на Кубе и в Албании. У меня там много

друзей, и не только среди работников госбезопасности, я встречался с руководителями различных спецслужб и Центральных Комитетов партии, но никогда — с нашими послами (за исключением посла СССР в Чехословакии В.П. Ломакина). Так сложилось не потому, что я уходил от встреч, просто нашим дипломатам не нужна была объективная оценка событий.

В социалистических странах Восточной Европы уже понимали, что экономическая помощь Советского Союза будет длиться не вечно, и они, каждая по-своему, начали наводить мосты с Западом, нередко скрывая свои шаги от руководства ЦК КПСС. Это, естественно, вызывало настороженность, хотя звучали, как и прежде, нескончаемые клятвы в дружбе.

И все же, несмотря на эти обстоятельства, сотрудничество с коллегами из органов госбезопасности стран Восточной Европы продолжалось. Даже тогда, когда у нас не проводилось совместных оперативных мероприятий, шел постоянный обмен информацией, и надо признать, мы были честны друг перед другом и не скрывали правды. Причиной напряженности, возникшей в отношениях СССР с социалистическими государствами Восточной Европы, являлись вовсе не какие-то закулисные действия и происки КГБ, дело было совсем в другом — в политике лидеров наших стран.

Как-то начальник контрразведки МВД Чехословакии, ныне покойный Волимир Мольнар сказал: «Вот вы говорите о происках своих граждан, которые сотрудничали с ЦРУ с целью подрыва строя. А как быть, если строй разрушают лидеры партии, если они говорят одно, а линию ведут совсем другую? Я не говорю о Дубче — ке, это все уже в прошлом, я же ищу ответа на будущее».

Он сказал это в Гаване в 1974 году, сказал открыто, на довольно представительном совещании в присутствии членов Политбюро компартии Кубы (Фиделя Кастро не было) и послов социалистических стран.

А что можно было ему ответить? Мы тогда еще не переживали свой «звездный час». Однако заявление Мольнара заставило о многом задуматься. Прежде всего о том, почему слова о ходе социалистического строительства все чаще и чаще не совпадают с делами. Несмотря на шумные декларации об успехах и достижениях в строительстве социализма, несмотря на постоянные заверения наших лидеров, якобы все идет хорошо, жизненный уровень в Советском Союзе падал.

Население социалистических стран стало все чаще предъявлять требования властям, становилось ясно, что назревает социальный взрыв. Сотрудники органов госбезопасности понимали сложности, которые переживали их страны, и не скрывали от нас причин происходящего. Хотя в каждой стране кризисные явления носили специфический характер, у всех было одно общее: социализм проигрывал в соревновании с Западом, реальное воплощение в жизнь социалистических идеалов теряло свою привлекательность.

Тем не менее вера в «светлое будущее» была еще не окончательно утрачена в народе. Кто мог тогда подумать, что в верхних эшелонах власти уже зрели планы возврата к капиталистическому образу жизни и строились не продуманные до конца планы, приведшие к распаду страны? Мне не раз приходилось слышать, как М.С. Горбачев, подводя итоги обсуждения очередных проблем, произносил слова известной песни: «Жила бы страна родная, и нету других забот...»

Тревожные признаки надвигающегося кризиса в соцстранах давали о себе знать. Опасения за собственную державу мы начали ощущать позднее.

Впервые утрату доверия к Советскому Союзу я почувствовал в Албании в 1957 году. У албанцев сложились весьма непростые отношения с Югославией, и мы в этом конфликте были на стороне Албании. И вдруг Хрущев, посетивший Югославию, простил ей все обиды, а Албания при этом осталась как бы в стороне, по существу, мы предали эту маленькую героическую страну. Конечно, надо было укреплять наши отношения с Югославией, но в переговорах по этому вопросу непременно должна была участвовать Албания, а возможно, и Болгария, которая так и не пошла на сближение с Югославией, хотя являлась нашим верным союзником.

Это добавило причин к тому, чтобы в странах Восточной Европы возникла настороженность, росло недоверие к Советскому Союзу, и конечно же этим не замедлили воспользоваться оппозиционные силы и группировки, ориентировавшиеся на Запад, а нередко и сотрудничавшие с подрывными центрами. Бывая в соцстранах, слушая рассказы друзей и знакомясь с информацией разного рода, я уже в начале 60-х годов начал ощущать, что они подошли к тяжелым реальностям. Сущность их сводилась в основном к двум серьезным факторам: с одной стороны, в каждой из стран

зрели силы, готовившие свержение социалистического строя, с другой — руководители, имевшие обо всем этом довольно полную информацию, делали вид, будто ничего экстраординарного не происходит и социалистические устои прочны и крепки, а дружба с Советским Союзом нерушима.

Трудно сейчас объяснить, как эта ложь владела умами людей, которые, отлично понимая всю сложность положения и приближения катастрофы, убеждали себя в обратном. Думать о полном крахе не хотелось, но в таком случае надо было искать выход из кризиса, приветствовать и поощрять реалистический взгляд на вещи и новаторские идеи, а не заниматься показухой, очковитирательством и обманом народа, искренне верившего словам своих лидеров.

В один из моих приездов в Будапешт в свободный вечер друзья пригласили меня на ужин в небольшой типично венгерский ресторанчик. Вскоре там появился министр внутренних дел Бенки в сопровождении своего помощника. Я очень уважал этого человека за его искренность, открытость и порядочность, между нами сложились добрые отношения, поэтому его появление меня очень обрадовало.

Спустя некоторое время министр пригласил всю компанию в другой ресторан, расположенный на горе Геллерт. Мы сидели там не более получаса и стали прощаться. И вдруг Бенки спросил меня: «Какое сегодня число?» Я смутился: как же это я забыл, что 23 октября — годовщина венгерских событий 1956 года! «Вот видишь, а у нас в такой день министр внутренних дел ездит по ресторанам без охраны — явное свидетельство благополучия в стране». С ним трудно было не согласиться, хотя Бенки прекрасно признавал: благополучие это видимое и далеко не все ладно в стране, даже на самом верху. Венгрия усиленно дрейфовала в сторону Запада и втайне готовилась к переговорам с Международным валютным фондом. А тем временем росло недовольство высокими ценами, народ не мог не видеть явного загнивания государственного аппарата.

В 1981 году довелось побывать в ГДР. Сложное впечатление произвел разговор с заместителем министра госбезопасности Миттигом о неблагополучии в молодежной среде. Он говорил, что в республике образовался определенный слой молодых людей (около 80 тысяч), которые ничего не делают, живут случайными заработками, не имеют постоянного жилья и кочуют по стране: осенью на

юг, а весной на север. Подобные вещи я не раз слышал и от других немецких коллег. Их, естественно, не мог не беспокоить этот глухой протест молодежи против власти, но сделать они ничего не могли. По приезде в Москву рассказал обо всем Андропову (тогда председателю КГБ), не скрывая, что вижу в этом потенциальную силу для взрыва. Он согласился и дал поручение соответствующей службе заняться изучением данного вопроса. Надо сказать, проблема бродяжничества и у нас вызывала тревогу, но в нашей стране оно носило несколько иной характер, то была не столь открытая форма гражданского протеста.

Официальной же прессой молодежь ГДР представлялась как единый монолитный отряд, верный идеям социализма. На всех молодежных форумах немцы из ГДР поражали своей организованностью и строгой дисциплиной. Очевидно, болезнь долгое время загонялась внутрь...

Я вовсе не претендую на глубокий научный анализ процессов, происходивших в социалистических странах, хочу лишь сказать, что всякое негативное явление требовало ответной реакции, поиска решений и адекватных действий. Однако люди, стоявшие у власти не только не находили решений, но и не пытались их искать.

В декабре 1980 года я приехал в Варшаву по приглашению министра внутренних дел Милевского для консультаций по поводу деятельности «Солидарности», эмиссары которой искали союзников в Советском Союзе. После нескольких бесед в МВД меня вместе с нашим представителем в Польше Виталием Павловым принял только что избранный первый секретарь ПОРП Станислав Каня. Разговор состоялся долгий, очень живой и откровенный. Каня держался уверенно, хотя «Солидарность» уже стучалась в двери власти, а возглавляемая Каней ПОРП шла к своему краху. Отдельные детали разговора не столь важны, но вот финал меня ошеломил и озадачил.

«Когда вы уезжаете в Москву?» — спросил Каня. «Завтра». — «А зачем вы торопитесь? Оставайтесь на пару дней, съездим на охоту». Я, конечно, поблагодарил и отказался.

Когда вышли из кабинета Кани, я высказал удивление такому предложению первого секретаря ПОРП своим спутникам — Милевскому и Павлову. «Это он пошутил», — сказал Милевский. О том, что при таком «шутливом» настроении «Солидарность» неизбежно придет к власти, я уже почти не сомневался.

Мои опасения подтвердились, когда в 1984 году отправился в Польшу на торжества по случаю сорокалетия польских органов госбезопасности. Юбилей отмечался торжественно и пышно, нас, руководителей делегаций социалистических стран Европы (СССР, ГДР и Чехословакии) принимал глава государства Войцех Ярузельский.

Он подробно рассказывал о событиях в республике, о деятельности «Солидарности», говорил о твердых позициях руководства, исключающих утрату социалистических завоеваний. Однако мои короткие встречи с друзьями рождали иную картину.

Финалом торжеств было заседание в зале Большого театра в Варшаве. Мне довелось сидеть в партере рядом с Ярузельским, а затем общаться с ним на импровизированном банкете за кулисами. Говорили, в тот вечер он впервые за многие годы выпил полстопки коньяку. Я обратил внимание на то, что в театре Ярузельский был весьма сдержан, на банкете же, напротив, очень раскован. И все это время я ощущал в нем какую-то внутреннюю напряженность. Он прекрасно понимал происходящее в стране, но делал вид, будто уверен, что кризис власти удастся преодолеть. Да и многие мои польские коллеги заявляли, будто «Солидарность» уже не представляет никакой опасности и найдены пути ее локализации; авторитет Ярузельского, уверяли они, служит гарантией твердости власти.

А между тем власть в Польше находилась под угрозой: «Солидарность», активизировавшаяся при поддержке католической церкви и спецслужб Запада, становилась реальной и грозной силой.

Однако отрезвление пришло значительно позднее. Если же проследить историю наших отношений со странами народной демократии (как их называли вначале), то следует отметить — в 80-е годы наступило некоторое потепление и сверкнул луч надежды: в 1982 году в Советском Союзе во главе государства встал новый, весьма авторитетный лидер — Юрий Владимирович Андропов.

В 1983 году состоялась многосторонняя встреча представителей госбезопасности соцстран в Софии, где главным образом обсуждалась система совместных действий против акций спецслужб Запада. Мы именовали это борьбой с идеологической диверсией, да, именно с диверсией — иначе говоря, с тайными операциями, направленными на подрыв власти в социалистических странах,

на поддержание и активизацию сил, выступающих против политического строя в наших государствах.

Не скрывая сложностей развития событий в своих странах, мы откровенно говорили о всех негативных явлениях.

Появление на политической арене такой неординарной личности, как Андропов, обнадеживало всех.

Помню, как-то, оказавшись наедине со мной, министр внутренних дел Болгарии Димитр Стоянов спросил: «Товарищ Бобков, что с Андроповым? Говорят, он серьезно болен?» Я не нашелся что ответить, ибо и сам толком не знал, что с Юрием Владимировичем. Так и сказал. Стоянов задумался. Вообще-то он верил мне, но тут, по-видимому, решил, будто я попросту постарался уйти от ответа. «Мы очень рады, — продолжал министр, — что есть Андропов. Хорошо бы он поскорее встал в строй».

В ту минуту я впервые остро ощутил, что может значить для нас такая утрата.

Совсем другое настроение царило на совещании в Варне, на котором я присутствовал в 1986 году. Димитр Стоянов попросил меня выступить перед руководством МВД Болгарии. Человек тридцать собралось на эту встречу в шикарном санатории ЦК БКП. Запланированная беседа, по существу, превратилась в вечер вопросов и ответов, всех интересовали главным образом сущность и конечные цели нашей перестройки. Я старался отвечать на все вопросы. Тогда не сомневался, что в ближайшем времени нас ожидают коренные перемены, и, как мне кажется, убедил собеседников в том, что перестройка не угрожает социализму.

Правда, наиболее близкие друзья говорили мне: «Мы верим тебе, Филипп, ты говоришь то, что думаешь. Но понять вас нам очень трудно. Не было бы беды».

Я успокаивал их, как мог, и при этом нисколько не кривил душой. Что они думают сегодня о том разговоре? Понимают ли, что все мы стали жертвами откровенного политиканства лидеров?

Последний раз я был в Чехословакии в 1988 году и, признаться, уезжал из Праги с тяжелым чувством: в те дни по городу ходили толпы демонстрантов, и по всему было видно: никто уже не остановит развала прежней власти.

Моя встреча с руководителями МВД Чехословакии — со вновь назначенным министром внутренних дел Кинцлом и его заместителем Лоренцом — подтверждали худшие опасения, хотя держа-

лись они уверенно и обстоятельно обсуждали пути выхода из кризиса. Они очень рассчитывали на Адамека, нового председателя Совета Министров, но вместе с тем тревоги своей не скрывали: они видели двойственность отношения к руководству ЦК Компартии Чехословакии со стороны советских руководителей.

Итак, в социалистических странах Восточной Европы сформировалось два параллельных движения: одно стояло перед неизбежностью краха, второе набирало силу, спланировалось и готовилось к штурму властных структур.

Такова была реальность. Власти скомпрометировали себя и явно утрачивали связь с народом. В этих условиях было странно слышать из уст Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева призывы бить по штабам. «Вы жмите снизу (на обкомы партии), а мы возьмемся за них сверху», — говорил он шахтерам Донбасса.

А что же делал в этих условиях Комитет госбезопасности? Следил за обстановкой, противостоял столкновениям, обобщал факты и докладывал свои выводы ЦК, на которые тот не обращал внимания. Иначе как, например, можно объяснить то безмятежное равнодушие, с каким ЦК КПСС относился к положению в Прибалтике? Анализируя обстановку в этих республиках, нельзя было не заметить, какую истерию (иначе не назовешь!) поднимали там определенные круги по поводу протокола Молотова — Риббентропа, подписанного в 1939 году.

Сейчас становится многое понятно в этой проблеме, однако невозможно осознавать логику сокрытия протоколов. Для чего? В самом деле, был такой протокол — очень тяжелое соглашение, которое пришлось подписать в условиях надвигающейся войны. Протокол этот сыграл определенную положительную роль: отодвинул границы с Германией. И не только это. Он должен был оттянуть начало войны в условиях полной изоляции СССР перед натиском фашистской Германии. Договор позволил вернуть Литве Виленский край с исконными литовскими городами Вильнюсом и Клайпедой. Это был вовсе не захват чужих территорий, а возвращение своего, незаконно отобранного. Протокол защитил Латвию и Эстонию от немецкого засилья, спас жизнь сотням тысяч польских евреев, обеспечив их эвакуацию в глубь нашей страны в самом начале гитлеровского нашествия на Польшу. И это далеко не все.

Не будем забывать, что прежде советско-германского пакта о ненападении был Мюнхенский договор Англии — Франции —

Германии и Италии, по которому Чехословакия была расчленена. Ведь никто не станет утверждать, что 1939 год наступил раньше 1938-го.

Возможно, жизнь народов прибалтийских республик складывалась бы совсем по-иному, если бы в послевоенные годы их не использовали в своих целях Англия и Соединенные Штаты — наши «верные» союзники по антигитлеровской коалиции. Они намеревались превратить Прибалтику в плацдарм для раскола Советского Союза.

Наша извечная секретность привела в данном случае к тяжелым последствиям. Протоколы 1939 года необходимо было опубликовать и обсудить в печати хотя бы в 60-х годах. Я часто задавал себе вопрос: знал ли о наличии у нас протоколов Андропов и о том, что их прячут в архивах ЦК? Беру на себя смелость утверждать: он ничего о них не ведал. Мне просто не верится, что, очень хорошо зная Прибалтику, Андропов не понимал истинного значения своевременного обнародования протоколов.

Впрочем, суть не только в протоколах. Дело в том, что, начиная перестройку, мы не нашли способа сохранить Союз. Развал СССР начался с Прибалтики. Наше руководство только делало вид, будто оно всерьез озабочено ростом сепаратизма в Латвии, Эстонии и Литве. Выход республик из состава СССР Горбачевым и его командой был предрешен. Мы фактически бросили на произвол судьбы те здоровые силы, которые отчетливо видели опасность отделения Прибалтики, хотя официально постоянно заявляли об их поддержке, формально слушая выступления представителей этих республик на пленумах и съездах партии. Наши лидеры играли в ту же игру, что и руководители компартий соцстран, только вина советского руководства неизмеримо больше — ведь СССР служил примером для народов тех стран Восточной Европы, которые двинулись вслед за нами по пути строительства социализма.

И КГБ, и ГРУ

сигнализировали об опасности

Беседа с Мариной Характеровой

— *Филипп Денисович, перед нашей встречей я познакомилась с вашей книгой «КГБ и власть», где вы пытались рассказать об истинной роли КГБ в последних событиях страны. Не скажу, что я узнала какие-то сенсационные вещи, но некоторые страницы вызвали безусловный интерес.*

— Я неукоснительно придерживаюсь гиппократовского принципа «Не навреди!». Профессиональная этика не позволяет мне разглашать сведения, которые, уже не являясь секретными, могут в то же время нанести кому-то моральный ущерб. Это относится и к «сенсациям». Они мешают понять суть событий, заслоняют правду, искажают ее.

— *Из вашей книги узнала, что вы, оказывается, с 6-м Сталинским стрелковым корпусом сибиряков-добровольцев прошли многие годы войны.*

— С этим корпусом связана моя фронтовая жизнь. Кстати, в июле этого года отметили 60 лет создания нашего корпуса. В 1942 году инициативу проявила новосибирская партийная организация. Как говорилось в песне о корпусе:

По Сибири, по таежной шире
Раздался наш клич боевой,
Мощь сибирская, сила богатырская
Поднялась на решительный бой.
Сибиряк своей Родине верен.
В бой вступая и в зной, и в пургу,
Он идет на фашистского зверя,
Как на зверя ходили в тайгу...

Корпус воевал с ноября 1942 года, а в июне 1943-го стал 19-м гвардейским.

Он всегда был на самых сложных участках — болотах, лесах, топях. Начали боевой путь под городом Белым Тверской области. Затем тяжелые бои под Великими Луками, Новосколькольниками, Спас-Деменском, Ельней, Оршой, потом Латвия. Корпус был до-

статочно заметным формированием и пользовался одной серьезной льготой: по решению Верховного Главнокомандующего мы имели право после ранения возвращаться в свою часть. Это создавало у нас определенный климат. В полку всегда находилось ядро людей, которые не выбывали по ранению, а возвращались обратно. Мы до сих пор сохраняем связь с ветеранами, которые хоть и разбросаны по стране, но держатся друг за друга.

— Вы были командиром отделения, потом взвода. Вы, ставший ветераном в 19 с половиной лет, не понаслышке знаете, чем угрожали нам главари фашистского рейха. Но с некоторых пор в печати стали появляться публикации другого рода: мол, если бы мы не воевали, то, может, и жили бы лучше. И вообще, Советский Союз якобы выступал в этой войне в роли агрессора. Как вы относитесь к таким публикациям?

— В последние годы пропаганда стремится заставить забыть о важнейшем факторе, несомненно сыгравшем решающую роль в мобилизации народа на превращение войны в Отечественную, на ее победный исход. У нас и сегодня немало пишут о планах Гитлера по уничтожению коммунистов и евреев, но все реже говорится о такой цели гитлеровской верхушки, как уничтожение славянских народов. А ведь именно борьба против этой угрозы объединила многие народы, и они сражались не только за свою независимость, свою государственность, но и за само существование. Чего стоит такое рассуждение Гитлера: «Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов — обслуживать нас экономически».

В этой войне мы не только защитили Советский Союз, но и спасли народы от гибели. Это стоит знать тем, кто говорит, что под немцами жилось бы лучше и воевать не стоило. Надо отличать нынешних немцев от фашистов гитлеровской Германии.

— Но существует много свидетельств, что Сталин отвергал донесения о начале войны.

— Наверное, отвергал. Но это не значит, что он не прислушивался. У Сталина была такая позиция: с одной стороны, отодвинуть сроки начала войны, с другой — не стрелять первыми, не дать возможности говорить о том, что мы агрессоры. Сейчас появились публикации, что в Генштабе нашли записку, написанную Василевским, о том, что Советский Союз должен нанести первый удар. Но разве Генштаб не должен думать и о превентивном ударе? Если не будешь думать, то потом окажешься в дураках. Но это вовсе не

аргумент за то, что Советский Союз — агрессор. Даже фельдмаршал Манштейн в своих воспоминаниях отмечает отсутствие документа об агрессии Советского Союза, а некоторые наши знатоки истории стремятся убедить в этом молодое поколение.

— *Какова, на ваш взгляд, природа сегодняшнего фашизма?*

— Сегодня молодчики только внешне напоминают тех фашистов, с которых начинал Гитлер. Но немецкий фашизм был наполнен крепким политическим содержанием. Гитлер спланировал немцев на почве реванша после поражения в Первой мировой войне, на сугубо националистическом принципе (превосходство арийской расы). Наконец, фашизм имел материальную поддержку тех, кто видел в нем силу, противостоящую коммунизму. У современных наших скинхедов ничего подобного нет. Так что сегодняшние вспышки агрессивности я бы фашизмом не называл. Хотя по характеру проявлений они напоминают фашистских молодчиков. Их опасность в другом: появившись покровитель, а тем более заинтересованный организатор — и стихийные вспышки могут приобрести непредсказуемый характер. За лозунгами дело не станет. Могут сработать и из арсенала немецкого фашизма. Для стихии всякий клич подходит.

Мне кажется, что сегодняшний фашизм в России пока основы не имеет, но желающих подражать фашистским головорезам достаточно. Популяризировать их в средствах массовой информации весьма опасно, равно как и заставлять любоваться на экранах телевизоров жестокостями и насилием. Можно вспомнить, как в свое время хвалили люберов, не думая, что их наследники будут громить Тверскую после проигрыша футболистов на чемпионате мира. Из всего сказанного никак не следует того, что нет необходимости предотвращать угрозу фашизма. Провоцировать интерес к фашизму можно по-разному: пропагандировать его идеологов, популяризировать их произведения, возбуждать межнациональную рознь, инспирировать антисемитские проявления, глумиться над победой советского народа в Великой Отечественной войне, замалчивать его роль в освобождении человечества от фашистской неволи.

Вместе с тем смешно отождествление фашизма с коммунизмом. Фашизм вырос на почве борьбы с коммунизмом, потерпел поражение в этой борьбе, и роднить его с коммунизмом можно лишь в целях извращения последнего, рассчитывая на восприятие подобной

фальсификации людьми, забывающими свое прошлое или же не знавшими его по молодости лет.

— Как вы думаете, что сегодня может реально объединить наш народ?

— Вопрос поиска идеи для сплочения народа сегодня актуален как никогда. Он не может быть рожден спонтанно. Думается, в этом деле у нас нет достаточной практики: мы или ищем нашу идеологию в прошлом, или устремляем свой взор в поисках идеи в будущее. Но сегодня уже другое время. Мы потеряли многие ценности, на которых воспитывалось общество. Сегодня нам надо сохранить хотя бы то, что осталось. Думаю, что с приходом Путина на пост президента одна такая вещь у нас появилась: мы заявили, что должны сохранить территориальную целостность государства. Это очень важная вещь, понятная людям. Путин первым из постсоветских лидеров страны заговорил о том, что Россия на грани реального распада. Раньше боялись особо признаться в этом. И сразу — заметили? — замолкли всякие сепаратисты, те, кто рвался к суверенитету своих территорий. Мы стали задумываться о том, как укреплять свое государство. И в этом ключе война в Чечне, какой бы непопулярной она ни была, все-таки предотвращает распад государства.

— Сейчас мы говорим о целостности России, а вот Союз-то мы и не сохранили. Как же так получилось? Вы 45 лет проработали в контрразведке, в задачи которой в первую очередь входила защита государства. Разве вы не чувствовали угрозы распада Союза?

— Да, мы чувствовали это. И вовсе не занимали какую-то нейтральную или пассивную позицию. И КГБ, и ГРУ Генштаба сигнализировали об опасности, но лидеры, стоявшие во главе государства, не только не прислушивались к таким сигналам, но порой и приближали то, что случилось в 1991 году.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего то, что партийное и государственное руководство отказывалось видеть угрозу «холодной войны», не заботилось о противодействии идеологической экспансии, направленной на растление советского общества, не оценивало пагубного ее воздействия на общественное сознание.

Советская пропаганда ничего не сумела противопоставить информационно-психологической атаке Запада. Тому немало причин.

Внедрение безверия, дискредитация прошлого, его героики, прежде всего советского периода, являлось и является целью разрушителей российской государственности.

— Хотелось бы продолжить разговор о распаде Союза. Разве ваше ведомство или ведомство Министерства обороны не могли тогда выступить первыми?

— Положение КГБ и армии было непростым: они подвергались большой дискредитации, разрушался их авторитет среди населения. Народ не пошел бы за ними, к тому же органы КГБ, как и армия, не могли идти против власти. Это определяло их поведение. Они не могли выступить в роли заговорщиков — их никто не поддержал бы.

— А у нас есть надежда на лучшее будущее?

— Без веры жить нельзя. Но вера должна выражаться в практических целях. Тогда она обретет реальность и наполняется практикой. Мне кажется, что нынешнее руководство страны, и прежде всего президент, принимает меры именно в этом направлении. Уже дают результаты решения по сохранению территориальной целостности России, укреплению ее государственности. Это видится в замыслах по сохранению недр, предотвращению их бесконтрольного использования, в стремлении государственного регулирования экономики. Но вера в будущее неразрывно связана с ощущением народом улучшения социального положения, общего благосостояния. Надеюсь на то, что такая перспектива обретает реальность.

*Опубликовано
в газете «Достоинство»
№ 37 от 15 сентября 2002 г.*

Интервью на радиостанции «Эхо Москвы» 11 июля 2005 года

Корреспондент. Добрый день. Сегодня мы вновь принимаем в гостях на радиостанции «Эхо Москвы» генерала армии Филиппа Бобкова. Здравствуйте, Филипп Денисович.

Бобков. Здравствуйте, Майя, здравствуйте.

К. Продолжая наши беседы, хотелось поговорить о том, что было после войны. После братания с американцами в годы войны спустя очень небольшой исторически отрезок времени мы вдруг стали разговаривать спиной друг к другу. Что случилось?

Б. Да. Это важный вопрос и важная тема. В последней передаче мы как раз говорили об итогах войны, и естественно, что для нас, для всех, переживших войну, ясно было, что победа открыла дорогу в будущее: главное — восстановить страну, начинать работать над тем, чтобы укреплять и развивать государство. И народ активно в это включился, потому что все понимали: победа требует именно того, чтобы мы вернулись к хорошей, нормальной жизни. Но хочу сказать, что 9 Мая — это окончание Великой Отечественной войны, но не окончание Второй мировой. Мы были верны договоренностям с нашими союзниками, которые к тому времени еще не одолели Японию, о том, что не позднее как через три месяца после окончания войны с Германией мы объявим войну Японии и поможем им в этой войне. Это было в Ялте, на Ялтинской конференции. И ровно через три месяца, 9 августа, мы объявили войну Японии. Но вы знаете, что до 9 августа американцы бомбили Хиросиму и Нагасаки.

К. Это произошло 6 числа.

Б. Да, 6 августа. Но гибель полумиллиона мирных граждан не привела союзников к победе над Японией. Война с Японией продолжалась, и капитуляция наступила после разгрома нами Квантунской армии. Япония капитулировала, и, кстати говоря, по мнению американских военных, — они не так часто публику-

ются сейчас, но в свое время публиковались — то, что мы начали войну с Японией и победили Квантунскую армию, привели к капитуляции, этим была сохранена жизнь примерно миллиону американцев. Потому что им пришлось бы форсировать проливы, высаживать десанты на японские острова, а это неизбежная гибель людей, огромные боевые потери. Кстати говоря, спасли от больших жертв и японцев тоже, потому что если бы на территорию Японии высадились союзные войска и прошла война на сухопутье, то жертв было бы значительно больше, чем после Хиросимы и Нагасаки. И сегодня мы приближаемся к важной дате, к 60-летию окончания Второй мировой войны.

К. Да.

Б. К 60-летию победы над Японией. Но мы, по-моему, пока не ощущаем того, что готовимся ее достойно отметить.

К. Как-то молчат о ней. О ней не говорят.

Б. Да. О ней вообще не говорят сейчас. Хотя практически осталось два месяца, 2 сентября закончилась война, и, конечно, пройти мимо этой даты, 60-летия победы над Японией, не следовало бы, о ней стоило бы значимо говорить уже сейчас. Нельзя предавать забвению и другое. Вступив в войну с Японией, мы выполнили практически все наши договоренности военного времени с нашими союзниками. А вот о том, как соблюдали союзники эти договоренности с нами, к сожалению, приходится говорить сегодня с некой грустью.

К. Почему с грустью?

Б. Потому что в то время, когда мы выполняли свои обязательства, практически готовилась война против Советского Союза, и это не скрывалось в штабах армий наших союзников.

К. Это что, были донесения наших разведчиков? Как? Вы считаете, это не скрывалось?

Б. Были и донесения, нам было все ясно. Опасность войны со вчерашними союзниками особенно возросла после 12 апреля 1945 года, то есть когда скончался Франклин Рузвельт. К тому времени США имели уже атомную бомбу. И наличие такой бомбы воодушевляло тех, кто готовил агрессию против нас. Сейчас нет нужды прибегать к донесениям или сообщениям разведки. Достаточно много этого материала в открытой печати. Я сейчас говорю, чтобы напомнить об этом, потому что мы забываем то время, ту сложную и опасную ситуацию. Наличие атомной бом-

бы, по существу, положило конец военному сотрудничеству Соединенных Штатов с Советским Союзом.

К. *То есть что, мы стали друзьями врозь? Или мы перестали вообще быть друзьями?*

Б. Мы не портили отношения, но отношения к нам уже стали иными. Надо сказать, что еще до взрыва бомбы и до того, как американцы ее имели, они уже начали вырабатывать план военных действий против нас.

К. *Но еще был план Даллеса, о котором сейчас много говорят.*

Б. О плане Даллеса я позже скажу. Удар намечался вообще сразу после капитуляции Германии, но военные союзных армий уговорили политиков не делать этого. Против войны стоял и Рузвельт. Но военные приготовления все-таки шли. Впервые о том, что нам грозит военный конфликт, вытекало из заявления Черчилля 5 марта 1946 года в Фултоне.

К. *Это знаменитая «фултонская речь»?*

Б. Да. При ее произнесении присутствовал и Трумэн. Они вместе туда ездили. И Черчилль в этой речи прямо призвал к тому, чтобы создавать братский союз народов, говорящих на английском языке, то есть объединение англосаксов, с целью борьбы с коммунизмом, который, по утверждению Черчилля, готовился к завоеванию мира. И с тем, чтобы противостоять этому, надо было объединять силы. По существу, это был призыв к войне против коммунизма, против Советского Союза.

К. *Помилуйте, но прошел всего год после победы.*

Б. Да, да.

К. *Неужели за год они так резко переменились?*

Б. Дело все в том, что отношение к Советскому Союзу и не менялось. Борьба с большевизмом проходит красной нитью через всю военную и политическую деятельность Черчилля. И хотя он достаточно хорошо относился к Сталину и много сказал о нем добрых слов, но тем не менее Черчилль не мог примириться с тем, что существует коммунистическое государство, с одной стороны, а с другой — была мечта, желание, чтобы вообще не существовало на политической карте мира не только такого государства, как СССР, но и вообще России. Это древний вопрос, который многих заботил до Черчилля и продолжает заботить после него. Но сейчас хочу сказать лишь об одном: рост и влияние Советского Союза по-

сле войны, укрепление его мировых позиций беспокоили и Соединенные Штаты, и Великобританию, и Черчилль был первым, кто об этом открыто заявил. Собственно, это и было объявлением «холодной войны», ее начало. Именно тогда Черчилль заявил, что «Советский Союз опустил «занавес», поглотив Восточную Европу, и для борьбы с коммунистической экспансией надо отбросить все, вплоть даже сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций. Кстати говоря, первым сказал о «железном занавесе» бывший министр финансов Германии фон Крознич, по-моему, если не ошибаюсь в фамилии. Это было в 1945 году, и Геббельс это очень активно повторял. Так что это не находка Черчилля.

К. Вот откуда идет эта метафора, да? С Германии.

Б. Да. И таким образом началось активное, открытое противостояние. Не касаясь речи, вернее, не повторяя чего-то из речи Черчилля, я бы хотел напомнить одно высказывание Трумэна, в то время уже президента Соединенных Штатов. Это была уже весна 1947 года. Он сказал, что весь мир должен одобрить американскую систему, а сама система может выжить в Америке, только если она станет мировой державой. Это, так сказать, взгляд Трумэна в будущее. Собственно говоря, это и стало фундаментом «холодной войны». Понятно, что Трумэна беспокоил рост влияния Советского Союза, как уже выраставшей мировой супердержавы. Логическим продолжением сказанного Трумэном и Черчиллем стало создание НАТО. Кстати говоря, не грех напомнить слова де Голля, который в свое время сказал, что под прикрытием НАТО в Западной Европе установлен американский протекторат. Вот, собственно говоря, как строилась «холодная война», и как развивались события. Главным ее объектом был, естественно, Советский Союз. 19 мая 1948 года был утвержден план войны с Советским Союзом на комитете начальников штабов. Кстати говоря, недавно переиздана книга Элиота Рузвельта, она была издана у нас в 1947-м, по-моему, году, сына Франклина Рузвельта. В этой книге он пишет, что в то время на коктейлях, на всяких фуршетах в Америке в посольствах главной темой был вопрос, когда начинать войну с Советским Союзом. И все говорили, что надо бы ее начинать до того, как у Советов будет атомная бомба.

К. То есть баццлла антикоммунизма была столь сильна, что ненависть на всех уровнях населяла американское общество?

Б. Да. Ну, наверное, не на всех уровнях, но, как теперь принято говорить, на элитном — да. Но это не кто-нибудь пишет, а сын Франклина Рузвельта.

К. *За что? Утереть нам нос за то, что мы победили? Что это было?*

Б. Нет. Ну, во-первых, для них был неприемлем коммунизм. С другой стороны, для них был неприемлем рост великой державы, существование Советского Союза, его влияние в мировом содружестве. Возрождалось давнее стремление убрать с мировой арены Россию на этот раз под флагом борьбы с коммунизмом. Все было направлено против России, против ее существования на политической карте мира.

К. *То есть что, коммунизм, общественная система — это как повод для ненависти?*

Б. Вы знаете, прямо так, вернее, утверждать так нельзя, но сказать так можно. Потому что коммунизм был как бы поводом для того, чтобы сказать, «почему мы можем бороться с Россией». Но давайте вернемся к сегодняшнему дню. Сегодня уже у нас пятнадцать лет никаких большевиков у власти нет. А вопрос о том, что угрожает России, продолжает существовать, вопрос о расчленении России. То есть после развала Советского Союза не снят же с повестки дня вопрос о том, как дальше жить России: единой или поделенной. Во всяком случае, если взять то, что пишет или писал, да и продолжает писать Збигнев Бжезинский, то там ясно написано, что ее лучше всего расчленить.

К. *А для чего это им надо?*

Б. А для того, чтобы не было великой державы. Россия вообще смущает своим величием, своей перспективой. Это было и два столетия назад, если с Наполеона начать разговаривать. Эти конкретные планы сегодня открыты, они постоянно публикуются. Вот, например, один из таких документов. Там несколько планов было. Не хочу сейчас к ним, этой конкретике возвращаться. Но вот выдержка из того, что в нашей литературе проходило, что было сказано в одном из таких документов. Первый удар должен быть нанесен по двадцати городам Советского Союза.

К. *Какие же это города?*

Б. Города назывались, начиная с Москвы, там перечислялось двадцать...

К. *То есть крупнейшие города?*

Б. Крупнейшие города, промышленные центры. Сбросить надо было сто тринадцать атомных бомб. Это второй удар уже. Первый был по двадцати, а второй — сбросить сто тринадцать атомных бомб на семьдесят городов, из них восемь бомб на Москву и семь — на Ленинград, сбросить двести атомных бомб и двести тридцать тысяч тонн обычных бомб на сто городов. Так последовательно развивались планы. 1 июля 1949 года — такая дата называлась для начала войны против Советского Союза.

К. *То есть это третья мировая война, да?*

Б. Это практически третья мировая война. Но у нас появилась атомная бомба. Она, конечно, приостановила...

К. *Вот здесь у меня возникает множество вопросов. Вы знали о том, что у нас есть атомная бомба? Тогда, шестьдесят лет назад, ну, меньше шестидесяти лет назад. Вам было известно, что у нас ведется работа над атомной бомбой?*

Б. Вы знаете, это было известно тем, кто к этому был ближе и кто к этому примыкал. Мы догадывались, но нас мало интересовала конкретика, как идет работа. Но когда работа закончилась, было об этом объявлено, специально объявлено, что есть атомная бомба. Вот эта наша атомная бомба практически положила конец разработке планов военных действий против Советского Союза.

К. *Это что, им стало страшно, что мы можем ответить таким же ударом?*

Б. Да, конечно. Это уже надо было учитывать, что такой ответный удар мог быть. Вот с этого времени, с 1949 года, «холодная война» начала приобретать характер идеологической агрессии против Советского Союза, против стран социалистических.

К. *Это что, ушло в войну СМИ, в войну книг?*

Б. Да.

К. *Как все это было?*

Б. Вот как оно ушло. Значит, Джон Фостер Даллес в своей книге «Мир или война» — на русском языке она в 1957 году, по моему, вышла — писал, это начальник Центрального разведывательного управления в то время: «Мы истратили много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов, пушек. Но мы мало тратили на «войну идей», в которой терпим поражение, не зависящее ни от какой военной силы».

К.. Так что, этим самым Даллес хотел сказать, что идеи значительно сильнее, нежели вооружение?

Б. Да, он сказал, что «мы терпим поражение, не зависящее ни от какой военной силы». И с этого времени, по существу, началась активная борьба на идеологическом фронте. Но это была не борьба идеологий, не борьба в сфере пропаганды. Это была борьба, которая ставила своей задачей создание на территории Советского Союза так называемых очагов сопротивления, то есть поиск людей, которые могут работать на разрушение государства. Была создана большая система на Западе, были там идеологические центры, информационное агентство США расширилось значительно, был создан Комитет радио «Свобода», который до этого назывался Комитетом радио «Освобождение», то есть борьбы с большевизмом. В военных группировках НАТО, СЕАТО и других были организованы центры психологической войны, они так и назывались, входя в состав военных структур.

К. Это готовили шпионов так?

Б. Да. Но еще и разрушителей советского строя.

К. Так много и так активно ?

Б. Активно, да. Активная работа серьезно разворачивалась. Причем работа эта велась в двух плоскостях. Во-первых, это была открытая пропагандистская деятельность, вот то, что вы говорили, книги там, СМИ, все прочее.

К. Телевизор, который у них тогда уже был повсюду. Телевидение, да?

Б. Ну, телевизор у них еще только начинался. Но все равно, значит, уже телевидение. То есть это была открытая пропаганда: распространение печатных изданий, заброска листовок всяких, антисоветских, естественно. Их бросали массами.

К. Видимо, самым большим ругательством для них было слово «коммунизм», да?

Б. Да, конечно. Но, кроме того, они создавали пути нелегального проникновения на территорию страны, то есть поиск людей, которые могут работать над созданием ячеек или групп для подрыва той системы, которая была в Советском Союзе. Их именовали кто «группой сопротивления», кто еще как-нибудь. Это тема, которую можно развивать, говорить о ней. Но шел поиск людей, которые могут встать на путь борьбы с властью.

К. *Помилуйте, помилуйте, но у нас же ГУЛАГ, у нас могли, что называется, поставить к стенке, совершенно не опрашивая, что ты плохое сделал для страны.*

Б. Не о ГУЛАГе речь, а о людях, которые боролись с конституционным строем. Шел поиск тех, кто мог бороться с существующей властью, кто стал бы на этот путь. И таких людей находили спецслужбы Запада, их обеспечивали и поддерживали. Вот один из планов разрушения СССР. Был такой план «Лиоте».

К. *А что это такое?*

Б. Лиоте — фамилия маршала, который в свое время командовал войсками в Алжире, французскими войсками. И вот тогда он, утомившись от жары, приказал вдоль дороги высадить деревья...

К. *Какая благородная миссия.*

Б. ...с тем, чтобы скрываться от этой жары. Но ему сказали: «Ты же не скроешься, потому что деревья должны расти». — «Ничего, — говорит, — через пятьдесят лет меня вспомнят». Это так сказал Лиоте. И вот это привлекло спецслужбы, и они свой план называли планом «Лиоте», то есть «сейчас мы начинаем, а через пятьдесят лет мы можем достигнуть успеха».

К. *Ну как, через пятьдесят лет они достигли чего-то?*

Б. Ну вот, получилось так, что почти через пятьдесят лет и достигли, потому что план этот относится где-то к началу пятидесятих годов, в девяностых — распался Советский Союз.

К. *То есть вы считаете, что развал СССР — это одна из американских доктрин, воплощенная в реальность?*

Б. Да, безусловно. Безусловно, но не только американских. Над этим работали и английские и другие спецслужбы. Работали над тем, чтобы внести как можно больше разложения. Я вот сейчас вспоминаю одну из директив Госдепа, которая относится где-то тоже, наверное, к концу 50-х годов, может быть, позже, раньше, это не имеет значения. Но в этой директиве задача ставилась перед посольством, перед его сотрудниками, что надо вести очень активную работу среди творческой интеллигенции. Я не дословно говорю, а так, в принципе, среди творческой интеллигенции, среди студенчества, то есть влиять на тех, кто имел отношение к формированию общественного мнения. Это была задача, которую ставили перед посольством. Внедрение в среду людей, которые могли влиять на общественное мнение в Советском Союзе. Это с одной стороны, а с другой — подпольная, нелегальная дея-

тельность. Засылались специальные люди, специальные эмиссары, которые, в общем, это проводили на территории Советского Союза.

К. Филипп Денисович, простите, я перебыю вас.

Б. Перебейте.

К. Ведь все было так безумно строго. Я имею в виду конец 40-х — начало 50-х. За встречу с иностранцем тебя могли посадить, за встречу с иностранцем могли уничтожить твою семью. Я вспоминаю актрису Зою Федорову и трагическую судьбу ее романа с американским адмиралом и рождение дочери, как все было. Я тут же вспоминаю историю, связанную с «Варшавской мелодией», то, что описано Зориным. То есть и нельзя было выйти замуж, нельзя было полюбить иностранца. А вы говорите о внедрении к нам иностранцев. Как они могли к нам попасть-то? Граница-то была на замке, все было очень и очень скрыто и сокрыто.

Б. Вы знаете, замки и существуют для того, чтобы их вскрывали. Но 60-е годы — это уже не сороковые годы и даже не 50-е.

К. Но переписываться люди боялись. И не дай бог выйти замуж за иностранца, да?

Б. Кто боялся, а кто переписывался, даже тайнописью. Тут повсюду было. Но то, что в это время активно создавались нелегальные группы, которые боролись со строем, стало реальностью.

К. И были такие группы?

Б. И были такие группы, и их создавали. А между прочим, вот сейчас часто вспоминают Прибалтику. Это, между прочим, послевоенные годы, 50-е. Ну, это там, в Москве замуж нельзя было выйти, а вот до середины 50-х годов в той же Прибалтике действовали так называемые «лесные братья», которые в подполье были и боролись со строем, совершали террористические акты, а оружие, средства они получали от американских и английских спецслужб. Шли же туда катера с оружием. То есть шла поддержка этих сил. Были они ликвидированы, эти силы, ушли в прошлое, но не исчезло одно из направлений «холодной войны»: это создание подполья на территории Советского Союза, которое могло бы работать против строя. Ну и как там, по каким-то деталям можно об этом говорить, но в принципе они добились и не только подполья, а, в известной мере, и легализации его. Как и почему это произошло — тема, так сказать, другая. Но вот план,

я возвращаюсь к плану «Лиоте», как раз ставил эту задачу, задачу того, чтобы разрушать идеологическое сообщество, единство общества и добиваться того, чтобы в Советском Союзе созрели силы, способные бороться с существующим строем. Было много документов, из которых вытекало, что «нас в данном случае интересует не столько ликвидация большевизма, сколько существенная и коренная реконструкция, коренное изменение, конструктивное изменение в строе в Советском Союзе». Тут разжигались антисоветские настроения, и спланивались те кто готов был вступать в такую борьбу. В конечном счете они нашли эти силы, и естественно, что Советский Союз был разрушен с помощью этих сил.

К. Простите, а не кажется ли вам, что гибель Советского Союза — это наше личное дело, мы не смогли дальше так жить по-старому, как жили. Почти по-ленински: «низы не хотят, верхи не могут», — та революционная ситуация, которая была в 17-м году. То же самое, наверное, назрело у нас в начале 90-х годов?

Б. Ну, она, может быть, и назревала, эта ситуация. Видите, если говорить о...

К. Да еще до перестройки. Вспомните, кто нами руководил.

Б. Понимаете, это вы выходите на тему причин гибели Советского Союза.

К. Причины?

Б. Это особая тема, и о ней можно поговорить, не только, так сказать, вспоминая кого-то. А причины были, причины серьезные, глубокие причины, и, конечно, кроме того, что были причины, связанные с развитием государства. Тут целый ряд вопросов, о которых можно говорить, вспоминая прошлое, но главный вопрос был в том, что Западом использовалось все то, что можно было использовать с точки зрения негатива в Советском Союзе. Все это использовали для того, чтобы создавать ту базу или спланировать тех людей, которые готовы были бороться против существующего режима.

К. Но тем не менее люди, которые побывали в годы войны в Германии, люди, которые видели, как можно жить, когда каждый имеет свою отдельную комнату, как можно жить тогда, когда, скажем, речь идет не о военной Германии,

а Германии, которая начала с нуля, Германии, разделенной на зоны, на советскую зону, на американскую зону. Люди, которые ездили случайно, это единицы были, в загранкомандировки, понимали и видели, что можно жить несколько иначе...

Б. Все правильно. Люди понимали, что жить можно иначе, поэтому сегодня они вспоминают, как они жили в условиях бесплатного образования, бесплатной медицины, что они не переживали за свое будущее, потому что они знали, что с голоду не умрут, даже если у них нет денег.

К. *И получают квартиру, когда подойдет очередь.*

Б. Да, и люди сейчас об этом очень многие вспоминают. И это то, чего, так сказать, может быть, они не видели в Германии. И если бы мы жили в несколько иных условиях, понимаете, в условиях, когда нам не приходилось бы много тратить денег или средств на то, чтобы защищать страну. Это имеет тоже значение. Потому что когда мы говорим о предвоенном времени еще, вот там у нас и то было и се. Но мы же тратили огромные средства на что? На то, чтобы победить в той войне, которая была неизбежной. И мы победили. Были ошибки, были изъяны. Я не хочу сказать, что мы все делали очень правильно и четко. Но мы делали все-таки то, чтобы государство существовало. Может быть, была беда в том, что мы уж очень долго победу праздновали. Мы все время думали, что раз мы победили в войне, то нас уже никто не сломит. Это в умах многих жило, да? Но тем не менее мы же все-таки жили, и люди были в массе своей обеспечены не так, как сегодня.

К. *Но согласитесь, люди были все абсолютно одинаковы.*

Б. Да.

К. *Это действительно была, простите меня за слово, это была масса, Советский Союз. У кого что-то было сверх той самой нормы, которая была отпущена, дай Бог, как великое счастье, автомобиль, дай Бог, отдельная квартира, как великое счастье. Дача, ну, дай Бог, тогда, когда стали давать шесть соток, и появилась дача, как некое подспорье.*

Б. Ну, да.

К. *Остальное все было одинаково: одинаковая мебель, одинаковая посуда, одинаковые поездки, скажем, в санаторий, — все под одну гребенку.*

Б. Ну, сейчас хорошо, сейчас и дачи, и все живут сейчас в коттеджах загородных. Вот вся масса населения уже понастроила себе этих коттеджей. Все прекрасно живут. Неизвестно только, куда девать миллионы беспризорников, которые сейчас на улицах.

К. *Миллионы беспризорников и тех детей, которых сейчас оставляют в роддомах.*

Б. И куда девать бомжей, которые сегодня забивают метро и ездят там дни и ночи. Это только в Москве...

К. *Скажите, пожалуйста...*

Б. Поэтому вопрос о том, что мы потеряли и что приобрели, — это вопрос, который, наверное, так, как мы сейчас оцениваем Советский Союз, будут оценивать через десять — пятнадцать лет те, кто будут оглядываться на нашу историю. Я сейчас не хочу вновь возвращаться к причинам того, что случилось с Советским Союзом. Может быть, мы на эту тему как-нибудь поговорим отдельно. Но все равно, все то, что происходило у нас в последние годы, вы говорите о революции, которая возникала. Но давайте посмотрим, какие были лозунги в этой революции. Ведь перестройка, допустим, в Советском Союзе началась с лозунга возврата к Ленину, началась с того, что мы должны строить социализм с человеческим лицом, началась с того, что мы улучшаем, так сказать, модернизируем социализм. Никто не говорил о том, что мы ликвидируем социализм. Поэтому в тот период времени, я не говорю о тех, кто стоял у власти непосредственно, а даже о тех, кто шел к власти, тема эта не снималась с повестки дня, тема социализма, и никто, так сказать, не говорил, что мы переходим в другую формуацию...

К. *Вот тут я хочу поставить точку. Это станет темой следующей нашей встречи.*

Б. Да.

К. *Если вы не возражаете.*

Б. Давайте поставим точку. Я хотел бы только сказать одну фразу в заключение. Вот после всех этих дел сегодня важно работать, у нас иное государство, иная система, но важно работать на укрепление единой России, заботиться о том, чтобы было у народа доверие к власти, противостоять тем, кто стремится к расчленению России. Это сейчас важнейшая вещь, чтобы мы не повторили того, что случилось. Уже сейчас на территории Советского Союза пятнадцать государств. И я не думаю, что сегодня все они

довольны своим суверенитетом и своей независимостью. Так вот важно, чтобы у нас не случилось такое, что мы, еще расчленив и Россию, потом будем думать, где же она, эта единая Россия. Значит, я возвращаюсь к «холодной войне» через вот этот призыв — не борьба с коммунизмом, а борьба за укрепление единой России.

К. Я хочу напомнить нашим радиослушателям, что гостем радиостанции «Эхо Москвы» был генерал армии Филипп Бобков.

О 5-м Управлении КГБ, и не только о нем

**Интервью главному редактору газеты
«Мир новостей» Николаю Кружилину
(№ 50 от 9 декабря 2000 г.)**

— Знаете, а ведь это мое нечастое интервью. Я не очень люблю общаться с журналистами, — обронил Филипп Денисович перед началом беседы.

Признание вполне понятно. Не очень-то легко одному отвечать за целую государственную структуру, к которой к тому же сегодня сложилось предубежденно негативное отношение. Однако об этом чуть позже...

Сейчас же хочется взглянуть на своего героя как на непосредственного участника почти всех главных исторических событий, произошедших в нашей стране в XX веке.

— Какое из них потрясло вас больше всего?

— Конечно, Великая Отечественная война (!), которую мне суждено было пройти от начала до конца и которую я ощущаю не просто как войну Германии против СССР, но как страшную бойню, направленную на уничтожение целых народов. Мы сражались не только за свою независимость.

— Где вас застала война?

— В Донбассе, в городе Макеевке, где прошло все мое детство. Помню, когда немцы оккупировали Донбасс, как поспешно уходили наши войска, уезжало городское начальство и Макеевка осталась в обстановке полного безвластия. В ней орудовали мародеры, которые грабили все и всех. Однажды я остался ночевать у одного своего приятеля. Окна его квартиры выходили во двор фабричной столовой, где были свинарники. И вот ночью мы проснулись от страшных диких визгов животных и криков людей. Ужасная картина предстала нашим глазам... Мародеры грабили свинарники. Свиней не просто убивали, а живых рубили на части: кому ногу, кому голову, смотря кто за что схватит.

Мы с отцом тогда эвакуировались в тыл, в Сибирь, оставив в оккупированном городе мать, бабушку и младшего брата, так как

им был не под силу такой изнурительный переход. Ведь до Сибири мы добирались несколько месяцев.

— *На фронт добровольцем пошли?*

— Да. В 42-м году стали формироваться добровольческие дивизии сибиряков. В одну из них пошел отец рядовым бронебойщиком. Вскоре в ту же дивизию попал и я.

— *С какими эпизодами для вас ассоциируется военная пора?*

— Думая о войне, прежде всего вспоминаю бои под Смоленском в августе 43-го, где немцы держали мощные оборонные рубежи, прорыв которых давал советским войскам выход к Польше. Помню, брали Гнездиловские высоты. Бой шел пять суток. Пять суток наши позиции напоминали кремешный ад. Мы отбивали одну контратаку за другой, сами атаковали, обливаясь потом пополам с кровью. И вот после очередной такой атаки выглянуло солнце. Зашебетали птицы. И мы вдруг ясно почувствовали, что жизнь продолжается, несмотря на ужас войны. Я и один из моих товарищей занимали соседние окопчики. Сидели молча, наслаждаясь мгновениями этой мирной жизни среди войны. Вдруг мы увидели ротного. Казалось, он в эти минуты тоже забыл о войне. До окопчика моего товарища ему оставался всего шаг. Но тут с опушки леса раздался выстрел снайпера, и командир, не досказав фразы, за смертью рухнул в окоп.

Немало я видел смертей за всю войну. Но эта смерть в изумительный солнечный день среди ликующей природы потрясла больше всего. Жизнь оборвалась на полуслове.

Впрочем, о войне у меня сохранились не только мысленные воспоминания. В боях под Оршей около меня разорвалась мина. Тело изрешетило более 40 осколков. 32 из них до сих пор во мне...

— *Часто дают о себе знать?*

— Да нет, не часто... Наверное, уже смирились (*смеется*).

— *Александр Матросов — это обобщенный образ героя военной поры или же такой человек существовал на самом деле?*

— Безусловно, был такой человек и его подвиг тоже. На фронте мне даже с ним приходилось сталкиваться. Он воевал в Омской дивизии.

— *Со структурами госбезопасности вы, вероятно, столкнулись как раз в годы войны?*

— Нет, раньше.

— ???

— Это было в 37-м — в год пика сталинского террора. Отец мой тогда работал на металлургическом заводе. Однажды, придя с работы, он отозвал меня, 12-летнего пацана, в сторону и спокойно, но твердо сказал: «Ты уже почти взрослый. Хочу, чтобы ты знал. Меня могут арестовать. Но я ни в чем не виноват ни перед Родиной, ни перед товарищами. Совесть моя чиста». Я был потрясен. Зачем арестовывать уважаемого, честного человека? И тут меня осенило: в 32-квартирном доме, где мы жили, оставалось всего пять мужчин. Остальные уже были арестованы. Может, и они ни в чем не виноваты?

Тогда беда, слава Богу, пронеслась мимо, но слова отца отпечатались в памяти на всю жизнь. И много лет спустя, когда в руководимом мной аппарате ставился вопрос об аресте кого-либо, я вспоминал отца и пытался найти хоть какую-нибудь возможность не прибегать к репрессиям.

— *Ну а непосредственно в ряды чекистов когда встали?*

— Сразу после войны. В июне 45-го меня, молодого коммуниста, к тому же «стреляного воробья», направили на учебу в питерский отдел школы СМЕРШ для последующей работы в системе госбезопасности.

— *Не возникало ли ощущения, что из вас хотят сделать жестокого, преступного карателя? Ведь вы уже кое в чем осознавали правомерность чекистской работы хотя бы в деле репрессий.*

— Знаете, ничего подобного я тогда не испытывал. Во-первых, выбирать профессию мне не пришлось. За меня решила партия. Во-вторых, в СМЕРШе о жестоких репрессиях говорилось глухо, в учебном процессе замалчивалась деятельность следственных органов периода 30-х. К тому же наставники нам постоянно твердили, что следует соблюдать законность, избегать провокационных методов. Хотя именно в школе СМЕРШ я получил свой первый политический нокдаун.

— *Вызвавший сомнения в правильности линии партии?*

— Точнее, я тогда впервые понял, как важно уметь выбрать собственную позицию и самостоятельно оценивать факты.

— *И как было дело?*

— Мы, курсанты школы, все тогда зачитывались Зощенко, Ахматовой. Журналы «Звезда», «Ленинград», где они печатались, буквально друг у друга из рук рвали. И вдруг в августе 46-го ЦК

выступил с уничтожающей критикой этих журналов. Мы понимаем, что это несправедливо, но объяснить, в чем дело, не могли. И, не раздумывая, понеслись в театр, чтобы успеть посмотреть «Парусиновый портфель» Зощенко.

— *Чему учили в школе СМЕРШ?*

— Мы в основном знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры в нашем тылу. Изучали методы работы немецких спецслужб. Штудировали операции по проникновению нашей разведки в немецкие спецслужбы, в штабы войск. Учиться было интересно. Был такой эпизод: в начале учебы нашей группе поручено было вернуть в библиотеки книги, которые во время войны из разбитых хранилищ свезли в Петропавловскую крепость. Каких только уникальных изданий я там не увидел. Книги с автографами Достоевского, Герцена, Горького!!! Мы читали, не могли оторваться.

— *После окончания школы куда вас направили?*

— В Москву. Определили на самую низшую должность помощника оперуполномоченного. Так, в 46-м в звании младшего лейтенанта я впервые переступил порог Лубянки.

— *Выходит, начало вашей работы в органах госбезопасности совпало с началом новой волны репрессий 40-х годов... Что вы сейчас чувствуете, оглядываясь на то время?*

— Я чувствую некоторый упрек в вашем вопросе. Знаете, вам легко об этом спрашивать сегодня, спустя 60 лет. Но что было тогда? Повсюду орудовали группировки националистов, которых поддерживали спецслужбы западных стран — еще недавних наших союзников...

— *Вы хотите оправдать репрессии, которые погубили значительно больше народу, нежели эти группировки?*

— Ни в коем случае. Просто я пытаюсь объективно объяснить причины «холодной войны» и жесткость инициатив руководства страны.

— *Какая роль в этом отводилась органам безопасности?*

— Роль исполнителя. И это не оправдание, а констатация факта. Хуже других подразделений сложилась обстановка в Следственной части по особо важным делам, которая оказалась в полной изоляции от всех оперативных и следственных подразделений МГБ. Поэтому их работа часто строилась на показаниях отдельных лиц, и на этом же основании выносились скоропалительные приговоры.

Со дня ареста Абакумова в 1951 году внутри самого МГБ начался открытый террор. Чуть ли не каждый день становилось известно: арестован начальник управления или отдела, их замы. Мы шли на работу, не зная, что нас ждет, а уходя, шутили: «Если не вернусь, считайте меня коммунистом».

— *Что вы лично для себя вынесли из этого прошлого?*

— Что нужно честно служить Родине и в то же время не быть слепым исполнителем. Судьба людей не должна решаться на их собственных признаниях и на показаниях свидетелей. Обвинения должны быть основаны на документах и вещдоках. Кстати, в бытность Андропова в КГБ было принято решение вообще не направлять дела в суд, если вина обвиняемого основана только на показаниях.

— *Сколько при вас сменилось руководителей органов ГБ?*

— Двенадцать.

— *Кто из них, на ваш взгляд, оставил наиболее яркий след в истории?*

— Андропов. Когда он только пришел в комитет, положение в нем было очень сложное. И вовсе не потому, что в стране была какая-то напряженность, а потому, что не было дружбы между группами руководящих работников. Андропов существенно изменил и расширил структуру КГБ, создал ряд новых управлений, в частности аналитическое, или же наше, 5-е. Кстати, легендарная сегодня антитеррористическая группа «Альфа» — тоже его детище.

— *Говорят, Андропов обладал самой большой в мире коллекцией картин Филонова...*

— Вряд ли. Он не был коллекционером, особенно живописных полотен, хотя прекрасно разбирался и в искусстве, и в литературе. Очень любил музыку, сам писал стихи. А все, что ему когда-то дарили, сейчас хранится в музее на Лубянке. Он ничего не брал для личного пользования.

— *Как создавалось 5-е Управление?*

— Помню, был тяжелый рабочий день, затянувшийся допоздна. Я уже собрался уходить, как в моем кабинете раздался звонок. Вызывал Андропов. Я взглянул на часы: 22.00. Мелькнула мысль: «Отложил бы дела на завтра». Тем не менее я тут же явился к председателю. Он встретил меня спокойно, стал расспрашивать о жизни, о работе, о ситуации в стране. Разговор был долгий. После чего Андропов неожиданно изложил мне свои мысли по поводу создания

нового управления по борьбе с идеологической диверсией и предложил мне пост первого заместителя начальника нового управления.

— *Вы сразу согласились ?*

— Нет. У меня сначала были сомнения, не будет ли новое управление аналогом Секретно-политического отдела, который существовал при Сталине и деятельность которого подвергалась жесткой критике. Но Андропов подробно объяснил, что основной задачей нового органа будет отнюдь не политический сыск, а политический анализ ситуаций в стране и по возможности наиболее точный прогноз событий. Новое управление должно было противостоять идеологическим диверсиям с Запада и содействовать укреплению Советского государства.

— *Но разве в итоге новое управление не стало управлением того же политического сыска?*

— Нет. Сегодня принято считать, что КГБ только и делал, что сажал, расстреливал за анекдоты, стишки, пустяковую болтовню. Могу заверить, в практике 5-го Управления такого не было. Андропов спокойно смотрел на инакомыслие. Более того, считал это явление закономерным. А репрессивные меры мы применяли, только если это инакомыслие уже вело к инакодействию.

— *Но ведь инакомыслящие, высказывая где-то в компаниях свои взгляды, тоже тем самым способствовали разложению строя. Таким образом, где же грань между инакомыслием и инакодействием?*

— Если человек от компанейских рассуждений переходил к действиям, угрожающим государству, жизням людей, тогда мы уже всерьез начинали обращать на него внимание.

— *Но ведь наши деятели культуры Высоцкий, Ротропович, Галич, Любимов и другие не готовили терактов, тем не менее были в опале...*

— Не знаю, в какой именно опале были эти люди, но только не у Комитета госбезопасности СССР. Высоцкого, например, в нашем управлении очень любили, а в Московском он выступал с концертами по несколько раз в год. Пел что хотел. Я также совершенно официально опровергаю, что Ротропович, Галич и Любимов были высланы из страны КГБ. Они уехали сами! У каждого из них были свои конфликты с Отделом культуры, с Союзом писателей либо с Минкультом, но не с КГБ. Более того, Ротроповича долго уговаривали не уезжать. Особенно по этому поводу старалась Фурцева.

-???

— Знаете, сегодня просто модно быть высланным из страны. Если ты диссидент — значит, герой. Все хотят на скамью героев. Между тем как выслан из страны из деятелей нашей культуры был только один А. И. Солженицын. Высылались также люди, привлекавшиеся к уголовной ответственности. Тех, кто к ней не привлекался, не высылали. Все уезжали сами, в том числе и Ростропович, Любимов, с которым, кстати, у меня всегда были очень хорошие отношения.

— *От гражданства Любимов тоже добровольно отказался?*

— Мне понятна ирония, тем не менее причин для нее я не вижу. Любимова лишили гражданства вовсе не потому, что он был не-симпатичен кому-то «сверху», а потому, что он подписал документ против СССР. «Интернационал сопротивления» — так, кажется, он назывался.

— *С Солженицыным встречались когда-нибудь?*

— Нет, никогда. Просто не приходилось...

— *Ас Сахаровым?*

— Да, один раз, когда он еще в Москве был. Знаете, я вовсе не пытаюсь оправдываться или избегать ответственности за участие в некоторых решениях, которые осуждены обществом. Деятельность академика Сахарова — одно из них. Люди, стоявшие у власти, оттолкнули этого крупнейшего ученого, не пожелали вникнуть в суть его взглядов. А с нашей стороны, со стороны КГБ, не было сделано ничего, чтобы смягчить ситуацию.

— *В запрете многих писателей, особенно «русского зарубежья», какая роль принадлежала КГБ?*

Многие до сих пор убеждены, будто 5-е Управление запрещало выход каких-то произведений литературы и искусства. Это ни на чем не основанные домыслы. За весь период моей работы был только один случай, когда мы воспротивились выходу на экраны фильма «Агония» из-за его антиреволюционной направленности. Этот случай — единственный! Дело в том, что запрещения шли совсем из других учреждений: из отделов ЦК, по линии Главлита... В результате для широкого читателя оказался закрытым целый пласт русской литературы.

Кстати, в докладе на Политбюро Андропов поднимал этот вопрос. В ответ было сказано: подобные проблемы не в компетенции органов госбезопасности. Мы же понимали: чем больше за-

претов, тем острее на них реагирует интеллигенция, и в конце концов кто-нибудь преступит закон. Не лучше ли это было предотвратить? Помню, мы внимательно изучали список «запрещенных» писателей и поняли, что все убеждения в том, что их произведения действуют на нашего читателя разлагающе, — чепуха. С большим трудом удалось тогда пробить ряд произведений Северянина, Мандельштама, Павла Васильева, Бруно Ясенского... И только стихи Гумилева никак «не шли». Почему, до сих пор не могу объяснить.

— *Известно, что в борьбе с противниками социалистического строя КГБ использовал не только репрессии, аресты, но и психбольницы...*

— Эта версия обрела настолько стойкий характер, что вряд ли я что-либо изменю, если скажу, что это неправда. Психбольницы к КГБ не имели никакого отношения. Вообще все люди, которые привлекались к суду по статьям, связанным с КГБ, не могли быть осуждены без медэкспертизы. Таков был закон. И что решала медэкспертиза, это уже ее вопрос. КГБ же в эти заключения не вмешивался, равно как и в решения суда.

— *В связи с этим мне вспоминается случай, произошедший с одним моим давним хорошим знакомым. Он был прекрасным экономистом, писал научные работы по этой теме. За что, собственно, и поплатился. Однажды его вызвали в местное отделение милиции якобы перерегистрировать охотничье ружье. Едва он вступил на порог отделения, как на него тут же накинули смирительную рубаху и без всякого суда отвезли в психбольницу. Держали там три месяца, делали какие-то уколы, вероятно, чтоб больше не писал ничего. А научные работы все изъяли.*

— В системе КГБ такого просто не могло быть. Для верности даже могу проверить, если вы назовете мне фамилию вашего знакомого...

— *Но практика прослушивания-то в системе КГБ была?*

— Была. И не только в системе КГБ, но и в системах всех спецслужб и во всем мире. Иное дело — регламентация этого прослушивания, которая в КГБ была очень четкой. И никакого массового прослушивания в нашей стране не существовало. Во многих областях это даже технически было невозможно.

— *Насколько многочисленным было ваше управление?*

— 320 человек, у каждого из которых было человек 8—10 агентов. Хотя для полноценной работы вполне хватало 3—4.

— *А сколько было политических заключенных на момент заката эры КГБ?*

— Если взять конкретно какой-то период, 90-й год например, то 238 человек.

— *Какие у вас были отношения с Крючковым?*

— Вполне нормальные. После ухода Андропова нам нужен был руководитель не из комитета, что называется, со стороны, со свежими взглядами. Крючков, работавший в ЦК, на этот пост вполне подходил. Так что у меня по этому поводу не было никакой аллергии. Более того, если бы мне предложили возглавить КГБ, я бы отказался.

— *В путче вы принимали участие?*

— Нет. Я к этому времени уже ушел из КГБ.

— *Ушли по собственному желанию или же под давлением?*

— По собственному, в январе 1991 года. Просто я решил, что пора уступать место более молодым, со свежими, новыми взглядами...

— *После ухода из КГБ вы продолжали заниматься проблемами безопасности?*

— Нет. В основном выступал в печати со статьями о политике и экономике в России, так как после распада Союза экономических, политический, дипломатический нажим на государство остался, усилились всякого рода сепаратистские тенденции.

— *Политику Путина сегодня вы одобряете?*

— Да, несомненно. Прежде всего вызывают уважение его действия по укреплению государственности, обороноспособности, проведению самостоятельной внешней политики.

— *Ну а война в Чечне? Она совсем не на пользу авторитету президента...*

— Согласен. Но с кем мы там воюем? Всем ясно, что не с чеченцами, а с многонациональным наемным воинским формированием. Ясно, кто их нанимает, а вместе с тем ясно и то, что уступим в Чечне — появится новая «горячая точка».

— *Имеете в виду что-то определенное?*

— В данный момент — нет. Но складывается непростая ситуация в Белоруссии, давление на которую все возрастает со стороны Запада. И оппозиция Лукашенко уже не скрывает своего обучения на уроках Сербии.

— *А вход во власть генералов ФСБ...*

— Закономерное явление. Всегда, и не только у нас, руководители государства окружали себя «своими», «проверенными» ими людьми. Почему же Путин должен быть исключением? Почему он должен доверять тому, кого не знает?

Примечание. Непростое интервью. Интервьюировавший другого хотел. Печатаю лишь для того, чтобы сказать: «Порочить легче, нежели жить по правде». Не сенсациями пишется история.

Благодаря спецслужбам удалось избежать гражданской войны в СССР

Интервью с К. Приваловым

Кирилл Привалов. После исчезновения Советского Союза, КГБ — вновь названный Комитетом государственной безопасности — распался на множество взаимодополняющих структур (Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, президентская служба безопасности и т.д.). Была ли при этом изменена сущность российской разведки?

Филипп Бобков. По поводу деятельности секретных служб Советского Союза существуют самые противоречивые суждения. Одни обвиняют их во всех земных грехах; другие упрекают их в том, что они не выполнили своей задачи и лишь бездействовали при развале режима, который они должны были защитить. Следует признать, что в этом обвинении не все ошибочно. Но не следует упускать из виду историческую реальность. Секретные службы не могут отвечать за падение советского режима. Они лишь выполняли приказание власти — власти все менее и менее могущественной и все более и более дискредитированной. Они являлись лишь орудием в руках политиков. Я скажу даже больше: они не только невиновны в падении СССР, но, возможно, благодаря им нашей стране удалось избежать гражданской войны! Короче, КГБ не был этим ужасающим монстром, как некоторым нравится его изображать, и который якобы насаждал террор сверху донизу в государственном аппарате, манипулируя руководителями!

Когда-то секретные службы исполняли приказы советского руководства, то есть коммунистов, сегодня они следуют директивам российских властей, то есть демократов. Это единственное произошедшее изменение.

К. П. Если я вас правильно понял, российские секретные службы во все времена имели особый статус и никогда не были вовлечены в политические события. «Охранка», аналогичная секретная служба царя, была сметена революционным вихрем. Подоб-

ным же образом и КГБ оказался захвачен врасплох развалом Советского Союза. Трудно поверить в такую версию...

Ф. Б. И тем не менее это правда. Секретные службы, состоявшие из компетентных и лояльных профессионалов, час за часом информировали власти об изменениях настроений. Руководители знакомились с содержанием секретных отчетов, но в конце концов запоминали лишь то, что их устраивало. Я могу привести множество примеров.

В 70-е годы мне показали в архивах КГБ в Ленинграде 200-страничный том, полностью написанный от руки и датированный 1915 годом. Это было произведение одного капитана жандармерии, который описывал ситуацию в социально-демократических российских кругах: большевиков, меньшевиков, социал-революционеров и т.д. Очень подробно и тщательно, что выдавало глубокое знание вопроса, офицер «охранки» описывал дискуссии «нигилистов», объяснял, как была разработана их стратегия. Самое интересное это то, что он писал черным по белому, что власти зря недооценивают личность Ленина! Он заканчивал пророческой фразой: «Сила, способная произвести смену политической власти в России, уже родилась». Как мы знаем, царский режим не воспринял эти предупреждения...

Руководители КПСС вели себя подобным же образом в то время, как их постоянно предупреждали о развитии угрожающих центростремительных тенденций в нашей стране. Итак, за два года до событий в Карабахе и до развязывания войны — назовем вещи своими именами — между Арменией и Азербайджаном я сам лично предупреждал секретаря КПСС Лигачева об опасности конфликта. Горбачев также ничего не вынес из информации КГБ, но продолжал свои двусмысленные высказывания. В то время как на Кавказе ситуация продолжала ухудшаться, Кремль повторял нам: «Нет ничего страшного! Все хорошо, товарищи!» В 1988 году во время погромов в Сумгаите и первых столкновений в Нагорном Карабахе Лигачев признался мне, что вспоминал о нашей встрече. К сожалению, было слишком поздно: слишком много было пролито крови.

К. П. Кто из всех руководителей КГБ оставил наибольший след в этой организации?

Ф. Б. Без сомнения — Юрий Андропов. Именно под его руководством массовым репрессиям пришел конец. Если бы кто-либо

другой возглавлял КГБ, страна узнала бы новые несчастья. Особенно в последние годы Леонида Брежнева. В его окружении появились люди, которые воспользовались его физической слабостью для удовлетворения своих собственных интересов. Это был довольно трудный период. В этой обстановке руководителю секретных служб было бы легко превратить борьбу с диссидентами в охоту на людей...

Андропов же был убежденным сторонников мирного сосуществования: согласно ему, Запад и Восток не должны были больше находиться в состоянии постоянного конфликта и агенты секретных служб должны были постараться снять напряженность. Как он говорил, с одной стороны, есть политическая ситуация, а с другой стороны — оперативная ситуация. И они не всегда совпадают: два государства могут поддерживать хорошие политические отношения и в то же время предаваться упорной борьбе разведок и контрразведок.

К. П. Вы говорите о мирном сосуществовании. Была у КГБ возможность сотрудничать с ЦРУ?

Ф. Б. Конечно, особенно в области борьбы против торговли наркотиками. Во время войны в Афганистане международные каратели разработали систему, позволявшую переправлять наркотики из Центральной Азии на Восток по железной дороге через советскую территорию. Ценный груз перевозился целыми вагонами. В эту эпоху КГБ сотрудничал непосредственно с американцами, англичанами и канадцами. Вместо того чтобы арестовывать дилеров у источника, мы наблюдали за ними на всем пути их следования, что позволило нам проследить всю цепочку. По прибытии их взяли наши западные коллеги... Но наше сотрудничество на этом не закончилось.

В середине 70-х годов в городе Каунасе молодой литовец совершил самосожжение: как рассказывали западные информационные службы, он хотел этой акцией выразить протест против «аннексии Балтийских государств Советским Союзом». Мы в первую очередь постарались убедить себя: «Это единичный случай... В Литве — не все фанатики...» Но вдруг мы столкнулись с настоящей эпидемией: молодежь начала обливать себя бензином и гореть, словно факелы — очень часто в присутствии западных журналистов. Самоубийство в одном городе, в другом! Наши агенты бегали влево и вправо, стараясь найти настоящие причины этих ужасных дея-

ний и найти их инициаторов. Безуспешно... И именно тогда я встретился с моим коллегой из итальянской контрразведки, который поведал мне следующую историю: «Вы знаете, какое-то время тому назад у нас была такая же проблема. Молодая, очень красивая девушка выбросилась из окна. В то время говорили, что она хотела выступить против позиции церкви по вопросу об абортах и, в более общем смысле, против угнетения общества отдельными людьми... Самоубийца была похоронена с большой помпой. Вскоре молодые итальянки начали прыгать из окон и с крыш зданий. Мы все перепробовали, чтобы остановить эту черную серию. Абсолютно без пользы. Однажды одна осталась жива. Мы спросили ее, какими были мотивы ее действия. К нашему огромному удивлению, она ответила: «Как красивы подобные похороны!» Своего рода сумасшествие, не правда ли? Мы тут же прекратили все политические расследования и приняли меры, чтобы похороны проходили в узком кругу и захоронение происходило очень строго. Поверите ли? Попытки самоубийства прекратились как по волшебству...»

Мы поспешили применить этот метод в Литве, где тела хоронились скромно, без каких-либо намеков на политику, без расследований. Результат: самосжигатели исчезли сами собой. Конечно же это похоже на анекдот. Но эта история много говорит о деятельности КГБ!

К. П. Не расскажете ли вы о более значительных операциях?

Ф. Б. Я не имею права, так как некоторые люди, участвовавшие в этих операциях, еще на службе.

К. П. Может быть вы смогли бы теперь рассказать нам об успехах советской контрразведки?

Ф. Б. С удовольствием. Службы контрразведки смогли, например, найти на дне Охотского моря устройство, которое позволяло западным спецслужбам подключаться к подводному кабелю и слушать телефонные разговоры. Это то же самое, что искать иголку в стоге сена!

Но я расскажу больше: историю «таинственного контейнера». Наш резидент в Токио сообщил, что среди тысяч контейнеров, которые с утра до вечера курсируют по российским железным дорогам, один представляет серьезную угрозу безопасности нашей страны. Как найти его?

Благодаря огромной работе службы контрразведки контейнер был достаточно быстро найден в районе Иркутска. Он отличался

от других наличием люков по типу тех, что на кораблях. Незначительная деталь, но ее смогли заметить наши люди!.. В транспортных накладных, абсолютно не вызывавших подозрения, значилось, что контейнер заполнен японской фаянсовой посудой. Эти вещи должны были прибыть по Транссибирской магистрали в Ленинград, а затем отправиться пароходом в Гамбург.

Мы решили нарушить пломбы и открыть двери. Мы осознавали ответственность, которую брали на себя. А если груз на 100% совпадал с тем, что указано в накладных?

Мы тем не менее взяли на себя риск. Вагоны сверху донизу по всей высоте были заполнены хорошо упакованными коробками. Мы открыли первую коробку... вторую... В каждой было по две хорошо упакованных вазы. Мы продолжили наши поиски. И что же мы обнаружили за коробками? Обширный тайник, который был заполнен неизвестным оборудованием!

Эксперты, поспешившие на место, тут же раскрыли тайну. Речь шла о сложной системе улавливания гамма-лучей и обработки информации (автоматические камеры, счетчики Гейгера и т.д.), все это имело автономный источник питания. Короче, настоящая лаборатория, способная функционировать в замкнутом пространстве, без человеческого вмешательства. Способная собирать информацию и анализировать ее на месте. И это на протяжении всего пути следования от Находки до Ленинграда. Этот прибор, единственный в мире, был разработан, чтобы определять наличие ядерных материалов. Наши противники смогли бы, таким образом, обнаружить место нахождения наших урановых шахт, включая места, дезактивированные уже много лет. Они также смогли бы высчитать расписание, когда отправлялись контейнеры, предназначенные для атомной промышленности. Когда радиоактивность превышала бы уровень нормальной, внешние люки открывались бы и камеры бы включались... Я не хочу детализировать, но могу вам сказать, что с этими устройствами наши противники смогли бы пропустить сквозь гребенку всю советскую территорию!

К. П. Видимо, у японской фирмы, арендовавшей этот контейнер, были небольшие неприятности?

Ф. Б. Еще бы! Японцы не могли отрицать очевидное: у нас в руках были доказательства их сотрудничества с ЦРУ, так как, по мнению экспертов, эта лаборатория была сделана американцами. Паника в штаб-квартире этой фирмы: как избежать скандала?

Чтобы замять дело, они предложили нам полмиллиона долларов. Мы согласились на сделку: дело происходило в 1990 году, началось потепление международного политического климата, а нашим контрразведывательным службам приходилось умерять свой пыл.

К. П. Много ли неудач испытали советские службы?

Ф. Б. Невозможно избежать поражений, и порой они бывают жестоки. К концу 70-х годов мы обнаружили, что наши секретные переговоры прослушиваются. После многочисленных поисков мы смогли установить точку подключения: все исходило из сверхсекретного телефонного узла! Американским агентам удалось проникнуть не в какое-нибудь здание в Москве, но в бункер, затерянный в лесу далеко от столицы. Именно в то самое место, где были спрятаны кабели внутренней и внешней связи государственных органов: правительства, центрального аппарата КГБ, служб военной разведки...

Как это им удалось? Мы так никогда и не узнали. Скорее всего, они внедрили своего человека или нескольких в состав бригады техников, отвечавшей за прокладку линий. Дело еще более деликатное, так как речь шла не о простых каменщиках или плиточниках, а о высококвалифицированных специалистах в области электронных коммуникаций. Единственное неудобство: все переговоры записывались на пленку. То есть они вынуждены были регулярно изымать кассеты и заменять чистыми. С этой целью американского агента, одетого под «русского туриста», машина посольства Соединенных Штатов Америки отвозила в Подмоскowie. Затем с рюкзаком за плечами он шел к бункеру, не забывая путать следы. При помощи специальных инструментов, позволявших ему приподнимать огромные крышки, агент ЦРУ проскальзывал в отверстие, спускался на самое дно — что было непросто! — и выполнял свое дело... Мастерски проведенная операция.

Мы решили взять «туриста» с поличным. Для этого мы проработали массу сценариев, все взаимозаменяющие друг друга, по крайней мере в наших глазах. Нам казалось, что мы все предусмотрели до мельчайших подробностей: мы даже продолжали использовать систему связи, прослушиваемую американцами! И все зря: «турист» — черт бы его побрал — просто испарился!

К. П. Какие из зарубежных секретных служб вы считаете наиболее эффективными?

Ф. Б. Я очень уважаю британские. С ними было очень сложно бороться: их агенты были настоящими невидимками. По большому

счету, их сила опирается на их национальные традиции. В течение веков им позволяли действовать в полной независимости от государства. У нас было далеко до этого: у нас было сложно выступить с какой-нибудь инициативой, не обратившись в ЦК КПСС, в правительство... Власть никогда не давала нам самостоятельности.

Второе место я бы, без сомнения, присудил израильтянам. Они очень хорошо работают, даже в тех странах, где не могут полагаться на преданность еврейской диаспоры, в Сирии например. Они особо отличаются в борьбе с терроризмом. Помните ли вы их блестящую операцию на Энтебе?

Что касается французов, то мне кажется, что они особенно хороши в вербовке двойных агентов.

К. П. Видимо, вы имеете в виду дело «Farewell — Ветрова»! Какой была ваша реакция в 1983 году, когда 47 советских дипломатов были выдворены с французской территории?

Ф. Б. Мы пережили эту ситуацию спокойней, чем утверждали на Западе. Во-первых, потому, что в ту эпоху Ветров уже был раскрыт. Он был в тюрьме. Затем, потому, что в начале 80-х годов возникли другие неприятности. Мы убедились в том, что среди служащих КГБ, ГРУ и ряда других «закрытых» министерств есть люди, работающие на западные спецслужбы, например доктор наук Толкачев. Работая научным сотрудником в одном институте радиоэлектронной промышленности, он был нанят американцами и поставлял им информацию в течение шести лет. За деньги он передал в ЦРУ важнейшие документы по космическому и обычному вооружению. Другой предатель — майор Шеймов, сотрудник центрального аппарата КГБ. К сожалению, мы узнали о том, что он был агентом, лишь после его бегства на запад. Он исчез, унеся с собой секретные пароли... Я назову вам еще генерала Васильева. Он также из-за денег сотрудничал с американцами. Его завербовали во время пребывания за рубежом.

К. П. Вы говорите о деньгах...

Ф. Б. Вы понимаете, ничто не заставляло этих людей предавать их страну. Ими руководила исключительно жажда наживы. Дело в том, что американцы готовы были, не считая, тратить деньги, чтобы купить агентов. Вы не представляете, о каких суммах идет речь: они предлагали 50 или 60 000 рублей всем, кто соглашался на них работать, другими словами, подписать с ними контракт. В те годы средняя зарплата в России была где-то в районе 120 или

140 рублей. Можно понять, почему некоторые офицеры не устояли перед искушением... Притягательность «легких» денег, возможность путешествий за рубеж иногда были сильнее идеологических убеждений.

К. П. Как же вы распознали этих «заблудших овечек»?

Ф. Б. Я имею возможность вам ответить, так как я был поставлен Андроповым во главе 5-го Управления КГБ, которое было не чем иным, как политической контрразведкой страны. Некоторые утверждают, что за каждым советским гражданином стоял агент. Это уж слишком экстравагантно. У нас вообще в каждом регионе было не более 200 агентов. Совершенно смешная цифра в сравнении с тем, что есть в демократических странах, таких, как Швейцария, Франция и Германия... Более того, как я вам уже сказал, Андропов положил конец всеобщей системе доносов, которая существовала до него. Действительно, наши секретные службы получали много анонимных писем. Это вообще было любимое занятие представителей нашей бравой советской интеллигенции! Как только Большой отправлялся на гастроли за рубеж, обрушивался шквал разоблачений: те, кто не был отобран, мстили своим более удачливым коллегам, обвиняя их во всех смертных грехах.

К. П. Занималось ли 5-е Управление также и диссидентами?

Ф. Б. Я хотел бы расставить все точки над «и». Сегодня под «диссидентством» понимают иное мышление. С этой точки зрения список российских диссидентов очень длинен! Но настоящих диссидентов — тех, кто действительно сражался с советским режимом, — немного. Более того. У нас в КГБ диссидентом считали каждого, кто нарушал закон и восставал против власти, таких, как Буковский, Марченко... были и другие «инакомыслящие», которые критиковали режим, тем не менее соблюдая дозволенные рамки. Рой Медведев, например. Он писал малоприятные вещи о Брежневе, о его состоянии здоровья, но он никогда не бросал вызов режиму. Поэтому он не был наказан.

К. П. Каковы самые критические моменты вашей профессиональной жизни?

Ф. Б. У меня их было два. Ракетный кризис, когда мы прошли в двух шагах от ядерной войны. И дело Пауэрса в 1960 году, когда американский самолет-шпион U2 был сбит над Уралом. По этому поводу позвольте мне еще раз обратиться к моим

воспоминаниям. Дело конечно же было признано «сверхсекретным». Однако через несколько часов американский журналист Ламберт, корреспондент агентства AP в Москве, послал депешу, в которой рассказал об инциденте. ЦК КПСС обеспокоился: откуда утечка? Кто виноват? Армия? КГБ? Каким образом американский журналист мог оказаться в курсе? Мне ничего не оставалось, как встретиться с Ламбертом и задать ему вопросы напрямую. Он согласился на нашу встречу, и вот что он мне рассказал.

1 мая, в тот день, когда Пауэрс был сбит, Ламберт стоял на гостевой трибуне на Красной площади, присутствуя на традиционном параде. Именно в этот момент он заметил Шелепина, председателя КГБ, генерала Захарова, заместителя председателя того же КГБ. Последний поднялся на трибуну руководителей, хотя он не имел на это права. Он нарушил правила! Шелепин, выслушав Захарова, помрачнел. Он спешно спустился с Мавзолея, за ним Малиновский, министр обороны. Оба бросились к Хрущеву, который в свою очередь побледнел и быстро ушел. Позже он вновь появился перед генералами, начал с ними резко разговаривать, особенно досталось главе военно-воздушных сил... Большого американскому журналисту и не нужно было. Последний без промедлений вернулся в свою контору, чтобы связаться с руководством в Соединенных Штатах и проконсультироваться со специалистами по военным вопросам. Сразу после этого, когда у него еще не было никакой информации, Ламберт делает сенсационное сообщение: в день праздника труда советские военно-воздушные силы, возможно, сбили американский самолет. Он был настоящим игроком — этот Ламберт! Он попал прямо в яблочко. Сегодня эта история может вызвать у вас улыбку, но я вас уверяю, что в тот момент всем было не до шуток.

К. П. Какими вы видите секретные службы третьего тысячелетия?

Ф. Б. Отныне все мировые державы сталкиваются с одними и теми же угрозами: наркотики, терроризм, захват заложников, кража произведений искусств, торговля ядерным оружием и радиоактивными материалами, информационное пиратство... Отсюда острая необходимость сотрудничества между национальными центрами. Но перед лицом терроризма секретные службы безоружны. Им не хватает универсального банка данных, который бы

позволил каждой из них получить доступ ко всему комплексу имеющейся информации. В террористических организациях не будет внедрено много людей. Агенты, задействованные в наблюдении за террористами, слишком малочисленны. Терроризм и организованная преступность — таковы будут язвы третьего тысячелетия. Посмотрите, что происходит в Чечне!

Примечание. Опубликовано во французском журнале «Politique internationale № 74 (1996—1997 гг.). К сожалению, без моей редакции.

Вспоминая Гегеля

В десятом номере за прошлый год мы опубликовали любопытную и спорную статью Андрея Новикова «КГБ и ЦРУ в поисках «нового мирового порядка». Основной смысл статьи в том, что именно Комитет государственной безопасности СССР оказался тем слабым звеном в цепи звеньев союзной государственности, где произошел срыв, с чего начался развал и все прочие достопримечательности нашего времени. Автор не приводил фактов, но выстраивал достаточно логичную концепцию стратегического проигрыша советских спецслужб спецслужбам США.

Как мы обещали, хотя и с некоторым запозданием, в этом номере мы предлагаем читателям реплику-ответ на статью А. Новикова. Автор ее — бывший первый заместитель шефа КГБ Ю. Андропова, генерал армии в отставке Бобков Филипп Денисович.

Категорически возражая против некоторых принципиальных положений А. Новикова, Ф.Д. Бобков тем не менее фактически подтверждает концепцию «проигрыша»: «...социализм на практике оказался неспособным противостоять силам империализма, хотя и доказал возможность своего существования как общественной формации».

Нетрудно увидеть в этой фразе внутреннее противоречие, поскольку возможность существования и жизнеспособность — не совсем одно и то же, и семьдесят лет далеко не тот срок, который можно принять как историческое доказательство.

Социализм «оказался неспособным противостоять» не в условиях войны, войну-то он как раз выиграл. Но проиграл, по мнению Ф.Д. Бобкова, в мирное время «холодной войны». А «холодная война» осуществлялась, по его же словам, в основном спецслужбами. Вывод прост.

Но все же едва ли верен. Жизнеспособность того или иного государства находится в прямой зависимости от органичности его структуры, его социальной сути, и проигрыш или выигрыш спецслужб — дело вторичное. За год до перестройки США и пометать не могли, что скоро окажутся геополитическими монополистами.

Мы подарили им эту радость собственной инициативой. Социалистическое государство затрещало и рухнуло к ногам изумленных конкурентов. Были, безусловно, и «агенты влияния», о которых говорит Ф.Д. Бобков, были корыстно и бескорыстно заинтересованные лица, и еще много чего было, но — с обеих сторон. Если они имели у нас агентов, то мы содержали у них подчас миллионные коммунистические партии. Обе стороны боролись за выживание, не имея при этом силового преимущества.

В одном, без сомнения, прав автор предлагаемой публикации: лишь ИСТОРИЯ когда-нибудь даст полный и подробный ответ на все болезненные вопросы нашего больного времени.

Публикация Андрея Новикова «КГБ и ЦРУ в поисках «нового мирового порядка», прокомментировать которую мне предложила редакция журнала «Москва», удивила меня по своему основному выводу: сокрушение Союза Советских Социалистических Республик — результат совместных усилий и даже скоординированных действий спецслужб США и СССР (ЦРУ и КГБ). Увлеченный новизной такого открытия, автор идет дальше: Лубянка — резидентура Центрального разведывательного управления, и возглавляет ее Юрий Андропов.

Можно, отдав должное новизне такого поворота в суждениях о Комитете государственной безопасности, сказать о ее беспочвенности и поставить точку. Но это невежливо и было бы, на мой взгляд, неуважительно по отношению к автору. Исхожу из того, что право и на такого рода размышления и оценки не должно никого обескураживать. Боль за создававшуюся веками державу требует изучения причин ее распада. И версий будет еще предостаточно. КГБ в этих версиях чаще всего занимает, по ассоциациям с НКВД — НКГБ, место обвиняемого в беззаконии, в преступлениях против личности, в верности служению существовавшему строю. В последнее время, однако, все чаще и чаще звучит мотив виновности КГБ в допущении развала великой державы.

Откровенно говоря, у меня лично было бы легче на душе, если бы действительно КГБ сыграл в этом роковую роль: ответ найден, и не мучили бы раздумья о причинах гибели государства, о компрометации социалистической идеи, о тех страданиях, которые легли на плечи советского, а в видимой перспективе — прежде всего русского народа.

К сожалению, все не столь прямолинейно.

Андрей Новиков пишет о «холодной войне». Тема сегодня до вольно расхожая. Но согласитесь с тем, что в годы ее разгара «холодную войну» именно как войну не воспринимали. О ней говорил и писал лишь ограниченный круг партийных лекторов, да лидеры в докладах цитировали потребные выдержки в пропагандистских целях. Никто при этом не предупреждал об опасности «холодной войны» для государства.

В КГБ такую опасность принимали и в меру сил старались не только помочь руководству страны ее осознать, но и стремились донести угрозу, тающуюся в «холодной войне», до широких слоев общественности. Не хочу напоминать о многочисленных публикациях на сей счет, дабы не дать повода упрекнуть меня в ностальгии по прошлому. Тем не менее подчеркну, что осуществлялись и оперативные мероприятия, направленные против операций зарубежных спецслужб, их намерений действовать не только методами пропаганды на территории страны. Не всегда, правда, меры КГБ встречали в нашем обществе однозначную реакцию. Виной тому — непонимание угрозы «холодной войны» для жизни и судьбы страны.

«Холодная война» затрагивала и воздействовала не только на сферу социального сознания, сферу противоборства идеологий. Она вызвала гонку вооружений, что подорвало экономику, сказалось на уровне жизни народа. Не сегодняшним историкам судить о комплексе причин, приведших к краху не империи, а великое, безусловно имевшее перспективу существования, государство.

Именно против его существования и велась «холодная война» с активным участием в ней спецслужб с присущими им средствами и методами. Вспомним, что еще в 1948 году конгрессом США был принят закон № 165 о ежегодном ассигновании ста миллионов долларов на поддержание деятельности различных антисоветских формирований, групп и отдельных лиц, действующих как в США, Западной Европе, так и в СССР и странах народной демократии. 7 марта 1951 года в Западной Германии был создан «Американский комитет освобождения от большевизма». Он менял свои наименования в последующие годы, но программные документы свидетельствовали, что подобные центры «не занимаются пропагандой антикоммунизма, а ставят задачу конструктивного изменения в стране (в СССР)».

Да разве мало тому иных свидетельств и документов? Борьба с государственным строем в СССР, как задача, проходила красной

нитью во множестве программ, инструкций, наставлений государственных учреждений США и стран — участниц НАТО в агентурных заданиях специальных служб.

В этой связи трудно представить, что КГБ, зная цели «холодной войны», мог сотрудничать и координировать с ЦРУ подрывные акции против защищаемого им строя. Не в целях же координации совместных усилий КГБ внедрял технику подслушивания в посольство США в Москве (теперь это — не тайна), равно как ЦРУ — в советские учреждения за границей.

В былые годы было принято говорить, что борьба против советского строя, против социализма была возведена в США на уровень государственной политики. Вряд ли это вызывает возражения и сегодня. ЦРУ, как инструмент своего государства, осуществляло его политику специальными средствами. Среди них не последняя роль отводилась агентуре. Она вербовалась и среди сотрудников КГБ.

Агентура не только вербовалась. Были и добровольцы, и так называемые агенты влияния. Это принятые среди разведчиков и контрразведчиков термины. Задача агентов влияния, в зависимости от занимаемого положения, состояла в том, чтобы скрыть истинные цели «холодной войны» (в данном случае речь идет о ней), притупить к ним внимание, обеспечить защиту выступающих против строя в случаях их разоблачения, оправдать разрушительные процессы, дестабилизировать обстановку в стране, инспирировать критику «против» социалистической системы.

Кризис этой системы, вызванный подрывом экономики, способствовал дискредитации политического строя. К тому же общество с трудом преодолеvalo потрясения, вызванные разоблачением незаконных репрессий и преступления времен культа личности Сталина.

Недавно мне пришлось встретиться с одним известным представителем «правозащитного движения», посетившим Россию и произнесшим немало глубоко тронувших души многих россиян речей. Он страдает от распада великого государства. Ему больно видеть гибель России. На вопрос, а как же ваше прошлое, ваш вклад в ее развал, ваши призывы недавних лет покончить с ненавистным строем, он ответил, что «мы не думали о таких последствиях». Не думали! Хорошо, если бы мой собеседник только заблуждался. Наверное, и такие были среди агентов влияния.

Сегодня он — обвинитель. Но и вчера он играл эту роль, защищая тех, кто активно выступал за развал страны, поощрял сепаратизм, посягал на власть. На кончике пера фамилии, но я воздержусь от персоналий. Новиков почему-то вспомнил оклеветанную Прунскене, а можно бы назвать Гамсахурдия, которого, в отличие от первой, защищали те, кто разрушил государство. Впрочем, раскрывать агентуру для работника спецслужб — дело последнее.

Одну из глобальных операций ЦРУ-КГБ автор видит в осуществлении перестройки. Вряд ли в это могут поверить даже наивные простаки. Для меня это настолько надуманно, что и комментировать нечего. Особенно удивляет своей безапелляционностью фраза: «Сегодня точно известно, что события в ГДР, Румынии и Чехословакии были проведены с участием КГБ». Странно. Мне, как одному из руководителей КГБ СССР, об этом ничего не известно. Боюсь я таких «точностей»...

Итак, о перестройке. Осмыслить, изучить общество, в котором мы живем, действительно призвал Ю.В. Андропов, уже будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС и, видимо, следуя логике Новикова, покинувший пост резидента ЦРУ. Осознать, с тем чтобы не перестраивать, а совершенствовать, развивать. Для Андропова социалистический путь развития страны был не «социалистическим выбором», а закономерным историческим процессом. Эту закономерность не отрицают и западные социологи и политологи. Другое дело — пути реализации социалистической идеи. Ее практическое воплощение.

Практика требовала пересмотра, переосмысливания общественно-экономического процесса. Это понимали не только политики.

В декабре 1993 — январе 1994 года в выставочном зале московских художников состоялась посмертная выставка художника Юрия Васильевича Васильева. При жизни он не удостоился ни одной персональной экспозиции в нашей стране. Среди множества произведений выдающегося мастера экспонировалась картина «Дон Кихот». На довольно большом полотне изображен фрагмент ступенчатой башни без вершины и без основания. Вместе с тем ее высота различима. По ступеням спускается самоуверенно сидящий на своем Росинанте Дон Кихот. Где-то вдали над ним виден перепуганный Санчо Панса, кричащий об опасности. Очевидно — впереди разверстая бездна.

Картина написана в 1955 году. Понятливые критики опознали в Дон Кихоте тогдашнего главу партии и оценили замысел автора. С тех пор картины Юрия Васильева могли видеть лишь в домашней обстановке его друзья.

Талант художника открывал обществу грядущее, призывал осмыслить действительность. Необходимость осмысления, совершенствования системы осознавали и политики. Но если художник выполнил свой общественный долг подачей интеллектуального сигнала, то от политиков требовались действия, продуманные и поддерживаемые обществом. Трагедия состояла в том, что вместо обоснованного плана началась суeta. Сколько было начинаний. И только. К сожалению, такая участь постигла и экономическую реформу А.Н. Косыгина, которая, по мнению специалистов, не была лишена смысла и могла дать эффект.

Реформа стала жертвой фаворитов Л.И. Брежнева, которые боялись роста авторитета А.Н. Косыгина. Такая личность потенциального реформатора грозила их благополучию.

Пожалуй, со времен неосуществленной программы Косыгина в обществе стали задумываться о путях развития страны. Выход Андропова в лидеры партии открыл простор для выработки теоретических принципов и практических основ совершенствования экономической и политической системы в СССР. Жизнь не отвела ему времени для свершений.

Приход к власти М.С. Горбачева, казалось, не подвергал сомнению курс, избранный его предшественником. Тем более никто не представлял ухода от социалистического пути, отказа от завоеваний социализма. Подобного поворота не предлагали даже самые радикальные из инакомыслящих. Не было речи и об отказе от формы власти — от власти советской. Выборы в Верховные Советы СССР (1989) и РСФСР (1990) тому подтверждение. Они проходили под знаком укрепления Советов, хотя уже тогда немалое число кандидатов в народные депутаты свои предвыборные кампании вели под лозунгами антикоммунизма, открыто выступали против Коммунистической партии Советского Союза. Это настораживало, встречало противодействие, подвергаемое критике и осуждению как непонимание времени и требований перестройки. В массовое сознание были запущены соответствующие штампы: консерватор, враг перестроечного процесса, ретроград...

Однако нетрудно вспомнить, что идея перестройки была подержана подавляющей массой людей. Ее в эти годы воспринимали как назревшую необходимость совершенствования социалистического строительства в стране, углубление демократических преобразований, раскрепощение общественной жизни. Такое понимание перестройки не вызывало сомнений в рядах даже самых ортодоксальных коммунистов. Противоборство в партии возникло лишь на почве сроков тех или иных преобразований, темпов перестройки. Трудно было представить, что смысл перестройки состоит в возрождении капитализма, что привело не только к смене складывающейся общественной формации, но и к прекращению существования великой мировой державы.

История ответит на вопрос о прогрессивности или регрессивности произошедшего в Советском Союзе и того, что происходит сегодня в России.

Что касается роли КГБ в этом процессе, то его информация не всегда совпадала с оценками руководства партии и государства. Знаменитое изречение «процесс пошел» заслоняло объективную оценку того, что происходило в стране. Явно чувствовалось непонимание или нежелание понять, что дело идет к развалу государства, что стратегическая цель «холодной войны» — добиться конструктивных изменений в стране — близка к осуществлению.

Распад государства шел. Автор статьи упрекает КГБ, в частности, в поощрении народных фронтов. Их рождение приветствовали не чекисты. Но их целей не хотели замечать люди, руководившие государством. Уже в ряде правительственных учреждений республик Прибалтики работали в качестве советников представители американских спецслужб, а посещавшие эти государства руководители СССР радовались активности сепаратистов. Правда, журили их за спешку, просили побыть в составе Советского Союза хотя бы три — пять лет, чтобы обеспечить спокойный «бракоразводный процесс».

Помню, в Латвии одного такого советника из страны удалили, выдворили как персону нон-грата. Председатель КГБ республики удержался на своем посту только благодаря ссылке на прямое указание из Москвы. Но как он смел исполнять требования уже не существовавшего для суверенных республик союзного центра? Отбился, правда.

Этот пример может быть иллюстрацией отсутствия предполагаемой автором упомянутой публикации координации действий по развалу государства между КГБ и ЦРУ.

В итоге следует сказать, что государственная власть, люди, стоявшие у ее руля, должны были действовать, если они были заинтересованы в сохранении государства. В этом случае действовали бы и КГБ, и армия, и народные массы. Однако смею сказать, что процесс распада не только не предупреждался, но и весьма поощрялся. Перестройка политической власти ускорила процесс дестабилизации. Сепаратистские силы почувствовали слабость центра.

Утраченную власть восстанавливать трудно, но терять ее можно было и без кровавых трагедий. Равно как и сохранить.

Экономические преобразования не были противопоказаны и существовавшей политической системе. Здесь я согласен с автором, что советское государство развалилось «не само по себе». «Холодная война», как и всякая война, выигрывается одной из сторон. К сожалению, не СССР стал в ней победителем. Тем не менее трудно согласиться, что речь идет только о победе ЦРУ над КГБ. «Холодная война» — война двух противоборствующих систем. Этим определяются силы, в ней участвующие, в том числе и специальные службы. При крепости строя и сплоченности общества такие атрибуты войны, как предательство, агентура влияния, действия спецслужб, не ведут к поражению. Примером тому — победные войны России, вплоть до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Так же и самоотверженность командира не определяет общей победы.

И здесь выскажу неприятную истину: социализм на практике оказался неспособным противостоять силам империализма, хотя и доказал возможность своего существования как общественной формации. В нынешних капиталистических государствах немало взято из социалистической практики бывшего СССР. Здесь не место развивать эту мысль. Но плановость, контроль за рынком, усиление внимания к социальным нуждам трудящихся, бесплатное здравоохранение (в ряде стран), система образования невольно связаны с тем, за что боролись большевики в подвергаемом ныне критике октябре 1917 года. Объективно исторический пример СССР способствовал тому, что происходит в прогрессивном мире. Не забудем и того, что социалистическое государство (будущие «красно-коричневые») внесло решающий вклад в спасение человечества от фашизма.

Мне не хотелось бы заканчивать свои заметки рассуждениями о будущем КГБ, как это делает А. Новиков. Ибо главный вопрос — не в судьбе спецслужб, а в судьбе нашего государства — России. Ее не должна постигнуть участь Союза. И не постигнет, если она сумеет сплотить населяющие ее народы.

Уверен, что такое сплочение неизбежно, но бороться за него надо всем миром. Надо найти базу сплочения всех здравомыслящих людей России. Основой, на мой взгляд, является теоретически обоснованная идея возрождения. Именно возрождения, а не реставрации. Но несомненно: любое возрождение предполагает внедрение новейших технологий. А его обеспечивает передовая общественная мысль. Сегодня это просто обязаны сделать теоретики как капиталистического, так и социалистического путей развития России, ибо других путей дальнейшего развития государства, как мне представляется, в обозримой перспективе не существует.

Сейчас реставрация играет роль жупела. Может быть, теория возрождения поможет стабилизации общества. Понимаю конспективность своих мыслей. Но давайте задумаемся и вспомним Гегеля, его теорию общественного развития по спирали.

*Опубликовано в журнале
«Москва» № 3 за март 1994 г.*

5-е Управление предотвратило карательную политику государства

Выступление на встрече ветеранов 5-го Управления КГБ СССР (1997)

Для собравшихся в этом зале нынешний день особый.

Это — не просто очередная дружеская встреча коллектива ветеранов 5-го Управления КГБ СССР.

Сегодня — время великих исторических дат.

Мне доставляет честь по поручению нашего Совета ветеранов поздравить вас, дорогие друзья и коллеги, с юбилеем — 80-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Знаменательное событие Октября 1917 года навеки вписано в скрижали истории человечества. И как бы ни оценивали его сегодня историки и политики, свое слово скажет та История, которая сохраняет в веках знаменательные события и деяния человечества.

Великий Октябрь неразрывен с именем нашего вождя Владимира Ильича Ленина. Его имя свежо и неподвластно забвению.

Не все благополучно сложилось в истории Советского государства. Мы пережили его пороки, ошибки и заблуждения лидеров, преступления и коварство властей предрекающих.

Но будем честны. Мы жили в державе, овеянной славой побед и небывалых свершений, имя которой — Союз Советских Социалистических Республик. Мир не однажды связывал с ним свои надежды и свое спасение. Свидетельств тому немало.

Конечно, горько осознавать, что на карте Земли нет такого государства. Но никто не спишет и не зачеркнет его почти вековую историю. На всем ее протяжении выживать ему не давали. Давили военной силой, экономической удавкой, политической блокадой.

Но оно прошло через многие испытания. Сегодня практически нет свидетелей Октября, ушло из жизни поколение первых пятилеток, заложивших условия победы над фашистской Германией. Доживают свой век участники Великой Отечественной войны. Но не уходят и не уйдут из жизни те, кто продолжает и продолжит дело отцов и дедов.

Продолжит, ибо идеи Октября, идеи социализма неистребимы.

Нынешняя Россия, сохранившаяся на территории бывшего СССР, не может развиваться без опоры на свое советское прошлое. Оно будет сохраняться и проявляться в новых формах даже и в иной общественно-экономической формации. Может быть, это найдет свое выражение в государственном капитализме, о котором говорил Ленин, как о возможной экономической основе рожденной Октябрем Страны Советов. Важно не разорвать историческую связь времен. Но не жить ностальгией. Чувство это неистребимо, но оно должно соседствовать со стремлением делать будущее. Сегодня главное — осмыслить время и понять, что деидеологизированных государств, как это толкует «новое мышление» мелких политиков, на Земле не было и не будет.

Есть еще одно событие 1997 года. Поздравляю вас с ним — восьмидесятилетием органов государственной безопасности СССР и Российской Федерации.

Не стану говорить о том, как много это значит для каждого из нас, отдавших жизнь делу обеспечения безопасности Советского государства. Не наша вина в его распаде. И не сегодня заниматься нам рассуждением о том, как и почему все произошло. Важно то, что чекисты честно и бескорыстно выполняли свой долг до конца.

В рамках знаменательного юбилея — 80-летия ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МВД — КГБ мы обязаны вспомнить и еще одно событие. Для присутствующих это тоже юбилей. 30 лет тому назад было создано 5-е Управление КГБ СССР, в последующем Управление по защите конституционного строя.

Последнее наименование наиболее точно определяет суть деятельности чекистов нашего управления, нежели прежняя функция — борьба с идеологической диверсией.

У истоков создания этой структуры стоял незабвенный Юрий Владимирович Андропов.

Многое можно вспомнить о нашей нелегкой жизни. Многое и многие о ней пишут. К сожалению, немало домыслов, легковесности, небрежности. Не говорю об умышленном искажении событий и фактов. Не в злопыхателях дело. Благо нередки и другие добрые свидетельства.

Полагаю нелишним отметить лишь немногое.

Во-первых. Важно напомнить — создание 5-го Управления предотвратило явно наметившийся сдвиг в сторону изменения кара-

тельной политики государства. Сдвиг, который способен был возродить полосу репрессий. Не стану вновь развивать эту мысль.

Во-вторых. 5-е Управление не занималось подавлением инакомыслия. И хочу сказать мемуаристам, трогающим эту тему: «Зря вы отрешиваетесь от того, чего не было. Коллектив управления нацелен был не на инакомыслящих, а на тех, кто, прикрываясь мнимым инакомыслием, а попросту словоблудием, выступал против и действовал на подрыв существовавшего в то время конституционного строя».

Об этом можно судить даже по нынешним откровенным свидетельствам самих участников, скрывавших свои противоправные действия под оболочками «правозащитников», «диссидентов», «национальных патриотов» и т.д. Не грешно вспомнить однако, что большинство из них лицемерно провозглашало борьбу за возврат к подлинному Ленину, к социалистическим ценностям.

В-третьих. 5-е Управление, безусловно, изучало происходящие в стране процессы. Благодаря этому удавалось предотвратить нежелательные эксцессы, такие, как массовые беспорядки (они происходили в стране ежегодно до создания 5-го Управления). Такие нежелательные проявления, как межнациональные конфликты.

Не стану утомлять вас теперь уже давней историей.

Хочу лишь с грустью заметить, что в «холодной войне», которая велась все с нарастающей силой против СССР, органы госбезопасности, и в частности 5-е Управление, чувствовали свое одиночество.

Казалось, что незыблемость государства таится в самом факте его существования и прошлых побед.

Государство разрушалось в силу многих коренных глубинных причин.

Разрушение созерцали. Но не только. В дело вступили и сознательные разрушители, которых обуяли вдруг общечеловеческие ценности, «плюрализм в рамках социализма», возврат к социалистическому выбору.

Как хороши, как свежи были розы!

5-е Управление сохранило свое лицо и в этих условиях.

Прошло тридцать лет. Уверен, что труд коллектива не пропал даром. Он проявляется и сегодня в деятельности тех, кто стоит на страже безопасности России.

Мы не можем не вспомнить наших дорогих товарищей, ушедших из жизни, но и до сих пор остающихся в нашей памяти благодаря своему благородству и верности долгу.

Разве можно забыть мудрого Сергея Матвеевича Серегина, опытных контрразведчиков Василия Ивановича Корнилова, Якова Ивановича Оловянникова, Александра Ивановича Куликова, Владимира Александровича Головина, Валентина Владимировича Звезденкова, легендарного Ивана Алексеевича Маркелова.

Разве уйдут из памяти Лев Николаевич Чириков, Константин Михайлович Обухов, Павел Андреевич Ворошилов, Илья Тимофеевич Цупак, Василий Павлович Шадрин, Владимир Васильевич Фицев? А рано ушедшие из жизни молодые Королев, Ольшанский, Шмелев? Разве можно забыть Александру Ивановну Ларичеву и Галину Ильиничну Черепкову? Заслужил доброго слова и первый начальник 5-го Управления Александр Федорович Кадашев. А еще вчера были с нами Володя Низов, Тарас Плахута, Борис Колосков.

Перечень, к сожалению, велик. Мы потеряли более 80 человек. Но они остаются с нами. Не забудем и тех, кто трудился по «пятой линии» в республиках СССР, в краях и областях нашей Родины.

Почтим же вечную память о них вставанием.

Тридцать лет ушло из жизни каждого из нас. Сегодня на дворе другая погода. На крутых поворотах судьбы проверяются люди. Можно гордиться тем, что коллектив 5-го Управления сохранил свою сплоченность.

Не могу не отметить заслуги в этом Валерия Павловича Вороникова и нашего стойкого Ивана Фомича Перебейносова.

Каждый из нас находит себя в новых, очень тяжелых условиях. Очень важно не утратить чувства локтя, не оставить друга в беде.

Хочется жить будущим. А будущее — в единстве России. Новая «холодная война» продолжает ему угрожать. Ей надо противостоять, не повторяя ошибок, недоглядов прошлого. Самое опасное — уверование в том, что кто-то хочет видеть великое государство — Россию. Кто? США, Германия?

Поэтому сплочение России, ее регионов задача архиважнейшая. Не дать разгуляться бушующим (не все хотят это видеть) центробежным силам.

Ветераны не могут этому противостоять. Это — задача наследников. Но бить тревогу, предупреждать угрозу нам посильно.

И еще об одном. Надо понимать сложность работы нынешнего поколения чекистов. Их легче критиковать. Труднее понять. Важно подбодрить, уверовать в своих наследников, верить в их решимость сохранить Россию.

Им нужна наша хотя бы моральная поддержка, не будем противопоставлять их себе.

Товарищи! Сегодня большой день. Мы видим друг друга. Давайте же поздравим друг друга с праздником, с нашей верной дружбой!

Пусть будет так не один год!

Как боролся с террором КГБ СССР

События каждого дня возвращают к размышлениям, как и почему террор занял такое место в государственной и общественной жизни. Борьбой с террором вынуждены заниматься не только специальные службы. Она занимает умы государственных деятелей, академиков всех наук, журналистов.

Конечно, удивительно, но складывается впечатление, что террор растет параллельно с развитием мировой цивилизации, если даже не опережает его.

Конечно, это крайнее суждение. Оно допустимо лишь для обострения рассуждений на эту тему.

Террор как метод борьбы сопровождает всю историю человечества. Жертвы его памятны. Лишившие жизни Юлия Цезаря и Спартака, склонившие Сократа принять яд увековечены в истории наряду со своими жертвами. Теракт в Сараево стал предлогом начала Первой мировой войны.

Очевидна лишь особенность актов террора, совершаемых в прошлом как давнем, так и недавнем. Это были акты индивидуально-го террора. Они были характерны вплоть до 60-х годов (Патрис Лумумба, Джон и Роберт Кеннеди, Лютер Кинг), хотя имели место и в более поздние годы (Пальме, Индира Ганди).

Богата печальными примерами и история России. Их нет нужды восстанавливать в памяти.

Как правило, индивидуальный террор направлен против государственных и политических деятелей, устранить которых иным путем противники были бессильны или же считали такой метод единственно оправданным.

Среди политических партий в России дольше всех сохраняла в своей программе индивидуальный террор, как метод борьбы, партия эсеров. Левые эсеры прибегали к нему в предреволюционные годы и после Октябрьской революции, борясь с большевиками.

Именно поэтому вновь созданные спецслужбы после Октября постоянно имели своей задачей борьбу с террором. Но подчеркнем — с индивидуальным террором. Предотвращению и раскрытию такого рода акций была подчинена вся агентурно-оперативная, розыскная и следственная деятельность. Причем важно их сочетание.

Ибо, если следствие отрывается от агентурно-оперативной базы и основывается на подозрениях, доносах, показаниях свидетелей и личных признаниях обвиняемых без документальных и вещественных доказательств, беззаконие неизбежно. Последним доказательством тому из советского времени может служить так называемое «дело врачей».

Такой подход (речь идет об указанном сочетании) лежал в основе организации оперативной работы на направлении борьбы с террором в послевоенные годы в системе структуры органов госбезопасности после образования в 1946 году Министерства государственной безопасности СССР.

Тогда был создан для решения этих задач специальный отдел «Т». Все оперативные подразделения обязаны были передавать в этот отдел всю информацию, касающуюся возможных террористических намерений, действий и даже размышлений. Он (отдел) определял судьбу этих материалов: поручал расследование получившим эти данные или брал его на себя. Такая система существовала до 1954 года, то есть до создания КГБ при Совете Министров СССР. Благо связанных с террором дел, кроме упомянутого «дела врачей», к которому отдел «Т» отношения не имел, в те годы не возникало.

Это не значит, что террор ушел в прошлое. После войны наступила и иная форма террора. Она потеряла окраску индивидуального и поэтому вышла из сферы функций отдела «Т». Террор приобрел характер боевых операций вооруженного националистического подполья в Прибалтике и в западных областях Украины. Он потерял направленность против отдельных лиц. Террор стал угрожать определенным кругам и категориям населения. Тогда впервые жертвами террора становились ни в чем не повинные женщины, старики и дети. Борьбой с террором на этом направлении занимались подразделения, задачей которых была борьба с националистическим подпольем. Само подполье и проводимые им акции террора в известной мере напоминают происходящее сегодня в Чечне, да и не только, о чем несколько позже. Напоминает и то, что его деятельность поощрялась, поддерживалась и подпитывалась специальными службами иностранных государств. Тогда этим активно занимались спецслужбы США и Великобритании.

В системе МГБ СССР противостоял этому отдел — 2-Н 2-го Главного Управления (контрразведка).

В марте 1953 года МГБ прекратило существование и службы безопасности влились в МВД СССР, которое возглавил Л.П. Берия. В его составе было возрождено в лице 4-го Управления доверенное Секретно-политическое управление. Отдел 2-Н стал его составной частью, сохранив функции. Он выполнял их и в Комитете госбезопасности, став 2-м отделом 4-го Управления. Так было вплоть до 1954 года, когда в последний раз в ходе оперативной игры к берегам Литвы пристал быстроходный катер, направленный английской разведкой с грузом для отрядов так называемых «лесных братьев». Оружие, деньги, снаряжение оказались в руках оперативных работников органов госбезопасности, так же как ранее заброшенные для связи с подпольем эмиссары английской разведки. Оружие же предназначалось прежде всего для акций террора, так как к тому времени они являлись основным методом борьбы малочисленных бандитских групп с утвердившимся в Прибалтийских советских республиках, и в частности в Литве, советским строем.

1955 год можно считать годом завершения борьбы с националистическим подпольем и прекращения акций террора, им совершаемых. Как в Прибалтике, так и в западных областях Украины.

Что касается отдела «Т», то он с созданием КГБ при СМ СССР свое существование прекратил. Задачи борьбы с террором были возложены на все оперативные подразделения без координирующего центра. Обобщением материалов занималась без должных прав небольшая группа сотрудников бывшего отдела «Т», оказавшаяся в 4-м Управлении КГБ при СМ СССР.

Такой подход явно ослабил внимание к этой линии оперативной работы.

1 мая 1955 года террор напомнил о себе. В этот день в городе Архангельске злоумышленник, несмотря на охрану, сумел пройти на главную трибуну, где находились руководители области, и в упор расстрелять присутствовавших. Под пули попало, как помнится, шесть человек. Стрелявший носил «роковую» фамилию Романов.

Событие это вызвало грозную реакцию со стороны руководства КГБ. Были изданы соответствующие приказы, призывавшие к бдительности, к большему вниманию к сигналам о террористических намерениях, к контролю за сохранностью оружия. Организационно задачи борьбы с террором по прежнему возлагались на **все**

оперативные подразделения органов госбезопасности. Координирующего центра не создавалось.

В начале 60-х годов, когда в КГБ произошли коренные структурные изменения, это оперативное направление вовсе ушло на дальний план. Оперативная работа целиком переводилась в сферу каналов борьбы с проникновением в страну иностранных разведок. От контроля за средой, которую эти разведки намеревались использовать в целях подрыва конституционного строя страны, органы госбезопасности, по существу, отстранялись.

Так продолжалось до начала 70-х годов, до прихода на пост председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова. Одним из первых решений его явилось создание 5-го Управления с задачей прежде всего знания обстановки в среде устремления западных центров.

Всем памятен террористический акт в декабре 1968 года, когда Ильин расстрелял правительственный кортеж у Боровицких ворот. Событие заставило пересмотреть организацию работы по предотвращению подобных акций.

Как результат раздумий Ю.В. Андропова на эту тему стало создание в 5-м Управлении специального отдела, функцией которого явилась борьба с террором, предотвращение диверсионно-террористических акций. Закономерно, что отдел функционировал в 5-м Управлении, аппарате политической контрразведки, решавшем задачи защиты советского конституционного строя. Свою работу вновь организованный отдел не мог делать в отрыве от функций управления, то есть изучения среды, где в силу разных причин возникали негативные процессы. Они могли порождать и, как показала жизнь, порождали теракты как крайнюю форму борьбы со строем. Эти акты, а также и упомянутые процессы являлись и следствием воздействия зарубежных идеологических центров, западных специальных служб, органов «психологической войны», действовавших в рамках созданных с началом «холодной войны» военных блоков НАТО, СЕАТО и других. Они, кстати, не пренебрегали поощрением и подстрекательством актов террора.

7-й отдел 5-го Управления сосредоточил у себя всю базу данных, поступающих по всем каналам в КГБ, касающихся террористических настроений и намерений. Такую информацию ему были обязаны направлять все органы госбезопасности. Отдел контролировал ход их проверки. Наиболее заслуживающие внимания сиг-

налы передавались для проверки непосредственно в отдел. Ему же поручалось по решению руководства КГБ ведение конкретных разработок. Особо выделялся розыск авторов анонимных документов с террористическими угрозами.

И это оказалось нелишним. Опыт показал, что исполнители подобного рода акций извещали о замыслах рассылкой анонимных документов. Между прочим, как показало расследование, с анонимки начал подготовку к теракту тот же Ильин. К сожалению, розыску автора не было придано нужного внимания.

7-му отделу был поручен контроль за розыском похищенного оружия и взрывных веществ, сбор и анализ взрывных устройств, данных о возможном использовании их в преступных целях.

Надо сказать, что в 70-е годы замыслы террористов чаще стали приобретать характер террористически-диверсионный. Исполнители, уходя от акций индивидуального террора, практически оставили в стороне огнестрельное оружие, а перешли к использованию взрывных устройств. Так менялся подход к террору. Преступники, его совершавшие, рассчитывали вызвать недовольство властью, панику среди населения, не считаясь с тем, что подобные действия ведут к гибели безвинных людей, к жертвам, не сопоставимым с индивидуальным террором.

Акций индивидуального террора после стрельбы Ильина на территории Советского Союза практически не совершалось.

За двадцать лет существования 5-го Управления удалось предотвратить многие намерения к совершению преступлений с использованием взрывных устройств. Однако в пяти случаях этого сделать не удалось.

Самая серьезная из них осуществлена в Москве группой армянских националистов. В январе 1974 года они взорвали три взрывных устройства: одно в вагоне метро, а два других на Никольской улице в Москве. Погибли люди. Готовили еще один взрыв на Курском вокзале, но он был предотвращен. И январская акция могла бы быть предотвращена, не будь несогласованности в работе между оперативными подразделениями КГБ Армянской ССР, осуществлявшими разработку злоумышленников. Три других акции осуществил в Грузии разысканный и осужденный впоследствии Жвания. Первый раз он заложил взрывное устройство у здания обкома партии в Сухуми. Погиб заинтересовавшийся пакетом с заложенным взрывным устройством гражданин, отдыхав-

ший в Абхазии. Второй мощный заряд был взорван Жванией в 1972 году на проспекте Руставели, у здания правительства в Тбилиси, и третий на площади в Кутаиси. Все взрывы преследовали одну цель: вызвать панику среди населения, посеять недоверие к власти. И опять же: при тщательном розыске автора анонимного документа с террористическими угрозами Жвания своих преступлений не совершил бы.

Так же, как и некий Вартанян в Баку, предупреждавший в анонимке о намерении взорвать городской автобус. Не будучи разыскан как автор, Вартанян совершил задуманное.

В числе предотвращенных акций — своевременное обнаружение, благодаря ранее принятым мерам безопасности, на одной из станций московского метрополитена в январе 1989 года мощного взрывного устройства. Взрыв его повлек бы гибель людей.

Это оказалось делом рук экстремистов из Тбилиси, обнаруживших себя впоследствии среди активных участников событий, приведших к гибели людей в Тбилиси в апреле 1989 года.

Даже из того, что кратко изложено выше, можно видеть, как индивидуальный террор уступил место акциям, рассчитанным на подрыв стабильности в обществе, на вызов недовольства властью, порождение у людей страха за свою жизнь.

Надо сказать, что злоумышленники стали прибегать к таким методам не без восприятия того, что происходило и за пределами страны.

Взрывы на улицах и площадях городов, в транспортных средствах, закладки взрывчатки в жилые дома постоянно осуществлялись «борцами за свои права», в частности, на Ближнем Востоке. Они гремели и осуществлялись в Палестине, Сирии, Египте, Ливии, в Марокко и Алжире. К ним прибегали курдские сепаратисты. Случалось такое и в других регионах мира.

Однако к нам такая практика переносилась прежде всего из Палестины, а затем и из Израиля. Действия израильских террористов до создания государства, а затем и палестинцев против израильтян широко освещались советской печатью и порождали естественный интерес у тех, кто вынашивал, преследуя свои цели, выступления против власти, стал на путь ее подрыва.

Немалую роль в этом играли и действия специальных служб, органов «психологической войны» военных блоков, идеологические центры, работавшие по инструкциям разведок иностранных государств.

«Террористические операции для воздействия на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом» — так писал А. фон Бюлов — бывший министр правительства ФРГ, курировавший в Бундестаге деятельность германской разведки, в книге «ЦРУ и 11 сентября. Международный террор и роль секретных служб», вышедшей в 2003 году.

Не оставались без внимания спецслужб и те, кто вообще становился на путь разрушения Советского государства. То, что они найдут поддержку, вытекало из программ центров, определявших характер действий против СССР.

Комитет радио «Свобода» не скрывал того, что его задачи не сводятся к пропаганде антикоммунизма. Суть — добиться конструктивного изменения существующего в стране строя.

Это прямо вытекало из политической директивы, утвержденной президентом США Трумэном еще 23 ноября 1948 года (СНБ 20/4): «...Способствовать развитию среди народов России таких тенденций, которые могут помочь изменить нынешнюю советскую политику и дать возможность возродить национальную жизнь таких групп, которые проявляют способность и решимость достичь и отстаивать национальную независимость».

Это и вело к появлению взрывников из числа армянских и других националистов, к стрельбе Ильина, а некоторых поощряет и сегодня.

Такого рода воздействие и подстрекательство к беспорядкам реально почувствовалось, в частности, во время проведения в Москве Олимпийских игр и фестиваля молодежи в 1985 году.

Задолго до Олимпиады-80 почти одновременно появились две книги: бывшего кадрового разведчика Роберта Вача — в Англии и Джеймса Паттерсона — в США. В обоих произведениях очень красочно описывались те страхи и ужасы, которые довелось испытать героям этих книг во время как бы прошедшей Олимпиады в Москве. Обывателя запугивали жуткими картинками убийств и взрывов. В книге Паттерсона прямо указывалось, какое оружие, каким образом можно завезти в Москву, где его хранить до определенного момента. Подробно описывались места, где лучше произвести взрывы, откуда удобнее стрелять. Фактически это был своеобразный инструктаж для террористов и взрывников.

Весной 1980 года Москву посетили английские туристы, один из которых представился членом английского парламента Аткин-

соном. Они обсуждали с «московскими друзьями» осуществление провокаций в день открытия Олимпиады, способных вызвать беспорядки на стадионе. А «друзья» были те их сообщники, которые ныне гордо именуют себя активными «диссидентами» в прошлом.

В 1985 году в Москве проходил фестиваль молодежи и студентов. Задолго до открытия в Пакистане были специально подобраны афганские боевики, которые прошли серьезную подготовку под руководством специалистов ЦРУ и за год до фестиваля заброшены в страну. Они осели в городе, тем более что деньгами их обеспечили, и стали ожидать получения взрывчатки, пластиковых бомб и оружия, готовясь к осуществлению взрывов в местах массового скопления людей (Лужники, Манежная площадь и другие места). Акции были сорваны благодаря принятым оперативным мерам.

Пишу об этом подробно потому, что террористические и диверсионные акты, в подготовке которых участвовали западные спецслужбы, осуществлялись не только на территории Советского Союза. Ими поощрялся международный терроризм, воплощавший в себе различные цели как готовивших их центров, так и исполнителей. Одни выступали как борцы за независимость, за национальное освобождение, другие — за смену конституционного строя. Естественно, поддержка их западными и, в частности, американскими спецслужбами определялась их заинтересованностью развитием событий в конкретной стране или в определенном регионе мира.

Такой подход наших нынешних партнеров по борьбе с международным терроризмом характерен и для сегодняшнего дня. И весьма своевременен в этой связи призыв Президента России Владимира Владимировича Путина о том, что для сплочения сил борьбы с международным терроризмом необходимо прийти к единому его понятию, устранить «двойное толкование». России сделать это не сложно, ибо, в отличие от партнеров, политика Российского государства исключает из своих целей поддержку сил, выступающих за смену власти или режима в других странах.

Поскольку «международный терроризм» стал ощутимой реальностью в 70-е годы, в структуре КГБ произошли соответствующие изменения. В системе контрразведки (в данном случае во 2-м Главном Управлении) был создан самостоятельный отдел по борьбе с международным терроризмом. В отличие от отдела 5-го Управления, его работа строилась на контроле каналов въезда в страну

иностранных граждан и предотвращении возможного использования террористами прикрытий постоянных представительств иностранных государств. Особое место занимало наблюдение за работниками резидентур спецслужб, осуществлявшими свою деятельность «под крышей» учреждений своих государств.

Произошли изменения и в функциях 7-го отдела 5-го Управления. В связи с тем, что экстремисты все чаще стали брать на вооружение взрывчатые вещества и изготавливать специальные взрывные устройства, в отделе было сформировано специальное направление. На него возложили контроль за сохранностью и за розыском похищенных взрывных материалов. Оно обобщало также данные о применении взрывных устройств, изучая совместно со специалистами Оперативно-технического управления способы их изготовления и применения. Все это позволяло улучшить оперативную работу, связанную с предотвращением действий преступников с использованием таких средств.

К тому времени совместно с МВД СССР был налажен, и довольно строгий, контроль за состоянием сохранности огнестрельного оружия. Возросли требования к проведению мер по розыску пропавшего или похищенного оружия, чаще всего пистолетов. Такие случаи рассматривались как чрезвычайные происшествия.

Тогда же стала проявляться и другая форма экстремистских акций: участились случаи захвата заложников и транспортных средств. Особую опасность вызывали захваты самолетов. Такие акции не обходились также без поощрения специальных служб иностранных государств.

В целях повышения эффективности пресечения преступлений такого характера в 5-м Управлении в 1974 году после долгих исследований была создана группа «А». Но ввиду того что для подготовки и тренировок ее личного состава не имело смысла создавать новую базу, группу «А» передали в 7-е Управление, где имелись соответствующие для этого условия. Так родилась ставшая легендарной «Альфа».

По существу, этим завершилось создание системы по предотвращению и пресечению диверсионно-террористических и иных экстремистских акций. Естественно, что выявление их не снималось со всех оперативных подразделений органов госбезопасности, осуществлявших агентурную работу. Особенно серьезные требования предъявлялись к подразделениям, решавшим задачи изучения той

среды, которую зарубежные центры определили объектами своих устремлений в целях подрыва советского государственного строя.

Вновь созданные названные выше отделы координировали эту работу, осуществляли контроль за ходом проверки поступающих сигналов и по другим вопросам, входившим в сферу борьбы с террором. Вели разработку наиболее серьезных дел.

Основой оперативной деятельности на этом направлении, как и в целом органов госбезопасности, составляла агентурная работа, ее качество и уровень. Только с помощью серьезной агентуры можно было своевременно выявлять намерения, замыслы и угрозы террористов, предотвращать их исполнение. Агенты играли главную роль и в расследовании совершенных преступлений, предотвращение которых оказывалось невозможным. Естественно, что для этого было крайне важно иметь источники, глубоко внедренные в ту среду, которая представляла наибольшую опасность.

Здесь стоит сказать, что мы всегда помнили послевоенный опыт борьбы с бандитизмом. Успех приходил лишь тогда, когда в банду внедрялся надежный агент, а нередко и оперативный работник. Срок жизни такой банды был предопределен. Такое внедрение позволяло видеть также действия зарубежных спецслужб и организовывать оперативные игры с ними.

Думается, что это остается важным и в наши дни, когда к террору прибегает воюющая с Россией наемная армия, дислоцирующаяся на территории Чечни. Она готовит и проводит боевые операции на территории России, прибегая к террору.

Эти операции мало чем отличаются от боевых действий израильтян до создания их государства на территории Палестины, а затем палестинских экстремистов на территории Израиля или ныне албанских вооруженных формирований в Косово. Они весьма похожи на те, что вообще совершаются в современном мире.

И еще одно из прошлого. Вопрос о недопущении пропаганды террора. В свое время президент Франции Шарль де Голль запретил показ в стране фильма «Шакал». Запретил не потому, что фильм был против де Голля, а потому, что показывал в деталях подготовку и совершение теракта. Президент исходил из того, что не следует через экран поощрять террор и обучать тех, кто захочет подражать террористам.

На наш экран фильм вышел после 1991 года. Свобода. Это в то время, когда в стране заработали киллеры.

Думается, что показ по телевизору совершаемых в последние годы террористических акций, показ средств террора, деталей, связанных с их пресечением, не только поощряет, но и инструктирует будущих террористов. Особенно когда их учат поведению во время переговоров с представителями служб безопасности.

А разве не может воодушевлять будущих «смертников» показ героизма их предшественниц? Странно, но кино и телеэкраны заполняют герои террора (Савинков, Спиридонова). Надо ли было отмечать в прессе и на телевидении годовщину взрыва в метро в январе 1974 года? Разве лишь для того, чтобы через полтора месяца, но уже в 2004 году произошел новый взрыв в Московском метрополитене.

Все изложенное об организации и практике работы по борьбе с терроризмом в прошлые годы ни в коем случае не претендует на их возрождение. Это лишь опыт. Сегодня другие времена, иная оперативная обстановка.

Можно лишь повторять, что:

— во-первых, главным оружием в борьбе с международным терроризмом, как и с террором внутренним, является хорошо отлаженная агентурная работа;

— во-вторых, наиболее опасна деятельность террористов, связанных с иностранными специальными службами, пользующихся их поддержкой, начиная с пропагандистской;

— в-третьих, при организации оперативной работы по борьбе с террором важно учитывать специфику выявления и пресечения акций индивидуального террора (особенно роль киллеров), а также использования диверсионно-террористических методов в боевых операциях, осуществляемых воюющей армией на территории своего противника. В данном случае наемной армией, осевшей в Чечне, на территории России;

— и наконец, в-четвертых, террор сегодня тесно связан с коррумпированной средой. Она поощряет убийство соперников при дележе сфер влияния, снабжает (в этом случае киллеров) деньгами и оружием, помогает скрываться от уголовной ответственности. Эта среда питает и наемную армию, если ее действия совпадают с возможностью получить выгоду. Поэтому знание оперативной обстановки в коррумпированной части общества имеет немаловажное значение при решении задач предотвращения международного терроризма.

И в заключение нельзя не назвать тех, кто возглавлял отдел по борьбе с террором. Его начальниками были:

полковник (генерал-майор) **ЧИРИКОВ Лев Николаевич**. В последующем председатель КГБ Башкирской АССР, затем заместитель начальника 5-го Управления КГБ СССР. В период Олимпийских игр в Москве руководил службой безопасности в Олимпийской деревне;

полковник (генерал-майор) **ЗВЕЗДЕНКОВ Валентин Владимирович**, выдвинутый затем на пост первого заместителя председателя КГБ Литовской ССР;

полковник (генерал-лейтенант) **ГОЛОВИН Владимир Александрович**, после руководил КГБ Узбекской ССР;

полковник **ЗЯЗИН Евгений Дмитриевич**, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы, почетный сотрудник госбезопасности.

*Опубликовано в журнале
«Российский кто есть кто»
№ 1 за 2005 г.*

Финал диссидентства

Естественно, что в обществе работа 5-го Управления осталась в памяти. Оценивается она по-разному. Иначе и быть не может, ибо его работа требовала знания процессов, проходящих в обществе. И прежде всего тех, которые требуют реагирования власти, предотвращая возникновение на их основе негативных явлений, конфликтов, возникновения и роста недоверия к государственной политике. И не только знания, но и реагирования.

В условиях растущего давления со стороны Запада, поиска сил дестабилизации положения в СССР, активизации межнациональных противоречий и на их основе возбуждения конфликтных негативных ситуаций, оказания содействия всем, выступающим против советского конституционного строя, проводить оперативную работу сотрудникам управления было непросто. Она подвергалась постоянной критике теми внешними и внутренними кругами, против целей которых она была направлена.

В основе ее лежало утверждение того, что управление создано для подавления инакомыслия. Отсюда и находка Запада о диссидентах.

Такой терминологии в документах 5-го Управления не существовало, если, конечно, речь не шла о западной пропаганде. Не было, ибо инакомыслием управление не занималось. Оно вело работу по предотвращению деятельности против власти, против конституционного строя. Против практической деятельности, которая, как правило, поддерживалась Западом не только пропагандистски, но практически, вплоть до материальных средств.

Может быть, к месту привести заявление на сей счет одного из идеологов Запада Алена фон Шарка:

«...Если государство Советский Союз предпримет какие-либо шаги против подобного рода отщепенцев (так именует фон Шарк «диссидентов», действующих против строя. — *Ф.Д.*), необходимо как можно шире афишировать эти меры как несправедливые, чтобы вызвать, с одной стороны, сочувствие к ним, к отщепенцам, а с другой стороны, недовольство коммунистической системой».

Но не стану писать эту историю. Мне показалось, что будет к месту привести материал, опубликованный в газете «Московские новости» в 1987 году. Подписавшие его в последующие годы к вопросу об «Интернационале сопротивления» уже не возвращались, но тогда-то на их действия достаточно остро реагировала даже газета, его опубликовавшая. Краткая предыстория появления самого материала в печати. Я позвонил главному редактору «МН» Е.В. Яковлеву и предложил напечатать «Интернационал сопротивления», так как считал, что у нас должны знать точку зрения оппонентов. Яковлев сначала стал возражать, но затем согласился со мной и даже написал комментарий к публикации.

Итак, газета «Московские новости» № 13, 29 марта 1987 года.

РАСТАЯВШИЕ ИЛЛЮЗИИ И ЛОГИКА БОРЬБЫ

Так называемый «Интернационал сопротивления» появился несколько лет назад. Его образовали представители различных эмигрантских кругов из ряда социалистических стран совместно с «контрас» из Анголы, Кампучии, Афганистана и Никарагуа.

В этой компании оказались также несколько лиц, в разное время и по разным мотивам выехавших из СССР. Причем если одни из них давно подвизались на антисоветском бизнесе, то другие не слишком демонстрировали свою враждебность к нашей стране и советской власти. Так или иначе десятерых объединило письмо, которое реакция на Западе с наслаждением цитирует и обыгрывает. Письмо подписали **В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ.**

Перепечатывая это письмо, как оно опубликовано во французской «Фигаро», редакция полагает, что в общем-то оно не требует особого комментария, ибо говорит само за себя. И все-таки поскольку это письмо — оно ждет ответа.

ПУСТЬ ГОРБАЧЕВ ПРЕДОСТАВИТ НАМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Лавина новостей из Москвы вызывает в последнее время удивление и даже смущение у многих честных людей как на Востоке, так

и на Западе: неужели наступил такой поворотный момент в нашей истории, о котором можно было только мечтать, когда будет положен конец репрессиям, нищете, международному разбою? Или же речь снова идет о временной оттепели, о тактическом отходе накануне следующего наступления, как определял это Ленин в 1921 году?

Действительно, к нашей вящей радости некоторые выдающиеся защитники прав человека были освобождены из тюрем, лагерей, вернулись из ссылки. Тем не менее, хотя мы и выражаем наше удовлетворение в связи с этими фактами, мы не можем не отметить, что избирательный характер помилований рассчитан так, чтобы ценой минимальных уступок произвести максимальный эффект. Если советские руководители по-настоящему, как они утверждают, изменили свое отношение к проблеме прав человека, если они решили отказаться от подавления как формы контроля за свободомыслием в Советском Союзе, почему же тогда они просто-напросто не амнистировали всех узников совести, а продлевают удовольствие на целый год, освобождая по каплям наиболее известных из них?

Почему до сих пор мы ничего не слышали о безоговорочном осуждении психиатрических репрессий, самых чудовищных из всех принудительных методов, применяемых в СССР? Почему нет улучшения в вопросе эмиграции, которую допускал даже покойный «реакционер» Брежнев?

АФГАНИСТАН И МЫ

Более или менее похожие «изменения» и «оттепели» можно наблюдать также в других областях советской жизни. Они дают немало поводов для недоверия. Так, признание советскими руководителями необходимости радикальных экономических реформ является бесспорным улучшением.

Мы, несомненно, одобряем стремление советских руководителей вывести войска из Афганистана, где наши молодые соотечественники вынуждены участвовать в уничтожении мирного населения. Однако предлагаемый советским правительством способ «урегулирования» проблемы только усиливает сомнения в искренности его намерений. Ведь если они действительно хотят прекращения войны, почему бы не вывести сразу все войска,

не ставя предварительных условий и не растягивая сроки? Если хотят, чтобы «урегулирование афганской проблемы» было достигнуто политическим путем, чтобы в этой стране было стабильное правительство, почему противятся проведению под строгим международным контролем свободных и честных выборов? Выборы такого рода успешно прошли в Зимбабве и сравнительно недавно в схожих условиях в Сальвадоре.

ЗА ПОДЛИННУЮ ГЛАСНОСТЬ

Наибольшее замешательство и тревогу вызывает, наверное, новая советская политика «гласности», открытости и «культурной оттепели».

Гласность, по существу, предполагает определенную публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов. Гласность должна включать как право получать информацию, так и право распространять информацию, поскольку и то и другое неразрывно связано в едином процессе контроля общества за властью. Развитию гласности, как мы ее понимаем, скорее способствовал бы свободный доступ к копировальной технике, нежели официальная кампания критики советской действительности. Если советские лидеры хотят пользоваться определенным доверием в глазах общественности, им необходимо решиться на признание хотя бы нескольких независимых издательств, не подлежащих партийному контролю. В этой связи публикация данного письма в советской печати стала бы самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности.

Мы рады констатировать, что такие выдающиеся писатели, как Гумилев и Набоков, «посмертно реабилитированы» и что их книги станут наконец официально доступными для читателей нашей страны. Другие, менее «удачливые» покойные писатели все еще ждут своей очереди, которая, видимо, наступит по случаю очередной «культурной оттепели». Как бы то ни было, данная привилегия предоставлена исключительно мертвым, которые не могут ни сказать, ни сделать чего-либо неожиданного. Наверное, этим объясняется особый интерес советских властей к покойным знаменитостям, останки которых они стараются «вернуть на родину» вопреки желанию, высказавшемуся ими при жизни (Шалапин, Тарковский).

ЕСЛИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ МЫ ВЕРНУЛИСЬ

Нам стало известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться «домой», словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что «прошлое будет забыто». Очевидно, советские власти до сих пор не в состоянии понять, что эмиграция — результат не какого-то трагического недоразумения, а глубоких расхождений с режимом, не способным уважать свободу творчества. Можно забыть прошлое, но как забыть вседуший контроль партии, особенно после того, как вдохнешь немного воздуха свободы. Этого не заменить орденом Ленина.

Кто, например, мешает им издавать наши книги, записывать наши пластинки, показывать наши фильмы и спектакли, выставлять наши картины и скульптуры? Тогда почему они не начали именно с этого, вместо того чтобы обещать свое «прощение», в котором никто не нуждается? Все, о чем их просят, — это просто отойти немного в сторону и дать зрителям, слушателям, читателям в СССР самим выбрать то, что им нравится.

Тогда и только тогда мы сможем провести открытый диалог с властями, а не сомнительные переговоры на черной лестнице.

Представим на миг, что самое смелое из всех предложений Горбачева — о более свободных выборах в партии — будет реализовано. Благодаря этому «прыжку вперед» мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения Южной Африки. Наши «белые» получают наконец свободные выборы для самих себя, хотя они и представляют всего-навсего лишь 7 % населения.

БАРЬЕР ИДЕОЛОГИИ

Если они хотят серьезным образом провести «радикальные изменения» в советской системе, они должны для начала пересмотреть государственную идеологию. Без этого ни одно глубокое и рассчитанное на большой срок преобразование не могло и никогда не сможет иметь место в Советском Союзе. Идеология — настоящий стержень советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго. Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится predetermined, и руководителям остается решать только тактические проблемы. Они мо-

гут объявить «мороз» или «оттепель», но у них самих не может быть «лета». Они не смогут жить в мире ни со своим собственным народом, ни со своими соседями до тех пор, пока правящая идеология отрицает саму возможность «мира с классовым врагом». Разве может у них быть «мирное сосуществование» с «буржуазным» миром, если они ставят задачу «похоронить» этот мир? Разве можно рассчитывать на подлинную «разрядку», если «разрядка ни в коем случае не означает, не может означать отрицания законов классовой борьбы»? В результате нет ни мира, ни войны, есть лишь «борьба за мир», подчиняющаяся незыблемому закону советской поддержки «всех сил социализма, прогресса и национального освобождения».

До тех пор, пока продолжается это «историческое сражение между двумя мирами», никто не имеет права просто заниматься своими делами. Население как бы мобилизовано, чтобы вставали все новые и новые отряды идеологических бойцов. Эта всеобщая мобилизация не признает ни права на нейтралитет, ни права на отказ по причинам совести, потому что «кто не с нами, тот против нас». Даже гражданский перебежчик юридически приравнен к военному, перешедшему на сторону врага во время военных действий (Уголовный кодекс, часть III, ст. 4). Желание эмигрировать, следовательно, рассматривается как измена Родине, а те, кому разрешается выезд за границу, тщательно отбираются среди самых надежных лиц, как если бы речь шла о разведчиках, отправляемых во вражеский тыл.

Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно прекратить использовать в пропагандистских целях трагедию нашего народа во Второй мировой войне, убрать из учебных программ вызывающую тревогу военно-патриотическую подготовку, которая стала обязательной во всех советских школах и которую можно только сравнить с дрессировкой гитлеровской молодежи, положить конец милитаризации советского общества. Нужно восстановить историческую правду о преступлениях, совершенных советским режимом.

БОЛЕЗНЬ РЕЖИМА

Как можно ждать от людей прилива энтузиазма в связи с разрешением «индивидуальной трудовой деятельности», особенно

в сельском хозяйстве, если «коллективизация» и уничтожение десяти миллионов крестьян до сих пор не осуждены партией, находящейся у власти? Или, говоря о «гласности», как можно надеяться, чтобы это новшество принималось всерьез, если оккупация Чехословакии в 1968 году до сих пор не осуждена как международное преступление? Потому что в конечном счете Пражская весна была не чем иным, как периодом «гласности».

Это лишь два, взятых наугад, примера. Но они показывают, что для примирения народа с правительством недостаточно выпустить из тюрьмы несколько десятков человек, безвинно, кстати, туда заключенных. Советский Союз тяжело болен. Болезнь настолько затянулась, что даже руководители страны были вынуждены порвать с семидесятилетней традицией молчания — им необходимо доверие людей в СССР, доверие всего мира. Но прежде всего им нужно самим научиться доверять народу и миру. Научиться достаточно верить общественности, чтобы признать свою ответственность перед Международным судом в Гааге, перед судом прав человека в Страсбурге и чтобы пострадавшие, выступая в качестве истца, могли бы потребовать возмещения убытков, понесенных в результате какой-либо катастрофы вроде чернобыльской. Они должны стать равными среди равных, а не прообразом светлого будущего.

Сегодня всем, даже глупцам, очевидно, что, если семидесятилетнее правление при помощи «самого передового учения» привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признает Горбачев, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое? Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чем вопрос. А если нет, то что же тогда произойдет?

Комментировать публикацию в газете не стану. Мой комментарий может вызвать иную оценку опубликованного. К тому же не мне писать об эмигрантах, подписавших документ от имени «Интернационала сопротивления». Целясь в коммунизм, как говорили позже некоторые из них, они попали в Россию. А посему комментарий Егора Яковлева актуален и сегодня.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОТ ОБРАТНОГО

Василий Аксенов — бродим с ним по Москве осенним днем и до самого вечера. Говорим, мечтаем. О чем? О времени — такое, какое настало сегодня и которое он теперь обвиняет... Мастерская Эрнста Неизвестного в переулке возле Сретенки. Не отрывая руки, одним движением художник старается изобразить Прометея, разрывающего цепи. Портрет любимого героя Маркса — это к его юбилею на обложку журнала «Журналист». Неизвестному никак не удастся передать радость человека, обретающего свободу. Отбрасываются и рвутся листы, пока не рождается тот, единственный рисунок... Сегодняшний Неизвестный и понять не в состоянии те чувства, которые испытывают его соотечественники, понять людей, которые говорят: мы выстрадали перестройку... Вспоминаю встречу с Владимиром Максимовым на Страстном бульваре. Он, как всегда, что-то бормочет о вере, царе и Отечестве, горюет по безвременно почившим в Бозе Романовым. Тогда, признаться, это воспринималось болезненным чудачеством озлобленно-ущербного человека. А теперь? Рядом с его именем ставит свое и Юрий Любимов... Съехавшись в Замоскворечье, сочиняли манифест о революционном театре. Нет, Таганки еще не было. И сама возможность там обосноваться смущала Любимова: «Это же на окраине, кто поедет в такую даль?» А вот желание создать театр, подобный тем, что возникали в 20-е годы, и прежде всего подобный театру Мейерхольда, — это желание было твердым. Ныне создатель революционного театра оказывается в соавторах с Максимовым.

А все они вместе — те, кто так ратовали за демократизацию нашего общества, — теперь злословят по поводу этой самой демократизации, поют ей за упокой прежде, чем она началась. Сколько слов и чернил извели, доказывая необходимость перемен, а как только начались они — принялись доказывать от обратного: обличают перемены.

Что же случилось? Все смешалось? Скорее, определилось.

Еще недавно не только мне казалось: кого-то из них непременно потянет домой. Вернется по зову совести, коль взялись мы всем миром за переустройство жизни. И звонили, скажем, актеры с Таганки, поддаваясь чувству, — звонили чуть ли не каждую ночь за океан (это при их-то зарплате), убеждали Любимова: его ждут в театре. А он кокетничал, торговался... Теперь — собственноручно отрезанный ломоть в канун своего семидесятилетия.

Однажды в ответ на признание одного из поклонников «Нового мира»: «Рано или поздно наступит конец цензурным ограничениям, тогда-то мы и поработаем с вами, Александр Трифонович» — Твардовский весьма неприязненно ответил: «Тогда мы сможем оказаться с вами по разные стороны баррикад. Это только сейчас, против нынешних глупостей мы едины».

Сказанное А. Твардовским звучит сегодня как предсказание неминуемого: та разящая правда, которой чужды любые сантименты, всякие дружеские пристрастия. Человек проверяется, когда он свободен в своем выборе. Те десять, коим ничто не угрожало, были свободны решать. Они выбрали ту сторону баррикады.

Расставшись со своим народом, трудно сохраниться с ним в одних измерениях — утрачивается чувство времени. Лишились его и авторы письма. Вроде бы собрались писать о настоящем, но что ни строчка — то от прошлого.

Хлопочут, к слову, о копировальной технике. О какой? Неужто все еще находятся в плену у самиздата? Это сегодня-то, когда едва успеваешь прочитывать то, что переписывалось, бывало, по углам, а теперь публикуется периодикой, выходит книгами. Рассуждают как о невероятном по поводу «независимых издательств». А тем временем Союз писателей СССР рассматривает предложения об организации кооперативных издательств. Одно из первых — «Весть», создается при поддержке В. Каверина, Э. Межелайтиса. Где же они, голосующие за «публичную дискуссию, в которой каждый может участвовать и не бояться преследований, независимо от выражаемых взглядов»? Могли и они, если бы не боялись, быть среди тех, кто сегодня рассматривает, поддерживает, создает. Нет, по-прежнему среди обвиняющих издаека. И воображают, будто их письмо столь немыслимая, невероятная, недопустимая откровенность, что опубликуй его в советской печати, и станет это «самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности». Опубликовали. Что дальше?

Да ничего! Для них все останется как и было. Писал же еще Герцен об эмиграции: «Притом ни шагу вперед. Они, как придворные версальские часы, показывают один час — час, в который умер король... и их, как версальские часы, забыли перевести со времени смерти Людовика XV».

Задумайтесь, каким ограниченно-культовым мышлением надо обладать, чтобы запрашивать доказательства благополучно-

го будущего великой державы у одного человека — пусть и занимающего чрезвычайно ответственный пост, пусть и располагающего сегодня небывалым признанием во всем мире. Может повторить тем, кто хотели бы прослыть «отцами русской демократии», мысль, неоднократно высказываемую Михаилом Горбачевым: одно лицо или группа лиц не могут быть в нашем обществе носителями истины в последней инстанции. И то же самое можно повторить о силах обновления. От всех нас зависит, чтобы «оттепель» превратилась в «лето», говоря словами авторов письма, а по-нашему, чтобы от «революции ожидания» перейти к революционной перестройке, энергию замыслов превратить в энергию дел.

Есть лишь одна гарантия от повторения ошибок, которые так дорого нам обошлись: последовательная и повсеместная демократизация. Этому и следуем, помня: больше демократии — значит больше социализма. В этом прежде всего и расходимся с авторами письма. Не решаясь произнести, к чему же в конце концов призывают, они скрывают за ширмой частных предложений свои глобальные намерения: лишить наше общество исторической перспективы, взяв под сомнение его «конечные цели и основополагающие принципы».

Поразительно, но, высказывая общие места о том, что революционная теория устарела, нынешние критики В. Ленина первыми и обнаруживают архаичность своего мышления. Они выдвигают его фигуру в положение сверхчеловека, поскольку допускают, что за все в ответе может быть тот, кто умел видеть сквозь годы, но кому не дано было — не дано уже более полувека — жить, работать, решать вместе с нами. Все ли делалось вчера и выполнено теперь, как советовал, настаивал Ленин? А сегодня, обращаясь к его наследию, мы имеем возможность идти дальше Ленина. Да, дальше: с высоты нашего времени дано оценить и суть былых противоречий, и смысл принимаемых тогда решений. К тому же мы свободны от того, что особенно тревожило Ленина: кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь.

Живет своей жизнью двухсотвосемьдесятимиллионный народ — хуже или лучше, но занят своей судьбой. И, представьте себе, не подозревал до сих пор, что где-то далеко-далеко расположилось несколько его бывших соотечественников, которые

желают для себя особых гарантий, одобряют «стремления советских руководителей» или же, наоборот, видят «немало поводов для опасения», диктуют, как следует проводить политику гласности, требуют «для начала пересмотреть господствующую идеологию», размышляют, стоит ли им «провести открытый диалог с властями», так и не выяснив, а хотят ли этого «власти», прикидывают, что необходимо для «примирения народа с правительством».

И лишь об одном не думают: как самим найти путь к своему народу. Потому что оставили его не в лучшие времена. Наслаждаясь, как пишут сами, «воздухом свободы», они обеспокоены, видите ли, тем, как дышится в Москве... Не знал, признаться, не знал до сих пор из всей истории русской эмиграции, кому жизнь на чужбине представлялась бы желаннее, чем дома, кто не хотел бы воспользоваться первой же возможностью, чтобы вернуться.

Среди прочих фраз есть у авторов письма и такая: «Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно...» — и так далее, и тому подобное. Но кто это, собственно говоря, — «они»? Кому это — «им»? А главное, чья это — «наша»? С вашей позицией к нашей современной истории вы не имеете отношения.

Когда-то у кого-то из авторов письма были свои заслуги в развитии общественного самосознания — их и теперь не станут обделять в этом. Но зачем же раздувать щеки, тянуться на цыпочках, чтобы представиться большим, чем есть на самом деле? Незнайство, право же, уничтожает талант быстрее, чем запреты. Вот и письмо свое они написали на редкость посредственно.

Каждый из них профессионал в своем деле и знает, как важно быть им. А тем не менее тянут самостоятельное начало в политике, не стыдясь домотканости своих суждений. Почему — вопрошают — не вывести из Афганистана «сразу все войска, не ставя предварительные условия и не растягивая сроки»? Все очень просто: махать рукой на тех, кому стремились помочь; уйти, не думая, что произойдет за твоей спиной. Нет, так политика не делается, да и они сами это прекрасно понимают. Однако продолжают нарочито валить все в одну кучу: борьбу за мир и похороны Тарковского, события 1968 года и выборы в Сальвадоре, военнопатриотическое воспитание школьников и Уголовный кодекс.

А венчают всю эту мешанину следующим: в результате процесса демократизации «мы только чуть-чуть приблизимся к положению черного населения Южной Африки». Прав был Белинский, утверждая в письме к Гоголю: «Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант».

Чем обеспокоены авторы письма? Тем, что почва у них уходит из-под ног. Могли, например, прежде ссылаться на высланного в Горький Сахарова, а теперь он сам замечает, что не прочь на время съездить в Горький — бесконечные московские визитеры мешают работать. Рассуждали бывало, нет, мол, хода личной инициативе — нынче она приветствуется. Не миловали когда-то художников-авангардистов — труби об этом на весь мир. Сейчас у них одна выставка за другой. Так и без работы можно остаться!

Но что же это за работа, если в основе ее давно известное своей безнравственностью утверждение: чем хуже, тем лучше. Не удастся, не состоится то, чем заняты ныне в Советском Союзе, — это обернется поражением на уровне национальной трагедии. Авторы же письма станут потирать руки. В беде народа готовы обрести и самоутверждение, и самооправдание. Во зло молящиеся!

Нам и без всяких голосов хватает забот: за перестройку надо бороться, ее надо защищать. И люди идут на это, меньше всего думая о собственных удобствах, не вспоминая прежних обид.

«Нужна ли горькая память о прошлом?.. Без нее мы просто никуда не уйдем и рискуем снова стать жертвами трагических ошибок и непреодоленного опыта», — пишет на страницах «Московских новостей» критик Владимир Лакшин. Когда-то лишенный любимых занятий в «Новом мире», он привык к неторопливой работе над рукописями своих статей и книг. И все-таки согласился стать заместителем главного редактора журнала «Знамя». Надо не только помнить о прошлом, но и преодолевать его.

Сколько сил, а главное, времени забрали у Элема Климова: его фильмы годами пробивались к экрану. Теперь бы снимать и снимать. Нет, пропадает в Союзе кинематографистов, согласившись стать первым секретарем его правления. «Речь идет о том, чтобы зафиксировать условия, в которых киноискусству станет легче дышать, полнее раскрываться», — говорит он в беседе с нашим корреспондентом.

Известность Николаю Губенко в последние годы принесли поставленные им фильмы. А он идет в Театр на Таганке: труппа

избрала его своим главным режиссером. «Отлично понимаю, что я не театральный режиссер. Но я, очевидно, нужен труппе, нужен как некое объединяющее лицо, с кем связывает она возвращение определенных ценностей, утраченных театром за последние годы», — заявил в интервью для «Московских новостей» Губенко.

«Постоянно, через всю гражданскую жизнь каждого человека тянутся исторические комбинации, в которых обязан гражданин отказаться от известной доли своих стремлений, для того, чтобы содействовать осуществлению других своих стремлений, более высоких и важных для общества». Так писал философ и публицист, возглавлявший самый прогрессивный журнал своего времени, человек, который почти два года провел в одиночной камере, а два десятилетия на каторге и в ссылке. Впрочем, авторы письма, скорее всего, и его не возьмут в расчет. Поскольку писал это революционер-демократ Чернышевский.

Комментарий можно закончить тем, что эта публикация была практически последней из тех, которые призваны были играть роль документов, на основе которых могли бы спланироваться силы, выступающие за изменение конституционного строя в СССР.

Запад постоянно пропагандировал такого рода документы, разрабатывал их, видя в них основу для соответствующей обработки общественного мнения.

Вначале такую роль играли письма против отдельных правительственных решений и акций, затем возникла «Хроника текущих событий», вокруг которой стали спланиваться «борцы за права человека в СССР», а Запад активно их поддерживал вплоть до материальной помощи. Позже стала распространяться программа «Демократическое движение в СССР», изготовленная западными антисоветскими центрами, а затем «Тактические основы демократического движения в СССР». И наконец, под эгидой политического отдела посольства США в Москве возникли «хельсинкские группы» и стал раскачиваться призыв «к защите прав человека». Задача этих групп состояла в легализации нелегальной деятельности «борцов за права человека» против советской власти. Кстати, подобная легализация в Польше выступавших «в защиту прав рабочих» (КОС-КОР) состоялась и вскоре привела к приходу именно этих сил к власти, сменив социалистический правопорядок.

«Защита прав человека в СССР» звучала громко, пропаганда Запада подогревала ее мощной силой, а «хельсинкские группы» активно дестабилизировали обстановку в стране, опираясь на поддержку сил Запада. Силы, сплотившиеся под этим лозунгом внутри страны, конечно, сыграли определенную (хотя и не решающую) роль в разрушении единой державы, содействовали, вызывая недоверие к власти, распаду государства.

Заметим, что лозунг не снят с повестки дня и после ухода в прошлое Советского государства. Он изменил адрес. Место СССР заняла Россия. И сплочение сил, выступающих против власти Российского государства, уже не коммунистического, продолжается призывом «защиты прав человека в России». Не они ли легализуют цель тех, кто ставит задачу расчленения России, освобождения на ее территории «порабощенных наций»?

И это еще раз говорит о том, что не в коммунизме дело. Как мы понимаем, сегодня речь идет о борьбе за ресурсы, влияние, коммуникации, в которой Россия выступает конкурентом. И о гуманитарном прикрытии этой борьбы.

О Юрии Андропове

Юрий Владимирович Андропов — яркая, вошедшая в историю личность. Прочно и навсегда. Сила в том, что он сохранил верность учению великого Ленина и на деле решал задачу превращения в жизнь его заветов. Он — истинный первопроходец из плеяды тех, кто верил в социализм и в осуществимость создания и существования социалистического государства. Теоретические основы этого пути заложил Владимир Ильич Ленин, развивая учение Маркса в новых исторических условиях — в эпоху империализма.

Сегодня о Ленине пишут всякое. Но кто? Его опошляют предатели, делавшие карьеру в партийном, государственном, комсомольском аппарате в советское время. Скрывая предательство, они в прошлом звали, одурманивая народ, к возврату, к Ленину. Это отличает их от убежденных антикоммунистов. Последние борются с коммунизмом, но не порочат Ленина, как и Маркса, потому что понимали и понимают силу их теоретической мысли, влияние их идей на умы человечества. Их борьба объяснима и оправданна. Они борются за свою идеологию.

Предатель идеологии не имеет. И в душе у него только злость: хотелось стать великим, да не на того поставил. Процветал ведь, клянясь в верности Владимиру Ильичу, а он подвел. Стать в строй первопроходцев опасно. Вдруг поскользнешься.

Естественно, что предатели бьют по всей нисходящей от Ленина. Под их злословие попадает и Юрий Владимирович. Для одних он убийца, для других душитель свободы, для третьих — антихрист. Но для народа Андропов — рано ушедший из жизни руководитель государства, вера в деятельность которого ради жизни людей живет, несмотря на гибель великой страны, вряд ли случившейся бы при его жизни.

Но позволю сказать об Андропове то, что видел, чувствовал и понял, работая под его началом и общаясь с ним. Это все-таки пятнадцать лет. Не скажу, что на протяжении этих лет не было размолвок. Интриганов, портивших отношения между людьми, к сожалению, везде хватает. Но для меня эти пятнадцать лет ос-

таются памятными на всю жизнь. Юрий Владимирович не просто учитель. Он — образец душевности, чистоты и честности. Он — творец, вооруженный твердыми убеждениями.

Закономерно, что, возглавив партию и став во главе государства, Андропов сразу же напомнил обществу о Марксе, создателе науки о социализме. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» он поднял исторически важную теоретическую задачу: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество со всеми его возможностями и нуждами...» Это требование первопроходца. Он должен оценить пройденный путь и определить дальнейшие шаги. Андропов не призывал вернуться к Марксу или к Ленину. Первопроходец определял путь в будущее, опираясь на учение Маркса — Ленина, думая о его развитии.

Уверен, что именно Андропов свершил бы то, что сделал Ленин на заре империализма, он, развивая учение марксизма-ленинизма, нашел бы путь развития социализма в новых исторических условиях, обосновал бы его теоретически в эпоху глобального капитализма.

Андропов никогда не подвергал сомнению социалистический путь развития Советского государства. В многократных беседах на эту тему он всегда говорил: «Мы живем в стране социализма. Немало тех, кто сомневается в этом, говорят, что социалистическое общество не таким должно быть. Мы, дескать, ушли от социалистических начал. Но мы — первые. Иного социализма на Земле никто в жизни не воплотил, да и не воплощал. Конечно, многое хочется улучшить, усовершенствовать. Мы обязаны это делать. Но искать иные пути, бросать наш опыт, отказываться от него — значит уйти от социализма, похоронить завоевания Октября, закрыть дорогу в будущее».

Великую державу и пустили в пропасть именно те, кто целился в коммунизм, а погубил Россию, те, которые занялись перестройкой социализма. Не стану говорить об откровенных предателях.

Анализ политической и государственной деятельности Юрия Владимировича займет еще немало научных трудов. Видение перспектив дальнейшего строительства социализма в СССР обозначено четко как в названной статье, так и в немногих (к сожалению) выступлениях уже в роли Генерального секретаря ЦК КПСС.

Его заботило и беспокоило многое. Главное — доверие людей к партии и к государству, вера народа в будущее, благосостояние всех, живущих в социалистическом государстве. Конечно, осуществить все это, как и обеспечить необходимый рост экономики, можно было только в условиях безопасности государства. «Холодная война» в те годы продолжалась, и цель ее оставалась неизменной со времен известной речи в Фултоне: добиться уничтожения коммунизма. «...Наше общество развивается не в тепличных условиях, не в изоляции от враждебного нам мира, а под холодными ветрами развязанной империализмом «психологической войны». Это в 1983 году сказал Юрий Владимирович.

Задачи этой войны и тогда были очевидны — добиться разрушения социалистической системы, изменить конституционный социалистический строй в СССР и в конечном счете разрушить государство. Средства для достижения этой цели были брошены невероятные, в том числе и для снабжения тех, кто стал на путь борьбы с конституционным строем внутри страны. К сожалению, поддерживать противнику было кого. Андропов это хорошо знал.

Но и он не мог представить себе, что решение в Беловежской пуще в декабре 1991 года о прекращении существования СССР, вопреки воле народа, высказанной на референдуме в марте того же года, подпишут и доложат об этом президенту США бывшие руководящие работники партии. Из тех опять же, которые не скупилась заявлять о своей верности Ленину. Президент СССР спокойно принял антиконституционный акт и подал в отставку.

Нельзя не повториться: Ю.В. Андропову не было жизнью отведено времени для спасения государства.

Положение в партии его беспокоило многие годы. Он говорил о своих переживаниях, излагал свои мысли и соображения в записках с предложениями, как поправить дело.

Не раз приходилось слышать от него о том, что партийные руководители превращаются в хозяйственников, подменяют своим аппаратом власть Советов, теряют роль политических руководителей и организаторов масс. Особенно часто он возвращался к роли первых секретарей райкомов партии, не мог успокоиться, что они, занятые хозяйством, отдаляются от нужд и запросов жителей своих районов. Он не терпел пренебрежительного отношения к письмам и к просьбам людей. Они не должны были оставаться без ответа.

Такое внимание к заявлениям в КГБ породило желание граждан обращаться с просьбами и жалобами, удовлетворение которых они нередко не находили в партийных и государственных учреждениях.

Вспоминается такой случай. В Москве вдруг объявились «независимые профсоюзы», о чем поведал миру корреспондент агентства «Рейтер». Оказалось, что в столице уже около двух лет существует довольно большая группа людей, добивающаяся удовлетворения своих жалоб. Она безрезультатно ходила по приемным высших органов власти, редакций центральных газет. Иногда получала, верно, помощь лишь от ЦК ВЛКСМ. Ее-то и заприметил досужий корреспондент, подсказавший и идею «независимых профсоюзов». Акция!

Юрий Владимирович принял решение пригласить сто человек из этой группы в приемную КГБ. Люди изложили свои просьбы. Все они касались решения их проблем на местах. Андропов направил записку в ЦК КПСС с предложением рассмотреть и принять по ним решения. Понадобилось дней десять, и все просьбы, за исключением четырех, были удовлетворены. Правда, ревность в определенных кругах такое поведение КГБ, к сожалению, вызвало. Ревность, а не желание изменить отношение к просьбам граждан.

Андропов реагировал на все, что до него доходило и требовало «развязки», так как могло вызвать нездоровую реакцию в обществе.

Так он поступил в день похорон Василия Шукшина, творчество которого высоко ценил. Кто-то вдруг инспирировал слух о запрете хоронить писателя на Новодевичьем кладбище. Явная провокация не удалась благодаря вмешательству Андропова.

В данном случае пишу о частных, но думаю, что через них видится весь Андропов, заботившийся о доверии народа к государству и тем самым об укреплении самого государства и советской власти. Он весьма переживал уход от решения актуальных проблем простых людей лиц, занимавших руководящее положение в партии и государстве, их нежелание реагировать на уже угрожавшие стабильности негативные процессы. В частности, нарастающую напряженность в межнациональных отношениях в ряде районов страны, рост коррупции в партийном и государственном аппаратах, разбалансированность планов развития экономики, сокрытие правды информационными службами

Но буду последователен.

Назначения именно Андропова на пост председателя КГБ никто не ожидал. Слухи о смене руководителя КГБ В.Е. Семи-частного ходили. На первомайских трибунах 1967 года об этом говорили осведомленные люди уже не шепотом. И дело было не в том, что дочь Сталина Светлана Аллилуева ушла к американцам.

Аллилуева уехала в Индию с прахом супруга с разрешения руководителей государства. И правильно, ибо не позволить ей исполнить завет покойного вряд ли было бы оправданным. Находилась она в Индии около трех месяцев и на 6 марта 1967 года имела билет на самолет Дели — Москва. Почти двое суток провела в Дели. Жила в посольстве. Накануне вылета обедала у посла СССР в Индии Бенедиктова, одного из бывших наиболее заметных наркомов, воспитанных Сталиным. После обеда осталась в одиночестве, так как посольство занялось обеспечением очередного официального мероприятия. В Дели прилетел с визитом начальник Генштаба Советской армии. Все объяснимо, кроме одного. Происходило это 5 марта. Никто не вспомнил в этот день имя отца Светланы, не высказал ей полагающихся слов. И не это ли привело к роковому шагу?

Сказанное не имеет отношения к приходу Андропова в КГБ, хотя ему пришлось немало сделать для нейтрализации пропагандистских акций Запада с привлечением имени Аллилуевой.

Все понимали, что случившееся с Аллилуевой стало лишь поводом для смены руководства КГБ. Тем более что с того мартовского дня прошло более двух месяцев и никто виновных за ее отъезд ни в каких сферах не искал.

Смена происходила в связи с ситуацией, возникшей в верхнем эшелоне власти. Там, к сожалению, довольно серьезно столкнулись две группировки, одна из которых активно интриговала Л.И. Брежнева. Он не устоял и поддержал тех, кто выступал против роста влияния в партии и государстве А.Н. Шелепина. В.Е. Семичастный, естественно, был к Шелепину близок.

Решение Л.И. Брежнева назначить на пост председателя КГБ Ю.В. Андропова явилось безошибочным: он не примыкал ни к интриганам, ни к Шелепину, был честен и предан делу.

Чекисты не единожды переживали смену своих руководителей. Мне помнится март 1953 года. В кабинете нас двое. Канун похорон И.В. Сталина. По радио объявляется состав нового пра-

вительства. Министр внутренних дел — Л.П. Берия. Услышав об этом, мой коллега Василий Жигалов, чекист с довоенным стажем, промолвил: «Худая пора пришла. Большая для нас беда» — и после небольшой паузы молча ушел из комнаты. Увиделись мы с ним месяца через три, так как на следующий день началась реорганизация, полная смена руководящего состава, перетасовка рядовых. В общем, новая власть.

Встретились после ареста Берии. Василий бросился ко мне со словами: «Рад тебя видеть. Очень переживал, что ты донесешь о моем высказывании».

Такое в прошлом случалось. Мой ответ в унисон: «Переживал не только ты. В сказанном тобою могли быть и корыстные цели. Есть о ком донести». Такое тоже бывало.

Конечно, в 1967 году подобное случиться не могло, но перетряска высших кадров не исключалась.

Положение в то время в Комитете госбезопасности было весьма сложное и напряженное. Оно определялось не проблемами работы и не обстановкой в стране, а, к сожалению, распрями между отдельными группами руководящих работников. Пожалуй, впервые тогда я зримо ощутил, сколь опасен карьеризм и низменное стремление к власти. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. «Старики» из числа партработников не хотели сдавать позиций. В какой-то мере именно это и решило судьбу Семичастного.

Трудно приходилось профессиональным работникам. Недоверие к ним рождалось с обеих сторон, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый председатель? С приходом Ю.В. Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому председателю, зарекомендовать себя его сторонниками. На деле же большинство преследовали сугубо личные цели.

И здесь проявилось то, что вызвало уважение к Андропову, породило первые к нему ростки доверия. Юрий Владимирович

не тронул профессионалов, не стал на путь замены руководителей. Сохранились на своих местах все, за исключением одного-двух, в том числе и заместители председателя комитета. В качестве второго первого заместителя пришел лишь С.К. Цвигун. Назначение стало неожиданным, хотя его хорошо знали как кадрового чекиста, руководившего КГБ Таджикистана и Азербайджана. Неожиданность была в том, что он никогда не «предлагал» себя на такой пост, в отличие от равных ему по должности коллег. Объяснение искали не долго: у Цвигуна были давние, добрые отношения с Л.И. Брежневым, сложившиеся по работе в Молдавии.

Но основой КГБ — оперативными службами руководили опытные кадровые чекисты: разведкой — Александр Михайлович Сахаровский, контрразведкой Григорий Федорович Григоренко, военной контрразведкой Иван Лаврентьевич Устинов. Во главе пограничных войск долгие годы служил Павел Иванович Зырянов, а после него Вадим Александрович Матросов.

Оставались на местах и руководители региональных подразделений.

Доверие к Андропову росло и по мере его вхождения в дела комитета, укреплялось принимаемыми решениями, подходом к анализу оперативных ситуаций, отношением к людям.

На всех произвело впечатление и вызвало одобрение первое телеграфное указание на места, определявшее подход нового председателя к решению проблем государственной безопасности страны.

Обращало на себя внимание: действия чекистов должны быть известны и понятны населению. Так не только поощрялась, но и приобрела реальное воплощение в жизнь гласность. Это привело к постоянному открытому общению сотрудников КГБ с населением, к информированию общества через средства массовой информации. Они стали частыми лекторами и докладчиками в рабочих, студенческих, творческих аудиториях, на различного рода собраниях общественности.

С первых дней работы Андропова в КГБ стал повышаться и без того высокий уровень требовательности к исполнению служебного долга.

Образцом такого исполнения служил сам Андропов. Не стану писать о его работоспособности. За время пребывания в КГБ он практически ни одного дня не был отключен от работы. Да и мы привыкли, что суббота или воскресенье самый удобный день для

доклада председателю. Ибо в будни его немало отвлекали внешне-митетские дела.

Ю.В. — требовательный руководитель, но понимавший подчиненных. Остался в памяти первый случай воспитания дисциплины. В одно из воскресений, вскоре после прихода в КГБ, Андропов вызвал к себе руководителей основных подразделений КГБ. Явились не все, в том числе и я. Не нашли. Причина проста: жил на даче без телефона, дежурных машин не было... На следующий день управлению помогли организовать дежурную службу, а через три дня на даче появился не только городской телефон, но и так называемая «вертушка». Вскоре были установлены телефоны и в служебных машинах. Понятно, что такой подход вызывал уважение к руководителю, укреплял исполнительность.

Еще одно немаловажное качество: умение слушать людей, считаться с их мнением. Андропов не отвергал несогласия, даже тогда, когда принимал решения вопреки мнению возражавших. Но если последний оказывался прав, Ю.В. непременно признавал свою погрешность. Примеров тому немало. Это был важный элемент, благодаря которому Андропов получил признание у старых чекистов, у чекистов-профессионалов. И, наоборот, те люди, которые старались с приходом Андропова быстренько, так сказать, ему услужить путем того, чтобы рассказать, кто плох, а кто хорош... Не состоялись, ибо Андропов от этого отстранился и оценивал кадры так, как видел их в деле.

Привлекало в Ю.В. и то, что он не был сторонником скоропалительных решений. Принимал их вдумчиво, серьезно и не спеша. Иной раз даже кто-то нервничал, что он тянет, а потом когда наступал итог, то всем становилось ясно, что только так и надо было поступать.

И еще — Андропов был генератором идей. Генератором тех мероприятий и той политики, которую должны были проводить органы госбезопасности. Это очень важно. Не скажу, что до него не было таких «генераторов». Были, но в нем это привлекало еще и потому, что иной раз он выдвигал идею, которая казалась: «когда это будет и что это такое?». А потом оказывалось, что это было видение, очень далекое видение той перспективы, которая может нас ожидать.

В этой связи нельзя не сказать об отношении Андропова к информации, особенно к устным докладам. Очень скоро мы убеди-

лись, что доклад без предложений о действиях, вытекающих из докладываемой информации, для него неинтересен. Просто знать мало, надо реагировать, решать. Если ты не видишь решений, то найди, тогда будем обсуждать, искать их сообща. А просто играть в информированность — дело недостойное серьезного человека.

Неотъемлемым требованием Ю.В. являлось соблюдение законности. Чекисты должны быть образцом законопослушности. Сам Андропов был весьма строг в соблюдении ответственности за деятельность КГБ перед ЦК КПСС и правительством. Прежде всего это выражалось в не укрытии того, что делает Комитет, где допускает промахи, о происходящих в его структурах нежелательных происшествий. Такого же подхода он требовал и от подчиненных.

В целях строгого соблюдения законности Андропов ограничил некоторые права местных руководителей. Это, в частности, касалось права на возбуждения уголовных дел по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Такое решение принималось только с санкции центра.

Вина привлеченных к уголовной ответственности должна была доказываться документами и вещественными доказательствами. Признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий и иллюстрация очевидцев. Это распространялось и на материалы, передаваемые в органы прокуратуры.

Может быть, здесь к месту сказать и об отношении Ю.В. Андропова к инакомыслию. Ведь немало написано о том, что именно он преследовал, вплоть до репрессий, инакомыслящих. При этом всегда речь идет о диссидентах. Конечно, слово диссидент в переводе — инакомыслящий. Верно, еще и отступник от господствующего вероисповедания или вообще отступник.

Запад же слову диссидент придал несколько иное значение. Им он прикрывал тех, кто стал на путь нарушения закона, действуя (не словом, а делом) против советского конституционного строя. Это уже не инакомыслие. И когда сегодня немалое число людей причисляют себя к диссидентам, то это лишь желание «украсить» свое прошлое. Иные диссиденты, правда, признают, что их борьба с коммунизмом оказалась и борьбой против России. Но это не в те годы.

На всех направлениях оперативной деятельности главным условием становилось знание оперативной обстановки и принятие мер предупреждения преступных акций, угрожающих государственной безопасности, способных дестабилизировать общество.

Но буду последователен.

Мне памятна встреча с Андроповым, решившая мою дальнейшую службу в Комитете госбезопасности. Случилось это через два месяца после его прихода в КГБ СССР. День был сложный, напряженный, и, возвратившись со встречи с лидерами крымских татар, в связи с их предстоящей встречей с членами Политбюро, я подводил ее итоги и осмысливал впечатления. И вдруг раздался телефонный звонок — меня вызывает к себе председатель.

Андропов встретил меня спокойно. Предложил сесть и стал расспрашивать о жизни, работе, о том, что происходит в органах, какой мне видится перспектива развития системы госбезопасности и как я оцениваю вообще обстановку в стране.

Разговор был долгий и обстоятельный. Я выразил тревогу по поводу растущих нападок Запада, на которые мы не всегда достойно и недостаточно твердо отвечаем.

И тут неожиданно Ю.В. Андропов предложил мне пост первого заместителя начальника вновь создаваемого Управления по борьбе с идеологической диверсией.

— По всей видимости, Главное управление контрразведки (я тогда там работал) я не устраиваю, — сказал я. — Выходит, мне следует либо согласиться с вашим предложением, либо уходить...

Юрий Владимирович попросил меня все же высказать свое отношение к идее создания нового подразделения. Я усомнился: не будет ли оно повторять то, что уже было, не окажется ли новое управление аналогом Секретно-политического отдела НКВД (СПО), который занимался политической оппозицией и деятельность которого подверглась беспощадной критике в последнее десятилетие.

— Нет, новое управление не будет повторением СПО, — возразил Андропов, — оно должно отвечать задачам сегодняшнего дня. Ты не можешь не согласиться с тем, что сейчас идет мощная психологическая атака на нас, это же не что иное, как самая настоящая идеологическая война, решается вопрос кто кого. Мы, коммунисты, стоим на твердых позициях и полны решимости укреплять Советское государство, а наши идеологические противники прилагают все силы, чтобы разрушить его. Мы обязаны знать их

планы и методы работы, видеть процессы, происходящие в стране, знать настроения людей. Это очень важно. Нам необходимо использовать самые разные источники: как легальные учреждения, социологические институты или информацию в печати, так и данные наших спецслужб. Помимо явлений, которые лежат на поверхности, существуют еще и тайные пружины, и немаловажную роль здесь играет работа наших органов. Вот, к примеру, сегодня мы занимались проблемой крымских татар. Ты видишь одно, а тот, кто не изучил этот вопрос основательно и не знает всех тайных рычагов, видит совсем другое. Очень важно научиться распознавать и хорошо понимать внутренние, глубокие процессы. Мне представляется, что главной задачей создаваемого управления является глубокий политический анализ ситуации и по возможности наиболее точный прогноз. Новое управление должно противостоять идеологической экспансии, направляемой из-за рубежа, стать надежным щитом против нее. И здесь очень важна роль чекистских методов работы.

«Чекистские методы»? Что он имеет в виду?» — подумал я. Видимо, речь идет о создании своего рода Управления политической контрразведки. Андропов не скрывал, что ощущение необходимости такого подразделения вынес из венгерских событий 1956 года, очевидцем и участником которых был, находясь в Будапеште на посту посла СССР. Чекистские методы у многих отождествляются с тем, что именуется «политическим сыском», «охранкой». Об этом шла речь в тот памятный для меня вечер.

В итоге мы пришли к выводу, что нельзя занимать страусиную позицию. Либо вы защищаете власть, государство, либо создаете видимость деятельности, прикрываясь громкой фразеологией.

Основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя — не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства. Единственно, возникает вопрос: как эта защита осуществляется в других странах? Не знаю, сколько фамилий значится в картотеке США, Великобритании, Франции и прочих стран, не знаю, сколько агентов работает у них в контрразведке, одно знаю точно: в любом государстве спецслужбы глубоко и основательно изучают внутреннюю обстановку и предупреждают процессы, угрожающие строю.

Во многих странах Запада под постоянным контролем находятся отдельные группы населения, такие, как, скажем, иммиг-

ранты. Во Франции, например, во время визитов высокопоставленных лиц «неблагонадежные элементы» в целях безопасности высылаются на Корсику.

Трудно представить, как могло бы ФБР узнать, что происходит в коммунистической партии США, не имея там агентов. Как могли бы бороться американские спецслужбы с экстремистскими негритянскими организациями, если бы не знали обстановку «изнутри». Оценить же эту обстановку можно только с помощью сложившихся и проверенных методов, применяемых спецслужбами во всем мире.

Кто же должен этим заниматься? Конечно, контрразведка. Это известный, легально существующий во всех государствах политический орган. Именно политический, ибо основной смысл работы контрразведки в политическом контроле над ситуацией. Поэтому словосочетание «политический сыск» искажает смысл необходимой для государства работы, ставя знак равенства между законными действиями и беззаконием.

Я лишь схематично изложил соображения Ю.В. Андропова о задачах создаваемого управления, но самому мне в тот момент было ясно: он тщательно и глубоко продумал перестройку системы органов КГБ. Поняв основной смысл его плана, я решил, что дело это важное и нужное, и, подумав, дал согласие.

Андропов сообщил мне, кого он предполагает назначить руководителем управления. Через некоторое время к нам прибыл бывший секретарь Ставропольского краевого комитета партии по пропаганде В.Ф. Кадышев, он стал начальником управления, а я — его первым заместителем. Встал вопрос и о других заместителях. Я предложил три кандидатуры, Андропов назвал еще одну. Я промолчал. Он еще раз повторил фамилию этого человека, я опять никак не прореагировал.

— Как понимаю, — сказал он, — ты не согласен с моей кандидатурой или, во всяком случае, не хочешь ее обсуждать?

— Просто воздерживаюсь.

— А как ты вообще относишься к людям, с которыми тебе предстоит работать, что ты вообще можешь о них сказать?

— Юрий Владимирович, если вы меня вызовете через полгода, я изложу свою точку зрения, сегодня же никаких характеристик давать не буду. К вам сейчас идет много людей и с добром, и со злом, есть и такие, кто хочет себя показать, а товарища утопить.

Поэтому мне пока не хотелось бы давать характеристики. Через полгода вы сами многое увидите, у вас сложится обо всем собственное мнение и будет больше информации. Вот тогда я и скажу, как отношусь к некоторым нашим сотрудникам.

Андропов улыбнулся не то одобрительно, не то иронически, но условие мое принял. И действительно, ровно через полгода он позвонил:

— Ты знаешь, что за день сегодня?

— Догадываюсь.

— Ну, приходи, потолкуем.

А тогда в ту нашу встречу он долго рассказывал мне о своих замыслах, касавшихся нового управления, подчеркнул, что работа предстоит интересная, и предложил подготовить «Предложение» о новом подразделении, которое получило название 5-го Управления.

— Будем считать, что договорились, — сказал он на прощание.

Так началась моя долгая жизнь и работа в 5-м Управлении, созданном Андроповым для борьбы с идеологической диверсией противника. Стоит вспомнить, что к тому времени уже действовали специальные органы «психологических операций» в рамках НАТО, СЕАТО и других военных блоков, создавался так называемый «корпус мира», нарастала активность Комитета радио «Свобода» и «Свободная Европа». Запад и его спецслужбы, прежде всего американские, решали свою главную задачу: сплотить силы внешние и внутри страны для борьбы с советским конституционным строем. Это была не идеологическая борьба, а именно диверсия. Осуществлялась она гласными пропагандистскими средствами (радио, печать, телевидение) и негласными, нелегальными (засылка эмиссаров, вербовка агентуры). Не стану детализировать, ибо это особая тема. Но стоит привести более позднюю оценку президента США на сей счет.

25 октября 1995 года на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов Билл Клинтон сказал:

«Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. ...Мы добились того, что собирался сделать президент Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

...Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью».

Но и до 1985 года политика США и их ближайших союзников решала ту же задачу. Ее цель емко излагалась, в частности, в программе Комитета радио «Свобода»: «...Мы не проповедуем антисоветизм и антикоммунизм, а заботимся о конструктивных изменениях в стране».

Противостоять этому требовала жизнь. И Андропов, один из немногих, стоявших у руля государства, понимал это и искал пути противодействия диверсиям Запада, защиты конституционного строя СССР.

Не стану писать о конкретных операциях, проводимых в те годы. Подчеркну одно: Юрий Владимирович, создавая 5-е Управление, исходил из понимания, что противник, организуя идеологические диверсии, играет на имевшихся в стране трудностях, на возникавших негативных процессах. Их надо было не только видеть и знать, но своевременно реагировать, предотвращая их развитие и укрепляя стабильность в государстве.

Знание оперативной обстановки в стране, причин негативных проявлений позволяло вести продуманную профилактическую предупредительную работу, реже прибегать к репрессивным мерам. Профилактика стала важнейшим методом предупреждения правонарушений, предотвращения становления на преступный путь многих граждан. Она предотвратила расширение репрессивных мер в условиях все обостряющих обстановку в стране идеологических диверсий, проводимых Западом. Комитет госбезопасности нередко упрекали в те годы в либерализме, но Ю.В. строго стоял на позициях соблюдения закона, а применением мер репрессивного характера считал исключением.

А между тем находилось и немало сторонников жестких репрессивных мер. Например, предлагалось выслать из Москвы подстрекателей массовых выступлений и организаторов публичных митингов.

По этому поводу однажды состоялось совещание у Андропова, на котором присутствовали Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, министр внутренних дел Н.А. Щелоков, начальник У КГБ С.П. Лялин, два заместителя председателя КГБ — Г.К. Цинев и С.К. Цвигун — и я.

От московских властей выступил Лялин. По поручению первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина он поставил вопрос о выселении подстрекателей демонстраций из столицы. Ему возражали: подобные административные меры противоречат закону. Лялина решительно поддержал Щелоков, он предложил «очистить столицу», создав для этого штаб из представителей КГБ, МВД и прокуратуры.

— Это снова «тройки»? — осторожно спросил я.

Руденко поддержал меня и стал спорить со Щелоковым. Тот настаивал на своем.

Тогда я вновь попросил слова и попытался доказать, что это прямое нарушение законодательства.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Андропов.

— Если у Лялина есть доказательства, что эти люди совершили преступление, пусть их судят по закону. Только суд может определить меру ответственности, — ответил я.

Но Лялин и Щелоков не сдавали позиций. Спор продолжался часа два, но мы так и не пришли к какому-то решению. Андропов закрыл совещание, предложив еще раз хорошенько все обдумать.

Нагнав меня в коридоре, Щелоков покровительственно, хотя и не без иронии, бросил:

— А ты молодец, вот так и надо отстаивать свою точку зрения!

Цвигун тоже с улыбкой похлопал меня по плечу, как бы в знак одобрения.

Я понимал значение их иронических усмешек. Гришин готов был любой ценой заплатить за спокойствие и порядок в столице, а этому «руководителю московских большевиков» лучше не становиться поперек дороги.

Зато я получил полное удовлетворение, когда мне позвонил Андропов.

— Правильно поставил вопрос, — сказал он. — Выселять никого не будем!

Я хорошо понимал, что в споре по поводу репрессивных мер, как в зеркале, отражается характер взаимоотношений между руководителями государства и очень четко высвечиваются карьеристские устремления тех, кто из огня этой борьбы хочет выхватить каштаны для себя.

Со стороны наши разногласия выглядели так: Гришин, как человек принципиальный, остро ставит вопрос — очистить Москву

от скверны, а «либерал» Андропов проявляет нерешительность. Министр внутренних дел Щелоков выступает, разумеется, на стороне Гришина. Можно себе представить, какой доклад представили Брежневу его «верные соратники»!

Еще один эпизод. В 1971 году я выступал на одном из совещаний в ЦК КПСС. Меня прервал начальник Политического управления войск ПВО Грушевой, заявив, что КГБ не пресекает тех, кто критикует политику партии и обвиняет ее в возврате к сталинизму. Он явно имел в виду применение репрессивных мер, а не разъяснительную и пропагандистскую работу. Я возразил: если встанем на такой путь, как раз и докажем, что повернули назад к сталинизму. Едва ли Грушевому понравился мой ответ, но он промолчал.

Как хотелось некоторым ортодоксам взвалить репрессии на органы госбезопасности! При этом они же при каждом возможном случае старательно сеяли недоверие к чекистам, непрестанно «разоблачая» злодеяния НКВД в прошлые годы.

Однако Андропов не боялся вызвать огонь на себя, он каждый раз настойчиво искал и находил пути предотвращения конфликтных ситуаций, стремясь уберечь своих людей от рискованных шагов и удержат от применения крайних мер.

Мы полностью разделяли эту тактическую линию и всегда стремились придерживаться ее в своей работе.

Когда говорят о преследовании инакомыслящих после смерти Сталина, то нередко рассказывают об арестах за анекдоты, за стихи, за безответственную болтовню.

Кстати, уже в 1994 году приехавший в Москву из Парижа писатель Владимир Максимов, много выступавший тогда в печати и на телевидении с обвинением тех, кто допустил распад СССР, пожелал встретиться со мной. Такую встречу ему организовали доброжелатели. Встретились не один на один. Основная цель встречи было желание получить данные об агентах КГБ, попавших во власть после ликвидации Советской власти. Важно их разоблачить. Естественно, что это вопрос не к профессиональному работнику специальных служб. Разоблачители были в те годы, но из тех, кто никогда с агентами не работал, а о своей совести не беспокоился.

Но в ходе беседы Максимов бросил фразу: «За анекдоты-то вы сажали, а настоящих врагов...» Отвечая, назвал Максимова не-

сколько человек, начиная с Гамсахурдиа и Эльчибея (в то время уже президентов Грузии и Азербайджана), и сказал: «Но это ведь все члены редколлегии журнала «Континент», главным редактором которого по поручению американских спецслужб стали вы, уехав из Советского Союза для чтения лекций в Германию. Журнал вел активную антисоветскую пропаганду, сыграл свою роль в развале СССР. О каких же анекдотах речь?»

Могу заверить: в практике органов госбезопасности такого не было: если и применялись репрессивные меры, то лишь в случаях серьезных противоправных действий. Однако несовершенное законодательство связывало нас по рукам и ногам, и особенно — формулировки статьи 58-10 и 70-й УК РСФСР, в которых упоминалась лишь одна форма подрыва власти — антисоветская агитация и пропаганда.

Эта жесткая формула трактовалась однозначно: под ее подпадет и создание подпольных антигосударственных группировок в целях подрыва конституционного строя, и изготовление, а также распространение антисоветских листовок и иных печатных материалов, и организация нелегальных типографий — одним словом, самые разнообразные правонарушения. Уже в перестроечное время на обсуждение Съезда народных депутатов СССР была вынесена новая редакция статьи 7 УК РСФСР, где была сделана попытка конкретизировать состав преступления. И что же? Съезд просто-напросто ограничил действие этой статьи новой редакцией: «Подлежат наказанию лишь те лица, которые публично призывают к свержению конституционного строя». Депутаты, доживавшие свой депутатский век, считали, что в наши дни таких призывов больше не будет. Своим решением съезд практически лишил конституционный строй юридической защиты.

Очень симптоматично, что возникшие после СССР новые государства, принимая поправки к своему законодательству, ввели в уголовные кодексы статьи, близкие по редакции к той, которую отверг общесоюзный съезд, и любопытно, что инициаторами таких поправок выступили бывшие народные депутаты СССР от союзных республик, которые раньше дружно возражали против указанного проекта на Всесоюзном съезде. Очевидно, своя рубашка оказалась ближе к телу.

Сделал это отступление лишь из желания сказать, как нелегко Ю.В. было противостоять нажиму стать на путь репрессий, кото-

рые далеко не способствовали, как казалось тем, кто их требовал, стабилизации обстановки в стране. К ней бы они (репрессии) не привели. Надо было глубоко и серьезно работать над устранением причин, порождавших негативные процессы в обществе, рождавших недоверие граждан к власти и к партии.

И Андропова весьма беспокоило то, что призывы к борьбе с идеологическими диверсиями, исходившие из ЦК КПСС, не подкреплялись практической работой.

Как-то он вдруг сказал мне: «Ты и твои подчиненные очень много выступают в различных аудиториях по проблемам идеологической борьбы, диверсий противника в этой сфере». Удивившись замечанию, ответил, что это вытекает из требований КГБ: «Советские граждане должны знать и о диверсиях и о наших мерах борьбы с ней». «Но ведь есть ЦК, его лекторы. Прежде всего они должны вести пропаганду и раскрывать суть идеологического противостояния. Твое же дело — оперативная работа в этой области, предотвращение диверсий чекистскими методами. Если надо, сходи к лекторам ЦК, поделись информацией».

Сходил, поделился и продолжал выступать, как и сотрудники руководимого мной коллектива. Андропов против этого не возражал.

Его вспышка была понятна. Он был озабочен инертностью ЦК партии в области идеологической работы, формальностью проводимых мероприятий, отсутствием активности на фронте так называемой «холодной войны». Предложения, идущие из КГБ на сей счет, по существу, не воспринимались и не имели должного реагирования.

Был, например, такой случай. В середине семидесятых годов в Эстонии стал заметен рост националистических настроений. Соответствующей реакции на это партийных органов Эстонии не было. Причиной тому было желание скрыть этот негативный процесс, свидетельствовавший о промахах в политико-воспитательной работе в республике. Замалчивали, не понимая того, что национализм разжигается и используется Западом в целях дестабилизации обстановки в Советском Союзе, разжигания межнациональной розни.

Проведя довольно обстоятельный анализ происходящего в республике, КГБ СССР доложил об этом запиской в ЦК КПСС с соответствующими предложениями, которые предпола-

галось обсудить на заседании Политбюро ЦК КПСС с участием эстонских руководителей.

Записка долго бродила среди чиновников аппарата ЦК, и, наконец, приняли решение: направить ее в Таллин и обсудить на бюро ЦК Компартии Эстонии. Странно, но понятно: нельзя обнажать все, что связано с национализмом, ибо огласка этого вызовет вопросы, какой может быть национализм, если везде говорят о нерушимой дружбе народов. Кончилось тем, что председателю КГБ Эстонии генерал-майору Августу Порку предложили уйти в отставку, а к чему привел рост национализма в Эстонии, сегодня понятно не только старым чекистам.

Проблемы национальных отношений возникали и в ряде других республик. Они проявлялись в росте националистических настроений, в межнациональных конфликтах, в недоверии к проводимой политике в укреплении межнационального единства в многонациональном Союзе. Требовалось решение проблемы поволжских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев. Уже тогда чувствовалось напряжение в Закавказье, связанное с Нагорным Карабахом.

В ключе разрядки межнациональной напряженности осуществлены были и решения о разрешении выезда в порядке воссоединения семей, разрозненных в годы Второй мировой войны, сначала немцам, проживающим в СССР, а затем евреям. Последние ехали в Израиль, главным образом из западных городов страны. Такое решение было принято по инициативе КГБ СССР в 1970 году, и к концу 1974 года выезд по этим причинам был практически завершен. Эмиграция евреев резко упала. И вот тогда сионисты Израиля в целях обострения межнациональных отношений и возбуждения антисемитизма в СССР организовали массовую засылку вызовов евреям СССР от несуществующих в Израиле родственников. Акция была понятна, но вызвала разную реакцию. Выезд в Израиль резко возрос не только из желания покинуть Россию, но и из-за боязни роста недоверия к евреям в Советском Союзе. А оно могло возникать, да и возникало, так как трудно было знать, как еврей, получивший провокационный вызов, будет на него реагировать. Кое-где руководители учреждений стали ограничивать прием евреев на работу, с недоверием относиться к тем, кто пока держал визы в Израиль в своем кармане.

Шло накопление антисемитских настроений, отвечавших замыслу сионистов.

Свидетельством таких замыслов явились и другие акции. В 1975 году был организован захват самолета в Ленинграде. Он должен был вывести из страны группу евреев, которым был якобы запрещен выезд. Операция по пресечению этой акции проходила под пристальным вниманием Ю.В. Андропова и была успешно завершена.

В другом случае сионисты стали усиленно распространять слух (об этом непрерывно вещало радио Израиля на русском языке) о готовящихся еврейских погромах. Назывался день конкретный. Об этом извещали и листовки, распространенные в ряде городов. Замысел был сорван путем предания гласности в печати о затеваемой провокации и о мерах по ее срыву. Но тогда не сказали об одном. Автором листовок, призываемых к еврейским погромам, был еврей из Ленинграда. Не сказали, чтобы не вызывать антиеврейских настроений. Странно, правда, что спустя время журнал «Знамя» (главным редактором был Григорий Бакланов) оправдал его поведение, опубликовав текст листовок с комментарием, что автор таким путем извещал о готовящейся акции с тем, чтобы предотвратить ее.

Конечно, такое объяснение остается на совести журнала.

Памятны провокации этих кругов и в дни подготовки Олимпийских игр в Москве.

В 1979 году опубликован роман американского писателя Джеймса Петтерсона «Заповедь Иерихона». Фабула романа следующая. Группа евреев-сионистов (Рабинович, Бен-Ибан и другие), уцелевших в нацистских лагерях, замышляют грандиозную «акцию возмездия» за гибель шести миллионов евреев от рук немецких фашистов и «репрессий» против евреев в СССР в послевоенные годы. Эту акцию под кодовым наименованием «Дахау-2» решено провести во время Олимпийских игр 1980 года в Москве.

Значительная часть книги посвящена описанию подготовки и проведения террористической акции в Москве во время Олимпиады-80.

Анализ содержания детективного романа Джеймса Петтерсона позволяет сделать вывод о том, что основные цели этой книги заключались в следующем:

Во-первых, создать впечатление о сравнительной легкости организации террористической акции в ходе Олимпиады-80.

Во-вторых — детальное раскрытие способов и методов операции «Дахау-2» имеет цель инспирировать враждебные проявления со стороны зарубежных и внутренних антисоветских элементов во время Олимпийских игр и в определенной мере вооружать их знанием тактики диверсионно-террористических действий.

Андропов внимательно относился к информации о подобного рода действиях спецслужб и антисоветских элементов, обращая при этом серьезное внимание на проведение мероприятий по предотвращению межнациональных распрей, в том числе и на базе антисемитизма.

Его разжигание входило в задачу сионистских центров, как всех тех, кто во взаимодействии со спецслужбами Запада стремился к решению задачи свержения советского социалистического строя.

Об антисемитизме я сказал подробнее, ибо проблема эта весьма актуальна и в нынешней России. Его разжигание равно поддержке различного рода сепаратистов, действия которых направлены на дестабилизацию обстановки в стране и поддерживаются заинтересованными в этом западными кругами.

От проблемы межнациональных отношений нельзя было уклоняться и в те годы. Разжигание межнациональной розни занимало одно из важнейших мест в планах Запада по развалу советского строя. Двадцать две редакции Комитета радио «Свобода», вещавшие на языках народов СССР, были специально созданы для этого.

К сожалению, понимание того, что укрепление дружбы народов требует постоянной заботы и внимания партийных органов в центре и на местах не находило должного понимания в руководящих сферах, а кто-то, как показало будущее, и специально отвлекал идеологический аппарат от этого важного дела.

Но Ю.В. Андропов, став Генеральным секретарем партии, определил, как одну из первоочередных задач: не ослаблять внимания к решению национального вопроса. Об этом он твердо сказал, выступая с докладом на заседании в Кремле, посвященном 60-летию создания Союза Советских Социалистических Республик.

Жизнь подтвердила важность внимания Андропова к межнациональным отношениям. Именно на них играли разрушители

Советского государства, поднявшие голову после его ухода из жизни.

Среди проблем, беспокоивших Андропова, не последнее место занимал рост коррупции в центральных и местных органах власти. Нет смысла писать детали на сей счет, ибо коррупцию того времени нельзя сравнивать с сегодняшней. Тем более что борцы с ней, проявившие себя в начале 90-х годов, своего добились. Их условия жизни и обеспеченности нельзя даже сравнивать с жизнью прежних партийных и государственных работников, льготы которых они разоблачали, в частности, на Первом съезде народных депутатов СССР.

Но коррупция тех лет начинала компрометировать власть, подрывала в народе авторитет партии.

Андропов не остался в стороне. По его поручению была подготовлена соответствующая записка в ЦК с конкретными предложениями по этой проблеме. Одним из них была необходимость обращения ЦК открытым письмом ко всем коммунистам, где была бы выражена не только обеспокоенность, но и оговорены условия для привлечения широких масс к борьбе с казнокрадами и взяточниками. Предлагалось также разработать систему контроля над доходами. Ю.В. Андропов подписал записку.

И началась обычная волокита. В отделах ЦК письмо готовилось почти год, в результате был создан мертвый, никакого эффекта не имевший документ. Увы, так случалось каждый раз, как только какие-то благие начинания доходили до среднего звена аппарата ЦК КПСС, — оно было способно утопить самое лучшее решение, выхлостить самый замечательный план. А кроме того, усердные «слуги» опасались, как бы разоблачения не задели самые верхи.

Мафиозность преступного мира стала реальностью конца XX века, она получила широкое распространение, расплзлась по всем странам и континентам. До определенного времени Советский Союз еще сохранялся, как оазис, который обходила эта беда, ибо система как-то сдерживала зарождение мафиозных структур. Но окончательно подавить этот процесс она не смогла.

Есть некоторые стороны работы Ю.В., которые на первый взгляд носили рядовой характер, не имели большого политического смысла. Но они важны, ибо оздоравливали обстановку, снимали вопросы, порождавшие недоверие к власти.

Многое предпринималось Ю.В. для ограничения всякого рода запретительных мер. Один из примеров тому: ограничить роль КГБ в разрешении выездов граждан за границу. Решение принимала соответствующая Комиссия ЦК КПСС, но много нареканий шло в адрес органов КГБ. Надо сказать, что в их сторону нередко «кивали» и те руководители ведомств и регионов, которые и за-прещали выезды.

Тогда было принято решение: своего мнения КГБ не высказывает. Решает комиссия ЦК. Конечно, это не касалось случаев, когда речь шла о данных, связанных с ущербом государственной безопасности. Одновременно Андропов согласился с инициативой Министра культуры СССР Е.А. Фурцевой о том, что к решению вопросов о выезде за границу деятелей культуры КГБ отношения иметь не будет.

Это касалось, кстати, и Владимира Высоцкого, о котором до сих пор говорят, как о преследуемом КГБ. «Преследовали», конечно, имея в виду заполучить его для выступлений перед чекистами.

Кстати, тогда же было принято решение о не реагировании на всякого рода анонимные доносы. Расследованию подлежали лишь анонимные заявления о возможных акциях террора, экстремизма, использовании взрывных устройств. Все другие анонимки шли в корзину.

В этой связи не могу не сказать о том, о чем много пишут, увязывая с нарушением прав граждан, с нарушением закона органами госбезопасности. Речь идет о «психушках». Сразу скажу, что психиатрические больницы не играли роль тюрем, и КГБ направлять туда граждан для лечения никаких прав не имел. Принудительные решения — только по решению суда. Но дело в том, что по тогдашнему положению все привлекаемые по статьям о государственных преступлениях должны были до направления их дел в суд пройти психиатрическую экспертизу. Иной раз даже больно было за человека, осуждаемого на такое лечение, ибо ему грозило наказание в два-три года лишения свободы, а на принудительном лечении он мог быть значительно дольше. Стрелявший у Боровицких ворот террорист Ильин, например, на принудительном лечении находился более двадцати лет.

Да, Андропов вносил предложения о строительстве новых психиатрических лечебниц. Но не потому, что их не хватало,

а в том, что направляемые на принудительное лечение попадали в места малопригодные для лечения. Больницы размещались в старых неблагоустроенных помещениях, построенных еще задолго до революции. И записка получила отклик. Совет Министров принял решение построить более десяти новых современно оборудованных больниц.

Две в Ташкенте и Алма-Ате построить успели, а в Благовещенске (кажется), по-моему, не достроили. А как сегодня?

Все написанное выше вовсе не составляло основную заботу Андропова как председателя КГБ. Пишу потому, что это направление мне ближе, да оно чаще всего освещается в печати, получая разные оценки, чаще всего со стороны тех, кто в последние годы на фальсификациях набил руку.

Поэтому важно сказать особо, что его роль в повышении уровня работы на решающих направлениях оперативной деятельности КГБ — разведки и контрразведки — неоценима. Они стали действенной силой укрепления безопасности страны, вносили немаловажный вклад в ее обороноспособность и экономическое развитие. И не Андропов повинен в том, что этот взнос в общегосударственный фонд оставался нереализованным. Государство из года в год теряло динамизм, продолжая по инерции жить достижениями прошлого.

Особое место занимало развитие технической базы в системе комитета. Созданные по инициативе Андропова научные институты мало чем отличались от передовых исследовательских институтов страны. Их достижения в вычислительной технике, электронике, связи, криптографии получали высокую оценку, а главное — внедрялись в практику и служили делу.

И не могу не сказать еще об одном. Андропов отводил важную роль не только точной науке. Он первым из государственных деятелей стал опираться на социологию. Социологические исследования довольно часто ложились в основу его предложений, они давали ему возможность делать необходимые выводы для направления оперативной работы разведки и контрразведки, использовать их выработки политической линии партии.

Мне помнится первое социологическое исследование после прихода Андропова в КГБ о причинах массовых беспорядков в стране. Они тогда вызывали беспокойство, так как, начиная с 1957 года (Темир-Тай), происходили почти ежегодно в различ-

ных районах страны. Реакция на них была. Но только во время и после происшествий. А причинами никто глубоко не занимался. Упомянутый анализ дал возможность увидеть причины и определять меры по предотвращению такого рода неприятностей.

На его основе были выработаны рекомендации, и с такого рода проявлениями удалось покончить. Причины, когда их знаешь, устранять можно.

Взаимодействие с научными учреждениями с приходом Андропова сложилось вновь или углубилось на многих направлениях деятельности органов госбезопасности.

В заключение не могу не сказать о таком личном качестве Андропова, как скромность. Скромность в жизни, в быту, в общении. Он не жил для себя.

Вся его жизнь — служение партии, государству, народу.

И таким он останется в нашей памяти, в истории Советского социалистического государства.

Как Сталин восстановил Патриаршество

Мне нередко задавали вопросы о роли Русской Православной Церкви в годы войны.

По материалам того времени знаю: Церковь, во главе которой после смерти патриарха Тихона, не будучи патриархом, стоял владыка Сергей, в годы войны играла важную роль в подъеме духа и сплочения не только верующих на борьбу с фашизмом. Тысячи священников воевали на фронте, многие были в партизанских отрядах. Остававшиеся в приходах, служили в храмах, призывая верующих к стойкости и несгибаемости, чья и увековечивая память о погибших в боях за Родину. Церковь, как весь народ, собирала средства. На них армия вооружалась танками и самолетами. Память о тех днях хранят танки, сохраняемые в Донском монастыре.

Позиция Церкви создала условия уже с 1942 года изменить отношение к ней партийных и государственных органов. Предложение о восстановлении Патриаршества и возрождении структуры Русской Православной Церкви в стране было рассмотрено у Сталина и получило одобрение.

Существует мнение, что оно возникло и из опасений создания Патриархата на оккупированной немцами территории, но подтверждений этому нет. Да и трудно поверить, чтобы, ставя задачу ликвидации и порабощения славянства, гитлеровцы такую идею вынашивали.

Однако Сталин торопливости в осуществлении указанной цели не проявлял. Да и год 1942-й был нелегким. После победы под Сталинградом положение изменилось, и уже в мае началась подготовка к проведению Поместного Собора.

Состоялся он в сентябре в Троице-Сергиевой лавре. Патриархом был избран Сергей. Это было воспринято с большим одобрением в массах населения, и даже мы, юнцы, далекие от Церкви, с интересом наблюдали процесс возрождения храмов, доброго отношения к священникам, растущего уважения к авторитету митрополитов Алексия, много сделавшего в годы блокады Ленинграда, Крутицкого и Коломенского Николая и других. Некоторые сведения по этой теме можно найти в книге Павла Судоплатова, известного чекиста, руководившего в годы войны разведывательной ра-

ботой на оккупированной территории. В частности, рассказывая об операциях «Монастырь» и «Послушник», он говорит: «...Мы в то же время успешно противостояли попыткам псковских церковников, сотрудничавших с немцами, присвоить себе полномочия по руководству приходами русской православной церкви на оккупированной территории». (Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М., 2003. ОЛМА-ПРЕСС. С. 252.)

Спокойно относились к верующим и на фронте. Надо сказать, что у многих солдат и офицеров нередко среди документов хранились записки с молитвами. Также такие записки хранились и в партийных, и в комсомольских билетах. Погибших никто за такое хранение не осуждал.

В итоге скажу: Церковь внесла немалую и важную лепту в нашу победу.

Правда, рассказ об иконе, якобы поднятой на самолете над Москвой во время битвы за столицу, должен жить, но не как исторический факт.

СЕРГИЙ (до пострижения в монахи в 1890 г. — Иван Николаевич Страгородский; 1867—1944) — Патриарх Московский и всея Руси (с сентября 1943 г.). С 1934 г. митрополит Московский и Коломенский, одновременно в 1937—1943 гг. Патриарший Местоблюститель, возглавлявший Русскую Православную Церковь. 22 июня 1941 г. обратился с посланием к духовенству и верующим с призывом помогать в защите Родины. Всего за годы войны было 23 таких послания. Руководил работой Церкви по сбору средств в Фонд обороны.

АЛЕКСИЙ (Симанский Сергей Владимирович; 1877—1970) — Патриарх Московский и всея Руси с 1945 г. В 1899 г. окончил юридический факультет Московского университета. Служил в гренадерском полку. В 1900—1904 гг. учился в духовной академии в Москве. С 1902 г. монах. С 1913 г. епископ Тихвинский. С 1932 г. митрополит Новгородский. С 1933 г. митрополит Ленинградский. В 1943—1945 гг. митрополит Ленинградский и Новгородский. Участник деятельности Церкви по сбору средств в Фонд обороны и борьбы за мир.

Похороны Сталина

После долгих раздумий все-таки решил написать о виденном в дни похорон И.В. Сталина: только фактуру без оценок и пристрастий.

В последний год жизни Сталина в Министерстве государственной безопасности активно работали над созданием Главного разведывательного управления, в состав которого должны были войти основные оперативные подразделения разведки и контрразведки.

К марту 1953 года оно было практически создано. Ожидалось лишь юридическое закрепление. И в это время Сталина сразила болезнь. Публикуемые о ней бюллетени спасения не предвещали, чувствовалось ожидание худшего и беспокойство о будущем.

5 марта близко стоявший к медицине начальник отдела В. Иванов, возвращаясь с доклада от начальника Управления, зашел в мой кабинет и сообщил нам (нас было человек пять) о том, что Иосиф Виссарионович скончался. Это было около пяти часов вечера. До официального сообщения было еще далеко.

Спустя какое-то время пошел к своему начальнику отдела в намеревшемся ГРУ полковнику Николаю Патракееву. Он уже тоже знал о случившемся. Вдвоем мы говорили о многом, расходиться не хотелось, о делах не думалось. В отличие от обычных дней в кабинете тишина. Телефоны молчат, люди не заходят. Текли воспоминания.

Где-то в районе полуночи раздался телефонный звонок. Звонивший высказал Патракееву тревогу в связи с утечкой информации о кончине вождя. Ему стало известным сообщение об этом московского корреспондента «Ассошиэйтед пресс». Звонок в службу охраны Колонного зала сразу же внес ясность. Уже час как на фасаде Колонного зала и соседних домах (Госплан, гостиница «Москва») стали вывешивать траурные флаги. Так, мир узнал о случившемся, хотя до официального правительственного сообщения оставалось еще несколько часов. Оно прозвучало в шесть часов утра 6 марта.

Мы же оставались вдвоем с Патракеевым. И не зря. Около часу ночи позвонил его друг, один из руководителей Управления охраны правительства, и пригласил его в Колонный зал, где шла подготовка к установлению саркофага с телом Сталина. Утром начиналось прощание.

Патракеев взял с собой и меня. Почти бегом добрались до Колонного зала и, войдя в него, увидели уже установленный гроб

и лежащего в нем Иосифа Виссарионовича. Служители обкладывали его венками и цветами, наводили порядок в пустом зале. Людей, кроме охраны, практически в зале не было. Стояли лишь две-три изолированные группы человек по 10—15, перекидывавшиеся отдельными фразами. Более близкой к гробу стояла группа членов Политбюро, скорее — похоронная комиссия. В центре ее находился единственно рыдающий в голос Н.С. Хрущев и грустно молчавшие В.М. Молотов, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Л.П. Берия и чуть в стороне Л.М. Каганович. Может быть, еще кто-то, но наше внимание было приковано к почившему вождю.

О чувствах трудно писать. Побыв там около часа, мы молча вышли из зала и разошлись по домам.

Помню лишь фразу Патракеева при прощании: «Жалко Хрущева, его переживаний. Он даже рыданий не может удержать, подобно грузинской плакальщице».

В последующие дни мне еще дважды была возможность побывать в Колонном зале, прощаясь с И.В. Сталиным, — 7 марта в составе делегации членов Парткома № 1 МГБ СССР и 8 марта с комсомольским активом госбезопасности.

8 памяти сохранилось тяжелое чувство прощания и нескрываемая скорбь и слезы людей, шедших через Колонный зал непрерывным многорядным потоком.

Совершенно неожиданно 8 марта мне позвонил мой хороший товарищ Михаил Иванович Гришунов, начальник отдела Управления правительственной охраны, и сказал о возможности дать мне и моему другу Михаилу Борисовичу Мухину пропуски на Красную площадь, на похороны Сталина. Мне дорого это внимание до сего дня.

9 марта мы пошли на площадь и оказались на правой трибуне, третьей от Мавзолея, среди делегации из стран народной демократии. Мы, в частности, попали в окружение польской делегации. Вскоре после нашего прихода к делегации подошел сопровождаемый приветствовавшими его людьми маршал Рокоссовский в форме маршала Польши. Это был его первый, как говорили, выход из госпиталя после ранения в Кракове, где в него стреляли террористы. Маршал был бледен, но весьма общителен, тепло откликаясь на приветствия, а поток желающих подойти к нему, пожать руку или сказать приветливые слова не прекращался вплоть до появления на площади лафета с саркофагом покойного.

День был погожий, но холодный. Термометр показывал около 12 градусов мороза, временами порхал снежок, но это не мешало многим на трибунах стоять, сняв головные уборы. Особенно жалко было смотреть на стоявшего на Мавзолее Ракоши. Его открытая лысая голова не могла не вызвать сочувствия. Рядом стояли Вилко Червенков, Климент Готвальд, Болеслав Берут. К сожалению, Готвальд и простыл в тот день, получил воспаление легких, и спасти его не удалось. Он умер через неделю.

Прошел митинг. Выступили Хрущев, Молотов, Маленков, Бериya. Затем руководители партий и социалистических государств спустились с Мавзолея и внесли саркофаг в Мавзолей В.И. Ленина, на котором уже к этому времени появилась и надпись: «Сталин».

После все члены Президиума ЦК КПСС и с ними Чжоу Эньлай ушли в Кремль, а остальные сгруппировались около центрального входа в Мавзолей. Туда же потянулись и с трибун делегации соцстран. Среди них были и мы с Мухиным. Неожиданно мы оказались почти у входа в мавзолей, неподалеку от Червенкова и Готвальда. К ним же подошел К. Рокоссовский.

Трудно передать наши переживания и ощущение чувств, нас обуреваемых.

Постояв минут двадцать, все направились в Мавзолей. Пошли и мы. Мне памятно это посещение до деталей. Войдя в первое помещение, перед ступенями лестницы, в темном углу справа стоял Отто Гротеволь, на груди его рыдала супруга, маленькая женщина в сравнении и рослым Гротеволем, а рядом, положив руки и голову ему на плечо, плакала Долоресс Иббарурри. Вся в черном, с открытой седой головой, она убивалась, не скрывая горя.

Саркофаг стоял напротив гроба В.И. Ленина у лестницы, по которой шел люд. Проходя мимо, можно было остановиться и посмотреть на Сталина через стекло. Лицо перед глазами. Оно осталось в памяти, не тронутое смертной тенью.

Возвратившись с похорон на службу, мне было о чем поведать собравшимся сослуживцам.

Мне приходилось видеть Сталина и в жизни, но не так близко. Это было на торжественных собраниях в Большом театре, на демонстрациях на Красной площади, на спортивных парадах и один раз на похоронах А.А. Жданова на Красной площади, у Мавзолея.

Но не об этом речь. Просто мне показалось нелишним привести здесь свидетельство очевидца тех похорон.

Что было в Тбилиси 5—10 марта 1956 года

С той поры прошло пятьдесят лет. Через три года после смерти И.В. Сталина состоялся XX съезд КПСС. Проходил он под знаком преемственности прошлого. Выступающие не подвергали его ревизии, заботились о дальнейшем развитии страны. Пути экономического развития еще задолго до съезда довольно убедительно изложил Г.М. Маленков на V сессии Верховного Совета СССР, став Председателем Совета Министров. Обширную программу улучшения дел в сельском хозяйстве доложил пленуму ЦК КПСС в сентябре 1953 года первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев.

Под этим углом зрения проходил и XX съезд. Выступающие думали и излагали заботу о будущем государства, об укреплении основ социализма.

Но закрытие съезда завершилось неожиданным докладом Н.С. Хрущева о необходимости борьбы с культом личности И.В. Сталина и ликвидации его последствий.

Время выступления докладчик определил правильно: после избрания нового состава ЦК и его руководителей.

До этого Хрущеву нельзя было выступать с таким докладом, так как съезд мог среагировать на доклад по-иному. Обсуждение культа И.В. Сталина на съезде прошло бы с тяжелыми последствиями и даже возможным расколом партии. Тем более что виновником репрессий был не один Сталин. Немалую роль в них сыграли и многие делегаты XX съезда, в том числе и докладчик.

Важнейшим выводом из доклада являлась необходимость восстановления законности в стране, укрепление социалистического правопорядка. Это был важный и актуальный шаг. Он позволял привлечь широкие круги населения и общественности к активному участию в укреплении общественно-политического строя в стране, веры в проводимую партией политику. Это имело значение еще и потому, что в живых тогда еще оставалось не малое число жертв, необоснованных и фальсифицированных репрессий, их детей и родственников.

Сказать здесь хочу не о докладе, а об атмосфере после того, как он был сделан. Явной ошибкой стало то, что его содержание долгое время скрывалось и страна знала о нем по рассказам и комментариям делегатов съезда в интерпретации их личного понимания, сказанного Н.С. Хрущевым. Общественность жила слухами, сплетнями, домыслами.

Читать доклад на закрытых партийных собраниях позволили лишь летом 1956 года.

В такой обстановке непросто было ориентироваться даже тем, кто поддерживал содержание доклада. В партии же наступил молчаливый раскол. И не потому, что были противники пресечения произвола, а потому, что «борьба с культом» приняла подковерный характер. По линии ЦК не было глубоко продуманной разъяснительной пропагандистской работы. К тому же рос культ новой личности, правда, в условиях «оттепели».

Такая обстановка вела к зарождению оппозиционных советскому строю сил различной направленности, как «борцов с культом», так и защитников Сталина.

К сожалению, отсутствие четкой программы действий, вытекавших из доклада Н.С. Хрущева, демобилизовывало актив партии, но способствовало усилению сил, направленных на разрушение советского конституционного строя, спекулируя к тому, что это детище сталинского времени.

Но все это потом.

А вот примером того, что случилось из-за незнания, как вести себя после доклада о культе Сталина, неподготовленности к этому даже руководителей партийных органов являются события в Тбилиси в марте 1956 года.

Ежегодно после смерти И.В. Сталина 5 марта к его огромному монументу, воздвигнутому еще при жизни вождя в Парке на берегу реки Куры, шли массы людей, возлагали венки, пели «Сулико» и «Ласточку», отдавая почет памяти национальному герою Грузии. Так было в 1954 и в 1955 годах. К этому готовились и в 1956-м. Но доклад. Его искаженное содержание широко распространилось в городе. Он понимался многими главным образом как оскорбление личности Сталина. Это подняло волну защиты Сталина, особенно среди студенчества. Подогрелись события и командой ЦК Компартии Грузии, запретившей изготовление и продажу венков для возложения

к монументу Сталина. Студенты стали заказывать венки на имя «дяди Ваню», «дедушки Серго», «бабушки Маквеллы», а затем менять имена на «И.В. Сталину». Вузы забурлили. Разъяснять решения съезда никто не мог, так как на местах доклада не знали, а если и знали, то не знали, как вести себя. Но годовщину смерти Сталина отмечать не могли. Молчала и Москва. Даже приехавший в Тбилиси первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин для участия в конференции грузинского комсомола молчал и к студентам не пошел. Понятно, что и он не знал, как вести себя.

А процесс нарастал. 5 марта у монумента и на берегах Куры собралось сотни тысяч народа. Слышались призывы к непослушанию Москве. Кто-то выступал против Хрущева, кто-то проклинал Микояна, а кто-то звал и к объявлению независимости Грузии. Начались и беспорядки.

Обстановка потребовала ввода войск и объявление города на осадном положении. Но митинг у монумента продолжался.

Мне пришлось увидеть Тбилиси 6 марта, куда я приехал в составе группы сотрудников КГБ при СМ СССР, направленной И.А. Серовым для наведения порядка в столице Грузии, для помощи грузинским чекистам. Было нас 16 человек во главе с заместителем председателя КГБ С.С. Бельченко. В нее входили заместители начальников 4-го Управления В.А. Измайлов, Следственного А.А. Козырев и ответственные сотрудники КГБ И.И. Елисеев, П.П. Чеклин, С.А. Конопленко, В.А. Лутов, А.Ф. Крупенников, И.В. Синюшин (их помню).

Город жил напряженной жизнью. Митинг продолжался у монумента и у здания, где разместились делегация Компартии Китая, приехавшая в Грузию после XX съезда, гостем которого она была. Возглавлял ее видный китайский руководитель Чжу Дэ. Скопившиеся у особняка просили китайцев выступить на митинге, но никто из них туда не пошел, да и вообще особняка не покидал. Они покинули город 7 марта, увозя с собой массу листовок, записок и обращений, переданных им собравшимися у особняка. Свое пребывание, оценки событий в Тбилиси, как и отношение к Сталину, китайцы высказали позже в газете «Женьминьжибао». Кстати, редакционная статья газеты, написанная в защиту Сталина, была опубликована позже в газете «Правда».

Приехав в Тбилиси, мы окунулись в события, стремясь понять, что происходит, а главное, что делать. Трудность опять-таки была в том, что никто не знал содержания доклада. Аргументировать призывы и просьбы, не говоря о требованиях, прекратить стихийную волну протестов, приходилось своим пониманием происшедшего на съезде.

А непросто это было. До сего времени в памяти беседа с умной женщиной, редактором газеты «Сталинское племя», выходившей в родном городе Сталина Гори Маквеллой Окропиридзе. Она активно выступала на митингах, звала к непризнанию доклада, к защите имени Сталина и пользовалась поддержкой собравшихся на митингах в Гори и Тбилиси.

Не стану приводить своих доводов к тому, чтобы она помогла успокоить людей. Но ее мотивы были такими. «Я родилась в Гори. Наш дом рядом с домом Сталина. Окончила школу и университет имени Сталина. Была пять лет сталинской стипендиаткой. Писала диплом о трудах Сталина. Издаю газету «Сталинское племя». Как могу выступать против Иосифа Виссарионовича.

Мой аргумент один: не могу осуждать Вашу биографию и даже сегодняшнее поведение. Но беспокоит партия, которую воспитал Сталин. Если пойдем против нее, а такое станет возможным, если не успокоить людей сегодня, то не будет ли это антисталинским шагом». Путано, но что еще можно было сказать.

Но успокоить Окропиридзе удалось, и она потом много сделала для недопущения нарастания волны протеста против доклада Н.С. Хрущева.

Но ведь эта славная женщина была не одна, кто звал людей к выступлениям в защиту имени Сталина, не зная к тому же, в чем его обвинили на съезде. Аргументы для их успокоения приходилось подбирать в каждом отдельном случае. Они были другими при встречах с офицерами национальной грузинской дивизии в Кутаиси, на авиазаводе в Рустави, на встречах со студентами Госунта и других вузов.

Но все мы, как и грузинские чекисты, их находили.

В первый же день приезда, помимо изучения обстановки в городе и выработке мер по прекращению массовых митингов, необходимо было разобраться с задержанными на улицах Тбилиси в ночь на 6 марта, когда вводилось осадное положение в столице Грузии. Их оказалось более четырехсот человек. Занялись и к утру 8 мар-

та, их осталось всего 26 человек. Это были активисты, призывавшие к антиобщественным акциям, грозившим массовыми беспорядками. Остальные были освобождены, что сразу же изменило обстановку в городе, и нам легче стало осуществлять меры по восстановлению спокойной городской жизни.

Удалось уговорить и руководителей ЦК Компартии Грузии выйти на площадь к митингующей толпе. Этому помогло и возвращение со съезда первого секретаря ЦК КПГ Мжаванадзе. Их встретили на митинге без восторга, но спокойно. Вышли и газеты с портретами Сталина, посвященные годовщине его похорон 9 марта.

Все это облегчало ситуацию.

Но кризис наступил 9 марта.

На митинге появилась группа воинствующих экстремистов во главе с грузином Кипиани, приехавшим из города Сталинири (ныне Цхинвали). Она стала звать толпу к захвату Дома связи на проспекте Руставели с тем, чтобы, используя радио, призывать мировые державы к поддержке выступающих в Тбилиси. Затея удалась, и где-то часов в пять вечера многотысячная толпа направилась вверх по Александровскому спуску к Дому связи. Где-то на полпути раздался пистолетный выстрел. Стрелял тот самый Кипиани. Это был первый выстрел за все прошедшие дни. Но он взвинтил толпу, передние ряды которых с остервенением ворвались в Дом связи, смяв защищавших вход в него солдат Советской армии. Призывы толпы были неоднородны. Кто требовал доступа к радиопередатчикам для обращения к загранице, кто спешил послать телеграмму В.М. Молотову, поздравляя его с днем рождения (9 марта), кто искал места, где хранились деньги Дома связи. Но накал в первом этаже здания (выше прорваться не удалось) был трудно описуем. Он привел и к жертвам. Оправдать их нельзя, но случилось непредвиденное.

Толпа, оттеснив солдат, прижала их к стене, и один из экстремистов приставил вилку к горлу солдата и стал давить ею. Солдат нажал на курок автомата, и раздалась очередь. Часть пуль поразила людей, отрезав от потолка, а часть из ствола автомата, не удержанного и опущенного солдатом.

Погиб 21 человек. Больше жертв в Тбилиси не было.

Происшедшее в Доме связи завершило события в Тбилиси. 10 марта город перешел к спокойной жизни.

Наша группа по итогам событий в Тбилиси подготовила емкую записку в ЦК КПСС, стремясь обстоятельно объяснить все, что произошло в городе, причины, приведшие к этому, и внесла предложения о необходимости усиления разъяснительной работы и выработки мер по воплощению в жизнь необходимости борьбы с культом личности, прежде всего с причинами его появления, и массовых репрессий в стране.

Подписали ее С.С. Бельченко, А.А. Козырев, В.А. Измайлов, председатель КГБ Грузии А.Н. Инаури, его заместитель М.Ф. Швырков и военный комиссар Штыков, впоследствии посол в КНДР.

Должен сказать, что Штыков, Инаури и Швырков были единственными, кто активно работал вместе с москвичами по восстановлению порядка в городе при абсолютном уходе от этого местных партийных и советских руководителей.

Записку эту И.А. Серов прочел, но в ЦК не направил.

О событиях в Тбилиси написано много, и освещают их по-разному. Дело пишущих. Написанное мною — та истина, которую я видел и знаю.

Александр Казем-Бек и Бенито Муссолини

Белая эмиграция — это особая тема. Мне приходилось соприкасаться с отдельными ее представителями, участвовать в противодействии некоторым акциям, проводимым антисоветскими центрами, возникшими в рядах белой эмиграции и продолжавшими враждебную СССР деятельность и после Второй мировой войны. Но в это время эмиграция была уже иная.

Белая эмиграция фактически прекратила свое существование как сплоченная сила в годы Отечественной войны. Многие эмигранты активно выступали против гитлеровского нашествия на Россию, а то и деятельно боролись против фашизма в европейских организациях сопротивления, в партизанских отрядах Италии, во французском маки.

Переоценили свои позиции и многие ее лидеры. Мне помнятся встречи с одним из основателей движения младороссов, возникшего в двадцатые годы прошлого века среди молодого поколения эмигрантов, профессором Александром Львовичем Казем-Бекком.

Потом движение «Молодая Россия» стало крупнейшей политической партией русского зарубежья. К 1931 году организация насчитывала около 20 отделов в разных странах. Ее программа включала, в частности, следующие направления:

«— движение направлено к свержению существующей коммунистической системы в России;

— оно национально по своим убеждениям и целям и революционно по своим путям борьбы;

— отвергает возможность, правомерность и целесообразность социальной и имущественной реставрации;

— признавая, что Русская Монархия будет прежде всего единственным строем всенародного примирения, без которого невозможно национальное возрождение России, они отвергают как вредный пережиток старое деление на левых и правых, борются с партийной непримиримостью и готовы широко сотрудничать со всеми группами за возрождение России».

Спустя год «Вестник монархиста» подчеркивает, что младороссы — это «русские националисты, легитимисты по идеологии, фашисты по тактике, с наклонностью к национал-социализму в вопросе будущих социальных реформ в России».

Весьма интересно, что он занимал крайне ненавистную позицию в отношении Советской России и, конечно, большевиков.

Это сблизило его с Муссолини, и он оказал немалое влияние на его программу строительства корпоративного государства. Замечу, что итальянский фашизм и немецкий нацизм — разные вещи. Во всяком случае, как рассказывал Казем-Бек, он был далеко не последним советником Муссолини во время создания им партии фашистов в Италии, в начале 20-х годов.

В этом направлении Казем-Бек имел в виду и развитие младороссов. Одну из своих идей он выразил афористично: «Царь и Советы». Но жизнь отрезвила набравшего силу лидера молодого поколения белой эмиграции. Его переубеждал рост могущества Советского государства и его авторитет на мировой сцене. Окончательно Казем-Бек порвал с фашизмом после сближения Муссолини с Гитлером, не скрывавшим своих планов уничтожения России как независимого государства, и распустил свою партию. Это привело к сближению Казем-Бека с силами, противостоящими гитлеризму и симпатизирующими Советскому Союзу. Помню, у него был свой девиз: «Ни белые, ни красные, а русские». В 1948 году Казем-Бек возвратился на родину и долгие годы работал в Московской патриархии.

Машинописную рукопись своих статей Александр Львович подарил мне, сопроводив теплым письмом.

Казем-Бек Александр Львович

Родился 2 (15) февраля 1902 г. в Казани в старинной дворянской семье. В феврале 1920 г. вместе с семьей оказался в эмиграции. Через Константинополь и Салоники попал в Белград. В 1923 г. переехал в Мюнхен, где поступил в университет и принял участие в съезде русской эмигрантской молодежи, учредившей союз «Молодая Россия», существовавший в русской эмиграции в 1920 — 1930-х гг., члены которого получили название «младороссов». Лидер движения младороссов. Во второй половине 1920-х гг. переехал во Францию. В 1925 г. сдал экзамены в Высшей школе политических и социальных

наук в Париже и получил должность заведующего отделом в Монакском фондовом кредите. С конца 1925 по 1920 г. жил в Монте-Карло. В 1929 г. возвратился в Париж и занялся более углубленной и интенсивной общественной работой, часто выступал в печати. В 1937 г. подал заявление об отставке с поста главы Младоросской партии (а в 1941 г. партия была официально распущена). В конце 1930-х — начале 1940-х гг. организатор так называемых «собеседований круглых столов» в Париже. В 1940 г. был арестован и заключен в концлагерь. Эмигрировал в США. Сотрудничал с русской газетой «Новая Заря» (Сан-Франциско). В годы Второй мировой войны руководил книжным отделом в программе помощи русским военнопленным, осуществлявшейся YMCA. С 1944 г. преподает русский язык в Йельском университете, с 1946/47 учебного года возглавляет кафедру русского языка и литературы в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне. Опубликовал ряд статей в журнале «Единая Церковь», официальном органе Патриаршего Экзархата в Америке. Помогал патриаршему экзарху Северной и Южной Америки архиепископу (будущему митрополиту) Борису (Вику), прибывшему в США из Москвы. В 1957 г. вернулся на родину и до конца жизни работал сотрудником Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. Член редколлегии «Журнала Московской Патриархии». Скончался 21 февраля 1977 г. Похоронен в селе Лукино под Москвой (Переделкино) возле храма Преображения Господня.

Признание следователя по особым делам КГБ СССР

***О книге Вячеслава Кеворкова «Исповедь перед казнью. Из воспоминаний следователя по особо важным делам Министерства государственной безопасности СССР».
«Совершенно секретно». М., 2006***

Эта книга уникальна, потому что в ней впервые раскрыт механизм так называемого «дела врачей», один из эпизодов борьбы за власть в окружении «позднего» Сталина. Она создана на основании мемуарных записок следователя И.И. Елисеева, который вел это дело. Все факты в ней документальны. Незадолго до выхода книги Елисеев умер, однако он успел прочитать и одобрить верстку.

Книга полностью опровергает бытующее мнение, что инициатором дела врачей был И.В. Сталин.

Елисеев также вел дело Василия Сталина. В книге подробно рассказывается об этом, и снова — реальные события сильно отличаются от существующих версий.

В целом интрига «дела врачей» заключается в следующем. Его начал из карьеристских побуждений следователь Рюмин, но дал ему ход член Политбюро Г.М. Маленков, который вместе с Л.П. Берией возглавляли одну из неформальных кремлевских группировок. Из числа пострадавших от «дела врачей» надо назвать министра государственной безопасности В.С. Абакумова, у которого были конкурентные отношения с Берией. Заметим, что Абакумов пытался предотвратить «ленинградское дело», направленное против соперничавшей с маленковцами-бериевцами группы Жданова. В уничтожении Абакумова велика роль и Хрущева.

Книга Вячеслава Кеворкова «Исповедь перед казнью» одно из лучших, если не лучшее, повествований о делах органов госбезопасности советского времени. Нельзя не сказать при этом о ярком литературном языке и талантливом повествовании. В основе произведения — глубокий вдумчивый рассказ известного следователя Следственной части по особо важным делам бывшего Министерства государственной безопасности СССР (МГБ) полковника Елисеева Ивана Ивановича.

Произведение Кеворкова не документальное, но рассказ Ивана Ивановича абсолютно правдив и не приукрашен личными оценками как событий, так и их участников. Его рассказ, как и повествование автора, отличается от многих нынешних мемуарных произведений бывших сотрудников органов госбезопасности. Они, как правило, утопают в оценках происходившего (положительных, либо отрицательных) или же посвящены своей роли и личному участию в происходивших событиях. Конечно, роли заметной, если не почти решающей.

Елисеевский рассказ — желание оставить правду для будущих поколений. Иван Иванович долго мучился: раскрывать ли эту правду? Надо ли? Тема эта не один год обсуждалась в узком кругу. Пришли к одному: рассказ не должен быть сенсацией. Это еще один оттенок мемуарной литературы. В поисках и выдумках сенсаций погрязли многие.

Кое-кто придает им даже документальный характер. Сколько написано, например, о деятельности особой сталинской разведки и контрразведки, руководил которой, как теперь выяснилось, всеильный маршал Г.К. Жуков. Да и не только об этом.

Рассказ Елисеева спокоен, лишен сенсационности, но он есть истина. Все рассказанное им — подлинные события того времени. По существу, документально. Могу так говорить, ибо много лет мы дружили с Иваном Ивановичем, вместе работали, и его воспоминания о прошлых делах всегда носили объективный характер и по сути, и по оценкам дел и событий. Он при этом не хулил людей, как и не упивался рассказами о выгодной для своей биографии близостью.

Сблизились мы с Елисеевым в марте 1956 года в Тбилиси, оказавшись в группе генерала С.С. Бельченко, направленной в Грузию из Москвы для оказания помощи местным чекистам в связи с событиями, возникшими в годовщину смерти И.В. Сталина и вызванными данными ему оценками в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС.

Его, правда, отозвали из Тбилиси дня за два до нашего отъезда и сразу же уволили из органов, как потом выяснилось, по непроверенному заявлению о якобы необоснованно проведенному им следственному делу.

Он ушел из органов, но вскоре был избран секретарем парткома одного из московских предприятий. Как помнится, где-то в Люберцах. Так он зарекомендовал себя в новом коллективе. Это было в годы, когда вокруг ушедших из органов чекистов создавалась далеко не благоприятная атмосфера.

Но Иван Иванович не успокоился, доказал необоснованность своего увольнения и через несколько лет был восстановлен на работе в органах КГБ, где через ряд лет возглавил юридическое бюро КГБ СССР. Много полезного он сделал и в должности заместителя директора Госконцерта, а затем руководил юридической службой Таможенного комитета СССР. Преподавал он и в Институте международных отношений таможенное дело.

Этот перечень, возможно, позволит оценить уровень подготовки Елисеева, его образованность. Поэтому его рассказ как основа «Исповеди перед казнью» — это параллельная исповедь самого рассказчика, желающего не исказить прошлого.

На этих позициях стоит и автор книги. Вячеслав Ервандович Кеворков, генерал-майор, много лет проработавший на оперативной работе в органах КГБ, а затем в ТАСС на должности заместителя генерального директора. Он издал ряд книг документального характера. Он писал о своих делах. В частности, о том, как он осуществлял связь Л.И. Брежнева с Вилли Брандтом. Глубоко содержательна книга о путче 1991 года, основанная на материалах следствия по этому делу. Опубликовал он и много интересных очерков и рассказов. Умеет интересно писать.

Дружба с И.И. Елисеевым позволила ему написать «Исповедь перед казнью» так, как бы написал ее сам Иван Иванович. Кеворков сохранил и передал в ней истинную душу рассказчика.

А терроризм ли?

***Журнал «Бизнес и безопасность в России»
№ 5-6 1999 г.***

История знает немало примеров, когда террор как метод политической борьбы использовался против представителей власти или политических противников. Террор открыто объявлялся в программах некоторых партий и движений как одно из средств достижения своих целей. В России, например, террор активно осуществлялся партией «Народная воля», а затем эсеров. Постоянно прибегает к террору против своих противников армянская националистическая партия «Дашнакцютюн», чаще всего мстя, таким образом, туркам за геноцид против армянского народа в 1915 году.

Активно использовали террористические методы и иные националистические формирования и группы как на территории бывшего Советского Союза (например, организация украинских националистов — ОУН), так и в других государствах («Ирландская освободительная армия»). Террор сопровождает всю историю борьбы палестинцев против израильтян. Его охотно берут на вооружение экстремистские организации, возникающие на подлинно или псевдорелигиозной почве. Им не безразлично в свое время католическая церковь, не гнушались гуситы, он и ныне в арсенале методов «братьев-мусульман», «Аум Сенрике», не гнушаются им и иные религиозные структуры, защищая «чистоту своей веры».

Такой перечень вовсе не свидетельствует о том, что террор как метод вооруженной борьбы не носит определенных особенностей в зависимости от целей, решаемых силами к нему прибегающими.

Если говорить о политическом терроре как методе завоевания власти, устрашения ее представителей или устранения политических противников, то такой террор, как правило, характерен индивидуальной направленностью. Почему и в программах некоторых политических партий обозначалось признание или непризнание «методов индивидуального террора».

Когда террор используется националистами или экстремистами, действующими под знаменем своих духовных покровителей,

они мало считаются с невинными жертвами, с массовой гибелью людей. Для этого и подбираются густо населенные районы или места скопления граждан.

Двадцатый век богат примерами на любой счет.

Как ни странно, но число актов террора растет прямо пропорционально росту цивилизации, повышению уровня культуры и образовательного ценза. Ряды террористов и вдохновителей такого рода акций пополняются отнюдь не дегенератами и далеко не малообразованными людьми. Их география также не свидетельствует об ограничении территориями со слабо развитой культурой и отсталостью. Думается, что здесь есть вопрос для современной социологической науки.

Террористические акты на территории бывшего Советского Союза после середины 50-х, когда прекратились такого рода действия в западных областях Украины и в Прибалтике (точнее, в Литве), носили абсолютно единичный характер. Они поддаются перечислению.

В 1955 году во время Первомайской демонстрации в городе Архангельске террорист проник на трибуну и расстрелял из пистолета руководителей области. Погибло несколько человек.

В 1968 году известен случай у Боровицких ворот, когда Ильин стрелял по машине космонавтов, едущих в Кремль, имея намерения совершить покушение на Л.И. Брежнева.

В 1980 году убит на государственной даче председатель Совета Министров Киргизской ССР. Террористический акт совершен на почве межнациональных распрей.

Других актов индивидуального террора против руководителей разных уровней не было. Всякие рассказы о покушениях на руководителей государства относятся к разряду вымысла и сплетен.

Террористические проявления, носившие форму протеста или провокаций, рассчитанных на возбуждение панических настроений в обществе, на демонстрацию сил, якобы готовых к массовому выступлению против власти, нетрудно вспомнить.

Это взрывы в 1974 году в Москве, в метрополитене и на Никольской улице, совершенные террористами из Армении и унесшие жизни более тридцати человек.

Аналогичные акции в Грузии в начале семидесятых годов. Террорист Жвания взорвал бомбы в Сухуми, Тбилиси и Кутаиси. Погиб один человек. Массовую гибель людей, особенно на проспекте

Руставели, у здания правительства, предотвратила чистая случайность. Взрывную волну погасили могучие колонны правительственного здания.

Еще один акт террора был предотвращен в 1989 году на станции метро «ВДНХ» в Москве. Оставленное в сумке взрывное устройство удалось обнаружить и обезвредить до контрольного часа. Террористы установлены в Грузии, но от наказания их спасла политическая обстановка. Следы затерялись среди «борцов за независимость».

Кроме того, дважды удалось совершить взрывы около и в самом Мавзолее В.И. Ленина, что можно рассматривать как акты индивидуального террора. Один из них в 1967 году и второй в середине 70-х. Они носили протестный характер против действий органов власти. Во всех случаях террор осуществлялся преступниками из числа советских граждан.

В указанные годы с засылаемыми на территорию страны террористами столкнуться пришлось практически один раз. В 1985 году в Москву была заслана группа афганских боевиков-моджахедов с задачей проведения акций террора во время фестиваля молодежи и студентов. Подготовку они прошли в пакистанских лагерях не без участия западных спецслужб. Боевики должны были заложить завезенные из-за границы бомбы в местах проведения массовых фестивальных мероприятий.

Акция предотвращена в результате оперативных мер по обеспечении безопасности фестиваля.

Надо сказать, что предотвращение террористических акций всегда стояло первым номером в плане обеспечения безопасности всех массовых мероприятий на территории Советского Союза. И дело не в том, что страну «наводняли» террористы, а потому, что совершить акцию с использованием огнестрельного оружия или взрывчатых материалов мог и больной человек, и в порыве мести, и в состоянии каких-либо душевных потрясений.

Учитывалось и подстрекательство к террору, достигавшее страну по радиоканалам через забрасываемые листовки и иные печатные издания. Свидетельств призывов, как «взорвать райкомы», «сеять панику» больше, чем достаточно. А перед Олимпийскими играми в Москве даже распространялась литература с подробным описанием того, как осуществлять акции террора в период олимпийских состязаний.

Во второй половине XX века Советский Союз не избежал новой формы экстремистских проявлений, захватившей многие страны мира: захват транспортных средств, прежде всего самолетов, заложников, проведение взрывов в целях устрашения, мести, сведения счетов.

Подобные акции чаще всего не могли квалифицироваться как террор, но по методам проведения и последствиям мало чем от него отличались. Их предотвращение и раскрытие требовало равнозначных борьбе с террором оперативных, следственных, криминалистических мер.

Такие меры разрабатывались, осуществлялись и, как правило, достигали цели.

В те годы выработалась определенная система по выявлению террористических намерений и их предотвращению.

Основой всех мер являлась система контрразведывательного обеспечения безопасности страны на всех направлениях. Определилась формула: «Террором занимаются все», т.е. выявление террористических намерений, получение информации о действиях подозрительных «на террор» входило в обязанности всех оперативных подразделений независимо от специфики их задач (шпионаж, экономика, транспорт, военная контрразведка, защита конституционного строя и т.д.).

Информация сосредоточивалась в определенном центре (последние годы в 7 отделе 5-го Управления), анализировалась, и определялось подразделение, ответственное за дальнейшую проверку полученных данных. Разработку, как правило, вели оперативные сотрудники, имевшие опыт ведения таких дел.

Естественно, что в ходе проведения повседневных оперативных мероприятий, кроме получения соответствующей информации конкретного характера, уделялось постоянное внимание выявлению тех подпольных групп и формирований, в программе которых не исключались террористические методы, а также иностранных представительств, связанных с международным терроризмом.

Естественно, что разработка самих центров международного терроризма являлась прерогативой разведки, которая обеспечивала контрразведку необходимой информацией.

Подразделение КГБ, накапливавшее информацию по проблеме террора, осуществляло совместно с органами милиции розыск похищенного оружия, выявление лиц и мест его незаконного хране-

ния, расследование наиболее серьезных преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

Большое значение придавалось контролю за хранением и использованием взрывчатых веществ, что определялось строгими нормативными актами. Всякий случай хищения взрывчатки подлежал тщательному расследованию.

Впоследствии это способствовало реализации идеи создания Института криминалистики в системе КГБ СССР, который вскоре вырос в серьезное научное учреждение. Его экспертизы пользовались большим уважением следственных и судебных органов страны.

В 5-м Управлении и в Институте криминалистики оперативно-технического управления КГБ СССР собрали достаточно большое количество образцов взрывных устройств, что облегчало розыск злоумышленников и расследование совершенных преступлений.

Рост преступлений по захвату транспортных средств, заложников, иностранных представительств потребовал формирования специального подразделения в системе КГБ, способного пресекать такого рода действия экстремистов. Так пришли к созданию группы «А», выросшей со временем в легендарную «Альфу».

Пишу об этом не для того, чтобы сказать: «Ах, как хорошо было в прошлом!» Там были свои промахи и изъяны, ошибки и упущения.

Подчеркивается лишь одно: борьба с террором требует хорошо отлаженной системы контрразведывательного обеспечения, четкого взаимодействия на этом направлении всех составных органов госбезопасности. Малейший сбой в системе неизбежно грозит тяжелыми последствиями.

Такое случалось в постсоветское время. К чему это привело, говорить не стоит.

Встает вопрос о мерах. Не ставлю своей цели давать советы, тем более в отрыве от конкретной оперативной деятельности. Одно очевидно: без серьезного агентурного проникновения в центры подготовки киллеров (хорошее новое русское слово), исполнителей актов индивидуального террора; без наличия оперативных возможностей в законных и незаконных вооруженных формированиях; без проникновения в центры, определяющие террористические методы для решения политических целей, с терроризмом бороться сложно и бесполезно.

Кстати, очень опасно раскрывать в средствах массовой информации методы террористов, и особенно действий спецслужб по борьбе с террором. Излишняя детализация того и другого вооружает террористов и обезоруживает борющихся с ними. К чему, например, подробно рассказывать состав взрывчатки, адреса, где можно приобрести ее компоненты. Или раскрывать содержания приемов воздействия на экстремистов в период освобождения заложников. В свое время в Музей уголовного розыска в Ленинграде воры в законе старались специально проникнуть, чтобы поучиться на экспонатах, и тому, как воровать, и тому, как уберечь себя от сыщиков. Ныне такую информацию нередко доставляют на дом. Говорят, что Де Голль, будучи президентом Франции, решительно запрещал демонстрацию фильмов о действиях алжирских террористов. Он знал, что делал.

Но сегодня в повестке дня — борьба с международным терроризмом. И здесь думается, допустимы некие размышления.

Прежде всего, о каком международном терроризме идет речь? Он ведь, как и внутренний, различен. Международные террористы совершают акции индивидуального террора (убийство Патриса Лумумбы или Пальме, расстрелы турецких дипломатов), акты массового террора (взрывы в метро Парижа или американских казарм), захваты самолетов и заложников.

Но с такими ли видами терроризма имеет дело Россия сегодня? И да, и нет. Скорее, нет.

Допустимо предположение, что международный терроризм служит опасной формой прикрытия агрессии против России, агрессии не чеченских боевиков, так как они не могут именоваться агрессорами, будучи гражданами Российской Федерации и жителями одного из ее регионов. Но могут быть отрядом внешнего агрессора. Состоять на службе такого агрессора — дело вполне возможное. А если быть точным, то очевидное.

Такой подход к оценке действий международного терроризма на территории России представляется единственно верным. Из такой оценки вытекает, что речь идет о самой настоящей войне с агрессором, вторгшимся на территорию России и использующим российских граждан во враждебных их государству интересах. И ни о какой национально-освободительной борьбе речь не идет. Осуществляется откровенная попытка отторжения территории, разрушения военной силой территориальной целостности Российского государства.

Инспираторов агрессии нетрудно видеть за спиной у вооруженных банд наемников, именуемых международными террористами.

И это меняет картину. В этом случае только вооруженная сила способна противостоять агрессии. Контрразведка, специальные службы России должны решать фронтовые и зафронтовые задачи, как и полагается им в период военных действий. Одновременно бросив немалые силы на охрану тыла, предотвращение диверсий в ближнем и глубоком тылу действующей армии.

Думается, что такую трактовку событий (а она однозначно звучит и в устах российских военачальников, и в заявлениях Премьер-министра В.В. Путина) необходимо настойчивее утверждать пропаганде, объяснять населению, мировой общественности (не организаторам бойни в Косово), и особенно чеченской диаспоре в России. Она должна осознать свою роль в противостоянии агрессору и спасать свой народ от оккупации наемниками, оснащаемыми и вооружаемыми ныне из-за рубежей России.

Конечно, необходимы и политические средства. Переговоры с воюющей стороной, с агрессорами. Хочу подчеркнуть — с **агрессорами**.

И он вовсе не чеченский боевик, даже в генеральском чине. Агрессор — тот, кто субсидирует войну, обеспечивает моральную поддержку, одевает и обувает армию. Необходимы контакты с чеченскими политиками в диаспоре, добиваться понимания истинной картины войны в Чечне аксакалами. Без этого нельзя. Не знаю, есть ли передачи российского радио на чеченском языке, распространяется ли там печатное слово. Центральная пресса, судя по обзорам газет, чеченцам малодоступна.

В широком смысле сегодня именно здесь проходит передний край «информационной войны», ибо здесь решается вопрос сохранения территориальной целостности России, судьба великой державы.

Спецслужбы в XXI веке, или Снова о чистых руках, холодной голове и горячем сердце

Предложенное мне выступление «Будущее и спецслужбы» никак не оторвешь от прошлого и настоящего.

Спецслужбы являются инструментом государственной власти, наряду с армией, полицией, прокуратурой, судом, другими органами правопорядка и юстиции.

Они, естественно, отражают политику государства, действуют в национальных интересах. Так было во все времена всемирной истории и во всех государствах.

Еще в древности прообразы нынешних спецслужб были защитниками государства, его стражами.

В знаменитом диалоге «Государство» Платон говорил:

«...Чем более важно дело стражи, тем более несовместимо с другими занятиями, ведь оно требует мастерства и величайшего старания».

«...Они должны быть кроткими к своим людям и грозными для неприятеля».

«...Стражи должны отбросить все остальные занятия и заниматься лишь охраной свободы государства самым тщательным образом и не отвлекаться ничем посторонним».

Звучит достаточно современно. А век-то IV до нашей эры!

Занятие стражей Платон видел в защите граждан своего государства, его свобод (контрразведка) и изучение стана противника (разведка).

Интересно и другое — стражи защищают свое государство, его свободы, т.е. строй данного государства. Следуя этому указанию древнего философа, можно сделать вывод — стражи (т.е. спецслужбы) защищают и политику своего государства.

Это представляется весьма важным, ибо знание прошлого помогает судить о настоящем. Кому, как не нам с вами, пережившим недавние потрясения и находящимся в поисках развития государственного устройства, это очевидней, чем другим.

В связи с этим о недавнем прошлом и о настоящем. Не вообще, а о специальных службах.

Строго говоря, древние категории остались прежними.

Разведка и контрразведка — их основа. По мере развития человечества совершенствовались их вооруженность и оснащенность. Прогресс спецслужб тесно связан с быстрыми изменениями форм и методов добывания, обработки и защиты информации. Родились новые самостоятельные направления разведки и контрразведки. К примеру — шифрование и дешифрование (в Соединенных Штатах это привело к созданию агентства национальной безопасности, в России — ФАПСИ, в других государствах — их аналоги). Активно действуют специальные службы электронной безопасности и добывания информации техническими средствами. Тем не менее несколько общих замечаний:

а) Специальные службы служат своим государствам.

б) Они проводят политику своих государств своими специфическими оперативными средствами. Важнейшее из них — агентура. Нельзя получить суть секрета иным путем. Нельзя оказать влияние на политику или на отдельную проблему без агентов влияния.

Нельзя в принципе разоблачить агента противника без проникновения в соответствующий разведывательный центр. Окольные пути сложны, не дают документальных подтверждений. Из них можно серьезно рассматривать лишь поиск на каналах связи.

в) Специальные службы играют роль в компрометации и подрыве общественного строя, если такая задача вытекает из политики государства, которому они принадлежат.

Это мы хорошо знаем на примере «холодной войны».

Целенаправленная деятельность спецслужб США, к примеру, сыграла не последнюю роль в подрыве конституционного строя, существовавшего в Советском Союзе и других социалистических государствах, оказала существенное воздействие на поддержку сил, дестабилизирующих обстановку, подрывавших устои государств.

Об этом я счел необходимым сказать и в своей книге «КГБ и власть».

Даются различные оценки деятельности спецслужб Советского Союза и государств, его союзников. Одни их порицают и обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах, другие упрекают в том, что они не сумели отстоять тот государственный строй, который призваны были защищать. Основание для таких оценок есть. Но надо иметь в виду и такой очевидный факт. Строй разрушался в условиях, когда не спецслужбы должны были его укреплять. Они твердо следовали установкам государственной власти. И, может быть, такая позиция не привела к гражданской войне, не позволила допустить кровопролития.

Вместе с тем прошлое позволяет говорить о том, что государство обязано иметь сильные специальные службы, сильную разведку и контрразведку.

Это стало совершенно очевидным в новых условиях, когда, казалось бы, мир ликвидировал раскол на враждующие лагеря, упразднила супердержава, ушло в прошлое противостояние военных блоков.

Иллюзия? Не будем спешить с ответом.

Важным является тот факт, что спецслужбы ведущих мировых держав продолжают укрепляться, а оружие их совершенствоваться и оттачиваться.

Какие сложатся между ними коалиции, покажет будущее. Но спецслужбы будут вновь зависеть от политики своих государств. Другого не дано.

Однако важно исходить из того, что мир не может не считаться с независимыми от воли государственных властей процессами, требующими взаимодействия. Они (эти процессы) видны и в сфере деятельности спецслужб.

Со многими видами преступности стало сложно бороться в одиночку. Борьба потребовала сплочения.

Наркотики. Террор. Захват транспортных средств, заложников. Хищения культурных ценностей.

Хорошо, что в обществе стало созреть понимание роли спецслужб, происходит переоценка их деятельности. Возникают требования их укрепления, даже тех подразделений, которые решают задачи предотвращения преступлений, возникающих на политической основе. Национальные междоусобицы, террор усилили эти требования.

Понимание роли спецслужб, проявляющееся сегодня в обществе, дает основу говорить о будущем.

Оно (будущее) зависит от того, что передаст ему заканчивающийся век.

Можно предположить, что начало XXI века будет связано с наследием незавершенных проблем своего предшественника.

Скорее всего, сохранится противостояние ведущих держав. Трудно сказать, сколь агрессивным оно станет. Надо думать, что разум не позволит перерасти противостоянию в вооруженные конфликты. Вряд ли дойдет дело до новых блоков, равно как и не снизится активность НАТО по вовлечению в блок все новых государств.

Не хотелось бы думать, что в этом проявляется опасная тенденция дальнейшего разрушения баланса сил в мире, которая может поставить человечество на путь конфликтов и войн.

Нельзя не учитывать и того, что за последние годы во многих странах (в начале 90-х гг. их было около 30) приняты на вооружение баллистические ракеты оперативно-тактического (ОТР) и тактического (ОТ) назначения.

К концу века увеличится число государств, обладающих как ядерным оружием, так и средствами его доставки.

Очевидны реперы противостояния: США, растущая Германия, Китай, Япония, арабский мир, сложная ослабленная Россия.

Сохранятся очаги вооруженных конфликтов на межнациональной и религиозной основе. Вряд ли XXI век увидит покой на Балканах. А далее — Ближний Восток, Кавказ, афгано-таджикский узел. Не забудем Ольстера, Африку.

Хорошо бы не дошло дело до территориальных переделов на Дальнем Востоке (Китай, Япония, Северная и Южная Корея).

Все это имеет в конечном счете прямое отношение к взаимоотношениям между специальными службами.

Конечно, спецслужбы конкретного государства будут решать задачи, вытекающие из интересов данного государства.

По существу, задачи эти останутся в основе своей неизменными: во-первых, обеспечение безопасности от внешнего проникновения (прежде всего в форме шпионажа), пресечение подрывных акций возможного внешнего противника на территории своего государства; во-вторых, недопущение дестабилизации обстановки в своем государстве, нейтрализация нежелательных конфликтов на любой основе, а также в силу расхождения взглядов на развитие государственной власти и общества.

Это, можно сказать, внутреннее дело разведок и контрразведок.

Однако представляет интерес проблематика, определяющая неизбежное объединение усилий разведок и контрразведок различных государств. Диктует это всемирный интеграционный процесс, действие факторов, независимых, как уже говорилось, от воли и желания государств и их специальных служб.

Тенденция к объединению усилий уже видна.

Важнейшим является сотрудничество в области обмена информацией вплоть до создания единых информационных систем. Начало и углубление информационного обмена вытекает из необходимости пресечения преступных акций, приобретших ныне для мирового сообщества глобальный характер.

Достаточно их обозначить:

— борьба с наркобизнесом;

— предотвращение и пресечение акций международного терроризма (захват транспортных средств, заложников, розыск террористов и т.д.);

— борьба с организованной преступностью. Совместные мероприятия по розыску и задержанию международных аферистов, фальшивомонетчиков и других серьезных преступников уголовного мира.

Жизнь требует объединения усилий спецслужб и на некоторых новых направлениях.

Важное место, на мой взгляд, должно занять взаимодействие по сохранению общей стабильности в мире, по предотвращению межгосударственных конфликтов, вооруженных столкновений, грозящих возникновением региональных войн. Тем более что противостояние между государствами, как я уже отмечал, сохраняется.

В этой связи важен анализ причин, порождающих конфликты, среди которых не последнее место занимают территориальные претензии и споры.

В будущем специальным службам стоило бы остерегаться поощрения действий противоборствующих группировок в конфликтных ситуациях. Что не исключает привлечения специфических возможностей спецслужб к оказанию влияния по локализации конфликтных ситуаций.

Проблема контроля за распространением ядерного оружия. Оперативная взаимная информация о розыске похищенного ядерного материала. Разработка методов борьбы с возможным применением ядерного оружия в террористических целях.

Рядом с этим контроль за сокращением вооружений, распространением оружия массового поражения, стратегически важных военных технологий, выполнение санкций ООН.

Вопросы экологической безопасности. Вряд ли стоит развивать эту тему, так как смысл ее очевиден. Он вытекает из угрозы нашей планете возможными экологическими потрясениями. В повестку дня стал вопрос о практической реализации задачи обнаружения и оповещения населения нашей планеты о возможности встречи астероидов с Землей.

Мне представляется, что в будущем потребуются обмен информацией и взаимодействие по борьбе с компьютерной преступностью, по проблемам защиты линии связи, компьютерной техники (уже сейчас создание помех путем проникновения в системы, обслуживаемые ЭВМ и компьютерами, вызывает беспокойство). Это относится и к международным путям сообщения, прежде всего трубопроводным. Все чаще звучит тревога о разбоях на море.

Наконец, космос.

Фактически мир вступил в фазу борьбы за раздел сфер влияния в космосе.

Космические системы разведки, раннего предупреждения военной угрозы, навигации, связи и боевого управления войсками и оружием, топографического и гидрометеорологического обеспечения способны создать глобальное информационное поле.

На этом поле спецслужбам лучше взаимодействовать, а не противостоять друг другу.

У порога проблема предотвращения пиратства в космосе. Она будет обостряться по мере увеличения числа государств, засылающих в космос летательные аппараты, а также совершенствования системы запуска таких аппаратов в открытый космос непосредственно с космических станций и кораблей.

На этом пора завершать затянувшийся полет фантазии. Надеюсь, что от действительности оторвался не так далеко и кое-что из сказанного может стать реальностью уже в ближайшем будущем.

Надо подчеркнуть еще одно непереносимое условие: деятельность специальных служб должна протекать при строгом соблюдении конституций, национальных законов, осуществляться в рамках международного права, межгосударственных договоров и соглашений.

В заключение разрешите напомнить еще одно рассуждение Платона о стражах государства, их роли и месте в обществе.

«...Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним... Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство... А чуть только заведется у них (стражей) собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и землевладельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками...»

Мы не стали свидетелями воплощений идей Платона относительно бескорыстности стражей государства. Согласитесь, что мировое сообщество пока, к сожалению, остается неспособным к воплощению идей древних.

Оставим это XXI веку, не будем торопиться лишать людей надежды на светлое будущее.

Примечание. Напечатано в журнале «Российский кто есть кто» (№ 5 за 2004 г.). Ранее опубликовано в болгарской печати, так как статья является стенограммой выступлений на тему «Спецслужбы и будущее», предложенную объединением «Болгарский разведывательный форум». Они состоялись в марте 1996 года в Доме народной культуры (София), в студенческих аудиториях Свободного университета г. Велико-Тырново и Бургасского университета.

Терроризм и антиглобализм

Интервью с Игорем Ленским

— Филипп Денисович, вряд ли сегодня кто-то станет отрицать, что теракты в США 11 сентября изменили мир, в котором мы живем. Какой самый главный урок, на ваш взгляд, должно извлечь человечество из этих драматических событий?

— В другом мире мы живем уже давно. То, что произошло 11 сентября, несмотря на трагизм происшедших в Нью-Йорке событий, явилось этапом на пути развития мирового сообщества. Закономерный ли это процесс или случайное стечение обстоятельств — акценты будут расставлены позже. Но то, что эти события стали точкой отсчета нового взгляда на то, что происходит в мире, позволили человечеству оглянуться на весьма непростые процессы — мне представляется, это главное. Кто и какие выводы из этого делает? Пока сделали один вывод — надо бороться с терроризмом. Это правильный и нужный вывод. Важно, чтобы понятие терроризма у всех было единым по сути, чтобы никем не вкладывалось в это понятие конъюнктурное содержание. Если есть международный терроризм, значит, должна быть его единая правовая оценка. В этом смысле я поддерживаю заявления Владимира Владимировича Путина о том, что мы, борясь с терроризмом, должны выработать единую правовую основу.

Россия призвала мировое сообщество к совместной борьбе с терроризмом значительно раньше, чем 11 сентября. Мы были жертвами террора, но в силу разных причин на Западе не хотели ни видеть, ни понимать, ни осуждать террор на территории России. Мы не слышали соболезнований, когда террористы взрывали дома в Москве, Волгодонске, других городах нашей страны. Мы говорили о том, что терроризм перерастает в войну, с чем мы столкнулись в Чечне, — в этой войне участвуют не только чеченцы, но и наемники из многих стран. Некоторые политологи пытаются сравнивать Северную Ирландию с Чечней. Но в Ирландии нет наемников из других стран, там ирландцы сами борются за свои права. Совсем другое в Чечне. Там наемники и из Афганиста-

на, и из Саудовской Аравии, и литовцы, и латыши, и украинцы, есть даже русские наемники. Поэтому в Чечне совсем другое дело. И когда мы говорим, что в Чечне идет война, осуществляется террор против гражданского населения и России в целом, то вот теперь, возможно, нас поймут. Поскольку события в Чечне и в Америке — это одна общая ситуация с международным терроризмом.

Я считаю, что война в Чечне — дело правое. Мы боремся с международным терроризмом. Боремся с наемниками, которые хотят разрушить стабильность Российского государства. Как бы тяжело ни было мириться с теми жертвами, которые мы несем в Чечне, другого выхода у нас нет.

Отсюда вытекает наша политика после 11 сентября. Мы откликнулись искренними соболезнованиями на события в США. С другой стороны, мы четко заявили, что окажем помощь американцам в совместной борьбе с терроризмом. Мы ведем открытую честную политику, и я поддерживаю принятые руководством страны политические, дипломатические, военные меры, а также оказание народу Афганистана гуманитарной помощи. Ошибочных шагов не сделано. Мы не ломаем шапку перед Америкой. Мы ведем себя так, как должно вести себя государство, оберегающее свои интересы.

— Судя по всему, американцы пришли в Центральную Азию всерьез и надолго. Пентагон осваивает базы, аэродромы, с которых еще недавно взлетали советские самолеты. На наших глазах меняется геополитический баланс. Это наводит на тревожные размышления. Что могла бы противопоставить Россия укреплению американского влияния в этом стратегически важном для нас регионе?

— Давайте будем говорить откровенно. Какие бы условия ни сложились после 11 сентября, каждое из государств, которое вовлекается в антитеррористическую борьбу, имеет свои цели, кроме подавления террористов. В последние годы политика США направлена на утверждение своего господства в мире — этого отрицать нельзя. После 11 сентября США, конечно, не откажутся от своих целей — напротив, американцы будут продолжать гнуть свою линию. И от этого никуда не деться — однополюсный мир после распада Советского Союза продолжает существовать. Мы в данном случае помимо борьбы с терроризмом боремся также за укрепление своего суверенитета, своей значимости в международном сообществе.

Да, американцы пришли в Узбекистан не для того, чтобы через неделю оттуда уйти. И такое их укрепление в бывших союзных республиках в известной мере составляет предмет наших переживаний. Но нам пора привыкнуть, что СССР давно нет, есть новые независимые государства. И как бы мы ни относились к ним — они проводят свою политику. Узбекистан ведь даже не граничит с Россией. Пора привыкать относиться к бывшим союзным республикам как к суверенным государствам. Надо сделать и другой важный вывод — нам необходимо последовательно укреплять государственность России. В первую очередь — укреплять государственные границы. Россия не может быть проходным двором. Даже для наших бывших сограждан по СССР. Мы должны строже вести себя как независимое самостоятельное государство.

Возьмите недавние события. Почему Грузия может не считаться с интересами России на Кавказе? А мы должны все время считаться с интересами Грузии? Думаю, мы должны тверже вести себя. Хотя понятно, что мы держава по сравнению с Грузией великая и должны свои действия рассчитывать равномерно, очень взвешенно. Тем не менее мы должны быть самостоятельны в своей политике.

— Вы затронули злободневную тему. На фоне застарелого чеченского гнойника выгодно выделяется Абхазия, стремящаяся под покровительство России...

— Это очень тяжелый вопрос для всей обстановки на Северном Кавказе. Абхазия — тот узел, который таит в себе огромное число проблем и противоречий. Дело не только в том, что абхазы рвутся в состав России. Да, такое стремление у массы абхазов есть. Надо учесть, что в Абхазии еще и русских много живет. Я по своей позиции целиком с Абхазией.

Но нельзя забывать и о том, что Абхазия — это не просто Абхазия. Это еще и «Великая Черкесия» — несколько северокавказских народов. Эта тема живет не только в умах, но и в идеологии некоторых формирований, которые уже сейчас на Северном Кавказе существуют. Да, с одной стороны, Абхазия хочет жить вне Грузии. Но не возникнет ли у нее потом желания жить в рамках «Великой Черкесии»? Не хочу сказать, что события будут развиваться именно так, но эта проблема требует того, чтобы мы о ней помнили.

Если мы сейчас открыто поддержим выход Абхазии из Грузии, то пойдем по пути новой войны на Кавказе. Потому что грузины за

Абхазию будут воевать. С другой стороны, нет гарантии, что завтра в состав России попросится еще кто-то, а другие, наоборот, захотят выйти из России. Поэтому в случае с Абхазией, на мой взгляд, мы не можем идти на поводу у эмоциональных решений, какими бы благородными они ни казались.

— По странному стечению обстоятельств экспансия американцев в Центральную Азию совпала с решением российского руководства о выводе наших военных баз с Кубы и из Вьетнама.

— С патриотической точки зрения, есть неприятный осадок от того, что мы теряем эти базы. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что нам эти базы сейчас не по карману. Обходятся базы во Вьетнаме и на Кубе дороже того, что они нам дают. Надо считаться с тем, что происходит в мире. Мы сейчас не в состоянии создавать новые базы. Лучше, может быть, сократить расходы за рубежом, чтобы укреплять страну здесь, на своей территории. Взять Камрань — ведь у нас такого флота нет, чтоб там его содержать. Летчикам же не хватает средств даже для необходимого налета часов.

С Кубой мы не рвем. У нас должны сохраниться хорошие отношения. В этом и Фидель Кастро заинтересован. Думаю, всем понятно, что решение о закрытии центра в Лурдесе принято исходя из экономических соображений.

Мы сейчас — не Советский Союз. Мы должны соизмерять свои устремления с сегодняшним состоянием страны. Жить в нынешних условиях и претендовать на то, что мог позволить себе СССР, нельзя. Да, поднять свое значение в мире сейчас для России очень важно. Но международный авторитет страны заключается вовсе не в том, где и в каком количестве у нас есть базы. С американцами нам тут состязаться бесполезно.

— Вы уверены, что за терактами в США стоит именно бен Ладен? Некоторые аналитики полагают, что и в Америке могли быть заинтересованные силы. Например, ради того, чтобы возродить образ внешнего врага...

— О вине бен Ладена пока можно судить больше по рассуждениям, чем по достоверной информации. То, что талибы вскармливались американцами, это бесспорно. Когда талибы воевали с нами, американцы их поддерживали...

Я убежден, что такую масштабную акцию, какая была проведена в США 11 сентября, провести без серьезного центра в самой Аме-

рике было невозможно. Заезжим террористам, которые заскочили в страну на день-два, это не под силу. Здесь же видна рука людей, которые глубоко изучили ситуацию, приобрели нужные связи, хорошо знали обстановку, владели оперативной информацией. Финансировать операцию и обучать террористов могли вне Америки. Но организовать такой синхронный полет самолетов, захват, скоординированную атаку на объекты можно было, только имея серьезную поддержку на территории США. Арабы-камикадзе, которые вели самолеты и непосредственно устроили теракты — это еще не организаторы. Это исполнители. Кто двигал ими, кто руководил операцией — вот вопрос. Уверен, что база террористов была на территории США. Там наверняка действовал центр, который это дело готовил не один месяц. Наряду с подавлением талибов (что я считаю совершенно правильным, раз они ведут себя так) должно быть очень глубокое и серьезное расследование на территории США.

— Нет ли у вас впечатления чрезмерности и неадекватности американской контртеррористической операции в Афганистане?

— Не сомневаюсь, что на базе этой операции американцы хотят развивать политику еще большего укрепления своего мирового господства. Однако за грохотом бомбежек в Афганистане не слышно ответа на другой вопрос — а что дает расследование терактов в самих США?

— Арестовано уже около 130 арабов...

— Но какой-то уж больно портативный набор доказательств: Коран, 20 тысяч долларов и удостоверение пилота. Как на подбор, все с этими доказательствами. Не хотелось бы, чтобы возникало впечатление, будто у меня есть недоверие к тому, как американцы ведут расследование. Но есть вопросы. Отдают ли американские спецслужбы себе отчет в том, что активная работа по расследованию может дать и иные выходы на организаторов террора? Не подстерегает ли их опасность обнаружить то, **чего они сами боятся?** В том смысле, что к терактам могли быть причастны и граждане Америки...

— Каков ваш прогноз хода операции в Афганистане: чем и когда она закончится?

— Если убьют бен Ладена, то ясно, чем кончится. Тогда можно прекращать. Я думаю, операция закончится тогда, когда сложат оружие талибы.

— *А реально ли это? История показывает, что афганцы никогда не бросают оружие, потому что они ничего не умеют, кроме как воевать.*

— Война действительно может длиться годами. Но финальная точка будет поставлена с разоружением талибов.

— *А у нас в России могли произойти такие ужасающие теракты, как в Америке?*

— Я бы спросил иначе: а где могли бы не произойти? У нас же произошли взрывы домов в крупных городах. И все же я уверен, что наши спецслужбы могут предотвратить такие события, какие случились в США. Нашим спецслужбам я верю.

— *Видите ли вы связь между контртеррористическими операциями в Афганистане и в Чечне?*

— То, что сейчас происходит в Чечне, есть результат событий в мире после 11 сентября. Прежде американцы не очень охотно называли Чечню базой террора. Сегодня они уже не столь резко критикуют наши действия, не обвиняют нас в геноциде. Однако Чечня все еще не звучит для американцев на таком уровне, как Афганистан. Тем не менее напряжение в Чечне после 11 сентября, конечно, уменьшилось. Мне думается, что иностранные наемники поняли наконец одну вещь: такая помощь из-за рубежа, которая оказывалась им до 11 сентября, впредь предоставляться не будет. Пути транзита боевиков и оружия через Грузию тоже претерпят изменения. Для нас же участие в международной контртеррористической операции может означать облегчение положения в Чечне.

Заместитель секретаря Совета безопасности РФ Валентин Соболев сообщил, что поток денежных средств из-за рубежа бандформированиям в Чечне прекратился. «Бандиты испытывают буквально голод, и та благодать, которая на них сыпалась, давно прекратилась», — заявил замсекретаря СБ после совещания с участием главы администрации Чечни Ахмада Кадырова и командующего объединенной группировкой Владимира Молтенского. Соболев сообщил также, что в проведение контртеррористической операции в Чечне будут внесены коррективы. Они связаны со многими обстоятельствами, в том числе изменениями в международной ситуации.

— *Как вы думаете, что нового несет человечеству XXI век?*

— Сейчас появилось много рассуждений насчет глобализации, глобализма, антиглобализма. Тема эта заслуживает, чтобы о ней порассуждать. Мы живем на новом этапе развития мирового сообщества. Этап этот рожден прорывом в области информатики, инфор-

мационных технологий. Вспомним, как исторически развивалось человечество: одна формация сменяла другую, канул в Лету рабовладельческий, затем феодальный строй. Капитализм остался наиболее устойчивой формацией, попытка сменить его чем-то более удачным не привела пока к значительным результатам. Но и капитализм не мог не развиваться. Глобализм, ставший результатом прорыва в области новых информационных технологий, привел к новым условиям существования человеческого общежития. Если принять эту точку зрения, то можно иначе оценить состояние мирового сообщества, в котором мы сейчас живем. Глобализм ведет к тому, что разрушаются государственные границы, мир становится моноплановым. Что противостоит этому? Антиглобализм. Не является ли это закономерным процессом развития человечества? И не стоит ли повнимательнее присмотреться к этому явлению?

— *Мы пока знакомы с антиглобализмом преимущественно по беспорядкам на международных форумах.*

— Это есть. Но судить об антиглобализме только по этим эксцессам — слишком поверхностное дело. Нельзя путать антиглобализм и терроризм. Надо бороться с терроризмом, но вместе с тем изучать антиглобализм. Стремиться понять, что в нем кроется. Мне думается, внутри спрятана гораздо более серьезная природа этих вещей. Вспомним, как после Второй мировой войны развернулась борьба с колониализмом. Причем на определенных этапах возникал и террор как метод борьбы. Но на самом деле под личиной этих эксцессов скрывался социальный прогресс, борьба с колониальным режимом. Я бы не хотел, чтобы борьба с международным терроризмом исказила отношение к антиглобализму как к исторически закономерному процессу.

— *Филипп Денисович, планируете ли вы побывать в Кузбассе?*

— Прошу через вашу газету передать всем землякам мои сердечные поздравления с наступающими праздниками. С Кузбассом связано начало моей трудовой биографии, отсюда я ушел добровольцем на фронт. В будущем году исполнится 60 лет со дня формирования сибирских добровольческих частей. Надеюсь, что в Кузбассе, как и в других регионах Сибири, достойно отметят славный юбилей. Если позволит здоровье, то буду рад встретиться с однополчанами, ветеранами Великой Отечественной войны, всеми жителями области.

Глобализм, госбезопасность и национальная идея

Следующей задачей для Путина после укрепления государственности может стать утверждение социальной справедливости.

— Филипп Денисович, что, на ваш взгляд, сегодня происходит с Россией?

— Сегодня Россия снова живет в условиях, наглядного стремления внешних сил осуществлять принцип «Разделяй и властвуй». Дело в том, что на страну оказывается давление как со стороны Америки и стран Западной Европы, так и со стороны подстрекаемых ими государств мусульманского мира.

Если оглянуться в историю, начиная от татаро-монголов, литовцев, литовцев, шведов, Наполеона, Гитлера, — все хотели оторвать у России часть земли и населения. Изменились времена, но не желания. По окончании Второй мировой войны наши бывшие союзники объединились против СССР. Уинстон Черчилль тогда бросил призыв «сплотить англосаксов», и Англия с Америкой всерьез готовились к уничтожению Советского Союза. От военного вторжения их сдержало создание Советским Союзом своего ядерного оружия.

— Но ведь вчерашние противники снова стали нашими союзниками...

— Обольщаться не следует. Несмотря на происшедшие в мире изменения, Америка не отказалась от курса внешней политики, принятого еще в начале 80-х годов. Концепция этой политики была разработана госсекретарем США Генри Киссинджером и советником президента по национальной безопасности Збигневом Бжезинским. Они же и сегодня консультируют нынешнего президента Джорджа Буша-младшего. Они считают, что только Америка должна быть сверхдержавой, которая диктует всему миру свои условия. Это, к сожалению, уже случилось. Но еще поправимо.

— Как поправимо? Советского Союза нет, КГБ же не смог остановить его развал?

— Политика, проводимая новым российским президентом Владимиром Путиным, на мой взгляд, как раз и ведет к стабилизации в обществе. А стабильность — необходимое и основное условие для развития государства и укрепления его международного авторитета.

Причины развала Советского Союза имеют глубокие корни, и дело вовсе не в КГБ. К тому же КГБ не был таким всемогущим, каким его представляли тогда диссиденты, а сегодня журналисты. Информация о том, что в стране происходят серьезные негативные процессы в идеологии, экономике, внутренней региональной политике доводилась до руководства страны не только по линии КГБ. Но только ЦК КПСС определял, что необходимо делать. Чтобы принимать решения, любая информация требует дополнительного изучения и анализа. На их основании делаются выводы и принимается единственно правильное решение для прогрессивного развития страны. А реакция руководства страны в то время сводилась к замалчиванию поступающей информации о негативных процессах, как будто бы их не существует. Но все эти требующие реагирования явления складывались не в одночасье, а явились следствием сложной истории советского периода. Уже послевоенное восстановление экономики давало стране возможность, в частности, перехода к рынку, к повышению роли закона стоимости в экономических отношениях. Однако высшее руководство в то время находилось в состоянии эйфории от победы над фашизмом.

Но пока праздновали Победу, внешний мир менялся. Вместе с изменениями мира в Советском Союзе должна была развиваться коммунистическая идеология. А руководство государства превратило ее в догму, следуя постулатам начала XX века. Это одна из причин проигрыша «холодной войны». Думаю, что большевистская идеология могла бы победить, если бы не превратилась в застывший монолит. Кстати, капиталистические страны почерпнули из нее многое и успешно используют поныне. Их многому научила Октябрьская революция.

— *Например...*

— Плановое хозяйство, контроль над развитием промышленности и, что самое главное из нашей ушедшей практики, государственные социальные гарантии. Посмотрите, как живут на Западе рабочие и пенсионеры. А ведь так же должно было быть и у нас.

Капиталисты быстро сообразили, что с бедными надо делиться. В противном случае социальный взрыв неизбежен. А революция — это кровь, разруха и убытки. Обеспечивать бедным и безработным минимальный прожиточный минимум экономически более выгодно, чем восстанавливать промышленность, разрушенную во время массовых волнений.

— *Если посмотреть на число нищих на улицах, получается, что наши олигархи и промышленные генералы этого не понимают...*

— Не только этого. На мой взгляд, перехода от социализма к строительству капитализма в России никто не подготовил. А по-сему произошел просто обвал. Красивая жизнь, которая виделась в американских и других западных фильмах, оказалась парадным фасадом. Обратная сторона стала видна только сейчас. Если во времена Советского Союза говорилось об империализме, как высшей стадии капитализма, то сегодня речь идет, вероятно, о глобальном капитализме, в который сваливается мир. Это означает, что практически всеми ресурсами, средствами производства и финансами владеет еще меньшая часть населения планеты, чем это было во времена СССР.

— *В нашем журнале публиковались выдержки из вашей с коллегами (Е.Ф. Иванов, А.Л. Свечников, С.П. Чаплинский) книги на тему о глобальном капитализме. Вы продолжаете эту работу?*

— Да. Тема эта интересует многих, что естественно. Общество хочет не только видеть, но и понимать и объяснять происходящее. Не претендуя на оригинальность, нам показалось, что и наш взгляд на современный мир можно высказать. Взгляд основан на учении Маркса об общественном устройстве, о фазах развития общественно-экономического строя. Мы убеждены, что инструмент Маркса годен и сегодня. Тем более что основоположник призывал им пользоваться, не обращая его теоретические выводы в застывшие постулаты, в догму. Это подвигло нас к рассмотрению современного глобального капитализма как очередной стадии роста современного исторического развития капиталистического общества. Очевидно, что развитие капитализма не могло остановиться на империализме. Пусть даже это — его высшая стадия. После ухода из Европы социалистической системы глобальный капитализм со всеми его прелестями и пороками предстал воочию и наедине перед современным обществом. И не случайно в последнее десятилетие двадцатого века и начале двадцать первого появилась масса лите-

ратуры на тему глобализма, антиглобализма, глобального капитализма и вообще глобализации. Разнообразно и раскрытие понятий самих этих терминов, их сути. Исследователи и популяризаторы вновь заговорили о классах. О среднем, во всяком случае. О противоречиях в современном мире. И это также вело нас к Марксу. Сегодня этот подход, по нашему мнению, подтверждается практикой социалистического строительства в Китайской Народной Республике. Последние решения съезда Компартии Китая напомнили слова В.И. Ленина о том, что государственный капитализм при народной власти есть две трети социализма.

— *Филипп Денисович, а что, на ваш взгляд, происходит сейчас в России в сфере идеологии?*

— На мой взгляд, сегодня в стране существует некий идеологический вакуум. Коммунистическую идею начисто отвергли, а взамен ничего не предложили. Но ведь «не хлебом единым жив человек», и на смену коммунистическим идеалам хлынул идеологический мусор. От криминальной идеологии до учений тоталитарных сект.

Помню, как в 70-х годах фигурировал в пропаганде пример того, что у одного из наших ближайших соседей — Финляндии — в репертуаре кино до 25% составляла продукция Голливуда. Он иллюстрировал навязывание финнам идеологии американского образа жизни. Американские фильмы и тогда пропагандировали насилие, наркоманию, сексуальную распущенность, порнографию, цинизм, эгоизм и индивидуализм. И направлена эта продукция на подрыв нравственных ценностей, разложение общества. Сегодня из показываемых в России фильмов низкопробные американские составляют 90—95 %.

— *Кто должен следить за этим? ФСБ?*

— В задачи ФСБ это не входит, а со своими задачами она справляется неплохо. Подавление акции террора в Москве — яркий пример тому. Это — великий подвиг. Подлинный героизм, которым можно только гордиться.

— *Так кто же должен заниматься национальной идеей?*

— Этим должно заниматься общество и государство. Нельзя такой важнейший сектор внутренней политики как идеология и пропаганда отдавать на откуп СМИ, принадлежащих частному капиталу. И уверен, что к этому придем. Могу добавить, что идеологию обществу, по существу, никто предлагать не может. Она вырабатывается самостоятельно в процессе жизни и развития общества и государства. Не берусь прогнозировать, когда это случится, но отмечу, что

в отличие от первого российского президента Бориса Ельцина, который раздавал всем субъектам федерации «столько суверенитета, сколько им нужно», Владимир Путин твердо настроен не допустить распада Российской Федерации. Чечня тому примером, и эта задача приоритетная. Когда она будет решена, можно будет переходить к следующим. Сохранение государства, его территориальной целостности — одна из составных воспитания идеологии патриотизма. Следующей может стать утверждение социальной справедливости. Так и будет складываться то, что именуется государственной идеей, сплачивающей общественные силы и вселяющей веру в людей.

— Можете ли вы объяснить причину негативного отношения населения к спецслужбам и силовым структурам?

— Не думаю, что вопрос относится к ФСБ. К ним негативно относятся те, кто ведет деятельность против государства. Что касается взаимоотношений населения с другими правоохранительными органами, то я не возьмусь давать комментарии. Могу просто отметить, что силовые структуры — это тоже часть общества. В них отражаются все процессы, идущие в обществе, но с учетом специфики выполняемых задач.

— Как можно исправить положение?

— Только государственной политикой. Именно государственной, иначе не будет единства на всей территории страны.

Даже в области образования сегодня не существует единой программы. Взять хотя бы историю. На территории России обучение детей истории до прошлого года велось по 38-ми учебникам, содержание которых сильно различается. Не лучшее положение и в литературе — 42 различных учебника. В некоторых регионах в программу русской литературы включены произведения предателя Родины Резуна, известного как Виктор Суворов, а Твардовский, например, исключен. Случилось так, что контроль над единством учебных программ по всей стране был утрачен.

Добавлю, что тому поколению, которое за эти годы превратилось из подростков в молодых людей и выросших в условиях такого хаоса нелегко придется. Хорошо, что сегодня государство принимает меры по наведению порядка в школьном образовании. И это тоже есть путь к утверждению государственной идеологии, к возрождению идеи общенациональной.

Примечание. Напечатано в журнале «Российский кто есть кто» № 1.2001 год.

Как противостоять?

Вступительная глава книги

«Современный глобальный капитализм»

Тема глобализма, глобализации не сходит со страниц периодической печати, постоянно звучит в телевизионных и радиорепортажах, ею переполнен Интернет. Интерес объясним и усиливается благодаря нарастанию протестного движения, получившего обобщенное название «антиглобализм».

Но не только в этом дело. Суть в том, что идет поиск ответов на вопрос: «В каком мире мы живем?» История распорядилась так, что в результате совокупного влияния сразу нескольких важнейших факторов человечество вступило в переходный, переломный период развития. И поэтому понятно стремление найти объяснение новым общественно-экономическим процессам, понять структуру современного общежития человека на планете Земля.

Вполне естественно, что сегодняшние наследники прошлых исторических и философских школ базируются в своих исследованиях на трудах предшественников, анализировавших древние века, времена рабовладения, феодализма и то, что происходило на заре развивавшегося и зрелого капитализма. Понимание сути и динамики исторического развития общества дают многие источники. Не отвергая их, нельзя для познания современного мира не прибегнуть прежде всего к Марксу. Это обстоятельство приходится подчеркивать особо, потому что на волне радикализма инструменты познания, которыми пользовался Карл Маркс, были несправедливо отброшены, что заметно обедняет возможности анализа нашей переходной эпохи.

Видимо, сразу надо сказать и о том, что книга «Современный глобальный капитализм» ни в коей мере не претендует на всеобъемлющее раскрытие темы, да, откровенно говоря, пока эта задача и не поддается решению в принципе. В ней излагается лишь точка зрения — наряду с авторами многочисленных публикаций, с мнением которых нельзя не считаться. Названные авторы книги не вступают в дискуссии и даже не комментируют привлекаемые ис-

точники, — исходя из того, что все исследователи проблем глобализма сейчас находятся в стадии поиска приемлемых ответов на вызов эпохи.

Но что же все-таки стоит в центре внимания авторов этой книги?

Рассматривая современный мир, нельзя не вернуться к тому, что его развитие, как и в предыдущую эпоху, в значительной мере определяется классовой структурой общества, взаимоотношением классов. Совокупность классов и составляет человеческое общество, определяет расстановку, взаимодействие или противодействие общественных сил, а в конечном счете — прогресс или регресс в развитии человечества. Эта совокупность классов есть составляющая часть «живого вещества», — если следовать теории В.И. Вернадского. Ее существование предполагает эволюцию классов. Как всему «живому», классам не присуща застывшая форма, постоянно видоизменяется и их внутреннее содержание.

Классовую структуру общества сегодня не игнорируют даже те, кого, казалось бы, еще совсем недавно приводило в ужас само упоминание слова «класс». Ведь именно они озаботились или, во всяком случае, стали говорить о необходимости помочь становлению и укреплению среднего класса в России.

Классовая структура общества требует особого рассмотрения. Есть много интересных публикаций на эту тему, раскрывающих не только понятие «класса» в современном обществе, но также наполняющих его конкретным содержанием. Сегодня становится все очевиднее, что классовое общество не исчезло, оно продолжает существовать, и противоречия между классами по-прежнему в значительной мере определяют как нынешнее состояние человечества, так и его будущее. Классовая борьба продолжается, хотя и не проявляется в революционных выбросах. Но это — не потухший вулкан. Ему не дает остыть основное противоречие современной эпохи: богатство и нищета. Оно же предопределяет расстановку, да и само формирование классов.

Упомянутый средний класс (служащие банковско-финансовой и страховой сфер, торговли, люди свободных профессий, работники шоу-индустрии, индустрии СМИ и т.д.) наиболее подвижен. Некоторые его представители изредка попадают в высший класс. Эти немногочисленные случаи воодушевляют массу обреченных, вечно борющихся за сохранение своего положения, опасющихся дефолтов и иных ударов судьбы, зачастую бросающих их из сред-

него класса в низший, откуда подняться снова практически невозможно.

В условиях раннего капитализма низшими классами были классы пролетариев и крестьянства. Принадлежность к ним определялась участием в производственном процессе и отношением к средствам производства. Потому и основное общественное противоречие в те времена заключалось в противоречии между трудом и капиталом. То была эпоха, когда труд мог претендовать на уважение к себе, продукт труда рождал капитал. Выражаясь в товаре, он получал зримую овеществленность на рынке. Но ныне труд потерял свое физическое видение. Основное богатство обеспечивается невидимыми новыми технологиями, а виртуальный продукт, производимый в сфере информационных систем, реален только в своем конечном итоге — в банковском счете. Труд, даже квалифицированный, потерял прежний облик, он уже не рождает рыночный продукт непосредственно, а как бы обслуживает создание неосязаемого дорогостоящего товара.

Отсюда — резкое понижение относительной величины оплаты труда, даже квалифицированного, а значит, и социального статуса работающего. На смену рабочей аристократии, рабочему-мастеровому, способному производить все — от детских игрушек до гигантских машин, — пришел технологический работник, рабочий-интеллектуал. Он поднялся в высший экономический класс (его заслуженно именуют даже интеллектуальным классом). Там он занимает место рядом с владельцами производств, крупными собственниками земли, транспортных средств, магнатами информационного бизнеса. Этот класс не подвержен опасностям, подстерегающим средний класс. Он застрахован от потрясений накопленным или захваченным богатством, позволяющим при любых потрясениях не пасть в прорву бедности.

Из своей среды он растит олигархов, от которых в условиях сложившегося сегодня человеческого общежития зависит главное — кому жить, кому прозябать, а кому предречена гибель. Они — хозяева жизни, а средний класс — своего рода социальный буфер. Его роль двояка. С одной стороны, он сдерживает напор голодного низшего класса. Масса, удовлетворенная своим средним положением, является тем большинством, которое обеспечивает формирование необходимых властных структур, создает видимость стабильности в обществе. С другой стороны, в пиковые пе-

риоды межформационных экономических сдвигов именно представители этого класса составляют основу и стоят во главе протестного движения. Характерно это и для нынешнего антиглобалистского движения.

В свое время в обиходе широко бытовал термин «люмпен-пролетариат». В сегодняшнем понимании это, видимо, деклассированная часть общества — «бомжи», наркоманы, беспризорники, попрошайки. Но как охарактеризовать потерявших работу рабочих, инженеров, учителей, которые в новых экономических условиях не смогли вовремя переквалифицироваться и вынужденно идут на социальное дно, опускаться за черту бедности? Лозунгом объединения пролетариев их не соберешь. А время создания интернационала нищих не наступило и вряд ли наступит.

И все-таки понятие класса ныне не может определяться иерархической лестницей — низший, средний, высший. Хотя так удобнее скрывать противоречия глобального капитализма. Мировая общественно-экономическая формация (способ производства), вырастающая и формирующаяся из симбиоза государственно-монополистического капитализма и социализма на базе перманентной и постоянно ускоряющейся научно-технической революции (она-то и называется глобальным капитализмом), наполняет новым содержанием такие социальные, экономические и философские понятия, как «класс» и «собственник». Например, превращение сельского хозяйства в научно-индустриальную отрасль и сращивание его с переработкой, с пищевой промышленностью по существу в единое производство, фактически ликвидирует так называемый «класс крестьян». То же можно сказать и о «классе рабочих», который исчезает вслед за «пролетариатом» в связи с изменением самого понятия «промышленность». Ведь сегодня «промышленности» в том виде, в каком она существовала с XIX и до середины XX века в странах, олицетворяющих «глобальный капитализм» в начале XXI века, практически нет.

Сложнее с понятием «собственника». Появление в связи с глобализацией мировой экономики категории финансово-банковских олигархов, наемных капиталистов (менеджеров), технологических работников (по-старому рабочих и инженерно-технический персонал), получающих дивиденды от владения акциями, по существу не принадлежащего им производства, приводит к трансформации понятий «личная» и «частная» собственность. По сути, технологический ра-

ботник в зависимости от своего дохода (зарплата плюс дивиденды) превращается в мелкого, среднего и даже крупного наемного буржуа, но не собственника. Следовательно, речь идет о новом социальном делении глобализированного общества на три категории: финансово-банковские олигархи (собственники), наемные буржуа плюс так называемый средний класс, а также неуспевающий адаптироваться к революционным научно-техническим преобразованиям люмпен.

Вопрос о собственности, классах и классовой борьбе на стадии глобального капитализма — это предмет специального исследования. Здесь упоминается о нем лишь в связи с определением основного противоречия современной эпохи — противоречия между богатством и нищетой.

Именно в попытке раскрытия этого противоречия суть первой главы «Глобальный капитализм, как стадия развития капитализма». Авторы решились на определение самого понятия таких терминов, как глобализация, глобализм, глобальный капитализм. Они исходят из того, что поиск определения этих понятий, а он заметен во многих современных публикациях, очень важен для объяснения происходящего в мире, для понимания объективного процесса развития человеческого общества.

XXI век не обещает дать передышку стремительной гонки событий. Но они будут развиваться не по инерции XX века, который вместил в себя столько перемен, что воочию продемонстрировал ускоряющийся ход исторического времени. Две мировые войны, череда образований и распадов государств, несколько переделов мира — это только наиболее заметные вехи XX века, а сколько было природных катастроф, эпидемий, вооруженных конфликтов и других испытаний человечества на прочность? Однако если внимательно присмотреться к течению общественных событий прошлого века, то обнаружится, что в основе многих из его глобальных подвижек находится фундаментальное основание — стремление человечества отыскать новые формы общежития, позволяющие утвердить справедливость и равенство в народном, обиходном значении этих понятий. Кто-то возразит, что эта цель по своей природе утопична и для ее реализации на земле нет условий. Спорить на эту тему не имеет смысла. Но зато бесспорно другое: социальный поиск XX века этой цели если и не достиг, то со всей очевидностью показал, что вера в ее достижение сама по себе является могучей силой, изменяющей мир.

Наиболее существенным подтверждением сказанного является революция, произошедшая в России в октябре 1917 года. На одной шестой части суши удалось построить новое государство — Союз Советских Социалистических Республик, где воплотились в реальности полная занятость населения, бесплатное медицинское обеспечение, бесплатное образование всех видов, высокий уровень личной безопасности граждан. В памяти человечества навсегда останется подвиг советских людей, освободивших мир от фашистской угрозы.

Но история распорядилась по-своему, и СССР ушел в прошлое. Объективно оценить значение этого события для развития цивилизации способны только наши потомки, свободные от идеологических борений текущего времени. Сегодня можно лишь констатировать, что резкое сужение сферы влияния социализма позволило более четко увидеть пришествие новой стадии общественно-экономического развития человечества — эпохи глобального капитализма.

Однако стремление к справедливости, свободе и равенству продолжает не только волновать человеческую мысль и диктует поиск и таких форм и норм общественной жизни, которые позволили бы на практике утвердить эти высокие стремления. Сказанное относится и к проблеме глобализации.

Глобальный капитализм, несмотря на кажущуюся молодость, является достаточно сформировавшимся и чрезвычайно сложным явлением. Последнее обстоятельство существенно затрудняет попытки его целостного изучения и заставляет до поры сосредоточиться на рассмотрении частных вопросов, составляющих его плоть.

На страницах книги помимо изложения понимания противоречия глобального капитализма, рассмотрены причины лидерства США в современном мире. Этому посвящена специальная глава.

Вторая глава книги «Некоторые характерные черты общества глобального капитализма» не требует комментариев. Сказанное в ней можно принимать или отвергать.

Но рассмотрение начального этапа глобального капитализма будет неполным, если оставить в стороне вопрос об антиглобализме — явлении, вызывающем большой общественный интерес, что отчетливо проявляется в научной литературе. Поэтому в данной книге представлен обзор протестного потенциала антиглобализма, показано отношение к проблеме антиглобализма со стороны различных общественно-политических сил, выявлены особенности проявления антиглобалистских тенденций в разных странах. Этому посвящена специальная глава книги.

Естественно, встает вопрос о месте России в мире в условиях глобального капитализма. Вопрос непростой, если иметь в виду, что на протяжении многих веков (независимо от политических условий в России и мире) Россия постоянно являлась объектом экспансионистских устремлений Запада. Стремление покорить Россию во второй половине XX века воплотилось в нашествие фашистских орд на Советский Союз под флагом борьбы с коммунизмом.

После победы над фашистской Германией новый поход, — и снова под флагом антикоммунизма, — затеял Уинстон Черчилль, замысел которого воплотился в «холодной войне» против Советского Союза.

На сей раз разрушители Российской империи достигли цели. Не станем говорить о причинах и виновниках распада Советского Союза, но следует подчеркнуть, что он сохранил границы Российской империи и упрочил мировые положения страны как великой державы.

К сожалению, ныне Россия живет в иных границах, но желание расчленив нашу страну вплоть до лишения ее государственности у иных ретивых политиков Запада не остыло.

Этого нельзя не видеть, и таким намерениям и действиям по их осуществлению необходимо противостоять.

Отсюда возникает тема внешней политики российского руководства. Первый вопрос: «Как противостоять?»

Ответ может быть один. Противостоять так, чтобы сохранить нынешнюю Россию, не дать никаким силам расчленив ее.

При этом необходимо считаться с реальностями современного мира, с необходимостью сосуществования пока еще ослабленной России с нарастающей мощью глобального капитализма.

Политики российского руководства последних лет, после избрания на пост президента В.В. Путина, ставят перед собой именно эту первоочередную задачу. Сохранение территориальной целостности России — залог ее дальнейшего не только существования, но и успешного развития. Даже поэтому такая политика заслуживает, не говоря уже, что требует, поддержки всех политических сил, каждая из которых заявляет о своей державности, государственности, заботе о процветании государства Российского.

Надеемся, что и данная книга послужит этой цели.

Примечание. Авторы книги: Ф.Д. Бобков, Е.Ф. Иванов, А.Л. Свечников, С.П. Чаплинский. Издана издательством «Олма-Пресс». 2003 год.

Возникло желание сказать еще несколько слов на поднятую в книге тему.

Современный глобальный капитализм, как и все предыдущие общественные формации, утверждает себя подавлением революционных начал. На своей заре капитализм, дозревший до своей высшей стадии империализма, боролся с силами, выступавшими под лозунгами «Свобода, равенство и братство». На его высшей стадии борьба эта вылилась в борьбу двух систем. Социалистическая революция в России, поддержанная мировым пролетариатом, привела к сплочению стран в социалистическое содружество, развитие которых открыло дорогу к новой мировой общественной формации. Социалистическая общественная система росла и развивалась наряду с перерастанием империализма в очередную фазу.

Противостояние процессу социализма, в свою очередь, спланивало капиталистический мир и вело к глобальному капитализму. Созревание последнего способствовало тому, что промышленный капитал, не сойдя со сцены, уступил власть капиталу финансовому. По сути, глобальный капитализм есть капитализм финансовых олигархов... Их путь к мировому господству по существу возрождает мировую колониальную систему, а следовательно, усиливает противоречие не между трудом и капиталом (как при рождении капитализма), а между нищетой и богатством.

На память приходит то, что мировую колониальную систему промышленного капитализма сломало появление на мировой сцене социалистического пути развития человечества. Под его влиянием поднялось и развилось национально-освободительное движение, приведшее к окончательному краху колониальной системы во главе с ведущими капиталистическими державами мира.

Может быть, социализм, выйдя вновь на мировую сцену, станет основной силой борьбы с овладением миром финансовой олигархией. Ведь нежелающих нищенской кабалы в мире немало. И поиск путей решения противоречия между нищетой и богатством сегодня важнейший. Его нельзя решить революционным взрывом, который в нынешних условиях может привести к конфликту с использованием ядерного оружия. Но нельзя решить и ожесточением финансовой кабалы.

Тяжелые мысли, и нелегко поиск решения. Но искать необходимо. Не ждать же второго мирового потопа. А возможность его осуществима. Ядерные потенциалы, скрытые от МАГАТЭ, существуют и будут безусловно возникать. Нищим же терять нечего.

Мы знали: будет праздник и на нашей улице

День 22 июня 1941 года для моего поколения был неожиданным, но ожидаемым. Мы с детства знали, что будем воевать, и воевать именно с Германией. С фашизмом. Мы не знали точной даты, но знали, что война вот-вот наступит.

Первый день войны запомнился не только лицами людей, которые у репродуктора слушали выступление Вячеслава Михайловича Молотова.

В то воскресенье у нас, в Макеевке, выступал Малый театр. Шла «Васса Железнова». Перед началом спектакля на сцену вышла Вера Пашенная. Она говорила о Родине. Я вспомнил гордую фигуру актрисы, когда увидел плакат художника Тоидзе «Родина-мать зовет!».

Война в Донбасс пришла очень быстро. Первые проводы на фронт, первые «похоронки», беженцы. Оккупация. 21 октября отец и я расстались с родными и близкими (со многими навсегда) и ушли на восток. Через пять дней перешли линию фронта.

Не стану описывать путь по районам, уже занятыми немцами. Но вот стоим на переднем крае нашей обороны и отвечаем на вопросы старшего лейтенанта Жука. Он спрашивает, что мы видели и что слышали о немцах. И в это время в село, которое мы покинули час назад, входит колонна немецких танков. Мы — на левом, высоком берегу реки Крынки, а село внизу на правом.

Долгая и нелегкая дорога привела нас в город Ленинск-Кузнецкий. Так Кузбасс стал вторым после Донбасса родным краем. Отсюда в сорок втором мы с отцом добровольцами ушли на фронт. Было мне 17 лет. Именовалась наша часть «150-я Сталинская стрелковая дивизия добровольцев-сибиряков». В 1943 году она стала 22-й гвардейской Сталинской стрелковой дивизией, а знамя 150-й передали вновь формируемой части. И ему суждено было стать Знаменем Победы, водруженным над рейхстагом.

Первый бой, пожалуй, самый легкий, так как до него еще не видел, как гибнут люди, не слышал криков раненых, не верил в то, что ценой боя может стать и твоя жизнь. Ощущение опасности приходит потом. В атаке главное — не лечь. Встать потом очень

трудно. Еще — не попасть в укрытие, в окоп. Чтобы покинуть его, требуется неимоверное нервное напряжение. Когда в разгар атаки попадаешь в отбитую у немцев траншею первой линии обороны, кажется, что все решено, но надо вылезать и идти дальше... Страх? Да, но в бою он подавляется волей. После боя нередко вздрагиваешь от воспоминаний о пережитом.

Самым тяжелым из пережитого на войне было смертельное ранение отца на моих глазах. Воевали мы в одном полку.

В тот июльский день 1944 года немецкий самолет налетел на колонну полка. Я находился метрах в ста пятидесяти от того места, куда упала бомба, и, когда рассеялся дым, отсвистели осколки, побежал к воронке. Отец лежал в кювете с огромной раной в бедре. Ночью он скончался от гангрены.

Война в живых из нашей семьи оставила одного меня.

В апреле 1943 года Сибирский добровольческий корпус, в который входила и моя дивизия, был снят с фронта и передислоцирован в район Гжатска. Здесь нас пополнили сибиряки-добровольцы, мы получились и в августе заняли свое место на передовых позициях. Нам предстояло идти на прорыв глубоко эшелонированной немецкой обороны в районе Спас-Деменска.

Гнездиловские высоты, и среди них высота 233,3 (ныне — Комсомольская) — одна из самых памятных для сибиряков-добровольцев.

Немцы создали там мощную оборонительную систему. По гребню Гнездиловских высот проходил противотанковый ров шириной в двенадцать и глубиной в семь метров. За ним тянулась линия дзотов и дотов, а в глубине — артиллерийские и минометные позиции. У подножия высоты, впереди рва, шли три линии траншей. Перед каждой из них — проволочные заграждения и тщательно замаскированные минные поля. Вся местность простреливалась снайперами.

Все это входило в систему оборонительного рубежа, прорыв которого открывал советским войскам дорогу на Смоленск, Минск, давал выход к Польше.

Пять дней полк вел бой, не имея передышки. В атаку ходили неслучайное число раз, а между ними — контратаки противника, артиллерийские налеты, минометный огонь.

И все-таки прорвали. 12 августа вышли на оперативный простор. На высоте той — братская могила, памятник-мемориал. 1152 человека павших.

Спустя два месяца бои под Ленино в Могилевской области. 12 октября на фронт пришла 1-я польская дивизия Тадеуша Кос-тюшко.

Она вошла в боевые порядки дивизии, и наш батальон оказался ее правым соседом. Немцы подготовились к встрече поляков, сосредоточив на узком фронте большие силы авиации. С рассвета до глубоких сумерек над позициями польской дивизии, а значит, и над нами, соседями, висели вражеские бомбардировщики. Такого количества самолетов в воздухе одновременно мне не приходилось видеть ни до, ни после. Несмотря на активность нашей авиации (в воздухе шли жаркие воздушные бои), бомбы все-таки достигали наземных целей.

В батальоне в этот день уцелели 18 человек из 123 и батарея 45-миллиметровых орудий.

Так мы стали участниками боевого крещения польской дивизии под будущим мемориальным местечком Ленино. Его и ныне чтут воины, не щадившие жизни ради освобождения Польши от фашистского гнета.

Хочется описать и такой редкий эпизод. В марте 1943 года дивизия после зимних боев оказалась в обороне в болотах севернее Верхних Лук. В один из дней в полк подошло пополнение. Новобранцы сгрудились вокруг бывшего солдата и с интересом слушали его рассказ о возможностях противотанкового ружья. Само ружье, закрепленное на колесе крестьянской телеги, было водружено на высокий пенек. На колесе ружье можно было вращать по оси. И назначение его стало — бить по воздушным целям. О такой задаче ружья и рассказывал новобранцам его владелец.

В это время в небе появился немецкий самолет-разведчик. «Рама» изводила нас каждый день, непрерывно кружа над головами. Ее противный монотонный гул стоял в ушах.

Стреляли по ней из всякого оружия, но безуспешно.

На сей раз сержант Жарков (это он представлял новым солдатам ружье на колесе) сказал: «Теперь проверим мою зенитку». И, приложившись к ружью, сделал два выстрела по самолету. «Рама» потеряла равновесие, а затем штопором пошла вниз, оставляя за собой след дыма.

Медаль «За отвагу» сержанту вручили, по-моему, еще до того, как самолет упал на землю.

И такое бывало во фронтовой жизни.

Не знаю, прав ли, но не стану писать о своем личном участии в боях. Воевал в пехоте рядовым, командиром отделения, взвода, комсоргом батальона, полковым разведчиком. Итог войны для меня: боевые награды (две медали «За отвагу» и орден Славы III степени), два ранения и тридцать два осколка в теле на всю жизнь. 3 июля 1945 года 19-летним старшиной покинул родную часть.

А теперь то, о чем хочется сказать особо, размышляя о прошлой войне.

Первое. Пакт Молотова — Риббентропа. Какие бы оценки ему ни давались в последние годы, пакт сыграл, безусловно, положительную роль, как и в целом советско-германский договор 1939 года. Они защищали интересы страны. Их подписание позволило отдалить начало войны, отодвинуть западные границы, что сыграло свою роль в 1941 году. Немецкая военная машина начала бросок все-таки с рубежей отдаленных от жизненно важных центров СССР. Может, именно это позволило отстоять Москву, выиграть время.

Второе. Заявление ТАСС 14 июня 1941 года, в котором отрицалось передвижение советских войск к советско-германской границе. Говорят, что оно вводило в заблуждение население, дезориентировало военных накануне войны. Не знаю, кого ввели в заблуждение, кто отнесся к нему иначе, нежели как к акту дезинформации будущего противника, готовившего агрессию.

Третье. Об агрессоре. Трудно объяснить попытки обвинить Советский Союз в подготовке агрессии против Германии. Пишут о каких-то анонимных записках, обнаруженных в Генштабе Советской армии. В них излагаются замыслы превентивного удара по изготовившимся к нападению на СССР германским войскам. Это якобы вынудило Германию опередить события.

При этом опровергаются и не берутся в расчет немецкие документы, свидетельствующие о многолетней подготовке к войне против СССР.

Можно представить, что писалось бы сегодня, если бы советское руководство не проявило выдержки и отдало бы приказ о нанесении первыми удара по Германии.

Угнетает стремление опорочить подвиг народа в Великой Отечественной войне, исказить суть событий, подтасовать, извратить факты. Фальсификаторам открывают дорогу к распространению лжи. В списках литературы, рекомендуемой школьникам, появи-

лась, например, писанина Суворова (Резуна). Кто-то ведь, зная цену этим фальшивкам, сознательно навязывает их нашему обществу.

Два слова о делах сегодняшних. 55-летие Победы отмечается, когда идет война в Чечне. Война как бы локальная, что далеко не так. В Чечне мы сражаемся против агрессора, который добивается разрушения территориальной целостности России. Против Российской армии воюют наемники агрессора, в числе которых и чеченские боевики. Агрессор снабжает их оружием, деньгами, кормит, поит и лечит, оказывает политическую поддержку.

Уверен, наши воины вправе считать себя продолжателями боевой славы своих отцов и дедов, солдат Великой Отечественной.

Я уже сказал, что день 22 июня 1941 года был для нас ожидаемым. Таким был и день 9 мая 1945-го. Мы не знали, когда именно придет Победа, но верили в то, что она придет. Обязательно.

Примечание. Статья напечатана в газете «Трибуна» 4 мая 2000 года. Написанное в ней оказалось значимым и в 2005 году, в дни 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Автор (как и многие другие) противостоит тем, кто умаляет, если не низвергает роль нашей Победы в судьбах народов Европы и дискредитирует политику руководителей Страны Советов в предвоенные годы.

Из статьи «Уверенность в победе, решимость в бою»

Оглядываясь на прошлое, нередко задумываешься над тем, что оказалось значимым в жизни, какие вехи оставили в ней неизгладимый след. И не только оставили, но определили ее путь, а точнее, судьбу задумавшегося.

Такой вехой для меня стал Кузбасс. И не только для меня, не родившегося на его земле, но получившего от него путевку в трудовую жизнь. Говорю это от имени многих выходцев из Донбасса, которых занесло в Кузбасс, тогда в Новосибирскую область, лихолетье войны.

Немецкая оккупация выбросила из Донбасса сотни тысяч людей, нашедших защиту и кров в близких по духу местах. Их приняли прежде всего шахтеры и металлурги Урала, Сибири и Казахстана. Только на территории будущей Кемеровской области разместилось тринадцать заводов, эвакуированных из Сталинской (ныне Донецкой) области. Среди них Новомакеевский и Мариупольский коксохимические, Славянский машиностроительный, завод № 64 из Горловки, Рудоремонтный из Рутченково. Кроме того, котел и турбогенератор Зуевской ГРЭС, оборудование ряда коксохимических заводов. Донбассовцы быстро включились в производственный ритм Кузбасса, влились в его трудовую семью. Их опыт и знания оказались далеко не лишними в нелегкие годы Великой Отечественной, требовавшей неимоверного подъема производства, увеличения его мощностей, доведения их до максимума, способного компенсировать потери, вызванные оккупацией промышленных районов Украины и европейской части РСФСР.

И компенсировали. «В результате военных потерь, — писал в своей книге об экономике СССР в годы войны Н.А. Вознесенский, — а также эвакуации сотен предприятий валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года уменьшилась в 2,1 раза.

Но уже в первой половине 1942 года не только восстановлены потерянные мощности, но и значительно перекрыты. Начиная с декабря 1941 года падение промышленного производства пре-

кратилось, а с марта 1942 года вновь быстро пошло вверх, причем выпуск военной продукции с марта 1942 года только в восточных районах страны достиг уровня производства, который имел место в начале Отечественной войны на всей территории СССР.

Это особые и славные страницы советской истории, великого подвига трудовых коллективов, ковавших победу, наряду с воинами-фронтовиками.

Именно поэтому передовые бригады металлургов, коксохимиков и шахтеров боролись за честь именоваться гвардейскими. Прибывших из Донбасса, Кузбасс встретил радушно и гостеприимно. Среди них был и мой отец, Бобков Денис Никодимович, получивший назначение Наркомугля в Перми на строительство заводов № 1—2 подземной газификации углей в город Ленинск-Кузнецкий. Здесь же и я в декабре 1941 года начал свою трудовую жизнь.

На будущую продукцию завода возлагались большие надежды: получение из переработанного угля всего набора нефтепродуктов. Этого требовало падение объема добычи нефти вследствие нашего оккупантов. Заводы строились вплотную к территории шахт «Журинка-3» и «Полысаевская». Из угля предполагалось получать прежде всего бензин.

Нетрудно представить, сколь важны были темпы строительства ввиду потребностей в продукции завода. Строительство велось в крайне напряженном режиме, но коллектив сложился дружный, отвечавший требованиям времени. Инженерную основу его составляли эвакуированные сотрудники треста «Донюжгаз».

Происходило это в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны. Наши войска с трудом выдерживали натиск немцев, а на юге вынуждены были отступать вплоть до предгорий Кавказа и до Волги. Впереди — Сталинградская битва. Но никто ни на минуту не допускал мысли о том, что победа будет не за нами. Все были устремлены в будущее. И это определяло отношение к труду, спланивало коллектив и воодушевляло его, рождало трудовой энтузиазм.

Собственно, без веры в победу, в будущее вряд ли можно было строить завод. Строительство само по себе — фундамент будущего. А будущего не могло быть без победы.

В связи с этим такой небольшой эпизод из жизни. В один из дней весной 1942 года город Ленинск-Кузнецкий посетил знаменитый нарком угля Вахрушев. Его интересовала, конечно, работа

треста «Ленуголь», но тем не менее он побывал на нашей стройке. Совершенно неожиданно поинтересовался комсомольской организацией и зашел в комнату бюро ВЛКСМ. Его занимал один вопрос, с которым он обратился ко мне, бывшим тогда комсоргом, — условия жизни молодежи, а главное, готовят ли специалистов для будущего производства. Выяснилось, что нет. И тогда нарком сказал директору строительства: «Как же так? Вы не заботитесь о будущем». Решение принял такое: поручить комсоргу возглавить отдел кадров по подготовке специалистов для эксплуатации завода после его пуска. И повторю: это было до Сталинграда.

Осталась в памяти и работа в колхозе в селе Красном во время посевной кампании в мае 1942 года. Здесь впервые увидел сибирское село и настоящую тайгу, прекрасных людей, коренных сибиряков. По завершении сева бригадир тракторной бригады № 6 Краснянской МТС Кузьма Давыдович Каневский, с которым я близко сошелся в дни посевной, пригласил меня в свою родную деревню Красный борок, в глубь тайги. Тепло встретили нас его родители и друзья, и здесь особенно почувствовал я тепло сердец сибиряков, с которыми потом прошел нелегкие фронтовые дороги. Но это потом.

А по возвращении с посевной мне пришлось покинуть стройку. Моим местом работы стал Ленинск-Кузнецкий городской комитет ВЛКСМ. Руководила им прекрасная женщина Валентина Пронина, педагог по профессии, сменившая ушедшего на фронт Николая Турова, с ним через год, примерно, мне случилось увидится уже на фронте, где-то в районе Великих Лук.

С Валеи мы дружно работали, и я многому учился у нее, так как своего опыта практически не имел. Было-то мне шестнадцать с половиной лет.

Большой след оставила постоянная связь с комсомольскими организациями шахт, участие в воскресниках по добыче угля, работа непосредственно в забоях, общение с трудившимися в лавах комсомольцами. Нередко приходилось, сокращая расстояния, переходить из шахты на шахту по подземным заброшенным, но знакомым шахтерам переходам. Рудник наш в том году лихорадило, трудно давался выход на требуемый уровень добычи угля. Это беспокоило всех. И не только в Ленинск-Кузнецком. Тогда регулярно проводилась радиоперекличка по проблемам угледобычи. Проводил ее, как правило, Г.М. Маленков, член Государственного Коми-

тета Оборона, находившийся в Москве. В городской радиоузел на переключку вызывались руководители городских организаций Сибири, которые и отчитывались. Никто не знал, кого Москва призовет к ответу, и легко представить напряжение присутствующих. Но надо сказать, что Маленков вел эти радиобеседы строго, но весьма тактично. Его тревога за уголь была всем понятна. И нам было радостно, когда «Ленуголь» не только достиг заданных пределов, но и стал перекрывать их. В известной мере заслуга в этом и созданных по инициативе комсомола комсомольско-молодежных бригад на большинстве шахт треста. Много сил этому отдали комсорги шахт имени Кирова (Мария Ширяева), шахты «А» (Александр Санин), «Комсомолец» (Васильев). На весь Кузбасс прославилась тогда бригада Осиса с шахты имени Кирова.

Активное участие в комсомольской жизни города принимали не только местные организации, но и эвакуированные в Ленинск-Кузнецкий из западных районов страны. Среди них комсомольцы электролампового завода № 220-бис из Москвы, макеевского «Макстроя», московской артиллерийской спецшколы № 2, курсанты которой почти на каждом заседании бюро горкома пополняли ряды комсомольцев.

Жизнь шла бурно. Молодежь активно участвовала во всех массовых мероприятиях, занимавших свободное от основной работы время. И это было не развлечение, а погрузка угля в железнодорожные составы, помощь навалоотбойщикам, расчистка угольных завалов и многое другое, требовавшее дополнительных рабочих рук. К тому же постоянная работа по подготовке молодежи к службе в армии, освоение профессий в связи с мобилизацией девушек для работы на военных объектах (санитарки, связистки, проводники железных дорог).

Не замирала в городе и культурная жизнь. В те годы в Ленинск-Кузнецком постоянно работал Сталинский (Новокузнецкий) драматический театр, уступивший в родном городе место новосибирскому «Красному факелу». А на его сцене в Новосибирске играл Ленинградский театр им. Пушкина (Александринка). Артисты театра, особенно завоевавший любовь зрителей Анатолев (если не ошибаюсь за давностью времени), оказывали большую помощь горкому ВЛКСМ, шефствуя над коллективами молодежи, предоставляя возможность молодым людям общение с искусством в то сложное время.

Яркий след оставляли и гастролы приезжавших в город. Помню, как ансамбль Кнушевицкого один из вечеров специально отдал молодежи города. Это был потрясший всех концерт. Не оставил молодых людей без внимания и навестивший город дирижер Курт Зандерлинг.

И все это свидетельство того, что никто не сомневался в нашей победе, ни на один час не терял веры в нее.

Вскоре я расстался с Ленинск-Кузнецким, но не с Кузбассом. Он остался во мне до дня сегодняшнего.

Уходя на фронт, расставаясь с Ленинск-Кузнецким, не могу не сказать добрые слова людям, помогавшим мне в то нелегкое время: секретарю ГК ВКП(б) В.М. Мокрушину, директору треста «Ленуголь» Воробьеву, инструкторам ГК ВЛКСМ Леониду Журавлеву и Клавье Обыденовой, председателю Оставиахима Протопопову, сменившему меня в горкоме комсомола, инженерам завода № 1 Михаилу Рейнгеверцу, Антону Рутковскому, Светлане Матвеевой, Наташе Кернес, офицеру стройбата Фридриху, ушедшему вскоре в польскую дивизию имени Тадеуша Костюшки и многим другим.

С памятью о них, о сложной, но интересной жизни в Кузбассе уходил с моими новыми друзьями в новую жизнь. Теперь Кузбассом для нас стал Кемеровский полк 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков.

Сегодня живительную силу вносит в душу жизнь сибирских землячеств, а для бывших воинов Кемеровского полка 22-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков землячество Кемеровской области.

Примечание. Сборник «Земляки». Выпуск 3. Москва, 2005 г. «Евразия +».

«Долина смерти»

Думается, что в судьбе каждого ветерана-фронтовика Великая Отечественная война занимает свое определенное место — в зависимости от того, как сложилась его последующая жизнь. И если для одних война оказалась самым ярким штрихом в их биографиях, то для других она как бы только одна из важных вех жизненного пути.

В 1945-м кавалер ордена Славы III степени и двух медалей «За отвагу» Филипп Бобков был гвардии старшиной. Думал вернуться к мирной жизни и никак не предполагал, что впереди его ждет совсем иная служба, которую он завершит через срок пять лет генералом армии, первым заместителем председателя КГБ СССР. Кстати, об этой службе можно прочитать в книге самого Филиппа Денисовича с интригующим названием «КГБ и власть», несколько лет тому назад вышедшей в московском издательстве «Ветеран МП»... Понятно, что жизнь его изобиловала многими событиями, которые, кажется, могли бы оттеснить военные воспоминания куда-то на задворки памяти. Однако, когда на прошлой неделе мы встретились с генералом армии Бобковым, он как раз готовился к отъезду в город Белый Тверской области на встречу с друзьями-однополчанами.

— Прежде всего это наша юность, наши молодые годы. Но главное, что мы из войны вынесли — сознание того, что мы отстаивали Отечество. Та спайка, которая есть между участниками, ветеранами войны, зиждется именно на этом совместном участии, соратничестве в великом деле.

Война и Победа укрепили тогда нашу веру в свое государство. А эта вера должна быть у человека обязательно. Если люди теряют веру в свою страну, то тем самым они утрачивают очень многое.

Порой раздаются голоса, и эта мысль, к сожалению, нам упорно навязывается извне — мол, зачем мы воевали? Мол, видите, какая там, «за бугром», жизнь? И если бы мы не воевали, то пришли бы немцы, и мы бы теперь жили точно так же, как живут они. Так стоило ли нам защищать, как говорят скептики, «сталинскую империю»?

При этом они рассуждают так, словно бы мы воевали только за свое государство, за советское правительство. Сейчас говорят, что Гитлер шел воевать с коммунизмом. Впрочем, это они повторяют са-

мого германского фюрера. Однако «борьба с коммунизмом» была всего лишь лозунгом, под которым Гитлеру удалось сплотить разнородные антикоммунистические, националистические силы. А фактически борьба велась против России и русских, против славянских народов и вообще всех людей, населявших территорию Советского Союза.

Поэтому мы в первую очередь сражались за спасение своего народа. Мы знали и видели, что цель фашистской Германии состояла в том, чтобы уничтожить именно наш народ. Известно, что Гитлер собирался уничтожить евреев и поляков, а потом и остальных славян. Им была четко сформулирована программа уничтожения нашего народа как такового.

Великой Отечественной война была названа потому, что мы именно спасали свой народ. Память об этом сохраняется в сердцах фронтовиков. Так же как нельзя нам забыть и подвиги наших фронтовых товарищей — нельзя выбросить из памяти Александра Матросова, Зою Космодемьянскую, генерала Карбышева и многих других людей, отдавших жизнь за Родину, за народ.

Поэтому любой из нас, как бы ни сложилась потом его судьба, не может вычеркнуть из своего сердца Великую Отечественную войну, забыть военные годы...

— *Филипп Денисович, так что за встреча состоится в Белом?*

— Уже не первый год там отмечается День памяти воинов сибиряков. В деревне Плоское, под Белым, создан мемориал, там большое захоронение павших, воздвигнута часовня. Это место, где в ноябре 1942 года начал свой боевой путь 6-й Сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков.

День этот — праздник для всего города. Ветеранов встречают транспаранты, праздничное убранство улиц... И так каждый год.

— *Да, по нынешним временам явление, заслуживающее особого внимания... Однако Сталинский корпус, о котором вы говорите, несмотря на громкое свое название, по-моему, не очень известен в истории войны...*

— Действительно, он не был под Сталинградом или Курском — в самых известных сражениях. Но ведь война не только там шла... Зато наш корпус выполнял особые задачи по прорыву обороны противника. Фактически все свои боевые действия он проводил в сложнейших условиях лесисто-болотистой и резко пересеченной местности. Мы называли его «болотный корпус», потому как, по существу, мы из болот не вылезали.

— *Где создавалось соединение? Почему его называли Сталинским?*

— Корпус возник в июле 1942 года по инициативе Новосибирской парторганизации. Создание его было одобрено Верховным — вот он и получил имя Сталина.

Состоял корпус из 150-й Сталинской стрелковой дивизии, в которую входили Новосибирский, Кемеровский и Томский полки, отдельных бригад — 74-й Алтайской, 75-й Омской и 78-й Красноярской. Позже была создана 91-я бригада из сибиряков моряков-тихоокеанцев.

— *Добровольцы. Что это означало?*

— Это был тип народного ополчения. Призыв идти в добровольцы был широко известен по всей Сибири, заявления подавались везде — на предприятиях, на шахтах, в колхозах, поток был огромный. Были созданы комиссии по отбору — у нас в городе ею руководил один из секретарей горкома партии, входили туда военком, представитель комсомола, профсоюза... Для поступления возрастных преград не было, конечно, если не совсем старик или мальчишка. Но шел отбор — по принципу, чем ты занят сейчас. Если шахтер, забойщик — ты нужен в шахте. Если металлург — на заводе. Зато пошло много людей из партийного, государственного аппарата, рабочих, колхозников. Потом документы отдавали в военкомат, все оформлялось, как положено.

Месяц комиссия заседала, потом военком клал на стол свое заявление, секретарь парторганизации, комсомолец — свои, и комиссия уезжала на фронт вместе со всеми...

— *В ту пору вы, 16-летний парнишка, были секретарем горкома ВЛКСМ...*

— Поэтому, когда первая группа уехала, я вошел в эту комиссию и поступил так же, как мой предшественник Николай Туров.

— *В 1941-м ополченцы уходили на фронт сразу. А вы?*

— Нет, у нас была организована подготовка на базе учебных воинских формирований, которой непосредственно руководил командующий Сибирским военным округом. У нас было очень хорошее вооружение. Так, роты автоматчиков были вооружены автоматами, которые делались на сибирских заводах, их вручили перед выездом на фронт. Очень много было ПТР, минометное вооружение было — вплоть до ротных минометов, которых тогда было мало. Вообще подготовка была серьезной.

Провожали нас на фронт очень тепло. И вообще внимание к корпусу было большое — когда он проезжал Москву, то здесь с активом встречался Ворошилов, перед комсомольцами выступал 1-й секретарь ЦК комсомола Михайлов...

— *Чем объяснялось такое внимание?*

— Тем, что это был абсолютно добровольческий корпус, он носил имя Сталина, к тому же это было очень тяжелое время — перед началом сталинградского наступления. Ходили слухи, что корпус готовился к Сталинграду, но его бросили на Калининский фронт. Наступление под Белым служило для сковывания сил противника, чтобы они не ушли под Сталинград. К тому же нужно было ликвидировать Ржевский выступ, остававшийся после 1941 года и продолжавший угрожать Москве.

— *Известно, что бои там были очень напряженные...*

— Да, 25 ноября начались бои — тяжелые, но успешные. Ведь наступали, а не отступали... Но тяжело наступали. Из деревни Плоское, где сейчас мемориал, видна «Долина смерти» — огромное плато между двумя высотами, где было очень много погибших — 12 тысяч наших похоронено. Не только наш корпус, вообще...

Там работают поисковики, находят и находят еще. В позапрошлом году я туда ездил — там ребята из Новосибирска были, они тогда захоронили 38 человек.

— *Но вы, Филипп Денисович, на фронт приехали не сразу?*

— Да, в конце 1942-го, после Белого. Тогда корпус был смещен на запад, под Великие Луки. Мы прорвали оборону противника западнее Новосокольников, там продолжали воевать...

Кстати, тогда под деревней Чернушки совершил свой подвиг рядовой Омской бригады нашего корпуса Александр Матросов.

— *Когда вы узнали об этом подвиге?*

— Сразу же, ну, может, на второй или третий день. Это прошло такой искрой, как боевой эпизод... А по-настоящему мы узнали об этом, когда приехали под Гжатск. Нам зачитали приказ Сталина о подвиге Матросова, о присвоении ему звания Героя. Этим приказом его имя было присвоено 254 стрелковому полку 56-й гвардейской дивизии, он был навечно зачислен в списки части... Вот тогда уже мы оценили все величие этого подвига.

По-моему, в корпусе у нас было всего два Героя: Матросов и лейтенант Сосновский из 65-й дивизии — он погиб на Гнездиловской высоте, подорвав гранатой окруживших его немцев...

— *Бои в районе Великих Лук шли долго — Новосокольники, полсотни километров, освободили только через год...*

— Да, там нас застала весна, распутица была страшная. Река Ловать превратилась в сплошное море. Болота развезло, наступать нельзя. Мы на болотах, на воде сидели — копать же было нельзя. Набрасывали еловые ветки, сооружали что-то в виде блиндажа не под землей, а на земле, покрывали его каким-то накатом... На более-менее заметных высотах рыли окопы, там было боевое охранение, дер-

жали оборону. А остальные сидели в мокрых «блиндажах». При обстреле мы были практически не защищены...

До ближайшей станции было 90 километров, а лошадей у нас после зимних боев не осталось. Да и лошадь не смогла бы пройти через болота... Приходилось на руках продукты носить, так что тяжело было с питанием. Но ничего, выдержали.

— *Вы кем тогда были?*

— Командиром стрелкового отделения.

В апреле нас сняли с фронта, и мы оказались под Гжатском. Здесь, уже в июне, было объявлено, что корпусу присвоено гвардейское звание. Мы стали 19-м гвардейским Сталинским стрелковым корпусом добровольцев-сибиряков. Бригадная система была сломана, корпус состоял из гвардейских дивизий...

Когда мы переформировались, наш полк стоял рядом с селом Клушино, где Гагарин родился. Потом нам с Юрием Алексеевичем довелось вспоминать эту деревню, у которой я по речке плавал...

— *Отдыхали после боев?*

— Нет, не отдыхали. У нас проводились боевые учения, очень напряженные.

— *Учения? Но у вас же был такой боевой опыт...*

— Но учения нам очень помогали. Мы отрабатывали взаимодействие в атаках, умение не потерять ориентир. Форсировали реку Гжатка. Она небольшая, но мы ее форсировали через день, а то и чаще. Нам это пригодилось — уметь броситься в воду в полном обмундировании, с оружием. Очень серьезный был вопрос — наступление за огневым валом. Тогда впервые начали это практиковать, и надо было привыкнуть... Стрельбы были из всяких видов оружия. У немцев тогда «Тигры» появились — нас учили, как с ними бороться. Так что время мы тратили не напрасно...

А потом нас направили и район Спас-Деменска, на знаменитые Гнездиловские высоты, и 9 августа наша дивизия вошла в бой в районе высоты 233,3. Ее все наши помнят. Там укрепления были, противотанковые рвы, траншеи, доты — может, сотня дотов была на высоте. Там бой непрерывно шел пять суток. Наши атаки, немецкие контратаки... А сейчас на этой высоте сделан большой мемориал, там похоронены 1152 человека...

— *Вы туда приезжали после войны?*

— Да, году в 1972-м... Высота стала неузнаваема, поросла мелколесьем. Я приехал туда из Спас-Деменска, как бы с немецкой стороны. Никак не мог сориентироваться. Потом пошел туда, откуда наступали, и сразу все узнал — сознание воскрешало то, что я тогда видел. Я потом это и в других местах замечал. Там я нашел каску, про-

битую осколком, и спустя время передал ее следопытам в город Ленинск-Кузнецкий.

— *И ребята из Сибири хранят память о войне...*

— Не только из Сибири. В Москве на Таганке, в колледже, где готовят специалистов по телеаппаратуре, наверное, с 30-летия Победы существует музей 65-й гвардейской дивизии. Там мы каждый год собираемся 9 Мая...

Есть музей в Спас-Деменске и в Ельне. А вот музеи, которые были в ряде городов Латвии, разрушены, все там разломали. Погибли и архивы, накопленные следопытами.

— *Уничтожение исторических документов по конъюнктурным соображениям — преступление, граничащее с идиотизмом. Но у нас, к сожалению, этим занимаются с незапамятных времен...*

Так, значит, корпус потом дошел до Прибалтики?

— Не сразу. А мой путь туда получился с осложнениями.

Из 22-й дивизии я был переведен в 65-ю, где служил мой отец. Стал комсоргом батальона в 255-м полку.

В октябре, в бою под Ленино, мы оказались соседями польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Немцы подготовили к приходу поляков на фронт очень сильную бомбовую атаку. 12 октября, практически с рассвета и до заката, немецкие самолеты бомбили эту дивизию. Этот удар и мы частично ощутили...

Потом мы перешли Днепр за Смоленском, наступали в направлении Орши. Но в первый же день, 23 октября, я был ранен.

Немцы вели интенсивный минометный и артиллерийский огонь. Нам удалось ворваться в первую траншею. Немцы были в траншее, в блиндажах — туда кидали противотанковые гранаты, перебили их там достаточно. Потом мы прошли эти окопы, и тут я попал под одну из мин — сшибло меня сразу. Я долго лежал, потому что оттуда нельзя было эвакуировать раненых. Жалко ребят, легко раненных, которые пытались сами уходить, — немцы их всех перестреляли... А нас, тяжело раненных, ночью эвакуировали.

Из госпиталя в полк я вернулся в апреле следующего года.

— *В свой полк? Как вам это удалось? Обычно ведь выздоравливающие попадали в маршевую роту...*

— По решению Верховного солдаты и офицеры нашего корпуса возвращались обратно в свой боевой коллектив. Это создавало такое постоянное ядро... Поэтому даже сейчас, почти через 60 лет, мы встречаемся не просто как фронтовики, а как те, кто был рядом во время боев.

— *Кстати, корпус все время пополнялся сибиряками?*

— Под Гжатском пришло большое пополнение добровольцев из Сибири, и потом, когда я был ранен, приходили еще. А затем мы уже пополнялись за счет оккупированных территорий...

Когда я вернулся, мы были под Новоржевом, напротив Пушкинских Гор, отсюда и пошли в Латвию. Там тоже тяжелые бои были, особенно в Лубанской низменности. Помните «А зори здесь тихие...»? Так и мы тем же манером всем корпусом через болото шли...

Потом — бои за Ригу, и мы оказались в Курляндии, где была отрезана немецкая группировка. Ее сдерживали три или четыре наших армии. Группировка была сильная — мы это увидели, когда она капитулировала. Там для нас война и закончилась.

— *Филипп Денисович, ваши сведения о боевых действиях и жизни корпуса не ограничиваются «своим окопом»...*

— Да, я знакомился с документами корпуса в Подольском архиве... Там оказалось много интересного. Например, узнал, что на заседании партбюро полка обсуждался вопрос о выполнении приказа Верховного о рассылке писем о погибших воинах и об отправке их вещей семьям. Я и не знал, что был такой приказ и тем более, что им так занимались... Не уверен, что много посылали, — но все-таки было!

Попался нам — со мной еще товарищ был — запечатанный пакет. Написано: «тов. Шевченко». Это был партийный секретарь нашего полка. Посмотрели: вскрыть, не вскрыть? Решили, что не надо. Листаем дальше — еще такие же пакеты. Оказалось, в них лежали бюллетени партийных собраний по выборам партторгов рот. Тайное голосование. А там шесть человек голосовали в окопе!

— *Да, демократия, с гарантией от «грязных технологий»...*

— Теперь я даже не знаю, что от нашего корпуса осталось в Российской армии.

Но мы, ветераны-сибиряки, держимся и не забываем друг друга. Переписываемся, встречаемся с однополчанами — начштабом полка Арсентием Иштыковым, Галиной Ждановой, Николаем Даниленко, Эсфирью Копельман, которая в 43-м перевязывала мне раны.. Есть связи постоянные. Ведь много чего было — и мой рассказ тому подтверждение. А еще это подтверждают памятники воинам-сибирякам — и тот, близ Белого, к которому я сейчас поеду, и тот, что поставлен на Волоколамском шоссе в дни празднования 60-летия битвы за Москву. Да и многие другие — по все нашей России.

Мы не забудем

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, беспримерный подвиг советского народа. Уходят, но не умирают в нашей памяти. Однако сегодня вспоминают об этих событиях по-разному, в зависимости от политических пристрастий.

Кто-то, например, жаждет утвердить мнение, что войну породила агрессивность Советского Союза, вынудившая Германию двинуть войска на Восток. Эта тема особенно часто звучала перед 50-летием Победы в изложении популярных тогда историков, твердивших о необходимости сказать о войне правду, дать «новое прочтение» событий 1941—1945 годов. Притом ссылались на некие черновые записи руководителей Генштаба Красной Армии, в которых якобы просматривался план агрессии, прикрытый необходимостью превентивного удара в целях предупреждения нападения Германии на СССР Именно — и фактически исключительно — это и служило доказательством агрессивных намерений Советского Союза. Причем никто не задумывается о том, что любой Генштаб может и должен разрабатывать самые разные варианты боевых действий, тогда как окончательное решение принимают политики. Впрочем, сегодня эта тема на «исторической площадке» уже иссякла.

Зато сейчас некоторые уверенно говорят о том, что не следовало противостоять нашествию Германии, о ненужности нашей битвы с фашизмом. Мол, придя в Россию, немцы обеспечили бы ей неплохую жизнь, принесли бы западную культуру, воспитание — в общем, превратили бы наш русский народ в благородную нацию, и мы бы, мол, теперь жили, наслаждаясь европейской цивилизацией, полученной из рук великой Германии.

Впрочем, подобная мысль не нова — Смердяков в «Братьях Карамазовых» еще когда изрекал: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Я бы рекомендовал нашим нынешним Смердяковым обратить внимание на статью доктора Вольфрема Верте (Германия), опубликованную в журнале «Новая и новейшая история» в 1999 году: «Вой-

на Третьего рейха против Советского Союза была с самого начала нацелена на захват территории вплоть до Урала, эксплуатацию природных ресурсов СССР и долгосрочное подчинение России германскому господству. Перед прямой угрозой планомерного физического уничтожения оказались не только евреи, но и славяне, населявшие захваченные Германией в 1941—1944 гг. советские территории».

Лишь недавно предметом исследований историков ФРГ стал «другой холокост», направленный против славянского населения СССР, которое наряду с евреями было провозглашено «низшей расой» и также подлежало уничтожению.

В этом, собственно, и состояла суть гитлеровского плана «*Drang nach Osten*», которую он раскрыл еще в 1924 году в книге «Моя борьба»: «...Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Последующие откровения Гитлера и его соратников не оставляют сомнений в безысходной судьбе народов на завоеванных территориях.

«Я надеюсь, — заявлял Гитлер, — что нам удастся полностью уничтожить понятие «евреи», так как существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию. Несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано об этих отдельных народностях, в еще большей степени относится к полякам.

Принципиальным вопросом в решении всех этих проблем является вопрос о системе образования и тем самым — об отборе и фильтрации молодежи. Для не немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должны быть только простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным...

...Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов — обслуживать нас экономически».

И далее. «Когда мы будем осваивать русское пространство, то «имперские крестьяне» должны будут жить в селениях вы-

дающей красоты. Немецкие административные и прочие учреждения должны размещаться в прекрасных зданиях, а губернаторы — во дворцах. Вокруг учреждений будет построено все то, что необходимо для жизни. А вокруг каждого города, в радиусе 30—40 км, будут кольцом располагаться красивые деревни, соединенные первоклассными дорогами. Все, что лежит за пределами этого кольца, — иной мир, где мы разрешим русским жить, как они хотят. Лишь бы мы господствовали над ними».

2 мая 1941 года, более чем за полтора месяца до нападения на СССР, командующий 4-й танковой группой Гепнер поставил своим офицерам боевую задачу. В ней открыто говорилось, что предстоящая война должна быть продолжением «борьбы германцев против славянства и защиты от еврейского большевизма».

Это вытекало из указаний Гиммлера. Во время подготовки нападения на Советский Союз на совещании руководителей СС он разъяснял, что одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 млн славян. 25 мая 1940 года он же писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы».

Читая это, наглядно видишь неоригинальность нынешних планов Збигнева Бжезинского по расчленению России...

Но не только в этом созвучие с сегодняшним днем — да ведь и Гитлер рождался не без наследия прошлого.

Как подчеркивает в книге «Банкротство стратегии германского фашизма» В.И. Дашичев, цель покорения славян ставилась и до Гитлера — хотя бы кайзеровской Германией, особенно в годы Первой мировой войны. Тогда появился весьма любопытный документ — меморандум Секта. В нем высказывалось желание заключить сепаратный мир с Францией и Бельгией, чтобы затем, обеспечив тыл, направить германские армии на завоевание России.

«Эта война, — писалось в меморандуме, — возможно, будет стоить нам одного миллиона людей... Что значит по сравнению с этим изгнание 20 млн человек, среди которых много таких подонков, как евреи, поляки, мазуры, литовцы, эстонцы и др.? У нас есть силы сделать это... России... придется примириться с потерей земель, в особенности когда мы прикроем ее тыл для дальнейшей экспансии в Азию... Если таким образом весь излишек энергии трех поколений немцев будет направлен на колонизацию Востока, тогда мир с Англией на основе статус-кво также станет возможным... Но если Англия пожелает другого, наш флот окажется достаточно сильным, что-

бы вести войну *ad infinitum*. Если позднее нам понадобятся колонии, мы их завоюем. Но в 2000 г. вряд ли спор будет решаться между Германией и Англией, скорее всего между Европой, Азией и Америкой».

Мы живем в 2005 году. Нельзя забывать, что война эта сутью своей отличается от большинства войн, пережитых человечеством. Советский народ не только отстоял независимость своего государства, не допустил фашистского рабства, но наша Победа спасла от гибели и народы многих стран.

Конечно, Победу мы одержали не в одиночестве, союз антигитлеровской коалиции неоценим. Хотя политика поощрения Гитлера как борца с коммунизмом, его поддержка Западом в период прихода к власти, непротивление в Мюнхене позволили Гитлеру развязать руки и захватить многие государства Европы, но не привели к желаемому — столкнуть Германию Советским Союзом. Наши союзники все же успели понять опасность господства фашизма в мире.

Запад был вынужден пойти на создание антигитлеровской коалиции. Велика заслуга в этом президента США Франклина Рузвельта. Немалую роль сыграл и британский премьер Уинстон Черчилль, ясно сознававший, что в случае победы Германии над СССР Англия будет неминуемо разгромлена. Но их политике противостояли и иные настроения — в их же странах.

У будущего президента США — в июне 1941 года еще сенатора — Гарри Трумэна была другая точка зрения: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, нам следует помогать России, а если Россия будет выигрывать, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше».

Такое отношение не могло не сказываться и в последующие военные годы. Наглядным свидетельством тому является затяжка с открытием второго фронта, с высадкой союзников в Нормандии. Получая от союзников оружие, боевую технику, продовольствие, мы не имели поддержки военной силой и сражались с Германией один на один.

Стоит вспомнить письмо Рузвельта Черчиллю 3 апреля 1942 года: «Ваш и мой народ требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских. Наши народы не могут не видеть, что русские убивают немцев, а также уничтожают вражеского снаряжения больше, чем США и Великобритания, вместе взятые».

Действительно, до середины 1944 года на советско-германском фронте действовали от 62 до 70 процентов сухопутных войск Германии, а на фронтах англо-американских войск — от 1 до 6,2 процента. Соотношение мало изменилось и после высадки союзных войск

в Нормандии. Сама высадка, точнее, открытие второго фронта ускорило понимание Западом того, что Советская армия способна самостоятельно завершить разгром фашистских войск в Европе. Допустить такое не всем хотелось.

10 июня, на четвертый день после высадки союзников в Нормандии, развернули наступления войска Ленинградского и Карельского фронтов, а еще через две недели начались операция «Багратион» в Белоруссии и боевые действия 2-го Прибалтийского фронта. Наступательный прорыв советских армий позволил им продвинуться к границам рейха навстречу союзникам на 500 — 600 км. Тяжелые бои на юге закончились в Венгрии взятием Будапешта, а продолжавшееся наступление советских войск на Вену создало непосредственную угрозу Австрии и Южной Германии.

Войска же союзников, встретив серьезное сопротивление немцев, оказались в крайне трудном положении. Они потеряли всякую инициативу в Арденнах, о чем свидетельствует обращение 6 января 1945 года Черчилля к Сталину. Он писал: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы.

...Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января».

7 января Сталин сообщил Черчиллю о решении Ставки Верховного Главнокомандования открыть широкие наступательные действия по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Но оно началось ранее намеченного срока — уже 12 января.

В Москве тогда находилась военная миссия союзных войск во главе с главным маршалом авиации Теддером. Дуайт Эйзенхауэр в своих мемуарах пишет: «Генералиссимус информировал нашу миссию о том, что, даже если их нынешнее наступление не достигнет намеченных целей, русские проведут серию непрерывных операций, которые по крайней мере не позволят немцам произвести переброску подкреплений на западный фронт за счет снятия частей с русского фронта».

В результате немцы прекратили наступление против союзных войск в Арденнах и Вогезах и отошли на исходные позиции, сняв с западного фронта и перебросив на восточный 6-ю танковую дивизию СС, а затем и еще 16 дивизий.

Вряд ли речь об этом шла на праздновании 60-летия высадки союзных войск в Нормандии — участие Советской армии в войне с Германией Запад замалчивает уже многие годы. Но из летописи победы над фашизмом описанного не изыметь.

Не изыметь и того, что Советская армия внесла решающий вклад в освобождение Европы от фашизма. Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия, Австрия, север Норвегии, датский остров Борнхольм — это не просто перечень, это подвиг советских воинов.

Желание принизить значимость и роль Победы вообще-то понятно. Победу ведь одержала страна социализма. Но как бы этот факт ни раздражал кого-то, однако историческое патриотическое наследие тех лет живет и сегодня.

...В минувшем году, в канун Дня Победы, Департамент образования мэрии города Москвы провел конкурс самодеятельных коллективов профессионально-технических училищ, колледжей и лицеев города, посвященный священной дате. Финал его состоялся в конце апреля. Радостно было нам, ветеранам войны, находиться в зале, где звучали песни войны и Победы, которые исполняли внуки и правнуки фронтовиков. Нам, ветеранам 65-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, было особенно приятно видеть на сцене ребят из 322-го колледжа, завоевавших диплом первой степени. В этом колледже уже почти четыре десятилетия действует музей нашей дивизии. Там бережно хранятся реликвии фронтовых лет, память о наших однополчанах.

Мне дорого бывать на Гнездиловских высотах под городом Спас-Деменск Калужской области, где ежегодно отмечается годовщина боев воинов-сибиряков на высоте 233,3. В городе Белом Тверской области, где уже много лет 14 августа отмечается день памяти сибиряков, павших в боях 1942 года. Важно то, что в этом активно участвует молодежь, юное, уже не первое поколение наследников фронтовиков.

Примеры бережного отношения к памяти, изучение истории Великой Отечественной войны, интереса к происходившему в те годы может привести любой участник войны — каждый из нас это видит, общаясь с идущими на смену поколениями.

...Победа явилась выражением стойкости и воли народа. В том, что мы победим, сомнений не было. В первые дни войны массовый порыв создал народное ополчение. Десятки тысяч москвичей жизнью своей сорвали гитлеровский блицкриг, задержав в Смоленском и Вяземском сражениях 1941 года рвущиеся к Москве немецкие

полчища. Тяжелые мысли рождают памятники народным ополченцам Бауманского, Краснопресненского, Люберецкого и других районов Москвы на территории Смоленщины, но нельзя не поклониться их подвигу. А ведь тех самых заградительных отрядов, о которых сегодня так много говорят некоторые, тогда не существовало.

Вера не утрачивалась даже в самые тяжелые дни войны. В июле 1942 года, когда был пик успехов гитлеровских войск, выходивших к Волге задолго еще до Сталинградской битвы, переломившей ход войны, в Сибири возник порыв формирования частей добровольцев. На призыв откликнулись по всей Сибири. Новосибирск, Кемерово, Алтай, Омск, Красноярск, Томск. Так возник 6-й Сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, окончивший войну 19-м гвардейским.

Но это только один пример — части добровольцев формировались на Урале, в Забайкалье и в других регионах страны. Подчеркиваю, добровольцев, которые шли в бой по своей воле, веря в победу и жертвуя собой во имя ее. Многонациональная страна защищала свое единое государство. Советский Союз был родиной для всех наций и народностей, его населявших.

Без такого единства, без сплочения народа ради победы мы бы ее не достигли. Вот только, к сожалению, наша послевоенная жизнь многое изменила. Гибель Страны Советов во многом объясняется именно тем, что недругам ее удалось порушить единение народа, посеять недоверие к советской власти. К тому же мы слишком долго праздновали Победу, отмахивались от действий внешних и внутренних сил разрушения государства. В «холодной войне» по причине благодушия страна и общество не были отмобилизованы даже до способности вести «активную оборону».

Поэтому очень важно, чтобы в год 60-летия Победы мы не только чтили подвиг народа, героев Великой Отечественной, но и делали все возможное, чтобы сплотить в монолит силы общества и государства ради строительства, созидания новой России.

В заключение повторюсь: важнейшее значение Победы в Великой Отечественной войне в том, что были спасены от полного уничтожения целые народы. Об этом обязаны знать и помнить все живущие и будущие их поколения, особенно те, кто говорит и пишет о войне.

Примечание. Газета «Красная звезда» № 18 от 10 марта 2005 года.

«Наша победа спасла народы Европы от физического уничтожения»

***Беседа с военным обозревателем
РИА «Новости»
Виктором Литовкиным***

Зима и весна 1945 года вошли в историю Великой Отечественной войны как время победоносных операций Советской армии по освобождению народов Европы от фашистских захватчиков. В январе—феврале проведена Висло-Одерская наступательная операция 2-го Белорусского фронта, которая привела к освобождению Варшавы и всей Польши. 13 февраля закончилась Будапештская стратегическая операция 3-го Украинского фронта и была освобождена от нацистов столица Венгрии. В это время уже были освобождены Румыния, Болгария и Югославия, советские войска подходили к Вене...

О роли Советской армии в освобождении народов Европы от фашистского ига с участником Великой Отечественной войны, генералом армии Филиппом БОБКОВЫМ беседует военный обозреватель РИА «Новости» Виктор Литовкин.

В.Л. Наш разговор, Филипп Денисович, хотелось бы начать с такого, поразившего меня факта. Оказалось, что некоторые руководители правительственных делегаций и западные журналисты, освещавшие 60-летие освобождения от нацистов концентрационного лагеря Освенцим, с удивлением узнали, что сделали это не кто-то, а советские солдаты и офицеры. Почему это стало для них откровением? Неужели достаточно образованные люди не знают, кто освобождал Восточную Европу?

Ф.Б. Здесь нет ничего удивительного. Роль Советской армии в освобождении Европы от фашизма всячески принижалась как в послевоенные годы, так и в годы Второй мировой войны. Это выражалось в затяжке открытия второго фронта, в непоследовательном и часто поверхностном освещении событий, происходивших

на Восточном, советском фронте. Наши союзники, особенно Великобритания и лично Черчилль, стремились показать, что основную роль в победе над фашистской Германией сыграли именно они, а главное — Англия.

Известно, что Рузвельт, например, еще в апреле сорок второго года писал Черчиллю: «Ваш и мой народ требует открытия второго фронта, чтобы снять бремя с русских. Наши народы не могут видеть, что русские убивают немцев, а также уничтожают вражеского снаряжения больше, чем США и Великобритания, вместе взятые».

Рузвельт был готов к открытию второго фронта. Но Черчилль придерживался иной позиции. Он открывал «второй фронт» то в Греции, то в Италии, то еще где-то, лишь бы только не против основных сил фашистов, лишь бы только окончательно измотать силы Советского Союза и Советской армии. Реально второй фронт был открыт только после Тегеранской конференции, в сорок четвертом году, с высадкой англо-американского десанта в Нормандии. И то, как я думаю, только потому, что союзники поняли: мы можем освободить Европу и без них.

— Если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что роль освободителей Европы нам досталась фактически вынужденно?

— Да. Мы показали всему миру, что можем освободить пол-Европы даже без союзников. Но именно тогда они и спохватились, начали активные действия на Европейском континенте, чтобы, как говорится, не оказаться у разбитого корыта и доказать, что именно они стали освободителями Европы. Это, кстати, проявилось и при подписании капитуляции фашистской Германией. Союзники почему-то решили принять капитуляцию, хоть и с нашим участием, но на очень низком уровне, а потом в Берлин вынуждены были уже приехать по требованию Сталина. Кстати, никто из главкомандующих союзников туда не прибыл. Появились только вторые лица...

Так тоже проявлялось это стремление принизить роль Советской армии в победе над фашизмом. И сегодня, когда речь идет об освобождении Освенцима, почему-то забывают, что это сделали советские воины. Еще на одну деталь, связанную с этим чудовищным лагерем смерти, хотелось бы обратить внимание. Вспомните, как союзники бомбили территории гитлеровского рейха. По сути, снесли с лица земли город Дрезден. А почему ни разу не сбросили бомбы на железнодорожные пути, ведущие к Освенциму? А ведь

по ним шла доставка людей на уничтожение. Союзники ничего не сделали, чтобы остановить это, хотя прекрасно знали, что в Освенциме происходит. И не только в Освенциме.

И, кстати говоря, если продолжить разговор об Освенциме. Такого напоминания о зверствах фашистов, как там, нигде больше нет. В Освенциме сохранились и костыли, и детская одежда, ботиночки, разные предметы, которые отбирали у заключенных, — все это лежит там, и люди видят, что и как происходило. А, допустим, в Бухенвальде, помню я, из всех вещественных доказательств нацистских преступлений есть только одна настольная лампа, абажур которой сделан из человеческой кожи. Все остальное — это картинки, фотографии и прочее.

А в Освенциме поляки содержат лагерь в надлежащем — очень наглядном виде. Они знают, чем угрожал им фашизм.

— Польша стала вторым государством в Европе, которое, как и Советский Союз, наиболее сильно пострадало от фашистской оккупации. Погибло почти шесть миллионов поляков, уничтожено около шести миллионов евреев...

— Да, Гитлер прямо говорил: после того как мы уничтожим евреев, мы должны приступить к уничтожению украинцев, лемков, горакров, не говоря уже о поляках. Поляки подлежали уничтожению совершенно четко — нацисты не скрывали этого. Это написано в «Майн кампф» и в предвоенных выступлениях руководителей рейха. И это обстоятельство тоже почему-то до сих пор замалчивается.

Вспомните, как отмечали шестидесятилетия высадки союзников Нормандии. Если бы не присутствие там нашего президента, о роли России во Второй мировой войне вообще-то, не исключено, никто бы и слова не сказал. Так, кстати, было на пятидесятилетии этой операции. Нас туда даже не пригласили. А ведь самая большая трудность, с которой встретились союзники на Западном фронте, это были бои в Арденнах. Там их армию нацисты чуть было полностью не уничтожили. Положение было настолько аховым, что Черчилль обратился непосредственно к Сталину с просьбой: не могли бы вы помочь нам как-нибудь на востоке, чтобы хоть чуть-чуть оттянуть немецкие войска от наших армий, задержать приток туда свежих сил...

Сталин и Ставка приняли решение начать наступление на Восточном фронте, на Висле на две недели раньше запланированного.

И Сталин — здесь в Москве, кстати, тогда была американская военная делегация с маршалом авиации Теддером — прямо сказал ему: если мы увидим, что наше наступление идет не так активно, как нам хотелось бы, тем не менее мы все равно не остановимся. Только для того, чтобы не дать гитлеровцам оттянуть войска с Восточного фронта на Западный фронт, усилить свое давление в Арденнах.

И действительно, никаких войск с Восточного фронта на запад не пошло. Наоборот, с Западного фронта перебросили на восток 6-ю танковую дивизию СС, а затем еще 16 пехотных дивизий. И опять же, мы воевали с теми, кто ушел с Западного фронта. А союзники при этом прикидывали, как им действовать дальше. Если англичане рвались перейти в наступление на севере, то Эйзенхауэр слонялся к ведению боев на юге Европы, вел переговоры, где можно убедить немцев капитулировать без ведения боевых действий. И немцы тогда уже начали активно сдаваться в плен союзникам.

Но это ход войны. А идеологический принцип остался прежний — замолчать основополагающую роль Советской армии в достижении победы над фашизмом. Вы же помните фильм, который у нас снимался накануне пятидесятилетия победы Романом Карменом для западной аудитории. Он так и назывался «Неизвестная война». Американцы в большинстве своем только из этого фильма узнали, что в Восточной Европе была какая-то война и Советский Союз играл в ней не последнюю роль.

Это проявилось и в Освенциме. Я, может быть, путаю какие-то данные за давностью лет, но когда я впервые побывал в Освенциме, то экскурсовод достаточно подробно рассказывал, что и как здесь происходило. Он сказал, что в Освенциме погиб миллион двести тысяч человек. Я запомнил эту цифру потому, что перед этим был в Албании, а все ее население всего миллион. Меня тогда поразило, что здесь уничтожили людей больше, чем проживало во всей Албании. А евреев из уничтоженных там — половина, говорил экскурсовод. Остальные — представители 27 других национальностей.

Я говорю об этом не для того, чтобы как-то принизить боль холокоста. Нет, мы должны о нем все время помнить. Гитлеровцы действительно уничтожили около шести миллионов евреев. Это огромная цифра, если спроецировать ее на всю нацию. Но при этом нельзя забывать и о том, что, кроме евреев, подлежало уничтожению и славянское население, цыгане, другие народы. В част-

ности, французы, сербы, хорваты... Потом я порылся в архивах и обнаружил: в Освенциме погибло не миллион двести тысяч человек, а четыре миллиона. 27 января 1945 года, когда в лагерь вошли наши войска, там было в живых всего 2819 человек. Из них советских граждан 96.

В 1999 году в журнале «Новая и новейшая история» я прочитал статью немецкого ученого доктора Вольфрема Верте. Он писал, что «война Третьего рейха против Советского Союза была с самого начала нацелена на захват территории вплоть до Урала, эксплуатацию природных ресурсов СССР и долгосрочное подчинение России германскому господству. Перед прямой угрозой планомерного физического уничтожения оказались не только евреи, но и славяне, населявшие захваченные Германией в 1941—1944 годах советские территории. Лишь недавно предметом исследований историков ФРГ стал «другой холокост», направленный против славянского населения СССР, которое, наряду с евреями, было провозглашено «низшей расой» и так же подлежало уничтожению».

Это пишет немецкий исследователь. Поэтому, когда мы говорим об Освенциме, мы не должны забывать, что это был только один из лагерей смерти, где уничтожали людей очень многих национальностей. И наша Победа была не только освобождением Европы, но и спасением ее народов от физической ликвидации, от полной гибели. И когда сегодня кое-кто начинает говорить о том, зачем нам было вообще воевать, лучше бы сдаться в плен немцам, жили бы так же здорово, как в сегодняшней Германии, — так говорят те, кто вообще не существовал бы на этом свете, если бы победили фашисты. Целые поколения были бы физически истреблены и уничтожены.

Слушая такие разговоры, я вспоминаю Смердякова из «Братьев Карамазовых», который говорил: если бы нас покорила Наполеон, «умная нация покорила бы весьма глупую — и присоединила к себе. Совсем даже другие были бы порядки». Примерно такая же «смердяковщина» и звучит иногда и сейчас из уст молодых, не очень просвещенных и умных людей.

— Есть где-нибудь точные цифры, сколько народу мы освободили из концлагерей, сколько спасли?

— Да, конечно. Их можно найти в справочной литературе о той войне. Но даже не заглядывая в нее, можно вспомнить, что мы освободили Румынию, Болгарию, Чехословакию, Венгрию, Авст-

рию, Югославию (в большей ее части), небольшой кусочек Греции, Польшу, Германию, кусочек Дании, остров Борнхольм, территорию Северной Норвегии. Кроме того, мы в известной мере спасли и Финляндию. Она вышла из войны благодаря нашему давлению, и земля Финляндии, ее города и села не пострадали ни от авиабомбардировок и ни от артиллерийского огня.

Не забудем, что, выполняя свой святой освободительный долг, Советская армия потеряла в Румынии около 69 тысяч человек, в Польше — 600 тысяч, в Югославии — 8 тысяч, в Чехословакии — 140 тысяч, в Венгрии — свыше 140 тысяч, в Австрии — около 26 тысяч, в Германии — 102 тысячи... Вечная память и вечная слава нашим героям.

А еще я хочу напомнить, какие концентрационные лагеря мы освободили, сколько там от рук фашистских варваров погибло людей. Это тоже нельзя никогда забывать. Ведь у нацистов было 20 основных лагерей и около тысячи их филиалов. Они работали, как конвейеры смерти. Только на Украине таких лагерей было 180, в Белоруссии — 260. Именно там было замучено одиннадцать миллионов советских граждан, среди которых только четыре миллиона носили погоны.

Вот крупнейшие из них — Тростянецкий возле Минска (погибло 200 тысяч человек), Яновский на окраине Львова (погибло 200 тысяч), Саласпилский возле Риги, тот, который госпожа президент Латвии называет «лагерем трудового перевоспитания», там погибло сто тысяч человек, видимо, не «перевоспитались». В Даугавпилсе уничтожено 160 тысяч. Лагерь Панеряй возле Вильнюса (сто тысяч погибших), 9-й форт в Каунасе — 80 тысяч. Лагерь под Нарвой (Эстония) — 30 тысяч погибших.

А еще были концлагеря в Австрии и Германии — Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Равенсбрюк, Треблинка, Майда-нек... Всего через них прошло 18 миллионов человек, из которых, не считая тех, что уничтожены на территории Советского Союза, погибло 11 миллионов.

Уничтожение «неполноценных народов» лежало в основе нацистских планов. И они, как вы знаете, реализовывались с немецкой пунктуальностью. Еще в 1924 году в «Майн кампф» Гитлер писал: «Мы видим решение наших проблем в завоевании новых земель, которые могли бы заселять немцы. И когда мы говорим о завоевании земель в Европе, имеем в виду Россию и те государства, которые ей подчинены».

Между прочим, Гитлер это не сам придумал. Еще в 1914 году, документ стал известен только сейчас, он называется «Меморандум Секта» — меморандум кайзеровской Германии. В нем высказывалось желание заключить сепаратный мир с Бельгией и Францией, обеспечить себе тыл и отправить германские войска на завоевание России. Это был главный смысл этого документа. А дальше там написано: «Эта война, возможно, будет стоить нам одного миллиона людей. Что значит по сравнению с этим изгнание 20 миллионов человек, среди которых много таких подонков, как евреи, поляки, мазуры, литовцы, эстонцы и другие. У нас есть силы сделать это. России придется при дальнейшей экспансии примириться с потерей земель. Если таким образом весь излишек энергии трех поколений немцев будет направлен на колонизацию Востока, тогда мир с Англией на основе статус-кво также станет возможным. Но если Англия будет вести войну до предела, если нам понадобятся какие-либо колонии, мы их завоюем, но в 2000 году вряд ли спор будет решаться между Германией и Англией (напоминаю, это они писали в 1914 году. — *Ф.Б.*), скорее всего, между Европой, Азией и Америкой».

Конечно, они подразумевали под Европой себя без Англии, которая уже ничего не стоила бы. А сейчас, как вы знаете, «старая Европа» тоже не очень нравится американцам и противоречие между Европой и США продолжает существовать.

Кстати, вот указание Гимmlера, которое он дал на одном из совещаний руководителей СС. Он прямо сказал: одной из задач похода на восток является уничтожение 30 миллионов славян. А уже в приказе командующего 4-й танковой армией Гепнера 2 мая 1941 года открыто говорилось, что предстоящая война будет продолжением борьбы германцев против славянства. Так что задача уничтожения народов стояла совершенно четко и так же четко формулировалась.

Я считаю, в юбилейные дни шестидесятилетия Победы мы должны об этом постоянно напоминать людям. Это важно не только для россиян, но и для поляков, для всех народов Европы. Мы должны помнить о том, что фашизм — это была угроза человечеству. Надо, чтобы это сохранялось в памяти всех наших потомков.

— Вы знаете, что сегодня, к сожалению, память о злодеянии фашистов, об их человеконенавистнической идеологии и практике почему-то улетучивается. Доходит до того, что люди начинают иг-

рать в нацистов. Вот и наследник английского престола принц Гарри приходит на вечеринку в тропической форме наци, со свастикой на рукаве, фашиствующие молодчики выходят на улицы Германии, Польши и даже у нас в России, которая потеряла от рук гитлеровцев 27 миллионов человеческих жизней... Что надо делать, чтобы искоренить эту заразу? В чем тут проблема?

— Тут не нужно ничего смешивать в одну кучу. Фашизм, который возрождается, по-моему, надо разделять на несколько категорий. Фашизм в Германии — это попытка реванша. У меня такое впечатление, я хотел бы ошибиться, что некоторым народам, в последнее время усиленно заселявших Германию, будет там не очень уютно в ближайшее время. Что касается западных государств — Англии, США, то это остатки тех настроений, которые существовали там и в годы войны. И в Англии, и в США. Это попытки возгонки тех корешков, которые не были выкорчеваны в послевоенное время.

А у нас люди, которые становятся на путь антисемитизма, антикавказских настроений, где у нас в первую очередь и проявляются фашистские настроения, то это вопрос воспитания — с одной стороны, с другой — люди не всегда понимают, что их просто провоцируют на то, чтобы в стране не было стабильной, спокойной обстановки. Весь вопрос в этом.

Наша главная беда состоит в том, что никак не удастся отделить борьбу с чеченскими террористами от отношений с чеченским народом. Если послушать отдельных наших политиков и почитать некоторые печатные издания, то постоянно звучит: эти чеченцы, эти чеченцы... И никто, кроме, может быть, руководителей страны, четко не артикулирует, что мы воюем не с чеченцами, а с наемной армией.

Те чеченские боевики, о которых везде говорят, на самом деле далеко не все чеченские. Чеченцев там по национальности процентов тридцать, не больше. Остальные — арабы, турки, есть даже славяне... Это наемная армия. И террор, который они наводят, это террор международных бандитов. Они проводят боевые операции на территории противника, какой для наемных армий и является территория России.

Почему я об этом говорю? Потому что, когда мы обсуждаем эту тему, невольно затрагиваем проблему раскола между национальностями. Смотрите, случился Беслан. Трагедия страшная, ничего

не скажешь. Но обратите внимание, как она освещалась у нас в прессе. Первый поток публикаций только и утверждал, что на со-роковой день осетины опомнятся и начнут мстить. Кому мстить? Ингушам. Ведь террористы пришли со стороны Ингушетии. А давайте зададимся вопросом: зачем осетин натравливать на ингушей? Кому это выгодно? Кто заинтересован в обострении и так неспокойной ситуации на Северном Кавказе? Думаю, тот, кто и содержит эту наемную армию, кто снарядил и наслал террористов на бесланскую школу.

И такие настроения переносятся дальше. Чудовищное по своей безнравственности и нелепости письмо депутатов Государственной думы, которое они направили в Генпрокуратуру с требованием запретить все еврейские религиозные организации, тоже из этого ряда. Я думаю, люди попались на провокацию. Она очевидна — показать, что в России растут фашистские настроения, как и в других странах.

Обратите внимание, это было сделано в те дни, когда мы отмечали шестидесятилетие освобождения Освенцима, когда наш президент был там и говорил о своей боли за все происшедшее там и в нашей стране. И если что-то подобное произойдет, как с этим письмом, в Германии или какой-то другой стране, там появится возможность сказать, что они ориентируются на фашистов России. А может, все и сделано только для этого.

У меня недавно была встреча с журналистами. Они спросили меня, как я отношусь к подобным письмам. Я ответил: вот вы сейчас пишете о первом взрыве в метро, который устроили тридцать лет назад армянские националисты. Все о нем забыли, а вы напомнили. И не понимаете, что даете невольную подсказку другим «шизикам», что подобное можно повторить. Вот почему нужно быть очень осмотрительным и вдумчивым при освещении того или иного происшествия. Главное — не навредить, не подтолкнуть к новой беде, не накликать ее.

А возвращаясь к фашистским планам полного уничтожения народов Европы и СССР, мы должны помнить: Россия — многонациональная страна и в этом прежде всего ее сила. Без мощного многонационального союза, без искренней дружбы между всеми народами, населяющими наше государство, без доверия друг к другу, нам не прожить. Что стало основой нашей Победы в годы войны — именно эта братская дружба. Никто никогда в те годы не говорил и даже не думал ни о каких межнациональных проблемах.

— Как же тогда выселение из Крыма татар, чеченцев и ингушей, карачаевцев с Северного Кавказа, турок-месхетинцев из Грузии, немцев из Поволжья?

— Это другое. Война есть война. Никто сейчас не вспоминает, что американцы посадили в концлагеря всех своих граждан-японцев. В Первую мировую войну царь выселил немцев тоже. Это была мера предосторожности воюющего государства. Что касается крымских татар, народов Северного Кавказа и месхетинцев, то я считаю, что это не была правильная мера. Совершенно неоправданная. Но она была рождена эмоциями Верховного главнокомандующего, поведениями отдельных представителей этих народов в период оккупации. Но народ не может отвечать за то, что среди него встречаются моральные уроды. Они есть среди любых наций и народностей.

— Да, были полицаи и среди русских, украинцев, белорусов... А власовцы? Никто же не обвинял целый народ за то, что среди него нашлись негодяи.

— Безусловно. И тут двух мнений быть не может. Я не исключаю не только каких-то несоразмерных эмоциональных решений, но и того, что кто-то из тогдашних руководителей страны под флагом «борьбы с изменниками» решал и какие-то другие, одному ему известные проблемы. За что выселили тех же турок-месхетинцев? Ведь они не были оккупированы немцами. Не сотрудничали с ними. Более того, все мужчины-месхетинцы были в это время на фронте. Представляете, каково было им, взяв Берлин, возвращаться не домой, а в ссылку, к своим женам, детям, старикам-родителям, брошенным на выживание в безлюдных степях?!

Теперь о власовцах. У нас сложилось весьма искаженное представление об армии генерала Власова. Был какой-то период времени, когда мы слишком много народа зачислили во «власовцы». Однажды я беседовал с одним из офицеров, который в годы войны командовал небольшим подразделением. Он мне начал рассказывать, как воевал с власовцами. Я удивился: постой, говорю, ты в срок втором году вернулся с фронта, потеряв там ногу. Никаких власовцев в те времена и близко не было.

Армия Власова, если строго говорить, это всего две дивизии. Причем они не участвовали в боях на советском фронте. Единственный случай, немцы выбросили полк, на этом настоял Гиммлер, для борьбы с партизанами в Белоруссии. Да и то большая часть

полка тут же убежала к партизанам. После этого их на фронт не пускали. Первые боевые действия, где они приняли участие, — это была Прага. Перед Власовым стояла задача задержать наши части до прихода американцев, которые, по замыслу гитлеровцев, должны были взять столицу Чехословакии.

Но этого, как вы знаете, не получилось. Мы взяли Прагу, арестовали Власова, и все кончилось. А в гитлеровской армии служили не только власовцы. Там существовали подразделения чистых предателей, и мне приходилось участвовать в таких боях, когда нам в тыл выбрасывали в советской армейской форме и немцев, и русских. И они в тылу начинали нас крошить. Это было под Спас-Деменском в Калужской области.

Служили в гитлеровской армии и другие граждане нашей страны. В основном на хозяйственных должностях — они оружия не получали. Потом их всех стали называть «власовцами». Я помню свой разговор с писателем Анатолием Калининым. Мы обсуждали его роман «Эхо войны», где все предатели назывались власовцами. Я спросил его: зачем вы так пишете? Получается так, что власовцев было много больше, чем на самом деле. Так и начали складываться подобные легенды и мифы.

Сейчас, кстати, бандеровцы, когда их упрекают в сотрудничестве с фашистами, говорят: подождите, у вас была целая армия власовцев. А нас сколько было? По существу, под началом немецкого командования из числа советских граждан, если я не ошибаюсь, в том числе и в «национальных» подразделениях — туркестанский, калмыцкий корпус, эсэсовская армия из украинских националистов, эстонская и латышские дивизии СС, которые воевали против Советской армии, всего-то было не больше двухсот тысяч человек. На Западном фронте был грузинский батальон небольшой, который немцы сформировали из военнопленных. И все. Сравните с одиннадцатимиллионной Советской армией и увидите, это ничтожная цифра предателей. Хотя и далеко не все там были идейные противники советской власти, а больше жертвы тех страшных обстоятельств, к которым привела война.

Давайте говорить о ней правду, какой бы горькой она ни была. Но одну только правду. Без этой правды, несмотря ни на какие ее страницы, тоже не было бы нашей великой Победы.

Есть обстоятельства, когда воевать надо

Мы решили, что раз победили, то нам нечего бояться. А на самом деле мы должны были заботиться о том, чтобы укреплять государство, экономику, армию, реагировать на то, что было направлено против нас. И не допускать мысли, что мы непобедимы. В этом, по мнению участника Великой Отечественной войны, бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Филиппа БОБКОВА, состоит для нас один из важных исторических уроков.

— Филипп Денисович, готовясь к встрече с вами, я познакомился с мемуарами ветеранов органов государственной безопасности. Из одной книги увидел ваше фото, а под ним прочел следующие строчки: «Только что с фронта — две медали «За отвагу», орден Славы, два тяжелых ранения и сорок осколков «легких». Тут еще написано, что вы — «воспитатель и наставник многих блестящих офицеров КГБ». Но в преддверии Дня Победы хотелось бы задать вопросы, именно связанные с вашим участием в Великой Отечественной войне.

— Значит, о войне. Стоит начать разговор с того, что необходимо опровергать публикации, которые в последние годы занимают немалое место в освещении истории Великой Отечественной. Прежде всего о том, что Советский Союз практически выступал в роли агрессора. Факты свидетельствуют совершенно об ином. Руководители государства, и прежде всего Сталин, стремились как можно дальше оттянуть неизбежную войну.

О том, что война нас не минует, знали все. Мое поколение понимало, что воевать будем. И что воевать будем с фашизмом. Мы видели реальную угрозу, ощущали ее и понимали, что рано или поздно с этой силой фашистской столкнемся. И поэтому нельзя сказать, что война была неожиданной... Но то, что сегодня говорят о том, что чуть ли не Советский Союз начал войну, — вымыслы, фальсификация.

Очевидность не требует доказательств, но есть и свидетель, который сомнения вряд ли вызывает. Фельдмаршал Эрих фон Ман-

штейн в своих мемуарах пишет: его знакомство с документами начала войны вовсе не свидетельствует о том, что Советский Союз готовил нападение на Германию. Это первое, что хотелось бы сказать.

И другое. Протоколы Молотова — Риббентропа о разделе Польши. Осуждение этого документа состоялось. Но справедливо ли оно? Советский Союз в то время оказался в таком положении, что иного выхода не было. Англия, Франция и другие страны все время ожидали, когда он столкнется с Германией. И делали все, чтобы это столкновение произошло. И поэтому в 1939 году советское руководство пошло на заключение договора с Германией. Если бы Франция и Англия согласились на союз с нами, что им и предлагалось наверное, этих протоколов и договора не было бы. Но они уклонились тогда от создания антигитлеровской коалиции, и выбора у советской стороны не осталось. К тому же договор с Германией оттянул начало войны. Стоит вспомнить и то, что по этому протоколу Советский Союз отодвинул границы на запад примерно на 300 — 400 километров. Представьте себе, что 22 июня мы остались на прежних рубежах...

— *Филипп Денисович, как для вас началась война?*

— Война меня застала в Донбассе, в городе Макеевке, я там жил, рос, учился. Ушел из Донбасса вместе с отцом, перед приходом немцев.

— *Вы тогда учились или работали уже?*

— Я учился в школе, еще десятилетку не окончил. Мы ушли из Донбасса, семья наша осталась вся в оккупации, мы их больше никого не видели, все погибли, а мы с отцом оказались в Кузбассе. Он работал в системе угольной промышленности. Там и я начал работать на строительстве завода, затем был избран секретарем городского комитета комсомола в Ленинске-Кузнецком. В 42-м в Сибири формировался добровольческий корпус, получивший наименование «6-й Сталинский стрелковый корпус сибиряков-добровольцев». В июне 43-го корпус преобразовали в 19-й гвардейский. Гвардейские дивизии сохранили наименование сталинских стрелковых дивизий добровольцев-сибиряков, их номера — 65-я, 22-я и 56-я. Я в то время был в 22-й дивизии. После переформирования приняли первые бои уже в качестве гвардейцев под городом Спас-Демянск на Гнездиловских высотах. Бои кровавые и тяжелые. Там был ранен.

— *А кем вы были?*

— Командиром отделения, командиром взвода до конца войны. Тогда стал ветераном, было мне 19 с половиной лет.

А после войны в июне 45-го меня направили в школу контрразведки «Смерш».

— *А до этого вам приходилось с контрразведчиками встречаться?..*

— Полковых офицеров военной контрразведки, конечно, знал. Они участвовали в боях и занимались своим делом.

— *Но ведь пишут, что «Смерш» на фронте был везде, всюду все контролировал?*

— Лучше всех о нем написал писатель Владимир Богомолов в своем романе «В августе сорок четвертого».

— *А вы кем хотели стать?*

— Мечта была окончить судостроительный институт в Николаеве.

— *Откуда такая тяга к морю, вы из Донецкой области, там степи, курганы?..*

— Степи и курганы морю не помеха.

— *Филипп Денисович, прежде чем перейти к мирной жизни, хочу спросить о самом памятном событии войны...*

— Очень трудно его выделить. Для меня, например, очень памятны бои под Новосокольниками, это март 43-го. Очень тяжелые... Многое осталось в памяти. Смерть отца, конечно. Тяжелый был для меня удар, но на войне это легче переживалось, потому что смерть была рядом каждый день. Памятно форсирование болот Лубанской низменности, бои за освобождение Риги, под Ауце. Войну закончил в Курляндии. Тяжелые были бои. Поскольку фактически вся армия ушла на запад, то здесь, в Курляндии, осталась очень небольшая группировка наших войск, которая сдерживала курляндскую группировку немцев. Бои не были рассчитаны на победу, надо было сдерживать почти 100 тысяч немцев. После капитуляции они дня четыре шли сдаваться.

— *А вот насчет ваших наград, подвигов...*

— Я принес с собой газету нашей дивизии, вот она. Тут есть заметка и обо мне. Я ее взял, чтобы избавиться от необходимости рассказывать...

— *А вот еще какая-то бумага, это реляция?*

— Нет, это политдонесение. Я сейчас пытаюсь написать статью про наш корпус и в Подольском архиве совершенно неожиданно нашел политдонесение из дивизии. И там прочел строчки о себе...

— *Интересно, вас тут бесстрашным назвали. А на самом деле на войне страшно?*

— Страшно, конечно, но в бою это не ощущается.

— *Страх заглушался водкой?*

— Нет. Водка была с 1 октября по 1 апреля.

— *Только зимой, чтобы не замерзнуть.*

— Да, 100 грамм водки в день.

— *Вы, наверное, не пили, молодой были...*

— Нет, пил. Но, между прочим, перед боем никогда не пил. После боя пил. А перед боем никогда.

— *А как все-таки страх подавлялся?*

— Трудно это описать. Конечно, страх был, но во время боя какая-то сила появлялась, которая снимала его.

— *А было какое-то суеверие?*

— Нет, не было.

— *Была идея, вы шли в бой за веру?*

— Была идея. Было чувство, что я должен это делать. Никакого другого чувства не было. Страх ощущался после ранения, когда возвращаешься на фронт, когда подходишь к передовой, слышишь взрывы... А потом опять привыкаешь.

— *Человек привыкает к войне, это же естественно!*

— К войне нельзя привыкнуть, но есть обстоятельства, когда воевать надо. Это понимали солдаты Великой Отечественной: тут и мобилизация, и дух коллектива, и конечно же справедливые цели войны.

— *Приходилось ли встречаться с элементами трусости, предательства ?*

— С предательством нет. Трусость была.

— *Это в чем выражалось?*

Человек иной раз пытался спрятаться, не выйти из окопа, не подняться в атаку.

— *Это нетипично?*

— Да. Ведь иной раз может быть такое, что у человека сегодня одно настроение, завтра он совсем другой.

— *А не было такой беспощадной гонки в бой? Плевать, что у тебя на душе творится. Иди и умирай.*

— После войны, особенно в последние годы, приходилось читать и об этом. Но мне не приходилось видеть такое.

— *Итак, война закончилась, и вы хотели строить корабли.*

— После войны я оказался в Ленинграде, в *школе военной контрразведки*.

— *А где была ваша семья? Папа погиб...*

— Брат погиб. Я из семьи остался один.

— *А мама?*

— Тоже умерла.

— *То есть вам и идти было некуда...*

— Да, я был свободен со всех точек зрения. Сам делал свой выбор, сам решал свою судьбу. Выбор сделали без меня, но я без колебаний согласился с этим выбором.

— *Это достаточно жестко было?*

— Нет. Последнее слово оставалось за мной.

— *После учебы в школе службу вы начали в центральном аппарате госбезопасности. Начали с помощника оперуполномоченного и закончили первым заместителем председателя КГБ. В какой вы попали отдел, чем занимались?*

— Моя работа в органах государственной безопасности все время проходила внутри страны. Всю жизнь проработал в контрразведке. Контрразведка имела разные профили, разные направления. Основная линия контрразведки — борьба со шпионажем. Но контрразведка — это и работа на транспорте. Контрразведка, оберегавшая промышленность, секреты, в частности атомной промышленности. Была и есть контрразведка, которую сейчас чаще именуют политическим сыском. Но это политическая контрразведка, задача которой защита государственного строя. Вся контрразведка защищала строй, но эта контрразведка отличалась тем, что охраняла политическую систему. Замечу, что такая служба не является изобретением советской власти. Она существует во всех государствах. В Германии, например, это ведомство по охране конституции. Большую часть своей службы в органах работал именно в этой области. Поэтому и оказался в 5-м Управлении, когда оно было создано. Основными функциями его было прежде всего изучение процессов, происходящих в стране и в обществе, знание которых способствовало бы предотвращению негативных проявлений; процессов, используемых зарубежными центрами «холодной войны» в целях подрыва государственного строя. В задачу управления входило и предотвращение проникновения на территорию страны агентуры, засылаемой с целью созданий так называемых очагов сопротивления, и недопущение нежелательных процессов,

и содействие своей информацией выработке решений, направленных на устранение причин возникновения негативных ситуаций.

В условиях «холодной войны» работа эта приобретала особое значение. Война-то шла. После речи Черчилля в Фултоне в западных спецслужбах появилось много планов «холодной войны». Они определяли стратегические цели и тактику «холодной войны». В войне использовались легальные и нелегальные (диверсионные) средства и методы. Последние породили термин «идеологическая диверсия». Легальные — пропаганда с использованием радио, телевидения, листовок, газет, книг, обработка людей при физических контактах.

И скрытые. Они выражались в нелегальном проникновении в страну с целью поиска людей, которые могли бы встать на путь сотрудничества с зарубежными центрами «психологической войны».

И если говорить о 5-м Управлении, то основная задача состояла в выявлении каналов подобного рода и их перекрытии. В этом состояла суть защиты конституционного строя. Сейчас иногда говорят, что вот, мол, работали среди интеллигенции, как бы не доверяя ей. Нет, мы работали не в среде, а на каналах проникновения в страну. Всю работу выстраивали для защиты государственного строя, защиты общества.

Тут сразу возникает вопрос: вот вы тут занимались, а страна-то развалилась... Причины случившегося не лежат на поверхности. И не только в деятельности органов госбезопасности дело. Они требуют глубокого анализа и осмысления. Скороговоркой о них не скажешь.

— *Имело место предательство руководства страны, прямое или не прямое?*

— Не хочу говорить о предательстве, как и об агентах влияния. Очевидно: разрушительные процессы, назревавшие в государстве (не стану детализировать), многие годы оставались без внимания властей предрежащих. А во времена Горбачева действия власти во многом совпадали с замыслами противной стороны. Раскрытие истины — дело истории. Ясно одно: что угроза с Запада и то, что она таит в себе, не было тайной. Эта угроза возникла не в последние годы. Чувствовали ее не только в КГБ. С начала 70-х годов на эту тему много говорилось. Но угроза требовала действий. С одной стороны, следовало активно реагировать на действия, которые вел против страны Запад. С другой — серьезно задуматься над процессами, ко-

которые возникали внутри государства. Возникали, допустим, массовые беспорядки. Причины их известны. Но реагирования не было. Стеснялись, например, говорить о растущем недоверии в народе к партийному руководству, о появившейся коррупции в государственном аппарате, о межнациональных противоречиях.

— *Но вы же докладывали о них?*

— Докладывали не только мы. Но высшая власть молчала. Сегодня, накануне Дня Победы, нельзя не сказать и о такой, наверное, причине нашей трагедии. Мы очень долго праздновали победу. Уверовали в то, что раз победили, то нам и нечего бояться, а на самом деле следовало заботиться, чтобы после победы не только укреплять себя, но и реагировать на то, что представляет опасность, не допускать мысли, что мы непобедимы. Гордости оказалось недостаточно для поступательного движения, для обеспечения продуманного развития экономики, укрепления общественных начал и государственного обустройства. Критически оценить происходящее в стране, увидеть опасности, идущие извне, желающих не оказалось. Потому и запоздал столь важный вопрос, заданный Ю.В. Андроповым: в каком обществе мы живем?

А жили в обществе, пользовавшемся накоплениями прошлого, заслугами тех, кто победил в октябре семнадцатого и в мае сорок пятого, тех, кто трудом своим залечил раны войны, кровью и потом вывел страну в мировые лидеры.

Их-то и предали сознательные или несознательные разрушители Советского государства. Предали те, кому они верили и вручили свою судьбу. В их числе и тот, кто, до последних дней держась за власть, уверял в своей верности социалистическому выбору. Именно он и его окружение воспользовались утвердившейся в народе и обществе уверенностью в отсутствии угроз великому государству. Пелена гордыни закрыла глаза той партии, которая обязана была первой бить тревогу и действовать.

Нельзя не сказать и об экономике. Эту тему невозможно раскрыть в кратком интервью. Экономика в СССР развивалась в сложных условиях. Гражданская война, борьба против оккупантов в первые годы после революции привели к разрухе. Потребовалось время для ее восстановления при жесткой экономической блокаде, в расчете только на собственные силы. В этих условиях вряд ли возможно было удержаться без силовых акций, без насилия над объективными законами развития экономики. Страна

весьма мало имела мирных дней, а фактор грядущей войны был постоянным и требовал насилия над экономикой. Затем война 1941—1945 годов. Экономика выдержала и сыграла решающую роль в Победе.

Но вновь — восстановление разрушенного. Восстановили промышленный потенциал, создали, по существу, заново экономическую базу, решили основную задачу укрепления обороны (атомная бомба). Появилась возможность раскрепостить сельское хозяйство, позволить ему не только отдавать, но и потреблять для своего развития производимый продукт. Это вытекало и из обнародованной после смерти Сталина «программы Маленкова» (он стал Председателем Совета Министров). Но развитие эта программа не получила. Та же участь постигла и экономическую реформу, предложенную в более поздние годы Алексеем Николаевичем Косыгиным. Но страна ждала реформ. Это нашло выражение в том, с каким энтузиазмом партия и народ поддержали перестройку. Поддержали потому, что понимали ее необходимость. Но ход перестройки, конечно, встретил безусловные возражения.

— *У нас сейчас много пишут о диссидентстве. Вам приходится сталкиваться с этим явлением? Что оно собой представляет?*

— Диссидент — это инакомыслящий. Наименование «диссидент» пришло к нам с Запада. Сейчас достаточно много людей, которые именуют себя диссидентами того времени. Если придерживаться этой терминологии, то диссиденты были неоднородны. С одной стороны, люди, которые в силу своих убеждений или каких-то иных причин встали на путь прямого или косвенного сотрудничества с Западом, на путь подрыва конституционного строя в нашей стране и тем самым нарушили закон. И они попадали под уголовное преследование. На Западе именно их именовали диссидентами. Но это не инакомыслящие. С теми, кто «мыслил по-иному», органы не боролись. И когда сейчас говорят, что я вот тоже был инакомыслящий, ну и Бог с тобой, никто тебя не преследовал.

— *То есть нужно различать «практиков» и «теоретиков»?*

— Очень много сейчас людей, желающих именовать себя диссидентами, поэтому «диссидентская скамейка» стала весьма длинной.

— *Это напоминает историю с бревном, которое вместе с Лениным на субботнике несли тысячи очевидцев. Хочу за-*

дать неприятный вопрос. Пишут, что с вашей помощью была создана суперспецслужба, которая имела компромат на всех.

— Ответ давно подсказан великим поэтом: «Хвалу и клевету приемли равнодушно», а о глупцах поговорим в другой раз.

— А что нас ждет в ближайшие годы?

— Очень часто задают этот вопрос. Должен сказать, что самая серьезная угроза для нас — это угроза существованию Российского государства. Фаза борьбы с коммунизмом, с социалистическим государством, с Советским Союзом, к сожалению, увенчалась успехом, Советский Союз развалился.

Но вместе с тем угроза развала России не прошла. Считаю заслугой президента Путина, что он первым из лидеров постсоветского времени сказал о том, что нам надо бороться за сохранение государства, за сохранение территориальной целостности России. Это очень важная вещь. Какой бы непопулярной ни являлась война в Чечне, но эта война за территориальную целостность России. Тяжелая, кровавая, но если здесь отступим, «трещина» пойдет дальше.

Страна оказалась в очень сложном положении. Сейчас государство не великое. Свое величие сохраняем в истории и надеемся на возрождение в будущем. Мы находимся на таком уровне, когда нам подниматься очень трудно. И для того чтобы мы поднялись, надо очень много времени.

— Но есть надежда на то, что мы выкарабкаемся?

— Должны, если все мобилизуемся. Президент Путин прав, когда говорит, что никто специально помогать нам не будет. Первое: надо сохранить государство. И предотвратить процессы, которые направлены на его развал. И постепенно поднимать экономику. Я себя ловлю на такой аналогии, что мы оказались в положении, которое было во времена Брестского мира. Тогда было трудно, сложно и существовала огромнейшая угроза гибели государства. Надо было выбирать: или мы бросаемся в омут и, закрыв глаза, кричим, что идем к победе мировой революции. Или мы пойдем на какие-то жертвы, даже на позорные какие-то шаги, но сумеем сохранить, выиграть хотя бы немножко времени, чтобы передохнуть и что-то сделать. Пошли на Брестский мир. Позорный. И сейчас еще о нем говорят. Но получили передышку, армию создали.

— Но там Ленин был, там такие фигуры стояли.

— Речь идет не о фигурах, а о понимании обстановки того огромного давления на ослабленную страну, и нам не избежать усту-

пок для того, чтобы сохранить государство, получить время для созидательной работы.

— *Да у нас коридор очень узкий.*

— Но не заперт. Выход есть. Считаю, что он, конечно, сопряжен и с компромиссами, и с непопулярными уступками. А как иначе? Воевать с Западом? И не стоит обвинять президента в непопулярных мерах. Его политика в этом вопросе требует поддержки. Важна конечная цель.

— *А вы знали, когда были в руководстве комитета, подполковника Путина?*

— Нет.

— *Я думаю: вы — чекист и он чекист, значит, оба должны анализировать обстановку одинаково...*

— Сейчас очень много говорят о послании президента. В нем есть одна вещь, которая пока остается малозамеченной. Там сказано, что надо решить проблему утверждения правительством бюджетов инфраструктурных монополий.

— *То есть взяться за основные деньги страны?*

— Считаю это одним из важнейших положений обращения.

— *Филипп Денисович, бюджеты монополий тесно перекликаются с такой острой нынче темой, как глобализм и антиглобализм. Россия ведь тоже втягивается в это противостояние. Вы анализировали эту проблему? Чем она грозит нашей стране?*

— Да. С группой товарищей мы коснулись этой проблемы. Исходим из того, что капитализм, как всякая общественная формация, постоянно развивается. Одно время была такая стадия, как империализм. Это, по Ленину, высшая стадия. Но, конечно, не конечная, не застывшая. Империализм в социализм не перерастал, хотя социализм рожден в условиях империализма. Империализм развивался, на наш взгляд, в сторону глобального капитализма, то есть той стадии, на которой сейчас находится. Это объективный процесс развития человеческого общества, хотим мы этого или нет. В глобальном капитализме ныне ведущую роль играют Соединенные Штаты. Так как при империализме такую же роль играла Великобритания. Мы должны уметь находить свое место в этом глобальном мире. При этом осторожно относиться к антиглобализму, потому что антиглобализм отражает в себе нарождающуюся противодействующую структуру. Ее ни-

как нельзя сразу оценивать как террористическую. И в этих условиях необходимо находить шаги, которые не отбрасывали бы нас от мирового процесса, находить свое место в этих новых условиях. Главное противоречие, которое рождено и усиливается при глобальном капитализме, — это противоречие между богатством и нищетой. Когда существовала социалистическая система в Европе, она несколько сдерживала развитие глобального капитализма своим присутствием, своим участием в мировом процессе. Она рухнула, и остро обнажились противоречия современного мира. И, повторюсь, главное противоречие: богатство и бедность. Его преодоление сулит человечеству и нашей стране тяжелые испытания.

— *Вы в общественной жизни никак сейчас не участвуете?*

— Остаюсь коммунистом, но в партии не состою. Сейчас хочу заняться историей гвардейского корпуса, в котором воевал. Состою в землячествах донбассовцев и кузбассовцев. Принимаю участие в ветеранских делах. В частности, в ассоциации ветеранов контрразведки «Веткон», которую возглавляет генерал Григорий Федорович Григоренко, много сделавший в свое время для контрразведки, и внутренней, и внешней, которыми он руководил.

— *Как строится день генерала армии на пенсии? С утра физзарядка, легкая пробежка... Или вы не любите физкультуру?*

— Одно время много бегал. Потом, когда бегать стало трудно, много плавал. Но сейчас плавать нельзя. Остались прогулки.

— *А отдушиной что — чтение, внуки?*

— Читаю много. Недавно с интересом прочел трехтомник переписки «двух Иванов», серьезного русского писателя Ивана Шмелева со знаменитым философом Иваном Ильиным. Петра Алексеевича Кропоткина перечитываю сейчас. Подтолкнула к этому содержательная книга Маркова «Неизвестный Кропоткин». Кое-что пишу.

— *Книгу итогов, можно так сказать?*

— Нет, сейчас больше пытаюсь осмыслить развал Союза, противоречия глобального капитализма.

— *А как вы оцениваете Калугина? Вы считаете, что он предатель?*

— Да. Он предатель. На очной ставке со своим арестованным ныне агентом сказать ему в глаза, что он с ним сотрудничал... Это чистое предательство.

— *А у вас были подозрения насчет его раньше?*

— А что теперь об этом говорить.

— *А у вас семья большая? Дети?*

— Дети у меня взрослые, у них свои семьи.

— *Они пошли по вашему пути?*

— Нет. У каждого свое призвание. Старший сын — поэт, а младший — доктор биологических наук.

— *Вы за 45 лет службы прошли все ступени — от самого младшего чина до самого высокого.*

— Нет, не все. Младшим сержантом не был. На войне начал с ефрейтора.

— *Вы успешно прошли всю табель о рангах. Скажите, какими качествами надо обладать, чтобы так уверенно шагать по жизни?*

— Насчет уверенности воздержусь. А тайны никакой нет. Считаю, что главное в жизни каждого человека — заниматься делом и никогда не вступать ни в какие интриганские коалиции.

— *Но даже в такой организации, как КГБ, все равно же были какие-то группы?*

— Группы были, но я шел своей дорогой.

Примечание. И еще раз задумываюсь о повторях в собранных в этом сборнике публикациях. Не надоест ли это читателю? Но править не стану. Повтор есть свидетельство тому, что затрагиваемые темы постоянно волновали не только журналистов, проводивших интервью. Их вопросы рождались жизнью, ответы на них искали читатели их газет и журналов. Повторение, таким образом, и является следствием того, что все эти годы шел и идет поиск ответов именно на то, что повторяется и в вопросах и в ответах. Это: предвоенные годы, оценка подвига советского народа в войне, «холодная война», и главное — причины гибели великого государства. Конечно, и сегодняшний день.

От редактора. Кажется, не определяя мнение автора, стоит опубликовать опущенное Владимиром Галайко в изложенном выше интервью. Вот что писала дивизионная газета «Гвардеец» в № 150 28 декабря 1943 года:

Боевой вожак молодежи

«Комсомолец должен быть всегда впереди», — говорил своим боевым друзьям комсорг гвардии старший сержант Филипп Бобков из

подразделения, где заместителем командира по политчасти тов. Колесников.

Не было такого дня, чтобы комсорг не беседовал с бойцами и сержантами. Он всегда в гуще молодежи. Проводя беседы с комсомольцами по материалам газеты «Правда», блокнота агитатора, по сообщениям от Советского Информбюро, тов. Бобков тесно сочетает их с задачами подразделения, мобилизует рядовой и сержантский состав на отличное выполнение боевой задачи.

Был такой случай. Гвардейцы пошли в наступление. Как всегда, впереди шли комсомольцы. Боевой вожак молодежи Бобков личным примером воодушевлял отважных воинов и в самую трудную минуту с группой бойцов ворвался в логово врага, обеспечив подход своего подразделения. В этой схватке он уничтожил лично 15 гитлеровцев.

Когда закончился бой и подразделение выполнило свою боевую задачу, комсорг собрал комсомольцев. Его беседа была посвящена итогам операции. Бобков рассказал о лучших воинах, о их опыте. Тут же были разобраны заявления молодых гвардейцев о вступлении в ряды ВЛКСМ.

Орден Славы III степени и медаль «За отвагу» украшают грудь комсорга. Многие комсомольцы, воспитанные им, награждены командованием орденами и медалями.

Гвардии старший лейтенант Н.ФЕДОРОВ

Интервью с Владимиром Галайко.

Газета «Тверская, 13»

№ 56 от 7 мая 2002 года

Надежде не обязательно умирать. Даже последней

Трудно найти иные слова для начала любой публикации на тему о жизни нашего общества. Так мне показалось. Посему и пишу, как многие: страна переживает тяжелое время. Общество не может опомниться от недавних потрясений. Людей не покидает мысль об их неизбежности в будущем. И вопрос о завтрашнем дне — далеко не праздный.

Ответ на него сегодня чаще всего связан с идеями о возрождении России. Программы самых разных партий, блоков и объединений провозглашают эту идею. Они оправданно видят в ней пути к сплочению общественных сил, озабоченных поисками выхода из кризиса.

Никто не смеет оспаривать благородства этой идеи, тем более опровергать ее. Но ответить на вопрос, о какой России идет речь, представляется закономерным. Нетрудно видеть, что в понятие России вкладывается не единый смысл. Его содержание зависит от того, кто выдвигает сам лозунг возрождения. И это объяснимо, так как проблема в том, что Россия ассоциируется с двумя временными периодами: с Российской империей и Союзом Советских Социалистических Республик. Февраль не успел закрепить себя в государственном наименовании.

Если это так, то и, казалось бы, общее течение к возрождению России неизбежно раздваивается на два русла. И весьма сомнительно, что они могут слиться в единое. И дело не только в общественно-политическом строе, в экономической структуре до- и послеоктябрьской России. Просто и той, и другой России как государства сегодня не существует. И кризис, переживаемый сегодня, — не кризис государственности, не кризис экономический. Это кризис разрушенного государства, потерявшего не только свой строй и экономический уклад (так было в октябре 1917 года), но и свою территориальную целостность. На территории СССР образовалось пятнадцать признанных мировым сообществом государств и три непризнанных.

Сомнительно, что идея возрождения России для них может стать путеводной звездой. Для России же, если иметь в виду Российскую Федерацию, сохранившуюся после СССР, первойшей задачей становится скорее не возрождение, а строительство нового государства. Идея создания нового государства, его экономической основы, возможно, помогла бы найти выход из тупика, сплотить разнополярные силы общества. Сплотить, чтобы созидать, сплотить, чтобы не разрушить оставшегося.

Если допустить жизненность подобной перспективы, то неизбежно дать право на жизнь и концепции создания и развития нового Российского государства. Возрождение, войдет в нее кровной составной частью.

Понятие концепции о строительстве нового государства требует уточнения взгляда на переходный период. Не лучше ли, рассуждая о начальном периоде жизни нового государства, определить ориентиры решения этой, безусловно, исторической задачи. Они должны, по всей вероятности, предусматривать государственную, политическую и социальную структуру нового государственного образования, корректирования законов, совершенствующих исполнение действующего Основного закона Российской Федерации.

Разработка концептуальных основ и программы строительства нового государства невозможна без привлечения всех здравомыслящих сил общества, их сплочения на новой основе. На основе лозунга: «Мы — за новую Россию!»

В создавшихся условиях необходимость сплочения вызывается и тем, что обстоятельства вынуждают нас строить государство в расчете на собственные силы. Это важно, если исходить из того, что оно создается, по существу, на новой территории, точнее, в рамках новых территориальных границ. У государства обрублены экономические связи, подорвана система власти. Более того, государство рождается при наличии огромной, искусственно созданной диаспоры, рассчитывающей и имеющей право жить в своем государстве. Диаспора законно требует права на переселение с родных земель на родную чужбину. Не об этом ли великом переселении народов предрекает Библия?

Однако о другом. Можно ли рассчитывать на восприятие такого рода концепции? Хочется надеяться.

Если же попробовать объединить то, что есть ныне в различных программах, прежде всего в главном — в сфере экономики, то надежда обретает реальность.

Ради решения задачи строительства нового государства компромиссы возможны. Будем говорить пока об экономике. Она ведь определяет надстройку.

Компромиссы не могут не быть найдены в подходах к развитию контролируемых рыночных отношений внутри страны, опирающихся на внутренние сырьевые и производственные возможности, к государственному регулированию базовых отраслей экономики, в обеспечении неприкосновенности различных форм собственности.

Вряд ли вызовет сомнение необходимость поощрения отечественных коммерческих, предпринимательских и финансовых структур, работающих на производящий отечественный сектор экономики и, собственно, инвестирующих развитие передовых отечественных технологий. Близок к этому протекционизм, укрепление кредитно-банковской системы, контроль за внешней торговлей, а также привлечение иностранных инвесторов для внедрения новейших отечественных технологий, отдавая преимущество не сырьевой, а производственной сфере.

Неизбежны изменения в налоговой политике в пользу производителя, отечественного банкира и предпринимателя, и прежде всего налогоплательщика.

При строгом подходе не останутся в стороне и такие назревающие проблемы, как сокращение и последовательный отказ от импорта сельскохозяйственной продукции (прежде всего зерна), передача средств на развитие отечественной зерновой, животноводческой, овощной, садоводческой базы и переработки ее продукции.

Это лишь мысли. Программа должна касаться и отечественной культуры, и охраны здоровья, и привлечения сил молодежи к осуществлению лозунга: «Мы строим новую Россию!»

Наверное, многое из написанного действительно только мысли, которым автор позволил лечь на бумагу. Они претендуют лишь на прочтение.

Но вернемся к идее возрождения России. Для немалого числа людей Россия видится как бывший Советский Союз, не только сохранивший территориальную целостность бывшей Российской империи, но и расширивший ее пространства. О территории говорится потому, что величие государства определяется и его территорией, тем паче исторически сложившейся.

Отсюда идеи восстановления СССР, создания Содружества Независимых Государств, а вот уже и Евроазиатского сообщества. Заманчиво, желательно и, казалось бы, осуществимо. Вот лишь...

Ностальгия живет в людях. Ностальгические чувства по СССР только пробуждаются. Желанием вернуть себя в великую державу, быть ее гражданином живет большинство населения.

Думается, что ностальгия сродни миражу, равно, как и надежда. Хорошо бы надежда не превратилась в мираж. Ей ведь не обязательно умирать даже последней.

Сегодня возрождение СССР встречает сопротивление двух (по меньшей мере) достаточно весомых сил.

Во-первых. Лидеры националистических группировок и их сторонники в бывших союзных республиках. Для них приход к власти, по существу, с неба свалился. Они жили этой мечтой. Но вряд ли верили в ее осуществимость. Как ни странно, но немалую поддержку они нашли в лице бывших руководителей коммунистических партий тех же республик, а также у выходцев из партийного аппарата с сомнительными марксистскими убеждениями. Их сближение с вчерашними противниками (не хочу верить, что идеи национализма скрывались на протяжении многих лет партийной карьеры) объяснимо. В лице националистов они получили опору неустранимая от власти. Суверенизация, а с ней и сохранение власти была ускорена стремлением обеспечить независимость, прежде всего от Ельцина. Еще свежи были в памяти шаги самого Ельцина (суверенизация России), вырывавшегося из-под власти Горбачева. И в том, и в другом случае успех был обеспечен.

Не станем говорить, сколь возрадовался суверенному государству народ, его населяющий, но лидеры и тех, и других сил были удовлетворены. Ценой развала великой державы они остались у власти.

Избрав этот же путь и вкусив славу руководителей независимых государств, обольщенные приемами в Белом Доме, они без труда уверовали в свою историческую предназначенность.

Во-вторых. Процессу укрепления Содружества Независимых Государств и тем более восстановлению СССР противостоят Соединенные Штаты Америки, которым нет нужды возрождать великую державу, к погребению которой они стремились все годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Такая позиция нашла свое выражение в дипломатических усилиях США в установлении связи с государствами, образовавшими

мися после СССР, в поощрении их дистанцирования от Российской Федерации. Вспомним стремительный облет государственным секретарем США Бейкером столиц вновь возникших государств, их быстрое признание и поспешный прием в члены Организации Объединенных Наций. Последовавшие за этим шаги американской администрации также не свидетельствуют о поощрении ими тенденции к содружеству между бывшими республиками СССР.

Такого рода действия и дипломатические маневры дают основание предположить, что они имеют цель не только закрепить разобщение бывшего Советского Союза, но и усилить изоляцию Российской Федерации. Изоляцию политическую, дипломатическую и экономическую. Конечно, при этом не исключается дозированный выход России на международную арену в каждой из названных сфер. Но совершенно очевидно, что Россия обязана готовить себя к жизни в условиях изоляции, огражденной от мира новым «санитарным кордоном». Из нее будут выкачивать сырье, умы и при необходимости вооруженную силу для выполнения «мировотворческих» (то бишь полицейских) функций.

Хочешь не хочешь, а выживать надо и, судя по всему, при отсутствии надежных союзников. Отсюда вновь к тому же — к строительству своего государства без расчета на помощь извне. У нас достаточно сырья, интеллекта и гордости. Гражданам Российской Федерации нельзя впадать в пессимизм, в апатию. Надо спланировать общественный потенциал оптимизма. И новая Россия, впитав в себя свое доброе и горькое прошлое, непременно займет подобающее ей место в мире.

Примечание. Десять лет позади. В одном повторяюсь. Силы, разрушавшие СССР, и сегодня делают все, чтобы не допустить его возрождения. Примеры тому цветные революции на постсоветском пространстве. Но ярчайший пример — подавление Республики Беларусь, провозгласившей свое желание создания Союза с Россией. О такой позиции США и писалось в главе «Взгляд в будущее» в 1996 году.

Мистификация Южная Осетия: кто играет на трагедии народа?

Еще вчера трудно было представить, что кровавая трещина межнациональной распри вновь пройдет между грузинами и осетинами, народами-братьями. Братство это складывалось самой историей, общими радостями и бедами, во многих случаях общим очагом. «Вастарджи» нередко объединял и семьи, и соседей, поощрял совместные торжества и застолья осетин и грузин. Он не был общим божеством, но являлся символом нерушимой дружбы, которую, казалось, ничто не сможет поколебать.

Однако сегодня кровь пролилась. И силы, ее вызвавшие, существуют. Они уже пытались вызвать кровопролитие на заре становления советской власти на Кавказе. И как ни странно, в том и в другом случае эти силы именуют себя демократами. Случайно ли это? Почему кровопролития возникают именно в период «широкой демократической власти в Грузии?».

Сейчас кто-то ищет объяснение в том, что беда кроется в основе решения национального вопроса, в принципах национально-государственного устройства. В этом есть рациональное звено. Но почему же при наличии этой причины десятки лет нигде не лилась кровь, вызванная межнациональной междоусобицей? Ответ «демократов» — держала система. Но грустно поверить, что сила могла обеспечить братские связи между селами и аулами, станицами и кишлаками. Разве могла система удержать дружбу между грузинами и осетинами?

Сегодня некоторые полны желания кроить страну по новым меркам. А вдруг опять ошибемся? Не лучше ли общими силами стабилизировать обстановку в стране, уgomонить националистические страсти? Это ли не платформа для всех партий и общественных движений, то общее, что может принести пользу Отечеству, нашему общему дому? На это уйдет время. Но оно лучший лекарь. И, безусловно, даст возможность хотя бы залечить раны, найти пути к общежитию, к сплочению людей, к развитию национальных культур, возродить национальные традиции.

Сейчас, спеша закрепить свое, и прежде всего собственную государственность, можно много дров наломать. Видно, у людей, зовущих к установлению пограничных столбов чуть ли не у каждой околицы, коротка память. Ведь за каждой вехой — земля. А история хранит немало примеров, когда на меже за землю с топором шел брат на брата, а то и сын на отца. Дай бог, чтобы не повторилось.

Что же все-таки произошло? Далеко от мысли дать точный ответ на этот вопрос, тем более что эти строки — не научный трактат, не исторический анализ, а лишь рассуждения частного лица по конкретному поводу, отклик на события в Южной Осетии.

К несчастью нашему, мы не ко всему своевременно прислушались, а многое и не хотели слышать. А ведь нам даже отсюда, из-за океана, и ближе (ныне ученым некоторым особенно нравится словечко «из-за бугра») давно и постоянно вешали, что разрушить державу нашу можно, только породив неприязнь между народами, подорвав дружбу советских наций и народностей, посеяв рознь между ними.

Но, на беду, уверовали мы в свою неподрывность, монолитность. А бац! Ила между тем проникла, вирус жил и разрушал организм.

Недооценка живучести бациллы национализма привела к тому, что важные лозунги перестройки сепаратисты присвоили себе, сбив ее с пути подлинного обновления социализма, имеется в виду и в национальном вопросе. Никим образом нельзя бросать тень на ведущих представителей национальной интеллигенции, принявших на свои плечи груз перестройки, заботы о возрождении национальных культур. Но за ее плечами к власти те, которым ненавистен коммунизм. Отчего были и прокляты создатели советской культуры, сняты с пьедесталов предвестники нашей революции.

В 60-х годах один из нынешних лидеров украинских сепаратистов толковал: «Нам диссиденты не нужны, их заботы о языке — не наши заботы. Главное — они пробивают дорогу к нашим национальным проблемам». И что ж, пробили. Что обеспечило успех в ряде регионов тем, кто поставил задачу развала страны? Может быть, отказ людей от советского патриотизма и интернационализма? Нет. Дело в том, что произошла большая мистификация.

Перестройка со всей неизбежностью и справедливо поставила в порядок дня лозунг «Вся власть Советам!». Но каким? Конечно, Советам с решающим голосом правящей партии. Партия очень за-

ботливо подошла к решению этой задачи с тем, чтобы в Советах не было только ее монополии. Возникли размышления, как не допустить того, чтобы КПСС вновь подмяла Советы, ограничила их хозяйственной деятельностью, сковала инициативу, не прислушивалась к разномыслию. Словом, необходимо было создать живой организм, способный дать новое дыхание стране. Тут на помощь пришел плюрализм, правда, на первом этапе рассматривавшийся как разномыслие в рамках социализма. Стали возникать новые партии, движения, организации иных политических взглядов и убеждений, подчас далеких от социализма, возродились националистические, а то профашистские, открыто антикоммунистические группировки.

Плюрализм лишился рамок социализма, а на сам социализм началась сначала робкая, прикрытая социалистическим плюрализмом, затем общечеловеческой нравственностью, а потом и открытая фронтальная атака. На этом фоне возник вопрос о независимости Советов. От кого? К сожалению, от КПСС, от правящей партии. От партии, которая отказалась от монополии на власть (видела ли история такую демократичность?), уступила часть власти. Надо подчеркнуть, что сделано это было добровольно, в интересах развития и расширения демократии, ради прогресса, ради привлечения к работе в органах власти активных интеллектуальных сил.

В такой обстановке проходили выборы одни, другие, третьи. Оппозиция оценила жест партии в сторону демократии по-своему — изгнать коммунистов из Советов, лишить их всякой власти. Оппозиция оказалась организованной. Она просто готовила себя к такого рода политической борьбе, ей было легко — она ни за что не отвечала. Все ошибки прошлого были взвалены на КПСС, и задача быстро определилась — убрать ее с политической арены. И странное дело: все видели, как оппозиция, прикрываясь лозунгами партии «Вся власть Советам!», шла к власти, а коммунисты нередко уступали ей дорогу, боясь повредить расцветающей демократии, боясь быть зачисленными в противники плюрализма. Многие просто пригнули головы.

В чем же мистификация? В том, что оппозиция ратовала за Советы, за советскую власть, скрывая антикоммунизм, а народ видел в них тех, кто действительно очистит Советы от бюрократов, от надоевших партаппаратчиков, от взяточников и казнокрадов. Народ лишь потом начнет разбираться в демагогии.

Особенно тяжелым этот процесс оказался в ряде союзных республик, в том числе в Грузии. Разве ее народ, ее интеллигенция, рабочие и крестьяне голосовали за сепаратизм? Они голосовали за советскую власть. Но не все видели, что к власти шли демагоги, ловко игравшие на трагедии народа, в частности, апреля 1989 года. К власти шли те, кто спровоцировал эту трагедию и, смею утверждать, всю жизнь ждал случая нанести удар в спину советской власти, дружбе народов Грузии и России.

Пора сказать совершенно определенно, что советской власти, власти народов, населяющих Грузию (грузины, осетины, абхазы, азербайджанцы, армяне, русские, евреи и другие), в Грузии сегодня нет. Пример Грузии — это пример того, как контрреволюция конституционным, ненасильственным путем берет власть. Но укреплять и отстаивать свою власть контрреволюция будет силой. Кстати, одна из ведущих наших демократесс, недавно щедро раздававшая интервью на Западе, укоряла Запад, что он не хочет замечать «нежных контрреволюций», происходящих в некоторых регионах нашей страны. Может быть, ей поручила об этом сказать осетинка из Цхинвали, спасавшая свою дочь от боевика-громилы?

И сколько же лицемерия у тех, кто лицедействовал, борясь за место в Советах, ради того, чтобы, пробравшись туда, ликвидировать подлинную советскую власть. Здесь уместен вопрос о конституционности власти. Может ли быть в стране власть любого Совета, если он не признает Конституцию СССР, общесоюзных законов? Никто не отрицает суверенитетов, но ведь должны быть законы верховной власти. Без этого не будет державы, завоевавшей свое величие славной историей.

Так, на провокации, на обмане народа пришли к власти псевдodemократы. Видели мы их в жизни. Они начинали и кончали кровью. Их патриотизму уже теперь нужна чистая нация. История знает зловещий пример, когда к власти пришел конституционным путем тот, кто потом, борясь за чистоту нации, строил Освенцим и Бухенвальд. В Грузии пока нет штурмовиков и отрядов СС, но создается их подобие — национальная гвардия.

Что касается осетин, то нынешняя власть в Грузии не оригинальна, идет знакомой дорогой. Меньшевики в Грузии в 20-е годы делали то же самое, что и нынешние «возродители демократии». Странно другое, что на пути геноцида встают те, кто именует себя демократами. Сейчас из Южной Осетии бегут люди. Не радуют

родителей общие дети. А куда будут бежать другие народы, если их регионы постигнет беда Грузии, к власти придут демофашисты?

Примечание. Статья напечатана 22 марта 1991 года в газете «Правда» № 70 (26518). Советское государство тогда еще существовало, но распад явно предвиделся. К нему уже тогда призывали приходившие к власти «демократы». Ведь к этому звала, в частности, упоминаемая в статье демократесса (нетрудно вспомнить ее имя), упрекая Запад в том, что он не поддерживает «нежные контрреволюции». Ныне они именуются революциями.

Судьба первопроходцев

Журнал «Жизнь национальностей»

№ 1, 2005 г.

Тема ухода со сцены великого государства, Союза Советских Социалистических Республик (СССР), продолжает волновать многих. Свидетельств тому немало. И это далеко не ностальгия. Она беспокоит прежде всего поиском ответа на вопрос: «Каковы же все-таки причины распада? Что привело к развалу Советского Союза?»

Решаясь на публикацию того, что написано в этом опусе, никак не претендую на оригинальность. Понимаю, что лишь частный взгляд, один из возможных фрагментов ответа на тяжелейший вопрос не одного поколения людей, выросших при советской власти.

Конечно, многое явилось результатом деятельности руководителей, стоявших у власти в последние годы существования СССР. Нельзя оправдать творимый ими обман народа, верившего заверениям и клятвам. Чего стоят одни лишь неустанные повторения верности «социалистическому выбору», призывы следовать ленинским заветам. То, что Горбачев и его соратники сыграли пагубную роль в нашей истории, могут отрицать только те, кто ставил задачу убрать со сцены впервые в мире родившуюся и доказавшую право на жизнь социалистическую державу, подорвать веру в социализм, в будущее человечества.

Но вернемся к поиску ответа на вопрос.

История Советского государства видится как история первопроходцев. Им суждено идти по неизведанному пути, познать неизведанное практикой.

Всякий новый путь сложен и невероятно труден. Новое рождается в муках. В России таким новым стал рожденный Великой Октябрьской революцией общественно-политический и экономический строй. Учение социализма воплощалось в практику. Нет смысла говорить о закономерности такого пути для России. Так распорядилась история. Декабристы выступили в 1825 году, и великий Пушкин пророчил, что на обломках самовластья напишут их имена. А революция во Франции против самовластья сверши-

лась только через двадцать три года. Так что первопроходцы в России в Октябре 1917 года не впервые родились.

История Советского государства ныне все чаще именуется социалистическим экспериментом. Не станем спорить. Всякая теория нуждается в практическом эксперименте. Горько лишь, что достался он нашему народу.

Но без поддержки народа он бы не состоялся. А поддержка оказывалась в самых сложных условиях жизни страны, проверялась тяжелыми испытаниями. Первым из них явилась война с интервентами, ворвавшимися в Россию с целью подавления власти Советов. Затем развязанная ими Гражданская война. Но новая власть устояла. Ее поддержали, в нее поверили народные массы России.

В результате создавались условия, открывалась возможность идти дальше, развивать, говоря современным языком, социалистический эксперимент.

Как же виделось его развитие? В данном случае в понимании автора.

Естественно, что практика социалистического строительства вытекала из теории социализма, руководствовалась инструментом Маркса. Она служила компасом для первопроходцев. Воплощал ее в практику вождь революции — Ленин.

Как же он определял будущее России после Октября?

Ленин считал, что рожденная революцией советская власть должна иметь крепкую экономическую базу. Ее он видел в государственном капитализме. Уже в 1918 году Ленин в статье «О продовольственном налоге» писал, что государственный капитализм был бы шагом вперед для Советской республики. Сочетание советской власти с государственным капитализмом являло три четверти социализма.

Близок к этому и лозунг большевистской партии после Октября, призывавшей к созданию экономической базы: «Учитесь торговать!» Из этого вытекает, что большевики не отрицали рынка, как условия развития экономики. Поэтому рыночная экономика — не новь для России.

Но путь преграждала интервенция и Гражданская война. Обстановка диктовала насилие над экономикой. Другого для выживания новой власти не было дано.

Условий для осуществления социалистического эксперимента, для претворения в жизнь заложенного в учении о социалистичес-

ком обществе, не существовало на протяжении большинства лет жизни Советского социалистического государства. Обстановка, прежде всего международная, требовала постоянной мобилизационной готовности защищать, если не спасать страну. Мобилизация внутренних ресурсов вынуждала к насилию над экономикой, над объективными законами экономического развития. А в этом виделся отход практики от теории. Но практика диктовала и необходимость теоретического осмысления дальнейших действий.

Одним из первых итогов такого осмысления явился вывод о возможности построения социализма в отдельно взятой стране.

Не все встретили его с одобрением. Троцкий и его сподвижники усмотрели в этом отказ (а то и предательство) от марксизма, измену делу мировой революции. Это явилось одним из первых разногласий, возникших в партии большевиков в послеоктябрьское время. Вместе с тем жизнь оправдала такой «отказ» от марксизма. Ибо обречь Россию на гибель, принести ее в жертву неосуществимой мировой революции, значило отказаться от попытки воплотить социализм в жизнь, в реальность.

Возможность построения социализма в одной стране стало новым в марксизме, рожденным практикой, первыми шагами социалистического государства. Но именно он определил суть его дальнейшего развития. Общество спланировалось на основе новой государственности, мобилизовывалось на созидательный труд.

Такого рода поворот не вызвал восторга у государств, предрекавших гибель социалистического государства с первых дней его образования. Страна находилась в тисках экономической и дипломатической блокады. Угроза вооруженного вмешательства в ее жизнь не устранилась. Ставка на мятежи внутри страны не снималась с повестки дня. Они постоянно подстрекались зарубежными антисоветскими центрами.

После прихода к власти национал-социалистов в Германии угроза войны вообще стала реальной. Фашизм вскармливался Западом, прежде всего Великобританией и Соединенными Штатами, как сила, направленная против Советского Союза. И то, что война с Германией неизбежна, сознавали даже мы, довоенные подростки. Это угроза с Запада. Не меньшая зрела на Востоке. Япония не скрывала своих агрессивных устремлений и даже пробовала развязать вооруженные конфликты (бои на озере Хасан в 1938 г., военные действия на реке Халхин-Гол в Монголии в 1939 г.).

Антикоминтерновский пакт, подписанный Германией, Японией и Италией в те годы, создал ось Рим—Берлин—Токио, нескрываемо направленную против СССР.

В этих условиях задача защиты Отечества становилась первоочередной. Решить ее можно было лишь неимоверным напряжением сил, подчинив все созданию средств защиты. А это означало подчинить прежде всего экономику развитию промышленности, способной обеспечить производство средств обороны. Обороноспособность требовала жертв, отказа от планомерного развития экономики. Все это не давало социалистическому эксперименту никаких условий, кроме жизни в постоянной мобилизационной готовности.

Тяжелые годы. Неимоверные жертвы. Полная отдача сил.

Сегодня многое видится по-иному. Звучат обвинения. Не стану касаться этой темы.

Скажу одно. Народ верил в дело, которому отдавал силы, а подчас и жизни, радовался успехам, доверял власти и не сомневался в правильности избранного пути.

Лучшим доказательством тому явилось сплоченность народа, общественных сил в годы войны. Да и как можно было сомневаться в жизнеспособности государства, сумевшего в короткий срок, практически за десять с небольшим лет, создать промышленность, обеспечившую не только отражение агрессии, оборону страны, но и победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Это дало И.В. Сталину полное право сказать в своей речи 9 февраля 1946 года о том, что «...победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны».

«Наша победа, — продолжил он, — означает, во-вторых, что победил наш советский государственный строй, что наше многонациональное Советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность».

Решающим фактором Победы явилась экономическая база Советского Союза, созданная в предвоенные годы в результате скачка, при помощи которого страна превратилась из отсталой в передовую, из аграрной в индустриальную. И явилось это результатом политики индустриализации и коллективизации. Можно ныне осуждать эту политику, но без нее не было бы Победы в войне с фашизмом, а без Победы вряд ли появилось бы на свет и поколение, представители которого эту политику низвергают.

Послевоенный период не мог позволить уйти от мобилизационного режима работы в экономической сфере. Надо было восстановить разрушенное войной, поднять уровень благосостояния народа. Жизнь не позволяла расслабиться, тем более что Запад, устами Уинстона Черчилля, объявил «холодную войну» и призвал англосаксов к объединению сил для борьбы с коммунизмом. Реально нависала над страной и угроза атомной войны.

Это вынудило вновь бросить невероятные силы и средства в военно-промышленный комплекс, принося в жертву многие отрасли народного хозяйства и социальные запросы населения.

Вместе с тем страна восстанавливалась после военной разрухи и развивалась. Об этом свидетельствовал неуклонный рост валовой продукции и национального дохода.

Начало пятидесятых годов открывало возможность снять напряжение в экономике, оглянуться на пройденный путь, определить новые ориентиры развития и совершенствования социалистического государства. Это позволяла перспектива многих мирных лет и мощь великой державы.

Теоретическое осмысление пройденного пути можно видеть в усилиях теоретиков партии над разработкой основ политической экономии социализма. Принимал в этом участие и Сталин, результатом которого явился его сборник «Экономические проблемы социализма в СССР». В нем Сталин возвращается к необходимости учитывать действия объективных законов экономического развития при социализме.

Основной из них закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Перестройка разрушила это соответствие, приступив к введению частной собственности на средства производства. Так шел возврат к капиталистическим нормам жизни, к ликвидации социалистического образа жизни. Возрождалась система эксплуатации. Закон стоимости, как средство развития социалистической экономики и, в частности, содействия рыночным отношениям в товарной сфере и при социализме, стал играть в условиях перестройки роль гальванизатора рыночной стихии.

Таким образом, перестройка, несмотря на заверения ее прорабов, даже в сфере товарного производства и обмена не ставила своей целью сохранения социалистических отношений и их развитие.

Уместно здесь заметить, что именно на объективных экономических законах и, в частности, на основном из них — обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил базировалось определение целей и осуществляется стратегия реформ в социалистическом Китае.

Об этом неоднократно говорил и писал их идеолог Дэн Сяопин.

Рассматривая сегодня наработки советских политэкономистов 50-х годов, мне кажется оправданным говорить о том, что ленинское определение социализма как три четверти государственного капитализма при власти Советов не утратило своего содержания. Возможно, тогда в СССР госкапитализм приобрел социалистический оттенок. Кто-то даже говорил о государственном социализме, построенном в СССР. Очевидно одно, что выработка стратегии никак не предполагала отказа от социализма, от схода с исторического пути первопроходцев.

К сожалению, на пути творческого теоретического осмысления стоял догматизм. Трагизм такого положения особенно ощутим стал после смерти Сталина. Наследовавшие же власть оторвали практику от теоретического прогнозирования. Возобладал волюнтаризм в политике, спонтанные решения экономических проблем. Проявилась их неспособность к научному анализу общественных, социальных и экономических процессов. Возврат к Ленину они видели лишь в наборе необходимых цитат из его работ, подогнанных под политику сегодняшнего дня. Кстати, о цитатах Сталин 29 января 1941 года на Совещании комиссии по редактированию учебника «Политэкономия» довольно метко сказал: «...многие у нас увлекаются цитатами, что является признаком невежества, надо не цепляться за цитаты из Маркса, а двигать дальше науку. Надо работать головой, думать надо, а не жить старыми цитатами».

Новым же лидерам «возврат к Ленину» надобен был лишь для окончательного погребения Сталина. Но нельзя было вместе с ним хоронить всю эпоху.

Бед было много в жизни страны. Достижения сопровождались немалыми жертвами. Власть Советов подменилась властью партии. Именно это привело к беззаконию в определенные годы. Вспомним, что так называемые «тройки», вершившие правосудие в 1937—1938 годах, возглавлялись секретарями обкомов партии. В годы войны партийный аппарат, по существу, стал аппаратом Государственного Комитета Обороны. Наверное, это было оправ-

дано для военного времени. Но подменять советскую власть партийной в послевоенные годы явно противоречило ленинскому видению властных структур в нашей стране. Он боролся с этим еще в двадцатые годы.

Справедливо критикуя культ личности Сталина, никто из лидеров не заботился задуматься о причинах, к нему приведших. А критика привела к дестабилизации в обществе, породила недоверие к власти.

И это предопределило появление в стране сил, на которые смогли опереться центры «холодной войны», осуществлявшие планы подрыва конституционного строя в СССР, разложения социалистического общественного строя. Эта тема требует дальнейшей работы над ее раскрытием.

Способствовало недоверию к власти и то, что, свергая культ Сталина, его преемники немало заботились о себе, поощряли рост своих культов. Не стану их перечислять.

Скажу лишь об одном. Созданный в стране потенциал позволял и позволяет жить не только в советское время. И после распада Советского Союза им живут уже более десяти лет Россия и все государства, возникшие на постсоветском пространстве. И это — результат социалистического эксперимента. Его нельзя опровергнуть.

В свое время Ю.В. Андропов, отвечая на критику социализма в СССР, говорил, что другого социализма в истории человечества не было. Это слова первопроходца.

Но он был единственным лидером, который задумался над вопросом: «В каком обществе мы живем?» Ответ искал не вне марксизма, а в теоретическом осмыслении практики первопроходцев и выработке на ее основе стратегии дальнейшего развития. Ему не хватило времени поднять творческие силы на решение поставленной временем задачи.

Провозглашенная после его ухода из жизни перестройка не отвечала на главный вопрос: «Перестройка чего?» Горбачев твердил о неизменности социалистического выбора, о его усовершенствовании, о придании ему «человеческого лица». Затем появилась, как основа общественного развития, следование «общечеловеческим ценностям». Под флагом демократизации ликвидировали советскую власть, заменив ее президентским правлением. Всего не перечтешь.

Все делалось с оглядкой на Запад, но противостоять идеологической и политической агрессии с его стороны никто не собирался. А возникшая в стране и в партии политическая оппозиция (скрытая и замаскированная под диссидентов) набирала при поддержке и поощрении Запада и его центров «психологической войны» силу. К тому же обстановка дестабилизировалась схваткой между двумя лидерами: Горбачев—Ельцин. Их влекла власть и мало заботили судьбы государства.

Часто возникает вопрос, что действия Горбачева и его приближенных есть результат их сотрудничества с западными спецслужбами. На сей счет сказать ничего не могу. О сотрудничестве не ведаю, но действия лидеров государства (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе) в полной мере соответствовали тому, к чему десятилетиями стремились американские спецслужбы, планируя акции подрыва государственного строя в СССР.

Очевидно и другое. Они предали социализм, похоронив социалистический эксперимент.

Сегодня мы живем в новой России. Она создается, впитывая в себя свое доброе и горькое прошлое. Ради строительства новой России стоит отдать сплоченные силы общества.

Отрадно, что президент Путин решил одну из главных задач: своей политикой он укрепил территориальную целостность государства. Прекратилось стремление регионов к суверенизации. Успокоились национальные административные образования, молчат пропагандисты создания Московии, Уральской, Дальневосточной, Сибирской республик.

Укреплена законодательная база. Важным шагом может стать расширение государственного управления экономикой, контроля за использованием недр, создание базы государственного капитализма. Идет энергичный поиск места России в складывающемся мире в условиях по существу новой общественно-экономической формации, современного глобального капитализма. И это крайне важно.

Заслуживает всяческой поддержки политика укрепления межнационального единства народов России. Хорошо, если партия «Единая Россия» станет оплотом сплочения общественных сил многонационального государства.

Нынешняя Россия живет с безусловно окрепшей верой в будущее.

Примечание. Этой статьей как бы завершается раздел сборника, лейтмотивом которого являются размышления о причинах гибели Советского государства. В видении причины автор не ставит и не ставил задачу их научных обоснований. Это — дело ученых. Излагается лишь личное видение. Оценивать его доверено читателю.

Оставляю за собой лишь право повторить: социализм не ушел из сознания людей и опыт первопроходцев сыграет свою роль в развитии мировой цивилизации в будущем.

«Кузбасс я пронес в сердце через всю жизнь»

Беседа с Игорем Ленским

И. Ленский. Филипп Денисович, ваша юность пришлась на годы Великой Отечественной войны. Сегодня вы один из немногих свидетелей того, как в 1942 году в Кузбассе формировались сибирские добровольческие части. Более того, вы были непосредственным участником этих событий, о которых молодое поколение знает лишь понаслышке. Расскажите, пожалуйста, как это происходило?

Ф. Бобков. 14 августа этого года в городе Белом и в деревне Плоское состоялись торжества, посвященные памяти воинов-сибиряков. Мы, однополчане сибирских дивизий, участвовали в этих торжествах. Приятно, что память о былых сражениях с фашистами сохраняют не только ветераны, но и жители всей округи.

В конце ноября 1942 года окрестности Белого стали исходной точкой боевого пути сибирских добровольческих частей. Формировались они в июле 1942-го по инициативе самих сибиряков. В родившейся в дивизии песне такие слова: «По Сибири, по таежной шири раздался наш клич боевой. Мощь сибирская, сила богатырская поднялась на решительный бой». Ушли воевать жители многих районов Сибири. Была сформирована дивизия, имевшая три полка: Кемеровский, Новосибирский и Томский. Дивизия насчитывала около 6 тысяч человек. Первым командиром ее был полковник Гудзь. В Красноярске добровольцами создана 78-я коммунистическая бригада, такие же бригады возникли из добровольцев Омской области и Алтайского края. Они были объединены в 6-й Сталинский стрелковый корпус сибиряков-добровольцев и в этом составе в конце ноября прибыли на фронт. Новосибирская Сталинская стрелковая дивизия получила 150-й номер и воевала под городами Белым, Великими Луками, Локней. В мае 1943-го она преобразована в 22-ю Сталинскую гвардейскую стрелковую дивизию сибиряков-добровольцев. Знамя гвардейское она получила под городом Гжатском, куда была выведена с фронта на переоформление. В новом качестве пришла на фронт под Спас-Деменск в августе 1943 года.

И. Ленский. Давайте чуточку вернемся назад. Как вы, уроженец Донбасса, оказались в Сибири?

Ф. Бобков. До войны я жил и учился в школе в Донбассе, в городе Макеевке. В октябре 1941 года мне не было еще 16 лет. Назревала оккупация. Пришлось вместе с отцом, который работал в системе углепрома и имел право на эвакуацию, покинуть Донбасс. 21 октября мы ушли, а 22-го наши родные места были заняты немцами. В оккупации осталась вся наша семья. После долгих скитаний мы с отцом оказались на Урале, где он получил назначение в Ленинск-Кузнецкий.

Там в конце 1941 года и осели. Отец работал на строительстве завода подземной газификации углей, добываемых на шахте «Жу-ринка», вблизи станции Кольчугино. На строительстве этого завода начал свой трудовой путь и я. Вчерашний школьник, я не имел никакой профессии. Поэтому использовался на разных работах. Вскоре был избран секретарем комсомольской организации этого строительства. А еще через некоторое время — вторым секретарем Ленинск-Кузнецкого горкома комсомола.

Работа в Кузбассе продолжалась недолго, до призыва добровольцев. Отец ушел в первый набор, а я вслед за ним. Мне не было тогда 17 лет, но добавить годик и таким образом попасть в дивизию сложности не представляло.

Часто говорят, что война была для нас неожиданной, застала нас врасплох. А кое-кто даже утверждает, что Советский Союз готовил войну с Германией и потому Гитлер был вынужден начать первым. Подобная ложь вызывает чувство брезгливости, но нельзя не учитывать, что подобное «новое прочтение истории» молодое поколение, конечно, вводит в заблуждение. К сожалению, в числе зачинателей «нового прочтения» истории священной войны преуспел генерал Волкогонов, сделавший военную карьеру на политической работе в армии.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть: в том, что наше поколение будет воевать, нисколько не сомневались. У нас не было иллюзий, что война минует нас. Понимали: рано или поздно воевать придется. И противника в лицо знали: воевать с Германией будем, с фашизмом. И этим, я думаю, объясняется тот энтузиазм, тот огромный патриотический порыв, которыми сопровождалось начало войны. Возьмите 1942 год. Немцы под Сталинградом. Европейская часть СССР оккупирована врагом. Остаются восточные регионы, которые напряженным трудом обеспечивают жизнь страны. Создается новая промышленная база в Сибири. И ни у кого не воз-

никало сомнений, что мы, добровольцы Сибири, едущие на фронт в самое тяжкое время, не победим. Не было страха, что нас кто-то одолеет. И это чувство родилось еще в предвоенные годы. Мы были уверены, что победа будет за нами.

По непонятной случайности у меня сохранился текст и речь, которую я произнес в 1942 году в Ленинск-Кузнецком при открытии собрания, посвященного Международному юношескому дню. Вы не думайте, что хочу увековечить свои документы. Просто мне кажется, что она хорошо отражает настроения того времени.

Товарищи! В обстановке грозных событий Великой Отечественной войны встречает молодежь Советского Союза 28-ю годовщину Международного юношеского дня. Суровые испытания выпали на долю нашего Отечества, на долю нашей молодежи.

Не считаясь ни с какими потерями, озверелые гитлеровские банды продолжают рваться вперед, бросая все новые и новые силы, стремясь захватить жизненные центры нашей Родины.

На плодородных землях Дона и Кубани идут кровопролитные бои с немецкими захватчиками, пытающимися поработить народы нашей Родины, пытающимися поработить советскую молодежь, лишить ее родины и свободы, обратить наших юношей и девушек в рабов немецких господ. Виселицами, пожарами и кровью отмечают свой путь немецкие людоеды. В огне пожаров пылают тучные хлеба Кубани и цветущие города Северокавказья.

Мы, вся советская молодежь, трезво сознаем опасность, нависшую над нашей Родиной, всю сложность сегодняшней обстановки.

Чем яснее для нас обстановка на фронте, тем тверже наша уверенность в победе, тем тверже наша решимость в борьбе.

Неувядаемой славой покрыли себя славные комсомольцы-фронтовики Гастелло, Талалихин, Жуков и др., сотни комсомольцев тыла отмечают день МЮДа новыми производственными успехами.

Для нас, комсомольцев Кузбасса, основной задачей есть как можно больше угля дать стране, фронту. Немцы захватили наш родной Донбасс, пусть мысль о нем волнует нас, зовет нас на новые победы на угольном фронте. Пусть ненависть к врагу вольется в укрепление дисциплины на производстве, организованности и сплоченности вокруг нашей партии.

Партия мобилизует все силы на то, чтобы всемерно поднять добычу угля. Это политический вопрос. Это военная задача, стоящая перед нами. Уголь — хлеб промышленности. От обеспечения уг-

лем зависит бесперебойная работа наших фабрик и заводов, нашего транспорта, а значит, бесперебойная доставка вооружения и боеприпасов, снаряжения и продовольствия фронту.

«Я добываю уголь!» — звучит также гордо, как «Я строю самолет». Можем ли мы, комсомол Ленинска, стоять в стороне от этой фронтовой задачи? Конечно, нет. Наш лозунг — как можно больше угля дать стране, как можно больше дать угля для фронта, а значит, для победы.

Этого требует ПАРТИЯ, этого требует СТАЛИН!

Товарищи комсомольцы и несоюзная молодежь! Будьте застельщиками во всесоюзном соревновании угольщиков! Завоевывайте знамя Государственного комитета обороны! Все для фронта! Все для победы! Да здравствует наша Красная Армия и ее великий полководец, вождь народов товарищ СТАЛИН!

ТОВАРИЩИ! Общегосударственное комсомольское собрание, посвященное 28-й годовщине МЮДа, дня, когда молодежь всего мира выражает свою ненависть к фашистским поработителям, считать открытым.

И. Ленский. Много разговоров ходит по поводу секретных протоколов к договору Молотова—Риббентропа.

Ф. Бобков. Не только разговоры. По ним и вердикт высказан. Давайте вернемся в то время. У нас не было никаких союзников. На призывы создать блок для отпора фашистской Германии никто не отозвался. Вместо этого Англия и Франция пытались столкнуть СССР с Германией. В такой обстановке что оставалось делать? Подписали неприятный для себя договор. Но в результате этого отодвинули границу на 300 километров на запад. Если бы не договор, немцы в начале войны были бы на 300 километром ближе к Москве. Этого хватило бы им, чтобы подступить к Москве не в октябре—ноябре, а значительно раньше. И может быть, именно договор и позволил спасти Москву?

Недавно я с удивлением узнал, что по истории России у нас 32 учебника, по которым учится средняя школа. И каждая школа выбирает учебник по своему усмотрению. Можно себе представить, какой хаос творится в головах у детей. Приходится признать, что в последние годы мы не очень заботились о том, как будем выглядеть перед будущими поколениями.

И. Ленский. А почему вы и ваши сверстники были так уверены в победе? Ведь поначалу ситуация на фронте складывалась неблагоприятно?

Ф. Бобков. Конечно. В те годы не каждый из нас, мальчишек 40-х, смог бы это «почему» четко сформулировать, но каждый понимал: если войну не выиграем, то мы просто все погибнем.

Теперь-то есть много свидетельств, как гитлеровский фашизм стремился не только к борьбе с коммунизмом, сколько к уничтожению Российского государства. Речь шла о порабощении народа, об уничтожении славянства. И это не скрывалось. Это писалось в программных документах фашистов черным по белому. Все народы, населяющие европейскую часть СССР, должны были быть или уничтожены, или превращены в рабов. Говорилось, что после «решения проблемы евреев» «несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано, еще в большей степени относится к полякам... Что же касается отдельных народностей, мы не стремимся к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального самосознания и национальной культуры... Для ненемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ... Самое большое — счет до 500, умение расписаться... Идеально было бы научить их понимать лишь язык знаков и сигналов... По радио населению должно преподноситься то, что для него приемлемо, музыка без всяких ограничений. Ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе... Если русские, украинцы, киргизы и т.д. научатся читать и писать, это нам может лишь повредить... Никакого обучения, кроме понимания дорожно-транспортных знаков... Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов — обслуживать нас экономически...». В этом контексте заслуживает внимание приказ командующего 4-й танковой группой Гепнера, отданный 2 мая 1941 года. В нем говорилось, что война против Советского Союза станет продолжением борьбы германцев против славянства. Но и другие государства на Западе не относились терпимо к СССР. Поэтому не случайно, что после победы над фашистской Германией мы столкнулись с новым стремлением активизировать подрывную работу против Советского Союза. Уже в лице бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Именно поэтому в 1946 году началась «холодная война»...

И. Ленский. А о репрессиях 30-х годов вы к тому времени знали?

Ф. Бобков. Об этом мы знали, они ощущались во многих семьях. Но репрессии не отторгали веры во власть. Не они определяли

жизнь страны. Кто мог думать, что за какими-то делами стоят фальсификации? Некоторые люди подвергались репрессиям несправедливо. У нас в Макеевке много было арестовано инженеров, руководителей предприятий, многих затем освободили. В нашей школе арестовали директора Александра Станиславовича Кржеминского, очень уважаемого человека. Для школьников это было большое потрясение. Но, к великой радости, через полгода мы снова увидели его, встречающего нас у дверей школы. В годы оккупации Кржеминский расстрелян немцами за работу в донецком подполье. Как и некоторые другие наши учителя. В моем возрасте, а мне тогда еще не исполнилось 16 лет, не было восприятия, что в стране творится беззаконие.

И. Ленский. Из Донбасса в Кузбасс в те годы приехали многие?

Ф. Бобков. Кузбасс приютил многих эвакуированных из Донбасса, и поэтому в составе сибирских добровольческих частей немало из них ушло на фронт.

И. Ленский. Как прошло боевое крещение сибиряков-добровольцев?

Ф. Бобков. Очень тяжелые бои были под городом Белым. Наступление войск, вызванное необходимостью отвлекающего удара на Западном фронте от тех боев, которые велись под Сталинградом. В эти же дни начиналась операция по ликвидации сталинградской группировки немцев. Отвлекающий удар на северо-западном направлении был очень тяжелым, кровавым, но тем не менее необходимым. После боев под городом Белым дивизия сдвинулась в сторону Великих Лук, воевала под Невелем, Новосокольниками. Затем была длительная оборона под Локней, на реке Ловать, и в начале 1943 года дивизию вывели в тыл.

После переформирования и получения гвардейского звания 22-я дивизия снова прибыла на фронт. Мы приняли участие в прорыве немецкой обороны под Смоленском в районе города Спас-Деменск. Вели тяжелые жестокие бои на Гнездиловских высотах. Для нас, сибиряков, очень памятна высота 233,3. По ней проходила линия немецкой обороны «Пантера». На ней немцы планировали остановить продвижение наших войск на запад. Вся высота и ближайшие к ней подступы представляли глубоко эшелонированный укрепленный район. Прорывали оборону пять дней. В конце концов 12 августа 1943 года высоту взяли и вышли на оперативный простор.

И. Ленский. Филипп Денисович, в каком воинском звании вы тогда были в пехоте?

Ф. Бобков. Я пришел рядовым, а в боях за высоту 233,3 командовал отделением.

Вскоре произошел редкий случай. На следующий день после прорыва обороны, 13 августа, я был ранен в руку. Оказался в медсанбате. А отец мой после ранения под Белым воевал в соседней 65-й гвардейской дивизии, сформированной на базе Омской и Красноярской бригад. Будучи в медсанбате, по счастливой случайности набрел на тылы полка, в котором служил отец. Обратился к командованию с просьбой разрешить нам соединиться. Так я пошел в 225-й гвардейский полк, где служил отец. В этом полку долечился и был назначен комсоргом батальона. Провоевал в этой должности немногим больше месяца и 23 октября 1943 года уже на белорусской земле под Оршей был тяжело ранен. Попал под минометный налет и с того времени донныне ношу в теле 32 осколка. Отправили меня лечиться в тыл, в Москву. Только через шесть месяцев вернулся на фронт. В апреле 1944 года под Новоржев в Псковской области.

В конце 1944-го в районе поселка Красногородский на моих глазах был смертельно ранен отец. Там же Денис Никодимович и похоронен, невдалеке от нынешней российско-латвийской границы.

Завершился боевой путь 9 мая 1945 года в Латвии, где армия наша противостояла курляндской группировке немцев.

И. Ленский. Сохранились ли у вас связи с однополчанами?

Ф. Бобков. Да, бываю в Красноярском крае в гостях у ветеранов 65-й дивизии.

Примечательный эпизод связан у меня и с Кузбассом. В начале 70-х годов, работая в Комитете госбезопасности СССР, по делам службы был в Калужской области. Решил посмотреть места бывших боев, ту самую высоту 233,3. И среди прочего нашел на высоте пробитую каску советского солдата. Она там одиноко валялась, полностью ржавая. А через некоторое время местные товарищи прислали мне вместе с каской книгу с поименным списком всех погибших и похороненных на высоте 233,3. И как-то ко мне пришел начальник Кемеровского управления КГБ генерал-майор Алешин Владислав Николаевич. Очень приятный, симпатичный человек. Я ему говорю: «Наверняка у вас в области есть

ребята, которые занимаются поисковой работой». И отдал ему каску и книгу.

А через некоторое время получил письмо от секретаря Ленинск-Кузнецкого горкома комсомола. Она меня благодарила и сообщила, что у них в городе есть школа № 38, а в ней музей, которым руководит преподаватель Александр Борисович Сухацкий. Он сам — фронтовик и создал в школе движение следопытов. Каска и книгагодились. Так у меня завязалась связь с этой школой. В 1974 году я впервые получил письмо от ребят-следопытов с просьбой рассказать, что я помню, что знаю о войне. А затем под Новый год ребята из Кузбасса приехали в Москву. Их поездку устраивали шахтерские профсоюзы. Мы следопытов хорошо встретили, шефство над ними взяло Бабушкинское пограничное командное училище. После этого каждый год человека по два-три из этой школы поступали в погранучилище. Мы с коллегами из КГБ СССР организовали встречу в Доме ветеранов войны. В ней приняли участие Герой Советского Союза Алексей Маресьев, поэт Сергей Михалков (который написал текст Гимна СССР), космонавт Виталий Севастьянов. Затем ребята стали ездить к нам в Москву по два раза в год вплоть до 1990 года. Следопытская организация из Ленинск-Кузнецкого получила признание не только в Кузбассе, но и во всем СССР, была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ. Несколько лет назад умер Сухацкий, но музей живет и поныне. Я им посылал кое-какие вещи фронтовых лет.

В этом году пытался возобновить традицию с поездками ребят из 38-й школы с помощью Кузбасского землячества в Москве (где я состою с момента его возникновения), но пока не получилось. Состою я и в Донецком землячестве. Эти два землячества — Кузбасса и Донбасса — связаны прочными узами, часто проводим совместные встречи. Нам кажется это важным, чтобы пенсионеры не «засыхали», не уходили в свой малый мирок.

Чувства к Кузбассу сохранились на всю жизнь. С сибирским краем связана юность, начало трудового пути. До сего дня связан с человеком, с которым судьба свела в далеком 1942 году. Это генерал-майор Турукин Александр Сергеевич, в прошлом пограничник, тоже работал в органах госбезопасности, сейчас живет в Москве. Мы с ним часто видимся в землячестве.

Поддерживаю отношения с Владимиром Ефимовичем Семича-стным, бывшим председателем КГБ СССР, у него жизненные об-

стоятельства схожи с моими. Он тоже из Донбасса, тоже был эвакуирован в Кузбасс, был первым секретарем Кемеровского обкома комсомола.

И. Ленский. Ну а в сегодняшнем Кузбассе кого вы знаете?

Ф. Бобков. О сегодняшнем Кузбассе знаю в основном по прессе и из бесед в землячестве. Мне представляется, что Кузбасс сейчас находится среди тех регионов, которые стоят на передовых позициях в России с точки зрения развития. С губернатором Аманом Тулеевым знаком с 1990 года, когда мы оба были народными депутатами РСФСР. Уже тогда Тулеев произвел впечатление серьезного политика с острым умом. Он был одним из немногих, кто стремился увидеть перспективу развития государства, нашего общества. Аман Гумирович был тогда приверженцем социалистического уклада, но отнюдь не консерватором. Мне импонировало, что он ценит прошлое, работает для настоящего и стремится видеть будущее.

Нынешняя деятельность Тулеева на посту губернатора подтверждает мое давнее о нем впечатление. Это лидер, который в сложных для страны и региона условиях пытается найти выход и увидеть перспективу развития не только Кемеровской области, но и в целом нашего государства.

И. Ленский. А что вы думаете о новом президенте России?

Ф. Бобков. Я разделяю позицию президента Владимира Владимировича Путина, который очень смело и последовательно взял курс на сохранение и укрепление российской государственности. Экономика, конечно, дело очень важное. Но главное сегодня — не допустить, чтобы распалось государство, сохранить территориальную целостность России. Будет государство, будет и экономика.

«Холодная война» имела цель уничтожить советскую государственность. Сейчас, казалось бы, «холодная война» позади. Нет уже Советского государства, против которого велась эта война. Но давление на Россию сохранилось. Экономическое, политическое, дипломатическое... Что такое «чеченский вопрос»? Посмотрите, что там за террористы, во что они одеты, чем вооружены. Вот говорят, Грачев (бывший министр обороны РФ. — *Ред.*) им сдал оружие. Но этого оружия мы не видим, мы видим современное оружие, подчас такое, которого даже нет на вооружении в Российской армии. Значит, террористы его откуда-то получают, их кто-то содержит. Возникает вопрос — кто? И когда смотришь на боевиков, то видишь среди них людей самых разных национальностей.

Людей, специально нанятых для войны с Россией. И очевидно, что мы воюем не с чеченскими боевиками, а с наемной силой и с теми, кто эту наемную силу содержит. Нетрудно догадаться, кто это. А используют наемников для того, чтобы иметь рычаг, позволяющий добиваться распада России как государства. Поэтому полностью поддерживаю политику президента. Как бы ни были тяжелы наши жертвы. Я рассматриваю кровь, проливаемую в Чечне, как кровь, которая льется в ту же реку, в которую мы пролили в Великую Отечественную войну. Мы пролили кровь за государство, и наши внуки воюют за сохранение государственной целостности России.

Процесс суверенизации республик России, раздела власти между центром и регионами привел к тому, что очень сильно выросли сепаратистские настроения. Этого нельзя не видеть. Это угрозы для существования Российского государства. Те политики, которые это понимают, а к ним я отношу и Тулеева, — очень важная категория государственных деятелей нынешней России.

И. Ленский. При Путине роль спецслужб в жизни страны вновь стала подниматься...

Ф. Бобков. Я бы сказал так: если мы укрепляем государственную власть, то у власти должны быть силы, которые будут ее поддерживать и защищать. Нельзя держать силовые структуры в распадае. Не думаю, что у нас снова возродятся монстры, начнутся репрессии. Спецслужбы должны стоять на страже закона.

Вспоминаю случай из 1988 года, когда в Сумгаите (Азербайджан) произошли погромы и на улице растерзали одну женщину, армянку. Все произошло на глазах у милиционеров. Я спросил милиционера, русского, кстати: «Ну как же ты мог спокойно смотреть на это, ты же при исполнении служебных обязанностей, с оружием?» А он мне ответил: «Если бы я применил оружие, то не знаю, что бы обо мне написала «Литературная газета». Вот как ломают сознание силовых структур: зачем вмешиваться, если завтра облают в средствах массовой информации? Но так же не может продолжаться!

Нынешнее укрепление силовых структур рассматриваю не как самоцель. Это связано с укреплением государственной власти. На примере недавнего прошлого мы уже знаем, что такое безвластие в стране.

И. Ленский. А как вы относитесь к тому, что из семи вновь образованных федеральных округов пять возглавили генералы?

Ф. Бобков. Не хотел бы видеть в этом желание милитаризации страны. Понимаете, сейчас очень сложная ситуация с подбором кадров. Президент выбирает прежде всего из тех, кого он знает. А разве он должен назначать тех, кого не знает? А потом ждать от этого человека «сюрпризов»? Приход генералов в федеральные округа не означает, что идет целенаправленное внедрение военных в государственный аппарат. Это люди, которые хотят работать на благо государства. И отторжения они у меня не вызывают.

Бывших сотрудников КГБ было много в госаппарате и в годы правления Ельцина. Просто их не отслеживали так, как сейчас.

Примечание. Опубликовано в газете «Губернские ведомости» 16 ноября 2000 г. в г. Новокузнецке, Кемеровской области.

Свой строй защищает всякая уважающая себя власть

Беседа с Михаилом Макеевым

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии считает, что потерпел поражение не социализм, а практика его построения в СССР.

Михаил Макеев. Существовал ли у спецслужб США план разрушения СССР? Бывший министр иностранных дел А.А. Бессмертных на мой вопрос о соответствующих стратегических операциях, о которых в систематизированном виде сообщалось в книге П. Швейцера «Победа», ответил так: подобных планов было множество, мы о них знали, поэтому вряд ли стоит превозносить значение одного из них.

Филипп Бобков. Напомню вкратце суть «рейгановского» плана: обрушение мировых цен на нефть, удорожание кредитов для СССР, развал соцлагеря через активизацию «Солидарности» в Польше, втягивание СССР в афганскую войну.

С Александром Александровичем Бессмертных согласен. Множество планов сводилось к одному: подорвать государственный строй, добиться низложения СССР. Суть «рейгановского плана» — уничтожить «империю зла», т.е. государство, политическая система которого в своей основе имела коммунистическую идеологию. Как доложил президент России Борис Николаевич Ельцин Бушу, сменившему Рейгана, по телефону из Беловежской пуши такое свершилось: «империи зла» больше не существует. Компания в Беловежье радости своей не скрывала.

А зря. Ибо, как показало время, не только в коммунизме дело. Можно говорить, что жупел коммунизма, которым пугали Запад многие десятилетия, после распада Советского Союза действительно отыграл свою роль. Не страшит ныне и военная сила России.

Сегодня угрозу национальной безопасности США, по мнению комиссии американского конгресса, представляет не «империя зла» в толковании Рейгана, а организованная преступность в России. Завтра страну нашу (чем черт не шутит) объявят рассадником международного терроризма.

Постепенно проясняется, что скрываема опасность для мировой супердержавы произрастает из самого факта существования государства Российского. А посему, разрушив СССР, те же силы принялись разрушать Россию, разрушать всеми силами и средствами. Все в духе тех самых многочисленных планов. Они не скрывали расчета подавить СССР военной силой, в том числе ядерными ударами, но после создания советской атомной бомбы военные со своими страстями поутихли. На смену пришла длительная «холодная война». Не закончена она и сегодня, несмотря на громкие заявления об ее прекращении.

Изменен объект. Им теперь стала некоммунистическая Россия, преемница СССР. Правда, не сохранив его территориальной целостности. Расчленив Российскую Федерацию — вождельный замысел нового витка «холодной войны».

Вы говорите о планах. Стоит ли к ним возвращаться, если есть книга Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». В ней все сказано.

Кстати, о планах. Они не являлись большим секретом. В свое время многое было обнародовано и в советской печати. Наиболее полно в книге профессора Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР». К сожалению, плохо читали, особенно те, кто обязан был видеть надвигающуюся угрозу и противостоять ей.

М.М. На какие сроки планировалась «холодная война»?

Ф.Б. Глашатаем «холодной войны» явился Уинстон Черчилль, возвратившийся после окончания Второй мировой войны к своей давней мечте сокрушить коммунизм, призвав к войне со своим союзником по антигитлеровской коалиции Советским Союзом.

Вскоре в английских спецслужбах родился план под кодовым названием «Лиотэ», который не рассчитывал на скорую удачу. Цель ставилась нелегкой: подрыв государственного строя в СССР, проведение нелегальных акций с использованием всех методов и приемов тайной войны. Отсюда диверсионный характер «холодной войны». Для ее проведения создавались специальные органы в западных спецслужбах, способные обеспечить проникновение в страну, оказывать поддержку тем, кто готов был с ними сотрудничать. А поиск таких людей вытекал из смысла «тайных операций» директора ЦРУ Аллена Даллеса, их направленности: «...Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться

грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания».

М.М. Соответственно КГБ стал бороться с «идеологическими диверсиями», появилось 5-е Управление, которое вы возглавляли?

Ф.Б. Термин «идеологическая диверсия» не совсем точно отражал функции 5-го Управления. Его задачи впоследствии были определены более точно — защита конституционного строя. Так формулировал их Ю.В. Андропов. Конечно, 5-е Управление, защищая строй, не могло не вести и вело оперативную деятельность по срыву подрывных акций центров «холодной войны».

Чтобы успешно защищать строй, надо было знать обстановку в стране, и прежде всего в такой среде, которая не может изучаться с официальных позиций, то есть в среде нелегальной, скрытой от глаз общественности. Благодаря знанию скрытых процессов, удавалось избегать негативных проявлений, предупреждать кризисные ситуации, всякого рода нежелательные эксцессы, террористические намерения или сравнительно быстро находить их исполнителей.

Сегодня порой читаешь в прессе, что «КГБ был нужной организацией, но в ней лишним, дискредитирующим ее, было 5-е Управление». Что на это сказать? В органах контрразведки в любой стране есть подразделения аналогичные 5-му Управлению. Свой строй защищает всякая уважающая себя власть.

М.М. Выходит, Запад планировал насладиться результатами плана «Лиотэ» лет через пятьдесят? А что же наши власти, они планировали вечный мир?

Ф.Б. Да, строй оказался разрушен. Не стану вновь перечислять людей, сознательно разрушавших нашу Родину. Суд истории еще впереди, но думаю, что и сегодня им плохо спится. Но дело не только в них.

Одна из причин крылась в потере чувства реальной опасности «холодной войны». Слепая вера в непобедимость, в нерушимость строя, в монолитность советского общества. Вера эта не только сковала государственную мысль вождей, но прочно выросла в сознание большинства советских граждан.

Руководство партии и государства не желало видеть такой опасности, отмахивалось от информации о назревавших в стране

кризисных явлениях, о неблагополучии в межнациональных отношениях, о возраставшем недоверии населения к отрывавшемуся от народа руководящему звену партии и государства, о росте сил не-согласных с политикой, проводимой партией.

А это создавало почву, воспринимавшую западную пропаганду, порождало среду, готовую сотрудничать с проникавшими в страну эмиссарами и агентами специальных служб и антисоветских центров.

Руководителей сковывала боязнь обнажить возникавшие негативные процессы, в открытую бороться с ними. Взять, к примеру, националистические проявления в некоторых республиках. А они имели место и использовались спецслужбами Запада, поддерживались морально и материально. Но разве признает это украинское или узбекское руководство? Нет, у нас дружба народов! Так и другие. Конфликтовать с ними Москва не хотела. К тому же присутствовал и страх, как бы не обвинили в возврате к сталинизму.

Был такой случай. В середине 70-х годов в Политбюро ЦК КПСС были доложены выводы социологического исследования, проводившегося в Эстонии по инициативе 5-го Управления. Осуществляли его сотрудники Института социально-политических исследований Академии наук СССР совместно с эстонскими социологическими службами. Выводы неприятные, так как свидетельствовали о серьезных трещинах в межнациональных отношениях, о росте в республике сепаратистских тенденций.

Ю.В. Андропов внес предложение обсудить выводы на заседании Политбюро с участием эстонских руководителей. После «изучения» в аппарате ЦК КПСС все материалы были направлены в ЦК Компартии Эстонии для принятия мер. И приняли — сняли с работы опытного чекиста, военного журналиста, председателя КГБ Эстонии Августа Петровича Порка, принципиального человека.

Во что перерос сепаратизм в Эстонии, ныне известно. Это — не единственный урок для 5-го Управления. Его сотрудники догадывались, что у них возможностей оказаться крайними было предостаточно.

М.М. Можно сказать, что СССР уничтожили национализмы?

Ф.Б. Конечно, сепаратистские националистические тенденции в конечном счете сыграли не последнюю роль. Способствовали и другие процессы, в частности, раскол в партии (хотя и непризнанный), непродуманность и спонтанность многих решений, приведших к дестабилизации обстановки в стране.

Но мы все время говорим о политических причинах. Немалую роль сыграло и положение в экономике.

Эту тему нельзя раскрыть в кратком интервью. Экономика в СССР развивалась в сложных условиях. Гражданская война, борьба против интервенции в первые годы после революции привела к разрухе, к краху экономики. Потребовалось время для ее восстановления при жесткой экономической блокаде, в расчете только на собственные силы.

В этих условиях вряд ли возможно было удержаться без силовых акций, без насилия над объективными законами развития любой экономики: либо социалистической, либо капиталистической. Кстати, Ленин, как известно, не исключал возможности развития государства по пути государственного капитализма. Он считал, что госкапитализм в условиях советской власти — три четверти социализма.

Но для спокойного развития времени не было. Страна весьма мало имела мирных дней, а фактор грядущей войны был постоянным и требовал насилия над экономикой. Затем война 1941-1945 годов.

Сегодня ученые пришли к выводу, что экономика СССР во время Второй мировой войны работала в несколько раз эффективнее, чем в Германии, Англии, США.

Экономика выдержала и сыграла решающую роль в победе.

Но потом — восстановление разрушенного. Восстановили промышленный потенциал, создали, по существу, заново экономическую базу, решили основную задачу укрепления обороны (атомная бомба). Появилась возможность раскрепостить сельское хозяйство, позволить ему не только отдавать, но и потреблять для своего развития производимый продукт.

Обнародованная после смерти Сталина «программа Маленкова» (он стал Председателем Совета Министров) предусматривала плавное исправление перекосов в развитии промышленности в пользу производства товаров народного потребления за счет сокращения расходов так называемой группы «А», прежде всего на оборонную продукцию, ни в коей мере не ослабляя военной мощи государства.

Речь Маленкова на очередной сессии Верховного Совета СССР в 1953 году с изложением взгляда на дальнейшее экономическое развитие страны в обществе нашла широкое одобрение.

Но исполнение требований программы не пошло гладко. Речь Маленкова была в мае, а в сентябре на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем докладе, изложив программу развития сель-

ского хозяйства, по существу, перечеркнул предложения Маленкова. С этого Пленума время продуманных, обоснованных мер развития экономики закончилось. На смену им пришли скоропалительные волюнтаристские решения.

Н.С. Хрущев повел ошибочную линию на сплошное огосударствление кооперативной собственности. Колхозы превращались в совхозы, промысловая кооперация ликвидировалась, запрещалось содержание индивидуального скота, введена денежная оплата труда в колхозах, независимая от его результатов, разрушена созданная многолетними усилиями агротехническая основа ведения сельского хозяйства. Вершиной волюнтаризма стало освоение залежных и целинных земель, потребовавшее переселения массы людей на новые земли и лишавшее производителей на исконных землях Центральной России.

Новшества касались не только сельского хозяйства, но оно пострадало настолько серьезно, что уже не может восстановиться и по сей день.

Испуг волюнтаризмом привел к бездействию в последующие годы. Попытки Косыгина вдохнуть жизнь предложенной им экономической реформой не встретили понимания. Благо накопленного за предыдущие годы хватало для сносной жизни.

А затем наступила пора перестройки. Ее итоги всем известны. Экономика великого государства разрушена окончательно.

Таким образом, отвечая на вопрос о причинах распада Советского государства, необходимо рассматривать проблему в комплексе. Тогда виднее и виновники случившегося. Одно могу сказать, что не социализм потерпел поражение, а практика его строительства в СССР. Волюнтаризм, как и застой, при всех благих желаниях его зачинателей, стал неизбежным, так как идеология коммунистической партии к тому времени потеряла основу — научную теорию. Не секрет, что после Ленина, с натяжкой — после Сталина наука о коммунистическом строительстве, о путях развития социализма застыла, отлилась в догму.

Лидеры партии, зовя возвратиться к Ленину, превратили этот зов в лозунг. На деле все проекты построения коммунизма зиждились на песке. Объективная необходимость, законы общественного развития требовали глубокого овладения и осмысления коммунистической теорией. Теоретиком стал выступать очередной генсек, имевший отдаленное представление о сути научного наследия о коммунизме. Не случайно Ю.А. Андропов поставил вопрос о необходимости возврата именно к Марксу, научным основам коммунистической идеологии.

М.М. Но мог ли Андропов реально что-то изменить? Не стал разрыв между руководством страны и обществом уже непреодолимым?

Ф.Б. Что было, то было. На определенном этапе отрыв руководящего звена от реальной жизни стал заметен. Появилось немало руководителей, для которых служение общественному долгу не стало главным содержанием их деятельности. Люди, конечно, не могли не видеть пренебрежения их интересами.

Характерен, пожалуй, такой эпизод. В середине 70-х годов в Москве обнаружилась довольно большая (свыше 400 человек) группа граждан, ожидавших годами решения их нужд в центральных органах власти, куда обратились с жалобами.

Они стали добычей английских корреспондентов, быстро нашедших среди них активистов, согласившихся объявить создание «Независимых профсоюзов по защите интересов трудящихся». Провокация удалась англичанам. Но основа-то надуманной не была.

Сотрудники 5-го Управления не могли остаться в стороне. В приемную КГБ СССР пригласили 100 человек, выслушали их и направили перечень высказанных просьб в ЦК КПСС. Состоялось решение, и после 10-дневного срока все, о чем просили люди, нашло удовлетворение.

Воодушевившись, подготовили вторую записку, но она не встретила одобрения. Тогдашний заведующий Общим отделом ЦК КПСС К.У. Черненко усмотрел со стороны КГБ покушение на прерогативы ЦК. Чего, мол, они жалобами занимаются. Люди продолжали обивать пороги.

Проявление недовольства выражалось и в возникавших время от времени массовых беспорядках в различных городах страны. В 1957—1967 годах они случались ежегодно. Их участники вымещали зло чаще всего на милиции, но нередко громили и райкомы, и горкомы партии. Виновных за допущение такого рода эксцессов, конечно, находили, но от выявления и устранения глубинных причин, их порождавших, уходили.

М.М. Изменилось ли что-то в годы перестройки?

Ф.Б. Хуже стало. И не могло быть по-другому, так как сама власть разрушила систему управления государством, не предлагая ничего кардинального. Нельзя же принимать всерьез лозунг «дозволено все, что не запрещено законом» или обращение к донецким шахтерам: «Бейте по штабам, мы вас поддержим». Бить стали. А чего добились?

М.М. Как вы относитесь к версии, что Андропов привел в Москву Горбачева?

Ф.Б. Как к версии. Знаю доподлинно лишь то, что после избрания Генеральным секретарем Горбачев практически не упоминал Андропова и не желал упоминания его имени другими.

М.М. Как вы прокомментируете утверждение, что Андропов делал ставку на работников спецслужб, например, на Алиева и Шеварднадзе.

Ф.Б. Нет, Алиева рекомендовал Цвигун. Он хорошо знал Алиева по Баку, где работал председателем КГБ, дружил с Брежневым. Кстати, Алиев попал на пост первого в Азербайджане по делу. Он действительно начал борьбу с коррупцией. По тому времени это был не такой уж простой ход. О сегодняшнем Алиеве ничего сказать не могу, это уже другая история... А Шеварднадзе никогда не имел отношения к спецслужбам.

М.М. Как вы относитесь к недавним высказываниям Алиева и Шеварднадзе, что они, будучи в Политбюро, боролись с режимом?

Ф.Б. Сегодня каждый лакирует себя. Но и в их государствах горя еще будет немало...

М.М. Россия не удержится на Кавказе?

Ф.Б. Боюсь, что не только на Кавказе.

М.М. Вы имеете в виду экономический сепаратизм?

Ф.Б. И политический тоже. По какой схеме разваливался СССР? Сперва прибалты потребовали «республиканский хозрасчет», затем — покатилося.

М.М. Значит, Российская Федерация превращается в рыхлую конфедерацию земель и республик? В конце концов, были же Римская империя, Византия, Британская империя, Австро-Венгерская...

Ф.Б. Да, этот процесс наметился. Слава богу, пока что его нельзя назвать необратимым. Хочется надеяться, что новая Государственная дума окажется способной удержать территориальный распад России. А это многое значит для будущего российской государственности, укрепления федерации, сплочения народов России.

Примечание. Напечатано в журнале «Российский кто есть кто» № 6, 1999 год. Читатель заметит повторы. Они неизбежны, ибо рождались вопросами, беспокоившими автора все эти годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и свою книгу «КГБ и власть», хочется завершить главой «Взгляд в будущее».

Это не значит, что раздумья по части прошлого покинули автора. Как писал великий Тарас Шевченко: «Думы мои, думы мои, лихо мени з вами».

Но все-таки о будущем. И прежде всего о будущем России. И зависит оно от главного — сохранить Россию как единое государство, в границах входившей в состав СССР Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР).

Прошедшие полтора десятка лет показали, что надежды восстановления СССР, увлекавшие многих бывших граждан великой страны, остались надеждами. Их воплощению в жизнь противостояли силы, разрушавшие Советский Союз извне и активно содействовавшие этому процессу борцы за демократию и национальную идею внутри страны.

Но разрушителям извне распад Советского Союза — только первый шаг к тому, чтобы осуществить вековую мечту и цель: убрать вообще Россию с политической карты мира.

Не стану повторять того, о чем многократно говорил и писал, а ныне собрал в этой книге.

Но в одном повторюсь. Практически к концу 90-х годов было сделано немало, если не все, для того, чтобы Российскую Федерацию, как новое государственное образование после развала СССР, если не разрушить путем суверенизации регионов, то превратить в конфедерацию. Ведь это было закреплено почти законодательно. После известного призыва президента России Бориса Ельцина брать «сколько можешь проглотить» суверенитетов, он же ввел практику федеральные договоры. Причем не только для национальных регионов, устремившихся к созданию суверенных государственных структур, но и для коренных российских краев и областей. Эти договора породили настроения создания Дальневосточной, Уральской, Восточно-Сибирской и других республик. Национальные же республики приступили к принятию законодательных актов, делающих их независимыми от федерального центра. В ряде республик

были приняты законы о преимуществах местного законодательства перед федеральными законами. По существу, это был четкий переход к конфедерации. В те годы дальше всех в утверждении своей независимости от центра пошла Республика Татарстан, а вслед за ней и Чечня, вновь избранный президент которой генерал Дудаев объявил вообще о выходе этой республики из состава России.

Не стану говорить, кто и как из лидеров политических партий и государства относились к происходившему. Но Западу явно симпатизировал такой процесс развития демократии, и он много делал в целях его поощрения.

Повторюсь и в другом. Развал России предотвратил пришедший на смену Ельцину Владимир Владимирович Путин. Заслуга нового президента неопределима. Ему удалось сохранить территориальную целостность России, укрепить федеральную власть, прекратить процесс суверенизации регионов. О том, как далеко зашла суверенизация, свидетельствует война в Чечне, где внешним силам удалось создать наемную армию, выступающую под лозунгом борющихся за независимость сепаратистов. Хорошо, что в России понимают роль наемников и сил, поддерживающих их, в стране нет.

Но это не значит, что цель расчленения России снята с повестки дня. И если говорить о будущем, то противостояние этой цели будет по-прежнему занимать далеко не последнее место в политике государства.

Не углубляясь в далекую историю походов на Россию, последнее время под флагом борьбы с коммунизмом, нельзя не вспомнить сказанное великим русским философом Иваном Ильиным в 1948 году: «Мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» — российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим карьеры, на «процветание», врагам России на торжество».

Ныне живем именно в послебольшевистское время и можем свидетельствовать о дальновидности Ильина.

Коммунистической «империи зла» не существует, но Россия покоя не дает.

Еще 17 июля 1979 года конгресс США принял резолюцию, постановив ежегодно отмечать «неделю поработанных наций». Она стала законом, обязывающим президентов США ежегодно под-

тверждать задачу США освобождать жертвы политики коммунистической России, создавшей огромную империю, угрожающую безопасности США и всем народам мира.

Она (резолюция) не отменена и ныне, видимо, потому государственность получили лишь нации союзных республик. А назывались еще и «Казакия», и «Идель-Урал», то есть все, кроме русского народа. Так что не в коммунизме дело.

И нельзя не вернуться к Ильину. В упомянутой уже статье «Что сулит миру расчленение России» он писал: «Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов», мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония — на дальневосточные берега и т.д.). Россия превратится в гигантские «Балканы».

И далее: «Сколько племен, столько государств». Это есть новозобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленив единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру».

Это и есть резолюция конгресса США 1979 года.

В настоящее время она осуществляется не только призывами, а лежит в основе практической внешней политики Соединенных Штатов Америки и их союзников, прежде всего входящих в НАТО. Показательно, что наряду со стремлением к расчленению России осуществляется политика панъевропейского объединения.

Посему главное в будущем видится в необходимости сплочения сил общественных, политических, интеллектуальных для борьбы, именно борьбы, за сохранение единой многонациональной России. Особенно важно объединить молодые поколения, не допустить в этой среде роста межнациональной розни.

Не последнюю роль в сплочении сил, стоящих за единую Россию, должна сыграть Русская Православная Церковь.

Естественно, что фундаментом создания единого государства, помимо общественных, служат производительные силы. Шаги, сделанные в последние годы по развитию тяжелой промышленности, укреплению обороноспособности, крайне актуальны. Хотелось, чтобы они воплотились в реальность, ибо накопленный в советские годы экономический потенциал на исходе.

Конечно, размышляя о будущем, постоянно не уходит мысль о сущности нового государства, о необходимости выработки его идейной основы. Отрицать идеологию в государственной политике невозможно. Это подтвердила и практика последних полутора десятков лет. В принципе видится основой экономики России государственный капитализм. Вряд ли без государственного регулирования можно поднять экономику. Об этом свидетельствует и опыт ведущих капиталистических держав мира. В частности, США в 30-е годы, Англии и Японии после Второй мировой войны.

Из этого следует, что речь не идет о реформировании, о возрождении России. Цель очевидна: строительство новой России, с ее укладом жизни, явно отличающимся и ныне как от европейских, так и азиатских государств.

Важнейшая задача — поднять уровень жизни подавляющего большинства россиян, и особенно живущих в исконно русских регионах. Развивать эту тему вряд ли стоит. Но скажу об одном: среди самых актуальных мер есть мера по борьбе с коррупцией, которая сегодня стоит баррикадой на пути практического осуществления государственной политики.

И еще. Говоря о бедности россиян, невозможно умолчать о массе беспризорных детей и неустроенной молодежи. А они ведь взрослеют, но жизнь свою формируют вне государственных и общественных рамок. И это опять — роль государства. Владелец частных предприятий, даже олигарх, в помощи беспризорной молодежи устроить ее жизнь не заинтересованы.

Пожалуй, не стоит уходить в детали. Закончу своей верой в то, что Россия не только сохранит себя, не даст восторжествовать тем, кто стремится к ее развалу, и вновь займет место великой державы мира.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный секрет Филиппа Бобкова (<i>Вместо предисловия</i>)	3
От автора	5
Площадь Дзержинского и Старая площадь	7
Кадровый переворот. Заметки об одном поколении (Хрущев, Брежнев и Шелепин)	33
Роковые иллюзии	42
Почему проиграли «холодную войну».	
Беседа с Александром Бондаренко	51
Почему проиграли «холодную войну». Дополнение	66
И КГБ, и ГРУ сигнализировали об опасности.	
Беседа с Мариной Характеровой	75
Интервью на радиостанции «Эхо Москвы» 11 июля 2005 года	80
О 5-м Управлении КГБ, и не только о нем.	
Интервью главному редактору газеты «Мир новостей» Николаю Кружилину (№ 50 от 9 декабря 2000 г.)	93
Благодаря спецслужбам удалось избежать гражданской войны в СССР. Интервью с К. Приваловым	103
Вспоминая Гегеля	113
5-е Управление предотвратило карательную политику государства. Выступление на встрече ветеранов 5-го Управления КГБ СССР (1997)	122
Как боролся с террором КГБ СССР	127
Финал диссидентства	139
О Юрии Андропове	153
Как Сталин восстановил Патриаршество	178
Похороны Сталина	180
Что было в Тбилиси 5—10 марта 1956 года	183
Александр Казем-Бек и Бенито Муссолини	189
Признание следователя по особым делам КГБ СССР	192
А терроризм ли? (Журнал «Бизнес и безопасность в России» № 5-6 1999 г.)	195
Спецслужбы в XXI веке, или Снова о чистых руках, холодной голове и горячем сердце	202
Терроризм и антиглобализм. Интервью с Игорем Ленским	208

Глобализм, госбезопасность и национальная идея	215
Как противостоять? Вступительная глава книги «Современный глобальный капитализм»	220
Мы знали: будет праздник и на нашей улице	228
Из статьи «Уверенность в победе, решимость в бою»	233
«Долина смерти»	238
Мы не забудем	245
«Наша победа спасла народы Европы от физического уничтожения». Беседа с военным обозревателем РИА «Новости» Виктором Литовкиным	252
Есть обстоятельства, когда воевать надо	263
Надежде не обязательно умирать. Даже последней	276
Мистификация Южная Осетия: кто играет на трагедии народа?	281
Судьба первопроходцев (журнал «Жизнь национальностей» № 1, 2005 г.)	286
«Кузбасс я пронес в сердце через всю жизнь». Беседа с Игорем Ленским	295
Свой строй защищает всякая уважающая себя власть. Беседа с Михаилом Макеевым	306
Заключение	314

Бобков Филипп Денисович

ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

*Записки начальника
политической контрразведки*

Художественный редактор *С.Н. Якубовский*
Корректоры *Г.А. Голубкова, Т.Г. Люборец*
Верстка *И.Д. Петровской*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02. 953.Д. 000614.02.06
от 02.02.06 выдано Федеральной службой по надзору
в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Подписано в печать 26.10.06. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20+1,5 вкл.
Тираж 3000 экз. Заказ 3884.

ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово — РС».
125009, Москва, ул. Тверская, д. 9/17, стр. 5.
Тел.: (495) 629-75-06, 629-36-15, 355-70-69.

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел., (8.72, 72-55-3,, 72-6L75.

ISBN5-94853-649-1

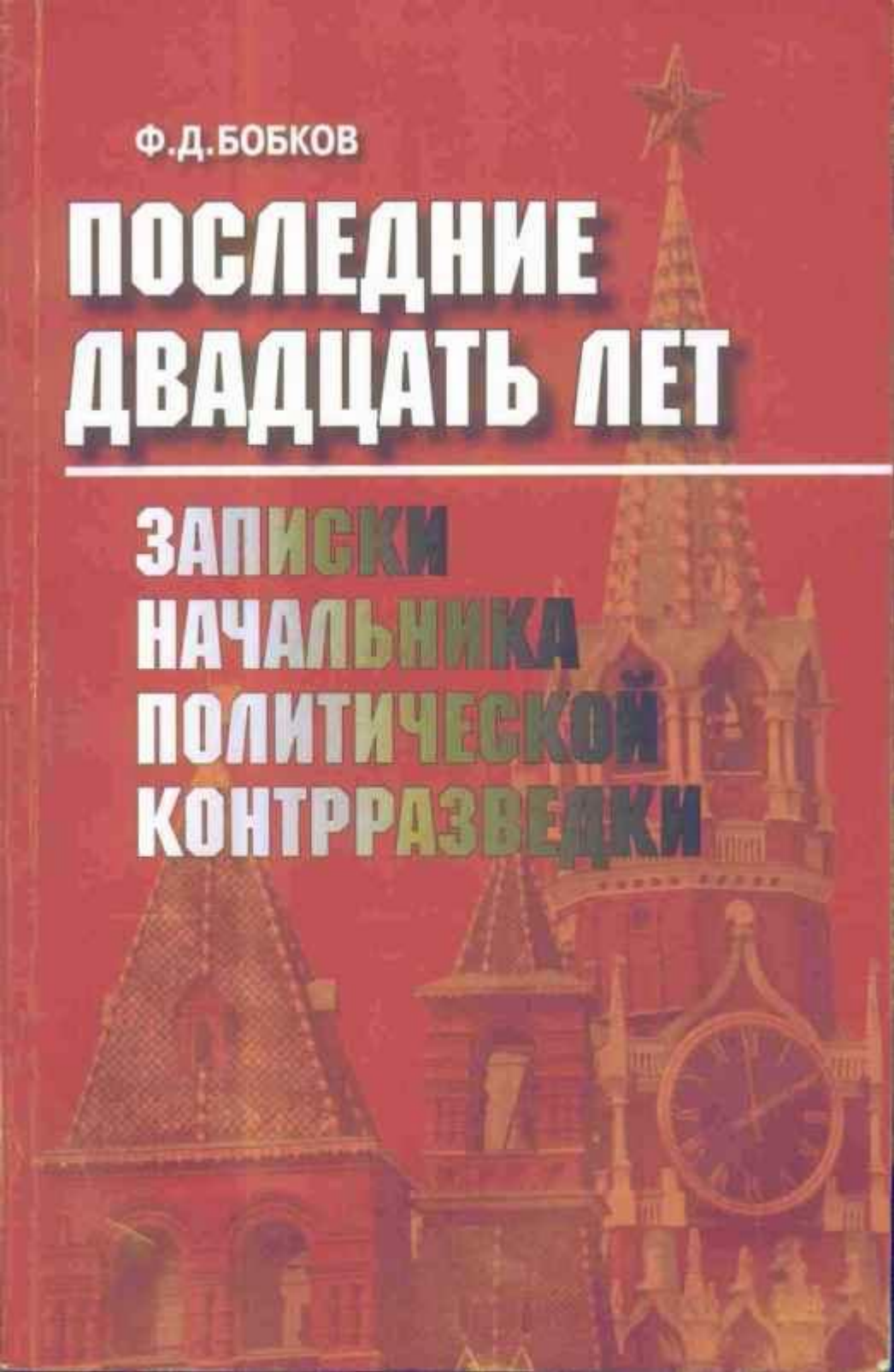

Ф.Д. БОБКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

ЗАПИСКИ
НАЧАЛЬНИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНТРАЗВЕДКИ

Книгу можно назвать сенсационной.
Ф.Д. Бобков – знаменитый чекист, работал с Ю.В. Андроповым, был начальником Пятого управления КГБ СССР (политическая контрразведка) и первым заместителем председателя КГБ СССР, генерал армии в отставке. Будучи одним из высших должностных лиц, защищавших советский государственный строй, Ф.Д. Бобков дает ключ к исторической загадке XX века, которая заключена в великой и трагической судьбе СССР (России).

«РУССКОЕ СЛОВО»